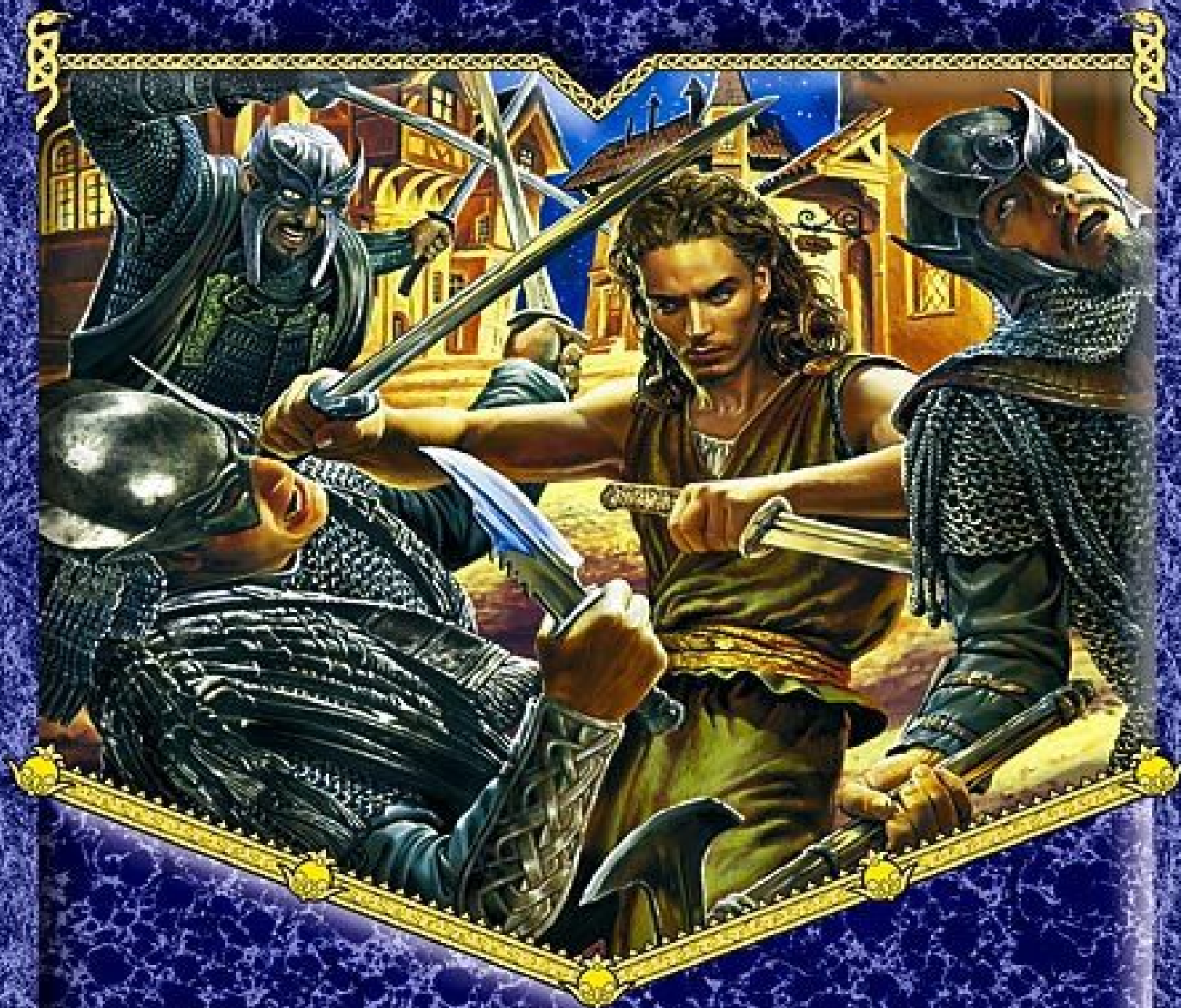

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Иар ЭЛЬТЕРРУС

**БРЕМЯ ИМПЕРАТОРА
ТРОПОЙ МАСТЕРОВ**

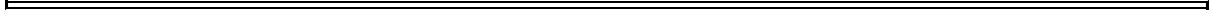
ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Что делать, если волей Создателя ты рожден в империи, где никто не знает императора в лицо? Где императором может оказаться любой встречный бродячий горшечник, старьевщик из лавки на углу или хорошо знакомый трактирщик дядюшка Повит. Где магия привычна и повседневна. Что делать, если ты молод, за душой ни гроша, только титул, два меча, боевое мастерство и мечта сделать в жизни что-нибудь важное, что-нибудь нужное людям? Возможно, просто следовать своей судьбе? Ведь она вполне может дать тебе крылья, может помочь найти настоящих друзей и настоящую любовь, может заставить познать то, что знают очень и очень немногие. И даже способна сделать тебя исполнителем древнего пророчества...

- [Иар Эльтеррус](#)
 - [1. Скоморох](#)
 - [2. Урук-хай](#)
 - [3. Аристократ](#)
 - [4. Эльф](#)
 - [5. Путник](#)
 - [6. Заговор](#)
 - [7. День ангела](#)
 - [8. Слово кузнеца](#)
 - [9. Исповедь](#)
 - [10. Пьяный путь](#)
 - [11. Вуаль тайны](#)
 - [12. Точка разлома](#)
 - [13. Право палача](#)
 - [14. Путь монаха](#)
 - [15. Рабство](#)
 - [16. Рождение мечей](#)
 - [17. Военный совет](#)
 - [18. Испытание](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Иар Эльтеррус

Бремя императора: Тропой мастеров

*Послушай, брат, пред нами мир
Звенит сплетением путей,
Чтоб не увязнуть в пустоте,
Один из множества прими.*

*Есть в их числе дорога зла,
И путь покоя и тепла,
И поиск гордой правоты,
И свет всесилия мечты,*

*Есть путь закона и клинка,
И скорбный путь еретика,
И долг пророка – жечь сердца
И чудотворный дар певца.*

*Тропа войны – остыть в крови,
И путь спасительной любви,
Дорога веры, жажда знать...
Что толку все перечислять?*

*Послушай, брат, дано судьбой
Живущим право выбирать
Стезю и цель, мечту и боль,
И выбор истиной считать.*

*Но как понять – где свет, где мрак,
Кому сподвижник ты и враг?
Как различать добро и зло,
Попавшись в сети мудрых слов?*

*Ведь проповедники сильны
У той и этой стороны.
Кого отринуть, что принять?
Как трудно это – выбирать!*

*Какую цель назвать своей,
Когда вопроса нет важней?
Ни слов не слушайся, ни цен -
Судить по средствам стоит цель.*

Полина Черкасова (Мисти)

1. Скоморох

Легкий весенний ветерок гулял над просторами Элиана. Он весело пытался сдуть сено с подвод усталых крестьян, приподнимал подолы юбок взвизгивающих от такой бесцеремонности девушек, перелистывал страницы забытых книг. Да и то, разве в такую погоду за книгами усидеть? Куда там! Школяры и студюзусы так и норовили удрать от строгих преподавателей и повеселиться на славу, на что те часто закрывали глаза, вспоминая собственную молодость. Куда только не залетал этот ветерок! От жаркого Форт-Астара на границе с Великой Степью до холодного Сартидара на Орванском перешейке проносился он, по всем просторам древней империи, и везде озоровал. Чаще всего люди смеялись шалостям летнего ветерка, но находились и сердитые личности, которые злобно ругались, когда он сдувал им шляпу или трепал волосы. Что ж, бывает. Люди на этом свете живут очень разные, никогда не поймешь чего ждать от человека, пока не съешь с ним вместе пуда соли.

В главном порту Тарсидара, торговой столицы Элианской империи, ветерок развеивал и дергал штандарты сотен кораблей со всех концов страны. Однако здесь были не только элианские барки, шхуны и бриги. Частенько зеваки могли видеть кургузые галеоны Карвена, быстрые и узкие ландеры Нартагаля, огромные, четырехмачтовые, а то и пятимачтовые грузовозы Даркасадара. Раза два в месяц заходили даже черные броненосцы орков, но их в Элиане, несмотря на союз, заключенный еще Завоевателем, не слишком любили, и всеми силами эту нелюбовь демонстрировали. Краснолицые, клыкастые уроды отвечали элианцам тем же и старались без крайней необходимости не заходить в порты империи.

У десятого причала пришвартовалась небольшая шхуна, пришедшая с Манхена, соседнего материка, почти превратившегося в элианскую колонию. Лет триста империя без особой спешки присоединяла к себе земли варваров, а вожди варварских племен становились элианскими аристократами. Их никто не притеснял, наоборот – предоставлялись все возможные льготы. На новые земли хлынул поток переселенцев, многие надеялись найти там свое счастье – с переселенцев целых пятьдесят лет не брали налогов! Кто-то находил это самое счастье, кто-то погибал в стычках с дикарями и

хищниками, кто-то умирал от голода и холода.

Элиан надвигался на Манхен с каждым годом все упорнее и упорнее. Имперские маги-инженеры прокладывали прямые каменные дороги между городами и селениями колонии, гвардейские полки под руководством горных мастеров боевого братства приводили к покорности дикарей, не пожелавших добровольно стать имперскими подданными. Но даже в последнем случае оставшихся в живых не ограничивали в правах.

– Куда прешь?! – рявкнул на попытавшего сойти на берег со шхуны долговязого молодого человека портовый стражник. – Погоди, сейчас господа таможенники подойдут, потом сойдешь.

– Ты это мне, воин? – удивленно спросил юноша.

Только тут стражник обратил внимание на потертый пояс путешественника и выругал самого себя за невнимательность. Судя по цветам и золотому шитью, сынок кого-то из манхенских варварских царьков, ставших высокими лордами. Но оттого – не менее опасный, ведь по законам Элиана юнец – полноправный младший лорд империи, которых обычно называли светлыми, и имеет полное право собственноручно наказать оскорбившего его простолюдина. Не до смерти, но получать зуботычины пожилому стражнику вовсе не хотелось.

– Простите, молодой господин! – низко поклонился он. – Не судите строго, не досмотрел, что вы светлый лорд. Добро пожаловать в Тарсидар! Но по закону вы обязаны зайти к префекту таможни...

– Знаю! – скривился юнец. – Прошу тебя об услуге, воин. Подскажи недорогой трактир. Чтобы кормили неплохо и комнату снять можно было.

Стражник усмехнулся себе в усы – доводилось уже встречаться с уроженцами Барталадарских гор, и он прекрасно знал, что денег у горцев мало. Этот, хоть и сын высокого лорда, ничем от своих соплеменников не отличается, такой же нищий. Он снова внимательно оглядел юношу. Невероятно носат, нос походит скорее на кривой клюв коршуна. Серые глаза спокойны и ироничны, наивные провинциалы так не смотрят. Да и красив, девушки на таких заглядываются, даже нос его не портит. Двигается как дикий кот, сразу видно, что горный мастер.

Стражник поискал глазами черный шнурок на левом плече

горца, нашел его на положенном месте и удовлетворенно кивнул. Запрещено мастерам боя ходить без шнурка, еще первым императором запрещено. Потом взгляд упал на обтянутые шершавой кожей мерха^[1] рукояти картагов, торчавших из-за плеч юноши. Они тоже сказали о многом. Продав один такой меч, вполне можно купить десяток трактиров вместе со всем их содержимым. Только вот не найдется безумца, способного продать картаг. Эти мечи – живые, каждый ученик горного мастера кует свое оружие сам под надзором учителя и мастера-кузнеца боевого братства. Так что с самого рождения меч неразрывно связан с владельцем. Украсть живой меч после проведения всех обрядов не мог никто, вор умирал в страшных муках, а клинок возвращался к хозяину. Тем или иным образом, но возвращался всегда.

До сих пор стражник видел два картага только у одного человека, у старшего наставника боевого братства, Элоиза Кертала. Но старик занимает самую верхнюю ступень в боевой иерархии Тарсидара, а тут вдруг юнец с двумя призрачными мечами. Удивительно. Кто он? Мастер двумечного боя? Такой молодой? Мальчишке ведь никак не больше восемнадцати, ну, может, двадцати лет. Что ему понадобилось в торговой столице? Обычно подобные ему в Тарсидаре не задерживаются, им всем в Элиандар надо, ко двору канцлера.

– Дык, дело житейское, молодой господин, – степенно ответил пожилой воин. – Найдется, конечно. Вы на южную окраину подите, там энтих трактиров, как грязи. Но как по мне, лучше «Пьяного борова» найти трудно. Какая свинина там! А эль какой... Эх! У тамошней хозяйюшки руки золотые.

– А где таможня?

– Да вон тот здоровенный домина. Спросите на входе префекта Корфина, он приезжими господами ведает. Все сделает, как надо. А как в трактир придете, скажите хозяину, папаше Дорфиту, что вас к нему старина Мерт послал.

– Спасибо тебе, воин! – улыбнулся юноша, перекинул котомку через плечо, едва не задев рукоять одного из мечей, и зашагал в сторону таможни.

Стражник долго смотрел ему вслед и задумчиво покачивал головой. Почему-то казалось, что скоро он об этом парне еще

услышит, такие неизвестными не остаются. Или очень быстро гибнут. Приятно, к тому же, что удалось кое-что выгадать. Коли юнец доберется до «Пьяного борова», папаша Дорфит стражнику за молодого лорда добрый десяток кружек лучшего эля бесплатно поставит.

Ну, вот! Детская мечта сбылась. Метрополия! Лек торжествующе рассмеялся, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Какое ему дело до них! Пусть себе смеются. Юноша жадно смотрел на высокие дома за пределами порта. Вдалеке виднелся шпиль императорской башни, возвышающейся на добрых шестьсот локтей, освещающей по ночам город. И это только второй по значимости город империи? Какова же тогда столица, знаменитый на весь мир белокаменный Элиандар? Впрочем, чего гадать, отсюда он отправится именно туда. Сам все увидит. Вспомнив рассказы учителя манер, мэтра Менхема, Лек насмешливо фыркнул. Если верить этому старому чудаку, в великом городе едва ли не золотом мостовые вымощены, а люди добры, мудры и справедливы. Но это он явно нафантазировал, люди остаются людьми – хоть в горном селении, хоть в столице. Всегда найдется какая-нибудь сволочь, портящая жизнь окружающим.

Дома Леку ар Сантену, младшему сыну высокого лорда, ничего, кроме титула, не светило, да и особым богатством его отец не отличался. В молодости он был вождем небольшого племени Легконогих и одним из первых принес клятву верности императору, став высоким лордом Элианской империи. Причина такого поступка оказалась очень проста, хотя знали о ней только ближайшие родственники, предпочитавшие не распространяться о неприятном прошлом. Небольшому роду грозило полное уничтожение – огромный племенной союз Гремящих ополчился на него и объявил кровную месть из-за мелкой обиды. Войну на уничтожение.

Повезло, что очень кстати подошедшие к самым Барталадарским горам имперские полки решили для начала разослать послов, а не сразу атаковать. Гремящие гордо отказались переходить под руку какого-то там неизвестного им императора, зато молодой вождь Легконогих с радостью ухватился за предоставленную возможность стать подданным сильного владыки. И где теперь те Гремящие? И памяти о них не осталось – имперцы выступили в защиту нового высокого лорда и без особого труда перебили горцев.

Поняв, что столкнулись с силой, бороться с которой не в состоянии, остальные племена тоже принесли Элиану клятву верности. Но поскольку Легконогие оказались первыми, только их вождь получил титул высокого лорда и по имперским меркам стоял в бархатных книгах много выше вождей больших и богатых племен, ставших обычными баронами, графами и виконтами. Это, понятно, безмерно их раздражало и вызывало зависть, а порой и ненависть. Но покушаться на привилегии высокого лорда? Надо быть безумцем – он имел право позвать на помощь не только войска императора, но и самих эльдаров. Однако за полторы тысячи лет существования Элианской империи такое случалось всего дважды, ведь рыцари престола судили беспристрастно, наказывая только виновных. Даже если виновной оказывалась вызвавшая сторона.

Несмотря на титул, бывший вождь маленького племени, а ныне высокий лорд Кетван ар Сантен, остался почти нищим. Что у него и было-то? Разве что родовой замок, созданный имперскими магами-инженерами из высокого пика. Да стада коз и овец. Правда, в последнее время, после начала разработки месторождений самородного серебра неподалеку от замка, положение начало понемногу выправляться, но до богатства роду ар Сантен было еще очень и очень далеко. Порой семья лорда питалась тем же, что и окрестные пастухи, – козьим сыром, тертыми лепешками, мелким чесноком и кислым элем, который варили из диких злаков. Кроме горцев, пить его не мог никто, у непривычного к этому питью человека оно могло вызвать рвоту, а то и отравление.

Поначалу свободные племена трудно привыкали к новой жизни, хотя их свободы никто не ограничивал, только обязали соблюдать Уложение. Так называли свод законов элианской империи, основу которых заложил еще первый император, Элиан Завоеватель. Каждый последующий император добавлял в них что-нибудь свое, но суть осталась неизменной. Иноземцев Уложение изумляло – каждый подданный империи обладал правом на жизнь и свободу, рабство было строжайше запрещено, за попытку закабалить человека виновного ждала казнь вне зависимости от социального статуса. Власть аристократов была жестко ограничена, и многих из них это сильно раздражало. Но умные люди предпочитали ограниченную власть в огромной империи, раскинувшейся на две трети мира, а не абсолютную в маленькой странишке, которую мог легко захватить любой из соседей.

Младшие сыновья бесчисленных аристократических родов охотно шли служить в гвардейские полки. Вскоре после аннексии Манхена их примеру последовали многие из молодых горцев. Они уходили в лучшие подразделения имперской армии и часто достигали высокого положения, считая честью служить самому могучему вождю мира.

На поиски своей судьбы отправился и младший сын высокого лорда Кетвана ар Сантена.

Лек, насвистывая незатейливую мелодию, вышел за ворота порта и довольно потянулся. Формальности оказались настолько простыми, что он справился за четверть часа. Пожилой, но жизнерадостный чиновник, назвавшийся префектом Корфином, просмотрел документы молодого аристократа из колонии, внес его имя в книгу новоприбывших и сообщил, что Лек обязан поступить на службу в случае войны. Юноша узнал также, что горным мастерам запрещено ввязываться в дуэли, и это ему совсем не понравилось. Но префект прав: если носящий шнурок выйдет против обычного человека, то дуэль превратится в откровенное убийство. О боевом искусстве горных мастеров ходили легенды, и не зря. Хотя Лек был пока только младшим мастером, справиться с ним в одиночку не смог бы никто из элитных гвардейцев империи. Впрочем, префект указал, что если светлого лорда намеренно оскорбят, и тому найдутся свидетели, он сможет драться. И намекнул, что правил почти никто не соблюдает.

Молодой горец не спеша двигался по улице, с интересом разглядывая разномастные дома. Припортовый район был не из богатых, но и не из самых бедных. Лек даже слышал, что нищих в метрополии вообще нет, что никто здесь не голодает, только поверить в это не мог. С какой стати императору кормить бездельников? Юноша привык, что каждый должен работать, если хочет что-нибудь получить. Даже дети высокого лорда пасли стада летом и разгребали снежные заносы зимой. Попробовал бы кто-нибудь из них только заикнуться, чтобы вместо него работали слуги. Отец бы лентяю такого прописал, что месяца два на животе спать пришлось бы. Нет, попавшим в беду помогать нужно, обязательно нужно. Но не позволять же им садиться себе на шею? Нет, ни в коем случае.

Кто-то толкнул его и выругался, Лек даже не понял кто, толпа вокруг стала настолько плотной, что он с трудом продирался сквозь

нее. Юноше было несколько не по себе от такого многолюдства, он, конечно, бывал в городах Манхена – Париадаре, Юриэне и Хансалане, но такого там не встречал. Делать им здесь, что ли, нечего? Когда и работают-то?..

Внезапно чьи-то ловкие пальцы попытались срезать кошелек Лека, но юноша резко схватил вора за руку: худой, черноволосый мальчишка, одетый на удивление хорошо.

– Не-а... – усмехнулся горец. – Не получится. Монетку дам, коли есть хочешь, а на все рта не разевай.

– Ты чо! – рванулся в сторону мальчишка. – Отпусти!

– Отпущу. Только глаза разуй: я горный мастер...

– Бреешь! – вытаращился малолетний вор. – Мастера – они все старые!

– А это видал? – показал Лек на свисающий с плеча плетеный черный шнурок.

– Ни дорхота себе! – почесал в затылке свободной рукой мальчишка. – Простите меня, недотепу, уважаемый! Недоглядел.

– В следующий раз влетишь. Не все такие добрые, как я...

Лек отпустил воришку, и тот растворился в толпе. Юноша фыркнул про себя, вспомнив легенды, ходившие про наставников боевого братства империи. Придумают же! Как-то раз он пересказал учителю несколько случайно слышанных баек, и тот улыбнулся, чем потряс рассказчика до глубины души. Никогда до тех пор Лек не видел улыбки мастера Тарвона.

– Купите сыр, молодой господин! – завопил кто-то над самым ухом. – Самый лучший сыр в Тарсидаре!

Раздраженно отмахнувшись от настырного торговца, Лек двинулся дальше. Одна улица сменялась другой, юноша глазел на особняки и дома обеспеченных горожан. Хотя по понятиям Лека самый бедный из здешних жителей на его родине показался бы богачом. Все вокруг были одеты в добротные шерстяные костюмы. Порой довольно поношенные, но все еще крепкие. Ни одного нищего в рвань... Неужели в метрополии и в самом деле нет попрошайек? На многих прохожих он видел разноцветные плащи и узорчатые пояса, не похожие, конечно, на шитые золотом и серебром пояса

аристократов – за такую наглость можно было и палок получить. Аристократов тоже встречалось немало. Улицы патрулировали отряды городской стражи в синих плащах с символами наместника провинции, герцога ар Давада. При малейшем беспорядке они тут же вмешивались, уводя нарушителей спокойствия с собой.

Горец, увидев как стражники тащили какого-то отчаянно упирающегося верзилу, подивился неслаженности действий воинов. Перебить их можно было очень быстро и почти не напрягаясь. Впрочем, это не его дело. Раз герцог ар Давад считает нужным держать на службе таких неумех, то у него, наверное, есть на то свои причины.

Лек вышел на главную площадь Тарсидара и только языком поцокал, увидев ратушу и дворец наместника. Потом не спеша двинулся в обход: ни ратуша, ни дворец его не интересовали, оставаться в этом городе юноша не собирался.

Заметив его пояс, встречные аристократы раскланивались с горцем, не скрывая порой ироничных ухмылок, от которых ему хотелось схватиться за рукояти мечей. Некоторые, правда, замечали черный шнурок, и ирония сразу исчезала с их лиц. Чему удивляться: не было более верного способа самоубийства, чем нарваться на дуэль с горным мастером.

Снова улица за улицей, бесчисленные лавки и торговые ряды. Глаза разбегались, хотелось попробовать и того, и этого, но Лек сдерживался, помня, что его кошелек далеко не бездонный. Отец не поскупился, выделив младшему сыну на обустройство немалую сумму, и даже дал сертификат одного из банков Хансалана, полученный за поставку крупной партии серебряной руды. Но юноша иллюзий не питал – понимал, что других денег до того, как устроится на службу, у него не появится. Надо рассчитывать только на имеющиеся. Учителя у него были хорошие, и доходчиво объяснили, как легко и быстро остаются без гроша в кармане молодые люди из колоний, попав в метрополию. Лека с детства приучили к бережливости, и он не собирался походить на жадную до новых нарядов девицу во время приезда торговца в замок.

Кошелек после случая с воришкой юноша спрятал за пазуху и шел в полутрансе, отмечая и запоминая каждую мелочь вокруг, как учил его мастер Тарвон. Южная окраина постепенно приближалась, дома становились обшарпаннее, но нищих вокруг все равно не было.

Да и откровенно голодных людей Лек тоже не заметил. Странно это, если честно. Но не стоит судить поспешно, он слишком мало знает. Пока. Надо осмотреться, а только потом делать выводы. Этому юношу научил второй учитель, которого называли учителем манер, хотя старый мудрец, каким-то образом прижившийся в небольшом замке бывшего вождя горного племени, обучал своих питомцев не только манерам. Высокого лорда, занятого добыванием денег, это не интересовало – оболтусы делом заняты, и ладно.

Старик обучал мальчишек этикету, трем основным языкам Элианской империи, чтению и письму, риторике, логике, математике, причем, так, что юные горцы слушали его, раскрыв рты. Он рассказал о политическом устройстве самой большой страны мира, ее истории и обычаях. Самым лучшим учеником старика стал Лек, не пропустивший ни одного урока. Правда, во многое так и не смог поверить – слишком невероятными были рассказы учителя. Взять хотя бы историю об императоре. Как это – его величество не знают в лицо? Никто и никогда его не видел? Он не живет в своем дворце, а ходит по дорогам империи и помогает всем в его помощи нуждающимся? Чушь какая-то. Бред полный. Не ведут себя так вожди! Однако старый мэтр научил юношу еще одному правилу – не делать поспешных выводов.

Выяснив у прохожих, где находится трактир, Лек вскоре нашел его. Оглядел снаружи и одобрительно кивнул: здание крепкое и ухоженное, видно, что папаша Дорфит – человек хозяйственный. Только после этого он толкнул высокую дверь и вошел. Окинул взглядом обеденный зал и снова кивнул. Не слишком богато, зато опрятно. Столы чистые, пол еще влажный, недавно мыли. Людей в зале почти не было, только пара торговцев в углу потягивали эль из высоких деревянных кружек.

– Доброго дня! – вышел из-за стойки седой толстяк с пышными бакенбардами. – Молодому господину угодно выпить или пообедать?

– Меня к вам стражник из порта послал, – улыбнулся Лек. – Назвался стариной Мертом. Сказал, что у вас кормят хорошо и комнату на несколько дней снять можно.

Трактирщик отметил, что юноша говорит с легким акцентом, выдающим, что лаарский, основной язык империи, для него не родной. Потом только понял, что к нему забрел редкий гость с колониального Манхена. Да еще и младший лорд! Но когда папаша

Дорфит увидел свисающий с плеча горца черный шнурок, у него перехватило дыхание. Он ведь не всю жизнь был трактирщиком. Были времена, когда лейтенант второго гвардейского полка Белых Леопардов сражался спиной к спине с такими же ребятами, носившими черные шнурки. И как они дерутся, знал не понаслышке.

– Приветствую уважаемого младшего мастера в моем скромном доме жилище! – Он поклонился по всем канонам этикета боевого братства. – Буду рад помочь всем, чем смогу.

– Благодарю, – столь же церемонно поклонился удивленный Лек, никак не ожидавший встретить в трактире ветерана братства. – Вы оказываете мне честь, брат.

– Мелли, подготовь зеленую комнату на третьем этаже, у нас гость, – бросил служанке папаша Дорфит. Та поклонилась и опрометью кинулась вверх по лестнице.

– Но мы ведь еще не договорились... – удивленно посмотрел на трактирщика юноша.

– С вас я лишнего не возьму, – заверил его тот. – Мне однажды такой же, как вы, младший мастер жизнь спас. Думаю, полтархема в день за комнату и трехразовое питание – недорого.

Лек едва не поперхнулся, это было почти задаром – меньше чем на два тархема он никак не рассчитывал. Но одновременно ему сделалось неловко, ведь не он спас жизнь этому человеку. Имеет ли он право пользоваться его благодарностью?

– Я с вас больше не возьму, уважаемый младший мастер! – понял его сомнения папаша Дорфит. – Тот мастер у меня на руках от ран умер, а я поклялся, что буду помогать каждому из вас чем только смогу. Это моя клятва!

– С благодарностью принимаю ваш дар, уважаемый брат! – низко поклонился Лек, вытянув вперед сложенные лодочкой руки. С чужой клятвой не спорят, это величайшее оскорбление, смываемое только кровью. Старый воин не заслужил такого.

– Да чего там, – смутился трактирщик. – Пустяки. Пусть уважаемый младший мастер...

– Меня зовут Лек, – перебил его юноша. – Светлый лорд великого дома ар Сантен.

– Впервые в метрополии?

– Да, решил мир посмотреть. Дома делать нечего, многие наши соседи служат в гвардейских полках. Вот и мне пришла пора пора послужить его величеству.

– Достойная цель, – степенно кивнул папаша Дорфит. – Садитесь, обед сейчас будет. Вы свинину в сухом вине не пробовали? С венсенским соусом?

– Нет, – помотал головой Лек. – У нас свиней не держат, накладно.

– Вам понравится, светлый лорд, – заверил трактирщик. – Моя жена прекрасно готовит, я сам на ее стряпне вон какое пузо наел.

– Благодарю, – улыбнулся Лек и сел за ближайший стол, положив котомку рядом.

Мясо оказалось таким вкусным, что юноша, хотя совсем недавно завтракал, очистил тарелку почти мгновенно. Да, жена папаша Дорфита действительно мастерица, каких поискать. Такой вкусотищи Лек ни разу не пробовал. Даже на празднике Летней Ночи, когда горцы выставляли на стол все самое лучшее, он не ел ничего подобного. Мясо буквально таяло во рту. Мэтр рассказывал что-то о грандиозных пирах в замках аристократов метрополии, но ему не верили, не понимая, зачем нужно такое расточительство. Слабый темный эль, поданный в высокой деревянной кружке, был непривычным на вкус, но прекрасно утолил жажду. Поев, юноша уплатил трактирщику три тархема за шесть дней вперед и поднялся на третий этаж.

Комната оказалась уютной, стены были оклеены темно-зелеными обоями – понятно теперь, почему ее называли зеленой. Поскольку весной ночами еще подмораживало, в камине горел огонь. В углу стояла большая кровать, покрытая одеялами, так и зовущая к себе уставшего путника. Но Лек спать не собирался – до вечера еще далеко, и вполне можно успеть побродить по городу, посмотреть в торговой столице империи есть на что.

Для начала он сложил свои небогатые пожитки в сундук, оставив при себе только кошелек и мечи, затем сел на пол в позу лотоса и погрузился в медитацию. В этом состоянии осмысление увиденного давалось куда легче обычного. Для Лека медитация давно стала столь же необходимой, как и дыхание, да и отдохнуть она позволяла куда

лучше, чем сон. За час он полностью восстанавливался. Однако мастер Тарвон советовал не злоупотреблять этим методом. Встав, юноша быстро прокрутил базовые боевые формы для разминки, немного помахал мечами и размял ноги. На корабле тренироваться было негде, и он соскучился по тренировкам. Надо завтра же найти место, где можно будет заняться собой по-настоящему. А то так недалеко и сноровку потерять.

Выйдя на улицу, Лек оглянулся. Итак, он в городе метрополии. Правда шхуна заходила в Гардар и Кевиндар, выгружая какие-то товары, – но юноша не стал сходить на берег, сухопутная дорога к столице оттуда куда длиннее, чем от города торговцев, как часто называли Тарсидар. Действительно, чем только здесь не торговали! Трудно было бы найти такую вещь. Не зря именно в тарсидарскую гавань спешили бесчисленные корабли со всего мира.

Несколько оставшихся независимыми стран на других континентах со страхом и завистью взирали на гигантскую, невероятно богатую империю. Воевать с Элианом давно уже никто не решался. Однако в последние несколько сот лет начал постепенно набирать силу Карвен – страна религиозных фанатиков, поклоняющихся Единому. Но совсем не так, как принято было в империи. Поэтому карвенцы между собой называли элианцев грязными еретиками, но не решались говорить о том громко. Самую лютую ненависть пяти карвенских первосвященников вызывало то, что в империи разрешена была магия. Процветали Академии Высшей и Прикладной Магии, широко распахивавшие свои двери перед талантливыми юношами и девушками. Мало того, сам император и его эльдары были колдунами такой силы, что это вызывало дрожь.

Не то в Карвене – там по одному подозрению о наличии магических способностей человека сжигали заживо. Достаточно было доноса соседа, чтобы любого карвенца схватили и отправили в допросную тюрьму, откуда мало кто выходил целым и невредимым. Поколениями первосвященники мечтали захватить империю и установить на ее территории столь милые их сердцу порядки. Несколько раз даже пытались, но были сильно биты. Со времени последней войны прошло лет триста, и все это время Карвен предпочитал торговать с Элианом, не оставив, впрочем, фантазий о реванше. А пока святоши шаг за шагом теснили с насиженных мест орков, объявив краснолицых слугами Черного Дорхота, владыки Бездны. Последние пару столетий те держали оборону по реке Харме,

выстроив циклопические крепости и вооружив своих воинов огнестрельным оружием. Карвенцы нападали раз за разом, но выбить урук-хай из крепостей так и не смогли. Мастера-ремесленники древнего народа все время выдумывали что-нибудь необычное, у них всегда находилось, чем неприятно удивить врага.

Имперские полки в последнее время тоже начали перевооружаться, новое оружие оказалось на удивление действенным. Орки охотно торговали огнестрельным оружием в обмен на продовольствие, в их суровых горах мало что росло. Согласно заключенному первым императором союзному договору, они имели свободный доступ на территорию империи, однако на деле не слишком туда стремились. К сожалению, из-за этого договора второй древний народ, эльфы, вообще перестали контактировать с людьми, скрывшись в недоступных лесах Эльварана, куда без разрешения хозяев не мог проникнуть никто. После множества бесполезных попыток пробраться в зачарованный лес, бессмертных оставили в покое.

Однако был еще один враг. Великая Степь. Кочевники. Огромные конные орды испокон веков кочевали по степи, ежегодно пробуя на зуб Южные Цитадели Элиана. В прежние времена случалось, что они доходили до Инара и Дир-Архата, оставляя за собой выжженную пустыню. Потом с севера подтягивались имперские полки и ценой немалых потерь вытесняли кочевников обратно в степь. В конце концов кому-то из императоров надоело постоянно восстанавливать разрушенное, и около трехсот лет назад маги-инженеры Академии возвели по приказу его величества циклопические стены Южных Цитаделей, тянущиеся на тысячи верст, навсегда отделив Великую Степь от имперских земель. С тех пор кочевники ни разу не прорвались во внутренние области Элиана, хоть и не оставляли попыток. Эльфийский лес они штурмовать даже не пробовали, потеряв лет пятьсот назад несколько тысяч сумасшедших, рискнувших войти под сень древних деревьев. Обратно не вернулся никто. Наоборот, из леса вышли чудовища, перебить которых удалось с величайшим трудом и ценой невероятных потерь. Наверное, половина кочевых воинов полегла тогда. Но уже лет через сто после этого племени начали воевать между собой, слишком много за это время расплодилось людей и слишком мало осталось свободных пастбищ.

Многие императоры, особенно в молодости, пытались подгрести

Великую Степь под себя, но ни у одного не получилось. Как только имперские войска выходили за пределы стен Южных Цитаделей, кочевники тут же забывали о распрях и совместно выступали против старого врага. В Стойбище Паука, единственном городе Великой Степи у подножия Паучьих гор, начинали грохотать барабаны шаманов, призывающих на помощь своих кровавых богов. Даже император не мог проникнуть в этот странный город, несмотря на всю свою магическую силу – что-то непонятное защищало Стойбище Паука. Что? Маги и ученые мужи Академии только руками разводили в недоумении. Оставалось положиться на удачу и лучших полководцев Элиана. Увы, ни разу элианцам не удалось продвинуться в глубь степи дальше, чем на сотню верст. Рано или поздно их встречали бесчисленные тысячи конных воинов. И побеждали, как это ни удивительно. Двести пятьдесят лет назад Совет мастеров-наставников боевого братства под руководством императора Ларгиана X принял решение оставить кочевников в покое, благо прорваться в империю они тоже не могли.

Лек шел, прокручивая в памяти уроки мэтра Менхема. Старик не раз повторял, что забывшие прошлое – обречены. Наверно, он прав, знать историю необходимо, и извлекать из нее уроки – тоже. Горец пытался сравнить рассказанное учителем с окружающим. Пока сходства было мало. Он ничего не понимал, видя беспорядочное мельтешение людей, от которого у юноши кружилась голова. Чего носятся? Куда так спешат?

От воплей уличных торговцев закладывало уши, и Лек неприязненно морщился. Зачем кричать? Если человеку что-нибудь нужно, он все равно купит. Выложи товар и жди себе покупателя, не шуми без толку. Кто захочет – возьмет. Юноша ни в коем случае не стал бы иметь дело с торговцем, так настойчиво пытающимся всучить свой товар. Каждому ведь ясно: раз продавец настойчив – что-то здесь не так. Дома на ярмарках купцы выкладывали образцы и с достоинством ожидали покупателей. Попробовал бы кто-нибудь из них орать и прыгать – вообще ничего не продал бы.

Возле трактиров прохода не было от пьяных, что тоже выглядело для горца диким. Пить хмельное не в праздничные ночи, а посреди бела дня?! Как можно? А беспричинные драки? Каждый раз при виде такого непотребства юноша в недоумении останавливался и смотрел на неуклюжих дерущихся. Несколько раз и на него пытались поднять руку, но когда нападавший видел шнурок младшего мастера, он тут

же трезвел и бледнел, принимаясь кланяться и униженно извиняться.

Постепенно темнело, первый день в метрополии подходил к концу. Лек тем временем добрался до северной окраины города. Дома здесь выглядели куда беднее, но оборванцев он так и не увидел. Внезапно с дерева в него полетела шишка, одновременно сверху донесся чей-то приглушенный смешок. Юноша легко поймал шишку и усмехнулся. Шуточки кто-то шутит? Ну-ну... Он буквально взлетел на дерево, уцепился одной ногой за ветку и повис вниз головой, оказавшись лицом к лицу с мелким парнишкой лет шестнадцати на вид с конопатой и очень хитрой физиономией. Интересный субъект, ничего не скажешь. Лек окинул шутника внимательным взглядом. Зеленые глаза светятся озорством, шапка огненно-рыжих кучерявых волос напоминает воронье гнездо необычного цвета. Сорванец изумленно взглянул на висящего вниз головой человека и потряс головой, затем протер глаза, но наваждение не исчезло.

– Ну, и чего ты шишками бросаешься? – спросил Лек с улыбкой. – Делать нечего?

– Дык... – только и сумел выдавить рыжий. – Я, это...

– Зря ты это, – хмыкнул юноша. – Поймают – по шее схлопочешь.

– Так ты первый поймал! – хихикнул сорванец. – Я ж не со зла. Бить бушь?

Он выглядел настолько забавно, что Лек не выдержал и расхохотался.

– Не буду, – сквозь смех выдавил он. – Зато попрошу город показать. Не за так, два тархема заплачу. Согласен?

– А то! – обрадовался рыжий. – Седня приехал?

– Да.

– А откель?

– С Манхена.

– Ух ты! – изумился сорванец. – Ты, что ль, оттудова родом?

– Точно! – снова рассмеялся Лек, этот мальчишка вызывал какие-то странные чувства, он был смешон, нелеп, и почему-то казался очень одиноким. Несмотря на всю свою веселость.

– Меня Санти обычно кличут, – снова заговорил сорванец.

– А полностью? Сантином? На мое родовое имя похоже.

– Не-а... – недовольно скривился рыжий. – Сантиаром. Папхен, чтоб его, удружил с имечком. Такое лорду пристало, а не скомороху бродячему. Дразнят все кому не лень.

– Плюнь и забудь, – посоветовал горец. – А меня Леком зовут. Давай спускаться?

– Ага.

Рыжий перепрыгнул на нижнюю ветку, затем легко скользнул по стволу вниз. Лек с интересом смотрел на его мягкие, отточенные движения и удивлялся про себя. Так двигаются обучавшиеся у горных мастеров не меньше двух лет. Да мальчишка просто талант! Неужели повезло в первый же день в метрополии найти себе ученика? Хорошо бы. Ведь Лек не получит белого шнурка, пока его собственный воспитанник не сдаст экзамен на черный. Это закон. Стал младшим мастером – воспитай преемника, передай свои знания и умения. Без этого пути дальше нет.

Юноша удивленно покачал головой и расслабил ногу, соскользнув с ветки. Он упал на руки, колом прокатился по земле и встал. Рыжий ждал его у масляного фонаря, недавно зажженного фонарщиком.

– А ты здорово прыгаешь... – сказал он и вдруг замолчал, мертвенно побледнев.

Глаза сорванца были устремлены на шитый золотом пояс Лека, выдающий в нем одного из высших аристократов элианской империи. Потом Санти поднял взгляд выше, увидел плетеный черный шнурок, рукояти картагов – и зажмурился, что-то отчаянно шепча себе под нос. Его всего колотило, по щекам протянулись мокрые дорожки слез.

– Простите меня за наглость, светлый лорд... – Лек вздрогнул от звука глухого, дрожащего голоса.

Рыжий выглядел полумертвым от ужаса. Но чего мальчишка так испугался? Неужели того, что бросил шишкой в лорда? Чушь ведь.

– Да не бойся ты меня! – попробовал юноша успокоить Санти, но тот затрясся еще сильнее, отчаянно мотая головой и размазывая

слезы по лицу. – Ничего плохого я тебе не сделаю!

За спиной раздался топот, и в круг света вступили три стражника в синих плащах наместничьей стражи. Увидев плачущего рыжего, пожилой сержант резко остановился. Затем осмотрел Лека, опытным взглядом сразу отметив шитый золотом пояс и витой черный шнурок.

– Этот наглый байстрюк оскорбил вас, светлый лорд? – в голосе старого служака звучала мрачная угроза, он злорадно поглядывал на мальчишку. – Ну, рыжий, ты допрыгался! Тебя ведь предупреждали, чтобы прекратил свои шуточки, зараза? Так ты теперь на лорда рыпнулся? Да еще и на горного мастера? Все, мое терпение закончилось. В каменоломни пойдешь. Хватит!

Остальные два стражника не менее злорадно ухмылялись. Санти вжался в стену, глаза его стали похожи на глаза попавшего в ловушку звереныша. Видимо, у стражи были к нему давние счеты. Лек снова вспомнил рассказы мэтра о надменности аристократов метрополии. Если это правда, то за брошенную в лорда шишку и в самом деле можно угодить в каменоломни. А то и кнута отхватить. Надо выручать, да и воспользоваться ситуацией не грех.

– Ничем мой ученик меня не оскорбил, – холодно сказал Лек. – Конечно, Слово Воина еще не сказано, но я, младший горный мастер боевого братства империи Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен, официально заявляю, что беру юношу Сантиара в ученики.

– В ученики? – тупо повторил опешивший сержант. – Этого?.. Но...

– Какие у вас претензии к моему ученику? – тон горца стал совсем ледяным.

– Никаких, светлый лорд! – вытянулся старый служака, выглядящий так, будто его приложили чем-то тяжелым.

– Что здесь происходит? – раздался чей-то голос, и на свет вышел еще один стражник.

На сей раз это был офицер в сером с серебром плаще императорской стражи. И мало того, что офицер – горный мастер, как сам Лек, о чем говорил черный шнурок.

– Приветствую тебя, брат! – по всем канонам боевого братства поклонился юноша.

– А я тебя, брат! – повторил его поклон офицер, улыбнувшись. – Могу чем-нибудь помочь?

– Да! – резко кивнул Лек. – Прошу стать свидетелем произнесения Слова Воина: я беру в ученики этого юношу.

– Брат! – приоткрылся рот офицера, глаза его стали совершенно круглыми. – Ты берешь в ученики это рыжее недоразумение?! Ты серьезно?!

– Да, а что? – удивился юноша. – Что здесь такого?

– Сразу видно, что ты не местный... Его здесь все знают. Нет, наверное, человека в Тарсидаре, которому он не досадил. Постоянно шуточки идиотские, да такие, что его полгорода растерзать готово, несколько раз стража дурака полумертвым у мстителей отбивала. Так он в «благодарность» и над нами подшутил как-то. Сержант вон его шутки до смерти не забудет. Теперь рыжего никто больше отбивать не станет. Сам виноват.

– Да уж... – растерялся Лек. – Никогда бы не подумал. Но посмотри на его движения, так двигаются только на второй-третий год обучения. Какова координация, а?

– Так скоморох ведь! – скривился офицер. – Акробат и жонглер. Но я как-то не присматривался. Может, и зря.

– Энергии слишком много, вот и бузит, – улыбнулся юноша. – Если ее направить в нужное русло, то... Тем более что я уже сказал свое слово и отказываться не намерен. Теперь дело за ним. Согласится – станет моим учеником и младшим мастером через несколько лет. Гарантию даю, станет. Гонять только нужно как следует.

Санги непонимающе смотрел на них, успев уже похоронить себя, – в каменоломнях больше пяти лет не живут даже здоровенные мужики, что уж о нем говорить. Через год загнется. Почему люди совсем не понимают шуток? Он ведь не со зла, никогда никому большого вреда не причинял. Того же сержанта взять. Хороший ведь дядька, а обиделся страшно. И на что? На мелочь! Ладно, наткнулся на ведро с краской, которое, между прочим, вовсе не на него, а на толстого кабатчика Баско насторожено было. Нечего по закоулкам шляться! Ладно, после падения ведра несколько дней из дому выйти не мог – краска оказалась особо устойчивой. Случается. Дело житейское. Так нет, чтобы посмеяться – такую погоню за Санги

устроил, что пришлось три дня по подвалам отсиживать, пока сержант немного не остыл.

С тех пор приходилось соблюдать величайшую осторожность – стражники пообещали, что если хоть какая малость с его стороны будет, в каменоломни упекут. Стало очень скучно жить, только во время выступлений балагана немного развлекался, устраивая клоунады, во время которых зрители покатывались от хохота. Но в последние два года дядюшка Балдур, владелец балаганчика, совсем растолстел, разленился и почти не выступал. Денег у него хватало, не надо было больше мотаться по всей империи, развлекая праздных зевак.

Санти долго терпел и вел себя примерно. Сегодня терпение лопнуло, он залез на дерево и принялся швыряться шишками в прохожих. Те так смешно выглядели, когда пытались понять, откуда на них шишка свалилась. А потом – встреча с этим редкостно ловким парнем, оказавшимся, как назло, светлым лордом. С лордами и прочими высокопоставленными господами Санти шутить никогда не осмеливался, знал, чем чревато. Эти сволочи, за безобидную шутку вполне могут человека в каменоломни упечь. Поняв, что пошутил с аристократом, он до смерти перепугался. А тут еще и стражники подошли... Но лорд сказал, что берет его в ученики. Что это значит?

– Он ничего не понимает, – насмешливо фыркнул офицер. – Тебе счастье редкое привалило, обормот. Этот господин согласен взять тебя в ученики и сделать из бездельника горного мастера. Как только получишь черный шнурок, сразу станешь аристократом, дурень рыжий...

– Я?! – лицо скомороха вытянулось.

Всякого он мог ждать от жизни, но только не такого. Это что? Это они в отместку так шутят? Его – в горные мастера? В аристократы?! Да нет, полная чушь. Или не шутят? Но никакого желания становиться хладнокровным убийцей Санти не испытывал. А есть ли другой выход? Он покосился на сержанта и понял, что нет – тот поглядывал столь многообещающе, что мальчишку передернуло. Нет уж, лучше в ученики к лорду, чем бегать от обозленных стражников. Похоже, пора сматываться из этого города. Тут никто шуток не понимает.

– Я согласен, светлый лорд... – с трудом выдавил Санти,

чувствуя себя несколько странно.

– Значит, принимаешь ученичество? – переспросил Лек, переглянувшись с офицером. – Учти только, сейчас ты дашь не просто слово, а слово горному мастеру в присутствии свидетеля, тоже горного мастера. Сразу хочу сказать, что можешь отказаться и ничего тебе за это не будет. Я прослежу, чтобы тебя не наказали. Но если нарушишь слово, за тобой будет охотиться все боевое братство империи. Предателей мы не прощаем.

Что?! Ой, мама! Вот это влип, он-то думал сразу смыться от незваного «учителя», а не выйдет. Боевое братство будет охотиться? От них не уйдешь, даже в самом Карвене достанут. Но лорд ведь сказал, что если отказаться, то никто его не тронет. Санти открыл было рот, чтобы послать горца куда подальше, но вдруг задумался. Хорошо, сейчас он откажется и вернется в балаганчик дядюшки Балдура. А что дальше? Снова начнет сходить с ума от скуки, пошутит над кем-нибудь и окажется в каменоломнях? Все ведь останется по-прежнему... А лорд предлагает новую, непривычную и необычную жизнь. Может, горные мастера и не такие страшные, как в сказках и легендах? Взять хоть этого. Ненамного старше Санти, улыбающийся, добрый на вид парень, хоть и светлый лорд. Вдруг с ним будет интересно? Рыжий растерялся, никогда ему не приходилось делать такого выбора, жил, как жилось, не больше. Нет, он не откажется. Хоть что-нибудь новое!

– Я согласен... – повторил мальчишка. – Я даю слово.

– Назови родовое имя полностью.

– Сантиар Эрхи, скоморох. Сын Вила Эрхи, тоже скомороха.

Горные мастера переглянулись. Горец достал из-за пазухи сплетенный из хорошо выделанной волчьей кожи серый шнурок ученика.

– Я, Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру в ученики Сантиара Эрхи и произношу Слово Воина! – Голос юноши был торжественным. – Прошу эльдаров его величества императора занести мои слова в Анналы Братства!

Затем он произнес несколько странно звучащих слов на неизвестном языке – наверное, заклинание. Санти не знал, но его почему-то пронзило холодом. Казалось, кто-то огромный и страшный

открыл глаза и посмотрел на рыжего мальчишку. Оценивающе так посмотрел, как будто пытаюсь понять, пригоден на что-нибудь этот наглец или нет.

– Занесено! – прозвучал откуда-то из воздуха нечеловеческий, пугающий голос.

– Я, Кенар ар Теваль, виконт Арват, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, выступаю свидетелем слов моего брата Лека Белого Волка. – Говоря это, офицер с явным сомнением поглядывал на Санти. – И тоже произношу Слово Воина в подтверждение.

Он повторил заклинание Лека.

– Принято! Ученик Сантиар, принимаешь ли ты ученичество? По доброй ли воле ты его принимаешь?

– П-п-р-р-р-и-н-н-и-м-м-а-ю-ю... – от всего происходящего у Санти зуб на зуб от страха не попадал. – П-по д-доброй в-воле...

– Занесено в Анналы Братства. Да будет так!

Верхушка императорской башни в центре города внезапно вспыхнула призрачным белым светом, режущим глаз. Санти несколько раз видел такое, но не знал, почему это происходит. Рассказывали многое, но вот что из рассказов было правдой? Кто его знает...

Горожане вообще-то редко обращали внимание на развлечения магов. Башня ночами освещает город? Хорошо! Удобно! А что иногда начинает играть световую феерию, так то дела императора с эльдарами, простых людей они не касаются. Но Санти и в голову прийти не могло, что когда-нибудь башня загорится из-за него.

Рыжий онемел, только наполненные страхом и непониманием глаза были устремлены на колдовской огонь, ежесекундно меняющий цвет. Лек тем временем положил ученический шнурок на ладонь и вытянул ее вперед, снова сказав несколько слов на незнакомом языке. Из светового шара на верхушке башни вытянулся узкий белый луч и ударил в шнурок. Тот загорелся холодным огнем того же цвета, но через несколько мгновений погас, как и сама башня.

– Возьми, – негромко сказал горец. – Отныне этот шнурок твой. Теперь ты принадлежишь к боевому братству элианской империи, и каждый из нас брат тебе.

Санги дрожащими руками принял серый шнурок и замер, не понимая, что с ним делать. После всего случившегося голова у мальчишки гудела, в глазах вспыхивали огненные круги, он чувствовал себя хуже некуда. В самых диких мечтах Санги не представлял, что когда-нибудь станет одним из горных мастеров, которых боялись и уважали в империи. Впрочем, не только в империи. Даже кочевники Великой Степи знали, что значит витой кожаный шнурок на левом плече человека. Меньше, чем вдесятером, на такого воина не нападали.

Поняв недоумение ученика, Лек переглянулся с офицером, оба как-то очень похоже улыбнулись, и горец приложил шнурок к плечу Санги. Тот прилип, будто приклеенный. С этого момента снять его мог только сам владелец или его учитель. Шнурки имели свойство оказываться поверх любой одежды, если их не прятали намеренно. Украсть их тоже никто не мог, вора находили задущенным, а символ принадлежности к боевому братству возвращался к своему владельцу. Точно так же, как и картаги.

Скоморох никак не мог прийти в себя от такого резкого изменения судьбы и тупо разглядывал шнурок.

– Успеешь еще налюбоваться, – со смешком сказал Лек, вспоминая собственные ощущения. – Завтра начну дрессировку, так что готовься. Брат, ты не знаешь случайно тренировочного зала, в котором можно было бы позаниматься?

– Большинство городских мастеров тренируется в зале старшего брата Элоиза Кертала, – ответил собравшийся было уходить офицер, снова поворачиваясь к горцу. – Он неподалеку от дворцовой площади. Спросишь, любой покажет. Для своих бесплатно, для остальных за деньги. Только смотри, брат, старик и тебя погоняет, он не выносит, когда молодежь распускается.

– Не страшно, – рассмеялся Лек, – я во время плавания немного сноровку подрастерял, тренироваться негде было. На разминочных комплексах далеко не уедешь. Спасибо за помощь!

– Не за что, – поклонился офицер.

Стражники ушли, и Санги остался наедине со светлым лордом, неожиданно ставшим его учителем. Тот с интересом поглядывал на мальчишку и ухмылялся себе под нос.

– Меня не бойся, – сказал горец. – Хотя придется тебе ой как

нелегко, но потом спасибо скажешь. На то, что я лорд, внимания не обращай, это значения не имеет, ты сам теперь кандидат в аристократы. Называй меня Леком или наставником. Не вздумай назвать учителем, я этого звания еще не заслужил, по шее настучу, если забудешь. Ладно, надо забрать твои вещи. Куда идти?

– Я проведу, н-наставник... – с трудом выдавил рыжий. – Только у меня тех вещей – пара дырявых штанов, да жонглерские шары.

– Жонглировать, значит, умеешь?

– А то! – возмутился Санти. – Лучше меня жонглера в этом занюханном городишке не найти!

– Акробатика как? – поинтересовался Лек. – Сальто, фляки, кульбиты, колесо?

– Могу, – пожал плечами мальчишка.

– Да? А ну-ка повтори.

Лек с места прыгнул на руки и закрутил фляки, наращивая скорость. Закончил он серию выходом на двойное сальто. Санти восторженно приоткрыл рот. Во дает! Да ему бы цены в балагане не было! Повторить, значит? Ладно. Рыжий ехидно ухмыльнулся, сразу забыв о страхе, и тоже закрутил серию фляков. Правда, двойное сальто он сделать не сумел, обошелся одинарным, зато вышел из него в нижней стойке и прокатился обратно колесом.

– Неплохо, – одобрительно хлопнул его по плечу Лек. – Координация немного хромает, но ничего страшного, подгоним. Хотя в первую очередь я буду учить тебя падать.

– Падать? – изумился Санти. – Зачем?

– А затем, чтобы всегда оставаться невредимым во время падения. Думаешь, это просто? А если падаешь с вершины дерева на камни? Что тогда? Калечиться? Не стоит. Помнишь, как я с дерева спрыгнул?

– Ага, – вздохнул мальчишка. – В жизни не видал, чтоб вниз головой сигали.

– Это еще мелочи! – отмахнулся Лек. – Научу. А теперь веди.

По пути к дому дядюшки Балдура Санти немного успокоился. Серый шнурок на его плече, казалось, горел, даже обжигал.

Случилось что-то невероятное. Нищего, безродного скомороха взял в ученики горный мастер. Мало того, младший лорд великого дома. Сроду мальчишка ничего похожего не слышал, учениками всегда становились наследники благородных родов или чем-то отличившиеся молодые воины. Он пытался понять, как ему жить дальше. Лек что-то рассказывал, но Санти почти ничего не слышал, продолжая думать о своем.

Так они и дошли до западной окраины Тарсидара, где селились ремесленники. Вскоре впереди показался шатер балагана, примыкающий к небольшому дому, купленному недавно дядюшкой Балдуrom. Шатер обветшал, уже два месяца представлений не было: бывший скоморох пытался стать респектабельным горожанином. Благо, хоть последних артистов пока не разогнал, но постоянно попрекал куском хлеба и заставлял работать по хозяйству. В последнее время он нехорошо косился на Санти, и мальчишке казалось, что его выгонят первым. Понятно, впрочем: за шуточки сорванца претензии высказывали Балдуру, которому вовсе не улыбалось краснеть перед соседями. Вспомнив все это, Санти поежился. Наверное, к лучшему, что так вышло – хоть на улице не оказался. Ведь поскольку официально нищенства в империи не было, оказавшихся без дома и работы отправляли на поселение в дальние колонии без разговоров.

Стучать пришлось долго, в доме бывшего скомороха ложились рано.

– А, явился – не запылится... – недовольно ворчал дядюшка Балдур, открывая. – Смотри, догуляешься. Коли б не твоя мать, прощелыга... И как у этой золотой женщины такое недоразумение уродилось, а?

– Вы господин Балдур? – спросил Лек, выходя на свет.

– Я, светлый лорд! – поклонился тот, сразу заметив шитый золотом пояс аристократа.

– Очень хорошо. Я взял мальчика в ученики. Мы пришли за его вещами.

– В ученики? – тупо переспросил Балдур, ничего не понимая.

Неужели кто-то мог взять этого горе-шутника? Кому только из ремесленников он не пытался спихнуть Санти, надеясь, что тот выучится хоть чему-то полезному. Никто не захотел, все вокруг знали

чего от такого «ученичка» ждать. Но разве лорды берут учеников? Что за чушь? Взгляд старого скомороха упал на серый шнурок, свисавший с левого плеча рыжего, и его лицо вытянулось. Балдур прекрасно знал, что это за шнурок и что он означает. Получается, бесовестного мальчишку взял в обучение горный мастер? Вот так так...

– К-как пожелаете, светлый лорд... – с трудом выдавил из себя толстяк, продолжая очумело смотреть на страшно довольного Санти, которому потрясенный вид хозяина балаганчика явно пришелся по вкусу.

– Иди, – подтолкнул мальчишку Лек.

Тот скрылся в дверях, проскользнув мимо старого скомороха, продолжавшего стоять столбом.

– Вы были знакомы с его родителями? – вежливо спросил горец.

– Да, конечно, – качнул головой Балдур. – Хорошие акробаты были, от бога. Жаль, что так рано ушли. Отец разбился, когда Санти и четырех не стукнуло, гнилой фал порвался, а лет через пять и мать померла от горячки, простудилась, бедная. Мы тогда по всей империи бродили, выступали, вот в буран и попали на самом севере, возле Нерлавана. С тех пор этот рыжий оболтус при мне. Уродится же такое! С детства раннего всем вокруг жизни не давал, как учинит какую шкodu, так хоть стой, хоть падай. И не со зла ведь, скучно ему, понимаете ли...

– Да я понял, что не со зла, – улыбнулся Лек. – У меня старший брат точно такой же. Отец его драл, драл, да только толку – чуть. Зато учитель когда взялся, за пару лет человеком сделал. Надеюсь, мне тоже удастся из Санти хорошего бойца воспитать. Задатки у него – дай бог каждому.

– Ох, и задачку же вы на себя взвалили, светлый лорд, – поежился Балдур. – Тяжко вам с ним придется... Он ведь не хочет думать о последствиях, творит, чего правой пятке захочется, а потом удивляется, что его бьют.

– Попытаюсь, – пожал плечами горец, посмеиваясь. – Для нашего дела фантазия на всякие выдумки – даже хорошо. Но вот то, что о последствиях не думает, плохо. Придется самому думать, что-нибудь да надумаю. На крайний случай обращусь к старым мастерам, обязательно помогут. Они и не таких перевоспитывали. Гонять парня

придется, конечно, здорово, но ему на пользу пойдет.

– Это уж точно! – кивнул Балдур. – Коли сил на шkodы не останется, то и шkodить не станет.

– Станет, – тяжело вздохнул Лек. – Мой старший брат ходить от усталости не мог, а все равно шkodил. В жизни не забуду, как отец вопил, когда под одеяло залез и полную постель лягушек обнаружил. Где только братец посреди зимы лягушек нашел? В пещере какой-то, не иначе. А ведь весь день тяжело работал, снежные заносы в рост человека вокруг всего замка разгрести непросто. Но все равно... Порода такая. Зато, если эту энергию куда надо направить, толк будет.

– Дай-то бог... – вздохнул старый скоморох. – Простите уж, светлый лорд, но не верю я, что из этого рыжего оболтуса толк выйдет.

– А это уже от меня зависит. Сумею научить – выйдет. Не сумею – значит рано мне черный шнурок дали.

Дядюшка Балдур удивленно покосился на лорда. Никогда не встречал аристократа, способного сомневаться в себе. Хотя да, горный мастер. Это особая порода людей. Да и люди ли они? А кто их знает! Довелось однажды повидать, как один такой в одиночку большую банду разметал. Только клочки по закоулочкам летели. Ни один акробат, даже самый лучший, не повторит трюков, которые вытворял горный мастер. Понятно, почему этого горца Санти заинтересовал. Из мальчишки на глазах акробат куда лучше отца растет, наверное, светлый лорд что-то увидел, вот и взял его. Ну, дай Бог сорванцу счастья на выбранном пути.

Тем временем на пороге появился рыжий, увязавший в узелок свои убогие пожитки. Он с какой-то непонятной тоской посмотрел на дядюшку Балдура, затем на балаганчик и тяжело вздохнул. Но через мгновение на конопатом лице Санти снова сияла обычная беззаботная улыбка. Старый скоморох укоризненно покачал головой – очаровательный негодник, которому порой много чего прощали за одну улыбку.

– Я готов, учитель! – встал рыжий по стойке смирно.

– А по шее? – приподнял бровь Лек, посмеиваясь. – Забыл, что я обещал?

– Виноват, наставник! – тоже хихикнул Санти.

Дядюшка Балдур с удивлением смотрел на смеющегося аристократа. Не видал он таких. Надо же, не носитя со своей родовой спесью, как дурень с писаной торбой, а ведет себя, как нормальный парень. Старый скоморох обнял Санти на прощание и от всей души пожелал удачи, жизнь у горных мастеров опасная.

Добравшись до трактира папаши Дорфита, Лек облегченно вздохнул. День выдался богатым на впечатления... Он покосился на плетущегося позади ученика и едва не фыркнул, настолько тот выглядел унылым. Ничего, скоро поймет до чего удачный жребий ему выпал. Впрочем, юноша видел, что недовольство Санти показное, что на самом деле мальчишка сходит с ума от любопытства. Он специально подбросил ученику несколько тем для размышлений, рассказав о некоторых обычных для горных мастеров вещах. Тот постарался скрыть, что буквально очарован, отпуская язвительные замечания по любому поводу. Рыжий уже понял, что может говорить с Лekom без опасений, и всю пользовался этим.

– Доброго вам вечера, молодой мастер! – встретил горца у порога трактирщик.

– И вам доброго вечера, господин Дорфит, – улыбнулся Лек. – Я вот себе первого ученика нашел.

– Ученика? – удивился тот, потом посмотрел на прячущегося за спину наставника смущенного Санти.

Брови трактирщика в то же мгновение взлетели вверх, он задохнулся, запнулся о камень и едва не упал.

– В-вы взяли этого рыжего мерзавца в ученики?! – папашу Дорфита трясло. – Вы, наверное, не знаете, что это за гаденыш!

– Да не гаденыш он, дурной просто, – улыбнулся Лек. – Простите его.

– Я извиняюсь, что навозу вам в трактир натащил... – смущенно пробормотал Санти, однако глаза его хитро поблескивали, понятно было, что он ничуть не раскаивается.

– Что-что ты сделал? – удивился горец.

– Он не поленился однажды ночью очистить мой свинарник от навоза... – недовольно проворчал папаша Дорфит. – И вывалил весь

этот навоз прямо посреди трактира. И лестницу им вымазал. Как только ухитрился проделать все бесшумно? Ума не приложу. Я утром выхожу из спальни, спускаюсь вниз, поскользываюсь, падаю и обнаруживаю, что у меня посреди обеденного зала куча навоза. Причем, обнаруживаю самым что ни на есть неприятным способом, въехав в эту самую кучу мордой.

Лек с трудом удержался от смеха, представив себе столь изумительную картину. Понимал, что нельзя смеяться, но губы молодого горца все-таки подрагивали.

– Смеетесь? – обиженно заметил трактирщик. – Оно, конечно, со стороны смешно будет. А вы себя на моем месте представьте. Приятно? А ведь я его не раз кормил, когда он голодный приходил. Отблагодарил, нечего сказать.

– Вы правы, ничего приятного. И неблагодарность дело паршивое.

– Да чего я такого сделал-то? – не выдержал Санти. – Пошутил ведь! Думал, вы посмеетесь...

– Эх, дурная твоя голова! – с укоризной взглянул на него папаша Дорфит. – А подумать, каково эту кучу убирать, трудно было? Я понял бы, если бы ты нагадил человеку, который тебе досадил. Так я ведь всегда хорошо тебя принимал. Ты из «Пьяного борова» когда-нибудь голодным уходил? Нет. За что ж ты меня так, а?

Санти опустил голову и покраснел. Лек удовлетворенно кивнул. Задумался все-таки. И то хорошо. Неизвестно только, что надумает. Надо будет поговорить с парнем откровенно, он, кажется, и в самом деле не понимает, почему на него обижаются. Не понимает, что его шутки недобрые. Странно это все-таки, как будто не дурак. Хорошо – раз, два, три, но давно пора понять, что нужно остановиться. Видит же отношение людей к себе. Как жаль, что мастером Тарвоном теперь не посоветуешься. Леку ведь всего восемнадцать, и жизненного опыта у него – кот наплакал. На память пришли слова офицера стражи о старом мастере Элоизе Кертале. Может, с ним посоветоваться? Пожалуй.

– Ладно, чего уж там... – махнул рукой трактирщик. – Заходи. Только смотри мне, нашкодишь – не посмотрю, что ученик горного мастера, выдеру. Кнутом.

– А я подержу, чтобы не сбежал, – ехидно ухмыльнулся Лек.

Санти подозрительно покосился на него и понял, что наставник не шутит. Ну и ладно. Пес с ними. Обойдется сегодня без развлечений, наразвлекался уже по самое не могу. Да и не хотелось снова нарываться. Он представил, каково убирать с пола полужидкий навоз, и понял, что перестарался: приходилось свинарники чистить, Но все-таки странно. Почему, когда он устраивает что-нибудь во время представления в балагане, то люди падают со смеху и аплодируют? А стоит сделать подобное в городе, так сразу бог знает что подымается, сказать страшно. Какая разница – где? Все равно ведь смешно! Рыжий сокрушенно вздохнул. Не, не понимал он людей, совсем не понимал.

Поднимаясь за наставником, Санти старался быть тише воды, ниже травы. Когда папаша Дорфит принес две миски с ужином, мальчишка очень удивился. Никак не ждал, что накормят.

Поев, Лек решил, что пора спать: глаза слипались. Он постелил ученику два одеяла на небольшом топчане в углу, и вскоре заснул. Санти некоторое время ворочался, но недолго: тоже устал за этот невероятный день. Слишком многое на него свалилось такого, что и представить себе никогда не мог.

2. Урук-хай

Тренировка шла как обычно, старый мастер неспешно прохаживался между учениками, то и дело тыкая в кого-нибудь палкой и сухо выговаривая за неуклюжесть. Но одновременно показывал каждому его ошибки, причем так, что понимал даже самый тупой. Откровенно говоря, утренние уроки старик не любил и вел их только по обязанности. По утрам занимались сынки аристократов, не пожелавшие служить империи и уверенные в своем полном праве творить все, что в голову взбредет. Но даже такие понимали необходимость владения мечом, каждый мог нарваться на вызов. И высокопоставленный родитель здесь не помощник, не родителя будут нарезать на ломти во время дуэли, а самого нерадивого лентяя. Вот и ходили молодые лорды в зал к старому мастеру, платили огромные деньги, стонали от синяков и перенапряжения, но бросать тренировки не решались. Жизнь всяко дороже.

Кто-то остановился в дверях. Кертал приказал одному из помощников продолжить тренировку и направился ко входу. Там стоял высокий юноша лет восемнадцати-двадцати. Шитый золотом потертый пояс сразу выдавал в нем представителя одного из великих домов элианской империи. Но старый мастер широко и добродушно улыбался, а не хмурился, как обычно бывало при виде очередного высокородного неумехи: с левого плеча молодого лорда свисал черный шнурок младшего горного мастера. Перед Керталом стоял свой, один из младших братьев. Происхождение не имело значения, черный шнурок за просто так не получишь, будь ты хоть герцогом.

– Приветствую тебя, старший брат! – по всем правилам поклонился юноша, сложив перед грудью руки лодочкой. – Брат Кенар порекомендовал обратиться к тебе.

– Здравствуй и ты, младший брат, – одобрительно кивнул старик. – Хочешь потренироваться?

– Да, на корабле не было места для тренировок, а мне не хочется терять сноровку.

– Кто учитель?

– Старший брат-наставник Тарвон ар Тилак.

– Ба! – удивился старый мастер. – Мой собственный ученик! Тесен мир. Куда этого бродягу занесло-то? Я лет двадцать о нем ничего не слышал.

– На Манхене, в Барталадарских горах живет, – улыбнулся юноша. – Когда отец узнал, что неподалеку горный мастер поселился, то всех троих сыновей за шкуру к нему отволок. Мастер Тарвон согласился нас взять, за что ему огромное спасибо. А потом, по примеру отца, все аристократы, живущие не дальше двухсот верст от его пещеры, детей своих на обучение отправили. У учителя сейчас больше полусотни учеников.

– Давно шнурок получил? – прищурился Кертал.

– Полгода назад... – смутился горец. – В юриэнской коллегии боевого братства.

– Зовут как?

– Лек Белый Волк, младший лорд великого дома ар Сантен.

– В метрополию зачем прибыл?

– А что дома делать-то? – скривился юноша. – Овец пасти или рудником управлять? Не хочу. Скучно. Я лучше его величеству послужу. Не зря ведь горным мастером становился?

– Правильно! – Уголки губ старика поползли вверх, в глазах светилось явное одобрение. – Воину дома не место. Думаешь старшим становиться или младшим останешься?

– Думаю... – тяжело вздохнул Лек. – Вчера вот ученика себе взял. Посоветоваться с тобой хотел, старший брат. Боюсь, взвалил на себя ношу не по силам...

– А что так? – удивился Кертал.

– Ученик уж больно странный попался.

– Да? И чем же он странен?

– Да ты его, наверное, знаешь. Можно позвать?

– Ну, зови... Поглядим, что там у тебя за ученик.

– Санти, заходи, – обернулся к двери Лек.

Когда в зал вошел огненно-рыжий конопатый мальчишка лет шестнадцати в новом полотняном костюме для тренировок, глаза

старого мастера стали круглыми, как у совы, лицо вытянулось, с него в этот момент можно было ваять статую воплощенного изумления. Кертал обошел Лека пару раз, глядя так, будто сомневался, что стоящий перед ним находится в здравом рассудке. Потом снова взглянул на Санти и потряс головой, пытаясь, видимо, избавиться от наваждения.

– Да уж... – сказал старик через несколько минут, немного придя в себя. – Ты прав, ученик у тебя совершенно особый. И как только тебе в голову пришло взять это наглое существо в ученики? Не человек ведь, а ходячее непотребство.

– Так получилось... – развел руками смущенный Лек. – Слово Воина произнесено и заверено эльдаром, серый шнурок мальчишка получил. Буду воспитывать.

– Его воспитаешь!.. – Кертал с немалым сомнением покосился на Санти, ковыряющего носком только что купленного мокасина пол, скомороху было непривычно ходить в обуви, но с наставником не поспоришь. – Но все-таки, как ты ухитрился так влипнуть, а, парень?

– Я на его движения смотрел, – пожал плечами молодой горец. – Да ты сам проверь, старший брат, – так только на второй—третий год обучения двигаются. Он за несколько лет черный шнурок получить сможет, если тренироваться как следует будет.

– Да? – приподнял кустистые брови старый мастер. – Надо посмотреть. Я к нему как-то не приглядывался, репутация у парня отвратительная, от него все вокруг шарахаются. А ну-ка, рыжий, иди сюда.

Санти неуверенно приблизился. Суровый старик пугал его до полусмерти, полупрозрачный белесый шнур на плече Элоиза Кертала сообщал, что его носитель – высший горный мастер-наставник, воин такого класса, что победить его мог разве что сам император или кто-нибудь из эльдаров. Несколько других шнуров говорили об участии в большинстве битв последних пятидесяти лет. Это были не просто шнуры, а высшие боевые награды элианской империи, каждая из которых сопровождалась пожалованием титула барона, а то и графа. Чтобы получить такую награду, необходимо было совершить, как минимум, подвиг, решивший судьбу сражения. Да и сотни шрамов на полуобнаженном теле говорили сами за себя. Мальчишка вздрогнул – он боялся боли. Старик бесцеремонно ощупал его, как щупают

лошадь на рынке. Санти терпел, не решаясь протестовать.

– А ну-ка сделай так, – негромко сказал Кертал, медленно поднимая правую ногу вертикально вверх.

Рыжий только плечами пожал. Чего тут сложного-то?! Он легко повторил движение старого мастера – с раннего детства обладал редкой гибкостью и никогда не пренебрегал растяжкой, акробату иначе нельзя.

– Хорошо... – довольно покивал старик. – Очень даже хорошо. А теперь прокрути сотни две фляков. Закончишь серию двойным или тройным сальто. Поглядим, что ты за акробат.

– Простите, у меня двойное еще не получается... – покраснел Санти. – Только одинарное.

– Ладно, пусть будет одинарное.

Мальчишка вздохнул, поежился и прыгнул на руки, начав серию. Ему и пятьсот фляков нетрудно было сделать – дядька Балдур в свое время хорошо гонял, пока не растолстел. Закончив, Санти вернулся к входу, не обращая никакого внимания на продолжающих тренировку аристократов в левом углу огромного зала.

– Теперь понимаю, чем он тебе пришелся по вкусу, – пожевал губу старый мастер. – Несколько неэкономно движется, но материал очень даже неплохой. Отшлифовать несложно. Беда только, что дурак. Не понимает, что глупые розыгрыши обижают людей. Сколько раз его до полусмерти избивали, а он все равно за свое.

– Я, кажется, знаю, в чем дело... – задумчиво сказал Лек. – Он ведь скоморох от бога, на его представлениях люди с ума от смеха сходят. Но Санти при этом не различает, где сцена, а где жизнь. Вот и ведет себя в жизни так, как можно только на арене.

– А ведь что-то в этом есть, – потер подбородок Кертал. – Вполне возможно. Тебе, впрочем, все равно придется выбивать почву из-под его ног, чтобы понял хоть что-нибудь. Покажи ему, что чувствуют люди, над которыми он шутил. Никуда тебе не деться: серый шнурок передан по всем правилам, я слышу его пение, а значит, что-то делать с рыжим все равно придется.

– Придется... – тяжело вздохнул Лек. – Я воспользуюсь твоим советом, старший брат. На своей шкуре почувствует – может, поймет.

– Возможно, – покосился на Санти старый мастер. – А теперь займемся тобой. Вижу, используешь двумечный бой?

– Да, – кивнул юноша. – У меня с детства обе руки одинаково работали. Учитель это, конечно, заметил и стал тренировать по особой программе. Он ведь и сам двумечник.

– Знаю, мой ученик, как-никак. Ладно, поехали.

Старик отошел к оружейной стойке у правой стены тренировочного зала и вынул два картага из потертых ножен. Клинки светились мягким светом, казалось, они пели неслышную песню. Каждый нормальный мужчина, увидев обнаженные призрачные мечи, замирал от восторга. Чудо, а не оружие. Лезвие картага рассекало напополам пушинку, его можно было согнуть в круг и не сломать при этом. Они легко перерубали плохо выкованные сабли кочевников, и те почитали горных мастеров за колдунов.

Тренировка остановилась, ученики сбились в кучу у стены, каждому хотелось посмотреть на схватку адептов двумечного боя. Редко когда можно было увидеть такое зрелище, обычно горные мастера не сражались при свидетелях. Многие юные аристократы смотрели на Лека с затаенным восторгом. Ведь перед пугающим их до онемения грозным старцем стоял такой же, как и они сами, молодой лорд, представитель великого дома. Пусть варвар, пусть горец с Манхена, но все-таки аристократ.

Церемонный поклон, каждый из мастеров скрестил картаги перед лицом и отступил на шаг назад. А затем зрителям показалось, что по залу пронесся вихрь. Сражающиеся то и дело на мгновение исчезали, их движения оказались настолько быстры, что уследить за ними было невозможно. Многие только хлопали глазами, смотря на невероятное зрелище. Святые угодники! Ведь мастеру-наставнику далеко за восемьдесят! Обычные люди в его возрасте едва ходить могут!.. Ученики, конечно, знали, что Кертал на многое способен, но одно дело – знать, а совсем другое – увидеть. Бой продолжался, мастера носились друг за другом по залу, взбегали на стены, сходились и расходились. Однако, по меркам обычных людей, они сражались совсем недолго – каких-то две минуты. Зато по их собственным меркам – целых две минуты. Невероятный срок.

– Я проиграл, уважаемый старший брат, – низко поклонился тяжело дышащий Лек. – Приношу свои извинения, я несколько

распустился за время плавания. Прошу разрешения воспользоваться твоим залом для тренировок.

– На здоровье! – довольно улыбнулся старик. – Что ж, вижу Тарвон хорошо над тобой поработал. Хвалю. Но ты еще не достиг своего потолка, парень! Не вздумай останавливаться, ты вполне способен стать невидимкой.

– Невидимкой?! – ошеломленно переспросил юноша. – Но...

Невидимые мастера, носящие прозрачные шнуры, высшая степень мастерства боевого братства империи, многим казались только сказкой. Каждый из них был вещью в себе, выполняя особые поручения императора. Чаще всего – в других странах. Слухов о них ходило множество, но никто ничего не знал наверняка. Лек и сам знал только, что такие мастера существуют, учитель говорил о них вскользь, ничего не уточняя. Сказал, что что-то все свое время. Неужели это время пришло? Юноша горящими глазами смотрел на старого мастера. Тот улыбался.

– Способен, если хорошо поработаешь. А я пока немного тебя погоняю. Сегодня дам несколько новых связных комплексов для двух мечей. Тарвон их не знал, разработаны два года назад тремя эльдарми и его величеством. Но придется повысить скорость реакции. Зайди завтра с утра в императорскую башню, тамошний маг наложит заклятие, я предупрежу его.

– Искренне благодарен, старший брат! – низко поклонился Лек.

И старый мастер принялся за них с Санти. Молодые аристократы из своего угла с ужасом смотрели на это действие, называемое по недоразумению тренировкой. По их мнению, так издеваться над живым человеком – жестоко. Милосерднее сразу повесить. Это как же можно – поставить ученика с поднятыми руками и добрый час охаживать его железной палкой по всему телу? А тот только улыбается. Бр-р-р... Кошмар какой-то!

Рыжий Санти стонал и плакал, но никто его жалоб не слушал, Кертал прозванивал каждую мышцу и каждый нерв рыжего скомороха, заставляя напрягаться так, как ему никогда еще не приходилось. Но, представив себя на месте наставника, мальчишка едва не задохнулся. Ой, мамочка ты моя! И за что это бедняге такое наказание? Единый, пощади и помилуй!

Старик заставлял Лека выгибаться так, что самому безумному

акробату в голову не придет, растягивал в хитрых станках, избивал. Горец делал непривычные даже для него упражнения, благодаря про себя Единого за то, что попал в руки великого учителя. И такой учитель обучает аристократов за деньги? Странно. Впрочем, его это не касается, Кертал знает, что делает.

Затем снова пришел черед картагов. Вот тут-то Лек и удивился по-настоящему. Нелогичные и даже неуклюжие на первый взгляд связки постепенно становились единым целым, вырисовывая необычную, но действенную систему обороны и нападения. Однако для исполнения этого танца мечей юноше не хватало скорости, он не успевал перетекать из позиции в позицию. Жаль, конечно, что придется пользоваться искусственным ускорением, – но что делать, когда естественной скорости не хватает? Зато за время действия заклинания новый уровень сверхскорости станет для Лека привычным.

Следуя за наставником, Санти постанывал и клял про себя тот момент, когда он по дурости швырнул шишку в горца. Сидел бы себе сейчас в балаганчике, вяло переругиваясь с дядюшкой Балдуrom, и ничего не делал. Так нет же, потянуло дурака на приключения. Лопай их теперь большой ложкой! Пока из ушей не полезет. Впрочем, уже полезло. У мальчишки болела каждая мышца, даже те, о существовании которых он и не подозревал. И это сейчас. Представив себе, что будет завтра утром, Санти жалобно пискнул. Лек остановился и с любопытством покосился на ученика, вопросительно приподняв бровь. Тот скривился. Надо же, наставник свеж и бодр, будто не над ним несколько часов кряду измывался сумасшедший старик.

– Устал? – иронично хмыкнул горец. – Привыкай, так теперь будет каждый день. Утром и вечером.

– И вечером тоже?! – взвыл Санти. – Ой-ой-ой... Может, не надо?

– Надо! – расхохотался горец. – А ты что, думал – шнурок за так достается? Держи кошель шире! Ладно, после тренировки нужно хорошо поесть. Знаешь поблизости хороший трактир?

– Знаю, – кивнул мальчишка. – Только мне там...

– Лучше не появляться, – закончил за него Лек. – И здесь

нагадил. Что ты за человек такой, а? Впрочем, забудь – теперь у тебя на плече шнурок ученика. Любой, тронувший тебя, будет иметь дело со мной. И за твои художества отвечать придется тоже мне. Так что сперва думай, а потом делай. Я ведь в долгу не останусь.

– Угу... – уныло буркнул Санти.

Шли недолго. Вскоре показалась большая вывеска трактира «Белый гусь», в котором обычно столовались торговцы и небогатые аристократы. Санти настороженно поглядывал по сторонам, он хорошо помнил кулаки здешнего вышибалы, огромного мужика, заросшего бородой по самые уши, над которым в свое время довольно зло подшутил, заманив беднягу в выгребные ямы за скотобойней. Тот не смог выбраться оттуда до самого приезда золотарей с новой порцией отходов. Вышибала поклялся, что прибьет ушлого скомороха. С тех пор Санти старался обходить «Белый гусь» десятой дорогой. Но раз наставник говорит, что все в порядке, то...

– А, попался, гнида рыжая! – взревел над самым ухом хриплый голос, и здоровенная лапа ухватила мальчишку за плечо. – Ну, усе, кранты тебе.

Обрадованный вышибала повернул рыжего, за которым безуспешно охотился добрых полгода, лицом к себе – и замер. Он сразу увидел переливающийся оттенками серого шнурок.

– Енто ты чо на себя нацепил-то? – голос громадного мужика сделался неуверенным. – Сдурел? За енто ж удавят...

– У вас претензии к моему ученику? – донесся до него ледяной голос Лека. – В таком случае извольте высказать их мне.

Вышибала повернулся к говорившему, открыл было рот, чтобы послать подальше, и снова замер. Взгляд его остановился на шитом золотом поясе аристократа, затем поднялся на черный шнурок и рукояти картагов. Он икнул и потряс головой, но ничего не изменилось, страшный горный мастер продолжал сверлить детину спокойными глазами убийцы. Едва ли не впервые за много лет вышибале стало жутко, он понял, что этот красивый юноша сейчас перережет ему горло и уйдет, как ни в чем не бывало.

– Н-никаких п-ретензий, с-светлый л-лорд... – с трудом выдавил вышибала и отпустил Санти, глядя на мальчишку уже со страхом. Эта рыжая паскуда – будущий горный мастер? Ой, мама родная... Если он весь город на уши ставил, когда нищим скоморохом был, то что

же он теперь сделает?

– В таком случае, всего доброго, – столь же холодно сказал Лек, отворачиваясь.

Санти в первый раз увидел пользу от своего ученичества и довольно хмыкнул. Если бы не наставник, избил бы его этот тип до полусмерти, вон кулачищи какие. Наверное, все-таки неплохо научиться драться так, чтобы ни одна сволочь безнаказанно обидеть не могла. Однако, вспомнив тренировку, он в который раз поморщился. Эх, нет, чтобы сразу взять и выучиться. Без усилий. Увы, так не бывает.

Рыжий вошел в трактир вслед за Леком. Подавальщица, вытиравшая ближний к входу стол, замахала на него полотенцем, но увидев ученический шнурок на плече мальчишки, застыла соляным столбом. Потом неуверенно помотала головой и сделала вид, что ее здесь нет и вообще никогда не было. Усевшись за стол, Санти довольно покосился на ошеломленного трактирщика и показал тому козу. Приятно, знаете ли. Потом прислушался к тому, что заказывает Лек, и удивился. Это зачем же столько? Разве вдвоем можно столько съесть? Да, есть хочется, но каждому по две миски мяса, суп, кашу с маслом, пудинг, салаты и фрукты? Не слишком ли?

– Не слишком, – понял его недоумение наставник. – После тренировок нужно плотно есть, очень большой расход энергии. Сам увидишь. Тебе кажется, что не голодный, но только кажется. Сам увидишь.

Лек оказался прав. После первой же ложки супа Санти почувствовал зверский голод. Он накинулся на еду и даже не заметил, как съел все заказанное. Никогда бы не подумал, что в него столько влезет! Желудок приятно урчал и даже побаливал от легкого переедания. Сейчас бы поспать, да только наставник вряд ли позволит. Вспомнив прежнюю вольную жизнь, Санти тяжело вздохнул. Попал, как кур во щи. Не повезло. Хотя это как посмотреть. Еще вчера он не знал, когда в следующий раз удастся пообедать. Если раз в два дня добывал что-нибудь, то и хорошо. Дядюшка Балдур в последнее время стал довольно скуп, а воровать не хотелось, противно. Часто пользоваться императорской милостью он тоже опасался – если ею злоупотреблять, быстро в колониях окажешься. Становиться фермером? Нет уж, это не по нему. Подработать удавалось редко, горожане почему-то гнали рыжего отовсюду. И что

за люди? На представлении от хохота покатываются, а пошутишь так же в городе – обижаются...

– Не спи, – дотронулся до плеча разомлевшего ученика Лек. – Сейчас пойдем на пустырь, еще потренируемся.

– Потренируемся?! – сразу очнулся Санти. – Ой, мамочка...

– Не плачь, ничего страшного, – едва сдержал смех горец, очень уж комично выглядел рыжий.

– Тебе, конечно, ничего страшного... – почти неслышно пробормотал тот. – Вон какой здоровенный вымахал...

Лек, конечно, услышал, но не стал ничего говорить. Он иронично покосился на ученика и вышел из трактира. Санти, тяжело вздыхая, поплелся за ним. Молодой горец шел на замеченный неподалеку от порта пустырь, там вполне можно было еще несколько раз повторить выученный утром комплекс, да и ученика немного погонять. Вспомнив, как стонал в свое время сам, Лек не удержался от улыбки. Выл даже порой, проклинал учителя, желал ему всяческих бед. Ничего, потом понял, чем обязан мастеру Тарвону. Этот тоже когда-нибудь поймет, а пока пусть себе стонет и ругается.

Стражники у городских ворот отсалютовали горному мастеру короткими алебардами, переглянувшись при виде рыжего скомороха со шнурком ученика на плече. Один незаметно покрутил пальцем у виска, кивнув на Лека. Ничего другого никто и подумать не мог про человека, взявшего в ученики такого паршивца. Вслух, понятно, стражники ничего не сказали. Оскорбить горного мастера? Каждый из воинов еще хотел жить.

На пустыре собралась толпа. Люди гневно кричали, махали кулаками и палками, кто-то вопил: «Бей краснорожего!» Лек решительно направился к толпе. Протолкавшись к стене амбара, юноша изумленно замер. Перед ним, вжавшись спиной в угол и приготовив томагавки, стоял орк. Самый настоящий. Горец помотал головой, но наваждение никуда не делось – краснолицый урук-хай, скалящий большие клыки, готовился к драке. Желтые маленькие глазки горели гневом, жесткие черные волосы стояли дыбом. Откуда он здесь взялся?! Забьют ведь беднягу, только за то, что орк. А ведь Оркограр – союзник империи. Нельзя так. Хочется не хочется, а придется вмешиваться.

– Что здесь происходит?! – рявкнул Лек, вынимая картаги.

Многие обернулись и застыли на месте, никто не ожидал увидеть горного мастера с призрачными мечами в руках. Да еще и светлого лорда в придачу.

– Дык, орчище ж, светлый лорд... – выступил вперед самый смелый, здоровенный мужик в фартуке кузнеца.

– И что? – Брови юноши приподнялись, весь его вид выражал холодную решимость, и толпа шарахнулась назад. – Народ урук-хай – наши союзники. Вы что, войну хотите спровоцировать, господа ремесленники? Вам хочется, чтобы орочи броненосцы разнесли город?

– Дык, оно-то так, светлый лорд... – озадаченно почесал в затылке кузнец. – Но орчище ж...

– А что орчище? – удивился Лек. – Что он вам сделал?

– Он, енто, с барки кэптена Кверта Баска спрыгнул... – сказал еще кто-то. – В трюме ховалси. А ну как он чегой-то уворовал?

– Кворт Баск здесь?

– Да, светлый лорд, – выступил вперед хорошо одетый пожилой человек в нашейном шелковом платке моряка.

– Урук-хай украл у вас что-нибудь? – спросил Лек.

– Ни боже ж мой! – поднял руки капитан. – Я им говорил, так слушать ничего не хотят, вопят, как сторка^[2] обкурились, что орчище, мол, что бить краснорожего. Прятался он у меня на корабле, это факт. Почему – не знаю. Как пристали, орк выскочил из трюма, как мелкий дорхот из коробки, и на берег. У меня половина матросов с перепугу за борт сиганула.

– Никто не пострадал?

– Слава Единому, нет.

– Так какие у вас претензии к нему? – приподнял брови юноша.

– У меня – никаких, – развел руками капитан. – Пары кусков солонины, им съеденных, мне не жаль, все равно ее давно выбрасывать пора. Это у портовых зевак претензии, делать им нечего. Мне с урук-хай не раз дело иметь доводилось, и в Грорк, и в Фрат, и в Мрок заходил. С орками торговать – одно удовольствие, никогда не обманывают, считают ниже своего достоинства. Не то люди – в

Даркасадаре или Нартагале только отвернись – сразу прошлогодний снег всучат. О святошах вообще говорить нечего, редкая сволочь. Не понимаю я, если честно, чего он прятался. Подошел бы, попросился на борт, что я, не взял бы? Без денег парень, наверно. Дело-то житейское, грех не помочь.

– В таком случае – прошу разойтись, – повернулся к зевакам Лек, его голос звучал скрежетом металла по стеклу и заставлял ежиться, учитель в свое время учил юношу пугать толпу. – С этого момента я, Лек Белый Волк, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру этого орка под свою защиту. Ясно, господа?

Отвечать оказалось некому, люди поспешно разошлись, осеняя себя святым косым крестом Единого. Да ну его, этого чокнутого горца, еще в самом деле зарежет, с него станется. Остался только хмыкающий себе под нос капитан. Он осматривал опустившего томагавки орка и озадаченно дергал себя за усы.

– Что-нибудь не так? – спросил Лек.

– Да вот не вижу у него на одежде знаков принадлежности к племени и клану, – проворчал моряк. – Изгой, что ли? Или беглец? Или...

Он осенил себя косым крестом.

– Что «или»?

– Говорят, если какой-нибудь урук-хай уходит в бой, с которого, скорее всего, не вернется, он снимает с одежды символы, заявляя таким образом, что принадлежит всему народу, а не только какой-то его части. Не знаю, правда ли...

– Вот как? – задумчиво протянул Лек, подозрительно глядя на гордо вытянувшегося орка.

Совсем молод, судя по всему. Хотя, как судить? У многих урук-хай с детства морщинистые лица. Но у этого темно-красная кожа чистая, не заросшая волосом, как у стариков их народа. На щеках шесть ритуальных шрамов, говорящих, что их носитель прошел воинское посвящение. Крупные клыки выступают из-под нижней губы. Небольшие, плотно прижатые к голове остроконечные уши. Глаза маленькие по человеческим меркам, с вертикальным зрачком, и горят желтым огнем. Одет в свободные штаны из мешковины и кожаную безрукавку с множеством карманов и петлями для десяти

небольших томагавков, которые орки бросают далеко и метко. В кобуре на поясе револьвер. За спиной почти пустой мешок. На ногах крепкие, подкованные сапоги из кожи морского тавна.^[3] Нет, парень далеко не из бедных, такие сапоги не каждому по карману, иной ремесленник за полгода меньше зарабатывает, чем они стоят. Лек сам носил похожие и знал, что обувь прослужит еще лет десять.

Орк тоже внимательно смотрел на стоящих перед ним людей. Почему-то больше всего времени он уделил Санти. Когда он увидел серый шнурок ученика на плече мальчишки, в желтых глазах мелькнула зависть.

– Ты горный мастер? – хрипло спросил урук-хай, он говорил на лаарском с заметным акцентом, но понять можно было без труда.

– Да, – кивнул юноша. – Мое имя – Лек Белый Волк. Кто ты?

– Храт Сломанный Клык, – с достоинством ответил орк, хотя на его лице появилось явно заметное удивление. Только значительно позже Лек узнал, что по обычаям древнего народа полное имя называли только другу или хорошему товарищу.

– Мать бешеного хорба! – едва не подпрыгнул капитан. – Теперь я понимаю, почему он тайком на борт пробрался! Меня в Мроке трое суток в море не выпускали, раз десять обыскивали. У старейшины клана Сломанный Клык младший сын сбежал! Весь город перерыли. А он у меня в тюках с шелком прятался...

– Они меня не нашли! – гордо оскалился орк. – Бате придется смириться с моей клятвой.

– И какую же клятву ты дал? – спросил Лек, ему чем-то нравился этот парень.

– Меня считали ни к чему не пригодным... – тяжело вздохнул тот. – Старшие братья шпыняли, гмырхом^[4] бесполезным обзывали. Надоело. Думал. Много думал. И надумал. У нас нет бойцов уровня ваших горных мастеров. Даже говорят: «Скорее небо на землю упадет, чем урук-хай горным мастером станет». А почему? Чем мы хуже? Я пошел в Храм Неба и перед лицом старших жрецов дал клятву, что или умру, или стану одним из вас. Снял все символы рода. Но батя запретил. Пришлось бежать. Я не мог иначе, я поклялся!

– И ты отправился через полмира за мечтой? – Лек широко

улыбнулся: он хорошо понимал младшего сына большого рода, сам был таким же.

– Да! – сверкнул глазами орк. – Наверное, умру. Вы, люди, нас за что-то не любите. А за что?

– Не любят только дураки, – хмыкнул юноша. – Но раз так, пойдем, отведу тебя к одному из мастеров-наставников боевого братства. Обещать ничего не буду – не слышал, чтобы урук-хай становился горным мастером.

– Я тоже не слышал... – пробурчал Храт. – Но...

– Клятва дана, – закончил за него Лек. – Понимаю, меня отец тоже не хотел отпускать в метрополию, желал, чтобы я за овечьими отарами приглядывал. Пришлось учителю вмешаться. Однако мне было легче, я к тому времени уже получил черный шнурок. Вчера сам ученика взял, вон стоит, оболтус рыжий.

– А может, и меня возьмешь? – бухнул орк и сжался от собственной наглости.

– Тебя? – Лек сначала изумился, а затем задумался.

Мастер Тарвон всегда учил его не отступать перед трудностями, взваливать на себя самые неподъемные дела. Успех в таком деле куда приятнее любого другого. Да и достойнее. Может, встреча с этим орком – судьба?..

Но принимать столь важное решение в одиночку Лек все-таки не решился. А вдруг боевое братство против? Нет, надо поговорить с мастером-наставником. Но чем-то эта идея Леку прилась по вкусу. Урук-хай в учениках? Интересно! До жути интересно. Сумеет ли существо иной расы научиться? Сумеет ли достичь сверхскорости? Без нее ведь горным мастером не станешь.

– Пока я тебе ответа не дам, Храт Сломанный Клык, – улыбнулся юноша. – Прежде всего нам с тобой нужно поговорить с мастером-наставником. Но готов ли ты к трудностям? Это ведь тяжело, тренироваться придется без передышки.

– Готов! – отрезал орк. – Я, чтобы горным мастером стать, от всей своей прежней жизни отказался. Так что мне теперь поздно трудностей бояться.

– Хорошо, идем.

Стражники у ворот окончательно ошалели, увидев, что сумасшедший горец отыскал где-то орка и тащит его с собой в город. Но спорить с горным мастером не решились, только отправили одного из бегавших поблизости мальчишек с сообщением о случившемся в казармы стражи – пусть офицеры сами разбираются.

Люди на улицах Тарсидара потрясенно замирали, завидев гордо шагающего вслед за Леком урук-хай. Редкая, очень редкая картина. Обычно орки не высаживались на сушу, ведя переговоры с городскими властями прямо в порту. Многие задавали себе вопрос: что бы это значило? Как бы войны не было. Позади кучковались зеваки, не решаясь подойти ближе. Многие, наверное, охотно закидали бы нелюдя камнями, но он находился под защитой горного мастера. Нарываться на конфликт с боевым братством не хотелось никому.

Мастер Кертал гонял группу офицеров гвардии, вовсю костеря их за лень, когда в дверях снова показался давешний горец. Вернулся? Странно, договаривались ведь на завтра. Выглядел парнишка смущенным и неуверенным. Случилось что-нибудь? Надо выяснить.

– Тут такое дело, уважаемый старший брат, – сказал Лек поздоровавшись. – Я с одним парнем повстречался. Случайно. Он клятву дал, что или горным мастером станет, или умрет. С отцом насмерть из-за этого рассорился, из дому сбежал, через полмира прошел, но добрался до Тарсидара.

– Да? – широко улыбнулся старый мастер. – Люблю настойчивых! Из них всегда толк выходит. Давай его сюда, погляжу.

– Только он...

– Что?

– Не человек... – тяжело вздохнул юноша.

– Как это – не человек?! – едва не выронил палку Кертал.

– Урук-хай он.

В дверях показался мрачный орк. Ошеломленный старик долго смотрел на него и неверяще покачивал головой.

– Слушай, парень, – медленно повернулся он к Леку. – У тебя потрясающий талант притягивать неприятности.

Потом направился к Храту и коротко приказал:

– Рассказывай.

Пока тот, запинаясь и мыча, рассказывал свою историю, старый мастер о чем-то напряженно размышлял. Он то и дело переводил взгляд то на Лека, то на Санти, то на Храта. Если бы это не было невозможным, можно было подумать, что Кертал напуган. Но разве может чего-то бояться высший мастер-наставник боевого братства?!

– Есть одна то ли легенда, то ли пророчество... – глухо сказал старик, когда орк закончил. – Еще времен первого императора, Элиана Завоевателя. О пятерых, которые перевернут мир. Скоморохе, горце, аристократе, орке и эльфе. Не о вас ли эта легенда, братцы-кролики?

– Среди нас эльфа нет... – удивился Лек.

– Будет, – заверил его старый мастер. – С твоими талантами ты и эльфа из-под земли выроешь. Много ведал, но такого как-то не доводилось... За каких-то два дня столько неприятностей себе на задницу сыскать?..

– А что я-то? – пожал плечами юноша. – Я разве специально искал? Случайно вышло.

– Оно иначе и не бывает, – проворчал Кертал, снова оглядывая всех троих. – Только случайно. На первый взгляд. Ладно, это все лирика и древние сказки. Надо думать, что с твоим орком делать.

– Что здесь думать? – удивился Лек. – Он меня спросил: не возьму ли я его вторым учеником. Я согласен.

– Видал наглецов, но таких... – восторженно протянул старик, посмеиваясь. – Впрочем, так я и думал. Сразу видно, что тебя Тарвон учил. По наглости видно. Ты хоть представляешь, что тебе предстоит? Храт – существо иной расы, у него по-другому расположены мышцы, связки, даже суставы. Каждое упражнение придется переделывать, каждое движение обдумывать. А что в городе подымется, ты представляешь? Орк – горный мастер? Да сам герцог на стену полезет от ярости.

– Я как-то не подумал... – спал с лица юноша, почесав в затылке. – Что же делать?

– Попробуем, – вздохнул старый мастер. – Если эльдары

одобряет, ничего наместник сделать не сможет. Не рискнет. Мы к нему давно присматриваемся. Что-то неладное в Тарсидаре творится в последние годы... Впрочем, извини, мальчик, тебя это не касается, ты здесь жить не собираешься.

– Если потребуется моя помощь, старший брат, прошу рассчитывать на мои мечи! – гордо выпрямился Лек.

– Ой, и кого это мне напоминает сей выюнош с горящими очами? – ехидно прищурился Кертал. – Одного молодого дурака лет эдак семьдесят назад. Уверенного, что, раз получил шнурок младшего мастера, то весь мир лежит у его ног.

– Я... – смутился Лек, понявший, что старик имеет в виду самого себя. – Это...

– Не мычи. Бери Храта, и идем на улицу. Провернем все быстро, пока герцогу не доложили. Интересно, как он среагирует... Неинициированный шнурок есть?

– Один был, но... – юноша бросил взгляд на озадаченного Санти.

– Понятно, – кивнул Кертал. – Держи, у меня этого добра хватает.

Орк смотрел на них горящими глазами. Он понял только одно – его мечта скоро исполнится. Этот Лек Белый Волк согласен взять его, Храта, в ученики, а грозный старик одобрил это решение. О предстоящих трудностях урук-хай не думал, да и не хотел думать. Справится! Со всем справится. Вслед за остальными он вышел на улицу.

Возле тренировочного зала собралась небольшая толпа, что было необычно для Тарсидара. Люди во все глаза смотрели на орка и негромко переговаривались. Изредка доносился чей-то истерический вопль. Если бы краснорожую нелюдь не охраняли горные мастера, его давно в клочья бы разорвали! Урук-хай внушали простым людям какой-то глубинный, безотчетный страх. А тут еще и Церковь подлила масла в огонь – объявила их исчадиями ада. Из-за этого любого представителя древнего народа, посещавшего империю, тщательно охраняли. И далеко не всегда удавалось оградить послов от неприятностей, особенно если травлю организовывал кто-нибудь из фанатичных монахов-целестинцев.

Лек не понимал, почему его величество позволяет церковникам

делать что им вздумается, он бы на месте императора прижал рысоносцев так, что они только пищали бы. Фанатики проклятые!

Терять времени не стоило, юноша поднял к небу взятый у Кертала серый шнурок и громко сказал:

– Я, Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен, младший горный мастер боевого братства империи Элиан, беру в ученики Храта Сломанного Клыка и произношу Слово Воина! – Голос юноши стал торжественным. – Прошу эльдаров его величества императора занести мои слова в Анналы Братства!

Затем горец произнес Слово Воина. Старый мастер подтвердил его слова. Ошеломленные люди смотрели, открыв рты, как красноружую нелюдь принимают в боевое братство Элианской империи. Шар на вершине императорской башни внезапно загорелся багрово-алым огнем. Такого цвета никому из горожан видеть не доводилось – казалось, что по улицам Тарсидара потекли реки адского пламени.

– Занесено! – прогремел над площадью сочный баритон, в котором легко угадывался голос самого императора. – Ученик Храт, ты готов принять ученичество? По доброй ли воле ты его принимаешь?

– Да! – прохрипел потрясенный орк.

– Свершилось! – торжествующе рассмеялся его величество. Из пылающего колдовским огнем шара вытянулся алый луч и ударил в шнурок, инициировав его. – Многие из моих предшественников мечтали об этом дне. И вот он наступил. Первый урук-хай среди нас! Значит, пришло время. Мои подданные, я буду оскорблен, если кто-нибудь попытается поднять руку на ученика Храта.

Наступила тишина. Горожане поспешно устремились прочь с площади. Мало кто из них до сих пор слышал голос самого императора. Больше никто, даже самые фанатичные монахи, и не помышлял об убийстве орка. Его величество оскорблений не прощал. Попасть под руку «проклятому Единым колдуну», как исподтишка называли правителя Элианской империи «святые» отцы? Лучше даже не думать об этом, жизнь как-то дороже амбиций и предрассудков.

На смену горожанам прибыли отряды воинов в синих плащах наместничьей стражи и в серых с серебром – императорской. Их возглавлял невысокий старик с полупрозрачным шнуром мастера-

наставника боевого братства на плече. Быстро разобравшись в чем дело, начальник стражи направился к довольно ухмыляющемуся Керталу.

– Ну, и зачем ты поднял такой переполох? – негромко спросил он.

– Не нервничай, Ланиг, – отмахнулся старый мастер. – Ты слышал слова императора.

– Слышал, но не понял. Для чего его величеству орк? Не понимаю.

– Похоже, началось, дружище. То, чего мы так долго ждали.

– Объясни.

– В течение двух дней встретились скоморох, горец и орк. За аристократом, думаю, дело не станет, их вон сколько вокруг. Я не удивлюсь, если сей энергичный юноша, я имею в виду горца, вскоре ко мне и эльфа притащит. Ты понимаешь, что это может значить?

– Копыто дорхота! – мертвенно побледнел начальник стражи. – Только этого нам для полного счастья и не хватало! Мало мне герцога с его грязными играми.

– Значит, мало, – вздохнул Кертал. – Я буду внимательно следить за этой троицей. А если троица паче чаяния превратится в пятерку, то следить придется куда тщательнее, чтобы не упустить момента инициации.

– Вот когда превратится, тогда и поговорим более предметно, – поморщился Ланиг. – Скажи лучше, что с герцогом делать станем? Он ведь, если узнает, что в Тарсидаре орк поселился, такое поднимет...

– Да пусть воет! Приказ императора – и этим все сказано. Хуже другое. К нашему городу лучшие маги империи постепенно стягиваются. Что им здесь, медом намазано? Не нравится мне это. У каждого, как будто, свои причины посетить Тарсидар. Но общая картина...

– Да, – мрачно сказал начальник стражи. – Заговором пахнет. Но чего могут добиваться заговорщики?

– Не знаю, к сожалению... – развел руками Кертал. – Если бы знал, легко вычислил бы кому это нужно. Пока советую

предупредить Диппата, пусть третий приказ^[5] тоже пошевелится, совсем они паутиной заросли.

– Толку-то? Мне иногда кажется, что там засел кто-то из врагов. Доказательств не имею, все на уровне предчувствий, но...

– Именно, что «но»... – проворчал старый мастер. – Если ты прав, наши дела плохи. Проклятье, срочно необходима связь с кем-нибудь из эльдаров! Где их всех дорхот носит? Я попытался передать императору сводку во время обряда, но не уверен, что он услышал.

– Не то что-то его величество в последнее время делает, – вздохнул Ланиг. – Возникает ощущение, что ему плевать на империю. Страна на глазах разлагается, а он ничего не предпринимает.

– Поди разберись в его мотивах, – пожал плечами Кертал. – Колдун, он колдун и есть...

3. Аристократ

Храт сидел в углу комнаты наставника и любовно поглаживал свой серый шнурок, приятно колющий пальцы слабенькими искорками странной магии. Он до сих пор не мог поверить, что невероятная мечта сбылась в день прибытия в империю. Так ведь не бывает! А вот случилось. Дико повезло, что на дороге встретился этот мастер. Наверное, их свела вместе судьба. Орк поблагодарил про себя Создавшего Мир и Мать-Тьму, затем довольно оскалился, представив, как вернется домой с белым шнурком старшего мастера. Какими восторженными глазами будут смотреть на него младшие братья и племянники. Храт еще не отдавал себе отчета, что навсегда связал свою жизнь с Элианской империей.

Все вокруг казалось светлым и радостным, впереди ждала жизнь настоящего воина. Правда, при воспоминании о вчерашней тренировке он вздрогнул. За урук-хай, получившего серый шнурок, взялись сразу два мастера-наставника и уж постарались на славу. Храт и представить себе раньше не мог, что способен так изгибаться. Старики прозванивали каждую его мышцу, каждый сустав, каждое сухожилие. На все были даны нагрузки далеко за пределами возможного, орк едва не выл от боли, но терпел – сам захотел, так молчи теперь, подхвостье гмырха. И делай! Он с легким недоумением косился на второго ученика, мелкого рыжего парня, стонущего и ноющего. Да разве можно себя так вести? Это же позор! Впрочем, люди – кто их разберет? Зато старые мастера с наставником восхитили Храта. Какое невероятное мастерство! Какие потрясающие воины! Ничего, когда-нибудь и он сам станет не хуже. Когда-нибудь. Труда, конечно, придется приложить немало, но это как раз не страшно, справится.

Пока орк размышлял, проснулся наставник и принялся будить Санти: пора было отправляться на утреннюю тренировку. Скоморох что-то невнятно мычал и отбивался. Храт ослабил и показал на кувшин с водой. Лек весело заломил бровь, прыснул и кивнул. Орк взял кувшин, подкрался и вылил на рыжего добрую кварту холодной воды. Тот с воплем подпрыгнул с топчана и повел вокруг ошалевшими глазами.

– Ну как, Санти? – поинтересовался Лек. – Нравится, когда над

тобой шутят?

– Да разве это шутка?! – возмутился рыжий. – Это издевательство! У-у-у, образина краснорожая!

– Другие тоже так говорили, а ты смеялся. Вот теперь и попробуй на своей шкуре, каково оно.

– Я... – открыл было рот Санти... и закрыл.

Храт ничего не понял в их разговоре, но наставник, похоже, даже этот эпизод использовал для воспитания рыжего. Надо же. Тот в это время попробовал встать и с воплем упал – мышцы ног скрутило судорогой.

– Ясно, – кивнул Лек. – Легкое перенапряжение.

– Легкое?! – возмущенно завопил рыжий. – Это – легкое?! Да я ходить не могу!

– Конечно, легкое, – ехидно ухмыльнулся горец. – Сейчас сделаю массаж, и побежишь.

– Нет! – взвизгнул Санти. – Не надо!

– Надо, красавчик, надо. Храт, держи его.

Орк, только казавшийся медлительным, легко скрутил верткого скомороха. Он с интересом наблюдал за действиями наставника, придерживая одной рукой извивающегося рыжего.

Лек достал из котомки большую банку с какой-то мазью, окунул в нее руки и начал энергично растирать стонущего ученика. Потом принялся разминать его мышцы и сухожилия. Вот тут-то Санти и взвыл по-настоящему, он плакал и вырывался, умолял удавить его прямо сейчас, только не мучить. Храт старался запоминать приемы массажа – крайне полезная вещь! – но далеко не все запомнил, пальцы Лека двигались слишком быстро, перебирая каждую косточку и каждую мышцу рыжего. Вскоре орать тот прекратил, только изредка постанывал. А когда Лек закончил, довольно бодро вскочил, удивляясь про себя, что почти не чувствует боли. Храт озадаченно сложил губы трубочкой – видел, как массировали после долгих походов новичков. Совсем иначе! Обходились одними ногами.

– Как сам? – повернулся к нему Лек. – Мышцы болят?

– Болят, – честно признался Храт. – Но ходить могу.

– Значит, недогрузили немного, – озабоченно покивал горец. – Ничего, сегодня мы это исправим.

Недогрузили?! Это вчера-то? У орка полезли глаза на лоб от такого известия, и он не сразу обратил внимание, что наставник с рыжим довольно скалятся. Шутят они так, что ли? Хвост дохлого габта^[6] этих людей разберет! Все с тем же недоумением Храт спустился вниз, где ожидал накрытый папашей Дорфитом стол. Еще одно непонятно. Почему этого почтенного старого воина называют папашей все кому не лень? В Мроке иногда называли какого-нибудь пожилого орка отцом, демонстрируя тому свое уважение, но это позволялось далеко не каждому.

Голодная молодежь быстро смела все со стола. Трактирщик с интересом поглядывал на них, подавая все новые блюда. С такими едоками и разориться недолго, на троих он как-то не рассчитывал, молодой мастер подозрительно быстро нашел себе учеников. Но клятва есть клятва, поэтому еще вчера вечером папаша Дорфит только тихо вздыхал. Однако поздно ночью произошло непредвиденное – в дверь трактира постучал курьер с императорским долговым обязательством и требованием предоставлять молодым воинам все необходимое. Да не просто курьер, а эльдар в сером с серебром плаще со скрытым туманом лицом.

Папаша Дорфит был потрясен, никогда до сих пор не приходилось видеть документов, подписанных лично его величеством Мараном V. Да, он, как и каждый трактирщик элианской империи, ежемесячно относил счета за еду для бедных в канцелярию наместника, но ни разу не имел дела ни с кем выше помощника казначея. А тут вдруг – эльдар, легендарный рыцарь престола. Интересно, чем заинтересовали императора три юнца, один из которых – вообще орк? Надо же, всех троих взяла на полное довольствие императорская казна. Но им самим говорить об этом эльдар запретил. Почему? Трактирщик долго ломал себе голову, но так ничего и не понял.

– А теперь – бегом! – скомандовал Лек, когда все наелись. – Три круга вокруг города!

– Ой, мамочка! – запричитал было Санти. Храт дал ему легкий подзатыльник, скоморох в ответ высказал в соответствующих выражениях все, что думал об умственных способностях орка.

Молодой урук-хай и сам удивлялся, что так легко вписался в компанию. Дома о людях чего только не рассказывали. И ведь ввали большей частью! Ничем, по большому счету, эти люди не отличаются от его народа. Точно так же смеются и плачут, любят и ненавидят, дружат и враждуют. Выглядят немного по-другому – так разве в этом дело?

Храт бежал, то и дело шпыняя ноющего рыжего, на что тот раздражался нарочито гневными тирадами, но вскоре не выдерживал и прыскал. Несущийся впереди Лек оглядывался на учеников и тоже весело смеялся. Завидев их, стражники поспешили открыть ворота. На орка, принятого в боевое братство по личному приказу императора, они смотрели с неприкрытым страхом, но сказать ничего не решились.

Санги бежал легко и удивлялся этому. Думал, несколько дней ходить не сможет... Но массаж, сделанный наставником, оказался на изумление действенным, тело переполняла сила, хотелось орать и прыгать. Он то и дело крутил фляки, колеса и кульбиты, на что орк презрительно фыркал, но пытался повторить, когда то же самое делал наставник. У Храта ничего не получалось, он неловко шлепался на землю и раздраженно вскакивал, ругаясь сквозь зубы.

– Не спеши! – крикнул на ходу Лек. – Этому не так просто научиться. Всему свое время.

Орк повздыхал, но прекратил попытки заниматься акробатикой. Так хотелось выучиться всему и сразу, но он хорошо понимал, что это невозможно. А жаль!

Трое юношей продолжали бежать по пересеченной местности неподалеку от городской стены. Они перепрыгивали ручьи и овраги, смеялись – Санги рассказывал в лицах смешные истории, совсем забыв о страхе перед тренировками. Казалось, у рыжего скомороха открылось второе дыхание, появились откуда-то дополнительные силы. Стена двигалась мимо, бегуны проскочили восточные ворота, за которыми находились, в основном, дома знати. Внезапно Лек поднял руку и остановился.

– Что случилось? – сразу спросил Санги.

– Похоже, дуэль, – кивнул на полянку неподалеку горец. – Только какая-то странная... Давайте посмотрим. Ближе подходить не надо, не стоит мешаться в дела чести.

Действительно, на полянке друг напротив друга застыли несколько человек. Точнее, один стоял напротив троих. На каждом были шитые золотом пояса аристократов.

– Странно, почему у него нет секундантов? – спросил сам себя Лек, наблюдая за дуэлянтами, ему что-то сильно не нравилось в происходящем, а вот что именно – никак не мог понять.

Люди на поляне обменялись несколькими фразами. Юноша задумчиво покачал головой и тенью скользнул ближе, откуда можно было слышать разговор. Он внимательно изучил противников. Одиночка был весь какой-то скособоченный, хромой и на редкость некрасивый. Каждая черта лица в отдельности смотрелась нормально, зато в совокупности... Лек только головой покачал – вот ведь бедолага, девушки от него, наверное, шарахаются. Противостоял хромому уроду красавец с длинными черными волосами, склотыми на затылке в хвост, и породистым лицом аристократа в незнамо каком поколении. Его секунданты выглядели не менее благородно.

– Что, хроменький ты наш, даже секундантов найти не смог? – язвительно спросил красавец.

– Извольте соблюдать вежливость, граф Давер, – хрипло ответил хромой, он явно боялся, но скрывал свой страх.

– С кем? С тобой, придурок? Ты мало того, что вызвал меня, так еще и осмелился явиться без секундантов? А раз так, свидетелей у тебя нет. И марать об тебя благородную сталь я не намерен.

Трое аристократов переглянулись и достали из-за спин дубинки.

– Вы что, с ума сошли? – побледнел хромой. – Вы трус, граф! Вас вызвали на дуэль!

– Ты, тварь хромоногая, думал, что я буду с тобой драться? – Лицо красавца исказила гадкая ухмылка. – Нет, я буду тебя бить. Как проворовавшегося холопа на конюшне, где тебе самое место!

Аристократы пошли вперед, поигрывая дубинками. Хромой в панике выхватил мечишку. Лек презрительно скривился – назвать этот тонкий прутик мечом было бы оскорблением для меча. И хромой собирался драться этим жалким подобием оружия? Наивный. Скорее всего, он шел на дуэль, зная, что умрет. Но даже в таком случае следовало взять нормальный меч. И в самом деле, мечишко переломился от первого же удара красавца, и хромого принялись

избивать. Лек некоторое время смотрел, не вмешиваясь, пока не понял, что на поляне происходит хладнокровное и подлое убийство, идущее вразрез со всеми законами чести. Несчастный урод лежал на траве и слабо хрипел, пытаясь закрываться от ударов руками. Граф Давер не спешил, явно наслаждаясь происходящим. Этого горец стерпеть уже не мог. Он рванулся к поляне.

– Остановитесь, господа! – крикнул Лек. – Где ваша честь?!

– Иди своей дорогой, придурок, копыто дорхота тебе в глотку! – рявкнул в ответ граф, не отрываясь от своего занятия. – А то и тебе достанется!

– Убирайся! – присоединился к нему приятель-секундант, второй тоже вякнул что-то грубое.

– Господа, вы меня оскорбили! – довольно осклабился Лек. – Принимаете ли вы мой вызов? Я готов драться со всеми тремя одновременно. Или человек, которого вы избиваете, сказал правду, и вы трусы?

– Принимаю, ублюдок! – разъяренно прошипел граф, оборачиваясь.

И тут же спал с лица: перед ним с картагами в руках стоял в странной позе горный мастер, адепт двумечного боя, которого он видел вчера утром в тренировочном зале. Лезвия страшных мечей горели призрачным светом.

– Итак, вызов вами принят, – криво усмехнулся горец. – Очень хорошо. Позвольте представиться, господа. Лек Белый Волк, светлый лорд великого дома ар Сантен. Вы готовы умереть?

– Я... – пролепетал граф Давер, лихорадочно ища повод уклониться от дуэли, но не находил ни одного. – Приношу свои извинения, светлый лорд, я не видел...

– А раз не видели, можно оскорблять? – Лек приподнял брови и повернулся к избитому хромоту, безуспешно пытающемуся подняться на ноги. – Вы подтвердите факт нанесения оскорблений, сударь?

– С превеликим удовольствием, светлый лорд... – с трудом прохрипел тот, снова падая.

– Прекрасно, – улыбнулся юноша. – Что ж, господа, приступим.

– Но я готов принести извинения! – в панике выкрикнул граф, бледнея – понимал, что против горного мастера не продержится и нескольких мгновений.

– А я не принимаю ваших извинений. И сообщаю, что вы не только трус, но и подлец, граф. Вы понимаете, что случится, когда в городе узнают о вашем поступке?

Лек показал на избитого до синевы человека. Красавец брезгливо взглянул на него, затем побледнел еще сильнее. Убить противника на дуэли самому – это одно, а расправиться при помощи секундантов – совсем даже другое. Если об этом никто не узнает, ничего страшного. А вот если узнают... Да, если о таком станет известно, пошедшие против законов чести аристократы станут изгоями в обществе, от них отвернутся даже родственники. Единый, да как он об этом не подумал?! Надо было проткнуть наглого хромого урода мечом, никто и слова не сказал бы. Бросив взгляд на приятелей, граф увидел, что они бледны не менее его самого, только сейчас осознав, что натворили. Проклятый горный мастер! Откуда он здесь взялся? Сволочь поганая! Ну ничего! Поняв, что терять нечего, граф выхватил из-за пазухи револьвер орочьего производства, стоивший в империи диких денег, и выстрелил в горца.

Лек ждал чего-то подобного, подлец есть подлец. Он легко ушел с линии выстрела, подцепил ногой подвернувшийся камень и точным броском выбил револьвер из рук графа. Тот выхватил меч, но это не помогло, вскоре голова гордого красавца отлетела в сторону, а тело рухнуло на землю, орошая траву потоком крови. Юноша повернулся к секундантам и быстро расправился с ними. Поначалу он хотел было пожалеть молодых дураков, только ранить, но вспомнил, что ни один из них не протестовал против избиения несчастного хромого. По заслугам! Приятели графа умерли быстро, не успев ничего почувствовать.

– Благодарю вас... – прохрипел избитый. – Но вы приобрели себе могущественных врагов, светлый лорд. Родители этих троих очень влиятельны...

– Ничего страшного, – безразлично сказал Лек, отряхивая мечи от капель крови способом, известным только горным мастерам. – Убить меня не так просто.

– Позвольте представиться. Я – граф Энет Ранер, светлый лорд

ар Инват, наследник Дома.

– Приятно познакомиться, сударь! – поклонился горец. – Что вы не поделили с этими господами?

– Что? – горько усмехнулся хромой. – Вы же видите меня? Надо мной не смеется только ленивый. Даже отец считает меня абсолютно бесполезным, хоть и любит. А в чем я виноват? Таким родился! Граф Давер вчера прилюдно оскорбил меня. Так оскорбил, что я не мог не вызвать его. Знал, что умру, из меня боец, как из быка танцовщица, но все равно не мог не вызвать. Но я даже секундантов не нашел, никто не захотел становиться секундантом уроды...

– Вы – человек чести! – снова поклонился Лек. – Я горд знакомством с вами!

– Благодарю... – смущенно улыбнулся Энет. – Сообщите, пожалуйста, отцу о моей смерти.

– А откуда вы взяли, что умрете? – удивился юноша.

– Чувствую... – На губах хромого появилась кровавая пена. – Мне, похоже, легкие отбили.

– Думаю, мастер Кертал поможет. – Лек озабоченно посмотрел на него и повернулся к кустам, в которых засели ученики. – Идите сюда!

Когда возле горного мастера появились скоморох с орком, глаза Энета удивленно расширились, но он ничего не сказал, тяжело, с хрипом дыша.

– Сможешь его нести? – спросил юноша Храта, который разглядывал подкатившуюся ему под самые ноги голову незадачливого графа.

– Да легко, – проворчал орк, осторожно поднимая хромого на руки.

– А теперь – бегом! – скомандовал Лек, поворачиваясь к восточным воротам Тарсидара.

Трое юношей сорвались с места и понеслись так, что встречные только оглядывались, пытаясь понять, что происходит. Стражники на воротах ничего не сказали, но послали гонца в казармы с сообщением, что неугомонный горец, которого знал уже весь город, снова чего-то натворил. Орк бережно нес хрипящего хромого и хмуро

качал головой – не жилец, явно не жилец. Отбито все что только можно. Но это слабое существо вызывало уважение. Не умеет драться, однако не побоялся выйти против троих. Зная, что умрет! Мало кто на такое способен.

Вскоре впереди показался тренировочный зал. Лек влетел в открытые двери первым.

Кертал повернулся на шум, собираясь возмущенно рявкнуть, но увидел залитое кровью тело на руках орка и поспешил к нему, понимая, что случилось неладное. Храт осторожно положил потерявшего сознание хромого на пол.

– Та-а-ак... – протянул старый мастер, тяжело вздохнув. – Граф Ранер снова попал в беду. Как обычно. Это в который раз? Да, за этот год уже третий.

Он присел, начав внимательно осматривать и ощупывать избитого. Лицо старика становилось все более озабоченным с каждой секундой. Вскоре Кертал поднял голову и отрицательно покачал головой.

– Что? – резко спросил Лек.

– Ему ничем не помочь, даже магическим исцелением. Поздно. Отбиты легкие, разорвана печень, переломаны ребра. Удивляюсь, что бедняга еще жив.

– Проклятье! – стукнул кулаком об кулак юноша.

– Рассказывай! – приказал старый мастер.

Выслушав рассказ, он отошел в сторону и задумался. Никто не видел, что губы Кертала незаметно шевелятся, никто не расслышал почти беззвучного шепота: «Скоморох. Горец. Орк. Аристократ. Эльф. Похоже, пришел черед аристократа. Лек и сам такой, но он больше горец. Нужен еще один... А почему бы и не граф Ранер? Мальчишка гордый и честный...» Старик еще некоторое время стоял молча, потом повернулся к мрачному Леку.

– Есть только один способ спасти его, – очень тихо сказал он.

– Какой?! – встрепнулся юноша.

– Ты готов нести ответственность еще за одного ученика?

– Готов!

– Во время инициации исцеляются любые раны. Ничто иное графа Ранера не спасет.

– Так что же мы медлим?!

– Согласен, не стоит терять время, возьми шнурок. Что делать дальше, ты знаешь. Я приведу парнишку в чувство, во время обряда он должен находиться в сознании.

Старый мастер дал умирающему что-то понюхать, и тот вскоре пришел в себя. Он удивленно посмотрел на склонившихся над ним людей.

– Мальчик, ты согласен стать учеником горного мастера? – негромко спросил Кертал. – Иначе я спасти тебя не сумею.

– Я? – удивленно прохрипел Энет. – Но я ведь столько раз просился... Вы меня не взяли, сказали, что негоден.

– Возможно, я ошибался... – снова тяжело вздохнул старик. – Но учти: шнурок получить непросто.

– Какая разница? – устало спросил умирающий. – Я согласен.

Его вынесли на улицу и положили на мостовую. Энет смотрел на небо в полной уверенности, что видит его в последний раз. Ничего в этой жизни, о чем стоило бы сожалеть, у наследника высокого лорда не было. Он обречен на одиночество и давно смирился с этим. Граф Ранер краем уха слышал произносимые спасшим его горным мастером слова, но не вслушивался. Но, когда голос эльдара спросил, согласен ли он, Энет ответил: «Да!». И на него обрушился ярко-синий луч. Хромой юноша отчаянно закричал, такой страшной боли он никогда еще не испытывал – казалось, все его кости, мышцы и внутренности превратились в желе, из которого кто-то всемогущий принялся лепить что-то иное. Когда все закончилось, Энет довольно долго лежал неподвижно, хлопая глазами. Только потом понял, что у него больше ничего не болит. Граф вскочил на ноги. Единый! Даже хромота исчезла! Ноги стали одинаковыми, как и должно быть у здорового человека.

– Поздравляю! – улыбнулся Лек, протягивая горящий серым светом ученический шнурок.

Энет принял его, все еще не веря в чудо, и приложил к плечу. Мало того, что он жив и здоров после страшного избиения, так еще и принят в ученики горным мастером! С детства хромой и subtilный,

наследник древнего рода мечтал об этом, надеясь, что если станет воином, над ним перестанут смеяться. Но все наставники, к которым он обращался, с пренебрежением отправляли калеку прочь. Он уходил и молча плакал в своей спальне, стараясь, чтобы слез не увидел даже отец. Прежде всего отец! Друзей у юного графа Ранера никогда не было, друзей ему заменяли книги. Энэт перечитал все в отцовской библиотеке, потом записался в императорскую.

К сожалению, иногда приходилось показываться на светских приемах и получать привычную порцию насмешек. Так он и жил бы, наверное, если бы вчера граф Давер не оскорбил его. Смертельно оскорбил. Энэт вызвал молодого ар Шадара на дуэль, прекрасно понимая, что это ловушка, что кто-то хочет оставить род ар Инват без наследника, но не мог поступить иначе. Рано утром юноша попрощался с застывшим от горя отцом и отправился умирать. То, что он остался жив, – чудо. Энэт низко поклонился своему наставнику, который выглядел ненамного старше его самого.

– Значит, я не ошибся... – невнятно пробормотал себе под нос Кертал. – Синий луч, надо же. Путь Мудрости. Давненько он никому не выпадал... Ладно, за дело.

Старик подошел к застывшему на месте Энету и принялся бесцеремонно ощупывать его. При этом он кривился, будто съел что-то кислое.

– Да... – протянул старый мастер, поворачиваясь к Леку. – Эта задачка потруднее прочих будет. Мышц вообще нет, дряблые тряпочки. Поэтому – гонять, гонять и снова гонять! Я дам тебе систему укрепляющих упражнений для парня, следи, чтобы он делал ее не меньше десяти раз в день. Утром и вечером пожалуйста на тренировку в зал все четверо. Оправдание для отсутствия только одно – смерть.

– Будет сделано, мастер-наставник! – поклонился горец.

– Еще одно. С этого дня за тобой начнут охоту семейства молодых подонков. Учти, это будет нечестная охота, на тебя напустят наемных убийц высочайшего класса. Постарайся выжить, мальчик.

– Я и сам как-то не против... – широко улыбнулся Лек. – Справлюсь.

– Не со всеми, – скривился старик. – Есть наемные убийцы, находящиеся на уровне старших мастеров, а то и невидимок. С ними

ты пока не справишься, но не думаю, что господа аристократы станут нанимать таких – слишком дорого. Отведи графа Ранера к отцу, тот, наверное, уже похоронил единственного сына. А потом отправляйтесь в императорскую башню к магу. Не только ты, все четверо. И последнее. Если встретишь эльфа, обязательно приведи ко мне. Хорошо?

– Конечно, мастер-наставник! – поклонился юноша, недоумевая про себя – откуда здесь взяться эльфу? Последний раз остроухих видели на территории Элианской империи почти полторы тысячи лет назад.

Высокий лорд ар Инват сидел за столом перед нетронутым бокалом с бренди, мрачно глядя в стену, и ждал, когда ему сообщат о смерти единственного сына. Мать Энета, которую Дайар любил больше жизни, умерла родами, принеся искалеченного, недоношенного ребенка. Больше высокий лорд не женился, не мог забыть Ленеку, не мог представить на ее месте другую женщину. А теперь и сын... Будь проклят род ар Шадар, нашли все-таки способ оставить его без наследника. Давно они охотятся за поместьями Дайара, очень давно. К сожалению, добились своего, передавать титул больше некому. Все планы рухнули из-за алчности нескольких высокородных дураков, будь они прокляты.

«Сынок, сынок... – шептали непослушные губы. – Как же ты попался в эту подлую ловушку? Как?! Пусть бы смеялись, надо было не обращать внимания на оскорбления наследника ар Шадар и уйти. Хотя нет, не мог ты уйти...»

Снизу донеслись голоса. Высокий лорд вздрогнул и съежился. Похоже, домой принесли тело его несчастного сына. Единый! Почему ты так жесток?! Взяв себя в руки, Дайар встал и направился к лестнице. Он не опозорит предков, сломавшись на глазах челяди. Зато после похорон запрется в кабинете, где ждет своего часа заряженный револьвер. Жить больше незачем. Он проиграл. Все проиграл. Подойдя к лестнице, лорд на мгновение зажмурился, резко выдохнул и начал спускаться.

– Отец! – раздался снизу до боли знакомый звонкий голос Энета, который он уже и не надеялся когда-нибудь услышать. – Я жив!

– Что? – недоуменно спросил Дайар, запнувшись и едва не покотившись вниз по ступеням. – Но как?!

У подножия лестницы действительно стоял его сын в рваной и залитой кровью одежде. Высокий лорд жадно осмотрел его, ища раны. Странно, на лице появилась два шрама, которых не было утром. Откуда? Он опустил взгляд ниже и снова чуть не упал. На левом плече Энета переливался всеми оттенками серого шнурок ученика горного мастера. Это еще что? Наваждение? Горные мастера никогда не берут в обучение калек!

– Глубокоуважаемый отец! – внезапно стал торжественным Энет. – Я принял ученичество у горного мастера. Позвольте представить вам моего наставника Лека Белого Волка, светлого лорда ар Сантена, младшего горного мастера боевого братства империи Элиан.

– Польщен, светлый лорд! – по всем правилам этикета поклонился Дайар, с любопытством глядя на высокого юношу ненамного старше сына. Однако на его плече и в самом деле висел черный шнурок.

– Если бы не наставник, я был бы уже мертв! – голос Энета звенел.

Значит, этот горный мастер не просто взял его сына в ученики, а спас? Высокий лорд судорожно прижал кулаки к груди и хрипло выдохнул:

– Род ар Инват навеки в долгу перед вами, светлый лорд!

– Что вы... – отчаянно покраснел тот. – Я всего лишь поступил согласно законам чести. Противники вашего сына даже не стали драться с ним, а воспользовались тем, что у Энета не было секундантов, и забивали его насмерть палками, как последнего вора. Я случайно оказался рядом и потребовал прекратить издевательство. Так подонки и меня оскорбили. После этого я имел право вызвать их.

– И?

– Они мертвы. Все трое.

– За вами начнется охота... – помрачнел Дайар. – Свидетели бесчестного поведения ар Шадара с приятелями есть?

– Да, – кивнул Лек. – Я и двое других моих учеников.

– Этого недостаточно, вы заинтересованная сторона. Хотя, стоп. Я могу нанять мага, который восстановит события и сделает их

запись для суда. Дорого, но дело того стоит. Очень рад, что род ар Шадар получил по рукам. Оскорбление моего сына было холодно запланированным убийством, и я им этого не прощу.

– Если бы мы не успели принести все необходимые клятвы, то Энэт действительно умер бы... – тяжело вздохнул горец. –

Благодарение Единому, успели. Его страшно, бесчеловечно избили, переломали все ребра. Он умирал, когда мы принесли его к мастеру Керталу. Тот сказал, что единственным способом спасения будет взять вашего сына в ученики, так как во время инициации заживают любые раны.

– Вот, значит, как? – В глазах высокого лорда появилась холодная ярость. – Я еще раз благодарю вас, уважаемый наставник моего сына!

Сказав это, Дайар повернулся вправо и рявкнул:

– Итор!

– Здесь, мой господин! – вышел из-за портьеры невысокий, лысый человек в одежде коренного нартагальца, свободном зеленом костюме лесного следопыта.

– Немедленно найди мага Картога и настоятельно проси его срочно посетить меня. А еще лучше без промедления отправляйтесь вместе с ним на место дуэли и снимите запись событий, пока ар Шадары не затерли следы. Заплати, сколько маг скажет.

– Повинуюсь, мой господин! – телохранитель поклонился и исчез.

– Отец! – снова раздался голос Энета. – Посмотрите, я больше не хромаю! Инициация излечила меня даже от этого!

Излечила от врожденной хромоты?! Чудо. Дайар смотрел, как легко передвигается его сын, и радостно улыбался. Еще сегодня утром Энэт не ходил, а едва ковылял. И все благодаря этому смугловатому горцу с Манхена. Надо будет обязательно принять участие в судьбе юноши. Понятно, что беден, как церковная мышь, по обыкновению своих сородичей. Высокий лорд с удовольствием подарил бы спасителю сына несколько поместий. Но не воспримет ли он такой подарок как оскорбление или попытку откупиться? Лучше не спешить.

– Только Энэт с этого момента должен постоянно находиться

рядом со мной, – сказал Лек. – Ему нелегко будет, от природы слишком слаб. Придется наращивать мускулы в скоростном режиме, а это очень тяжело и больно.

– Зато потом мало кто решится его тронуть, – иронично прищурился Дайар. – Пусть поработает, полезно. А то у него одни книги на уме. Нельзя полностью уходить в выдуманный мир, сынок. Есть еще и реальная жизнь.

– Да, отец! – поклонился Энет. – Но раньше у меня не было иного выбора. Теперь есть.

– Я рад за тебя, – широко улыбнулся высокий лорд, с любовью глядя на чудом оставшегося в живых сына.

Потом повернулся к Леку и сказал:

– Хочу просить вас, светлый лорд, принять мое гостеприимство.

– Но у меня еще двое учеников... – смутился горец, не желая обижать отказом этого седого человека, он чувствовал, что тот предложил гостеприимство от чистого сердца.

– Какая разница?

– Один из них – орк.

– А, так это о вас все вокруг только и говорят? – В серых глазах Дайара мелькнуло любопытство. – Слышал, как же, слышал об орке, принятом в боевое братство по личному императорскому приказу. Но это ничего не меняет, я к урук-хай отношусь неплохо, мои люди, в большинстве своем – тоже. Лет двадцать назад я вообще был послом империи в Рурк-Дхаладе.

– Тогда я рад принять ваше гостеприимство, высокий лорд! – низко поклонился Лек.

Откровенно говоря, предложение пришлось очень кстати. Появление сперва двух, а, тем более, трех учеников сильно подкосило финансовое положение молодого горца, только на еду уходило до десяти золотых ежедневно. Объедать папашу Дорфита, бравшего с него в силу своей клятвы всего полтархема, Лек не считал себя вправе, стараясь столоваться в «Пьяном борове» не чаще раза в день. А другие трактирщики драли за еду будь здоров. Да и одежду Санти с Хратом купить пришлось, у них было только то, что носили на себе.

– А теперь я приношу свои извинения, – снова обратился Лек к Дайару, – но вынужден откланяться, нас ждет императорский маг для наложения заклятий ускорения. Это распоряжение мастера-наставника.

– Конечно, – кивнул высокий лорд. – Вечером жду вас вместе с учениками.

Юноша в который раз поклонился и вышел. Энет улыбнулся отцу и ринулся следом. Дайар долго смотрел вслед сыну, загадочно улыбаясь. Теперь у его рода снова есть будущее, можно браться за давно запланированное. Но необходимо принять кое-какие меры, чтобы оградить семью от наемников рода ар Шадар. Да и этого немного наивного юношу с Манхена защитить не помешает. Он вызвал помощников для особых дел и отдал им несколько довольно скользких распоряжений. Скоро ар Шадар с подельниками получат несколько неприятных сюрпризов, и им станет не до мести. Скоро.

4. Эльф

Костер весело потрескивал, Храт вертел над ним тушу оленя и облизывался в предвкушении. Орк обожал мясо с пылу, с жару. Усталые мышцы приятно гудели после тяжелого дня. Неподалеку на одеяле лежал едва дышащий Энет и постанывал, бедняга никак не мог втянуться в режим бесконечных тренировок. Да и то, паренек десяти раз присесть не мог, настолько слабым оказался. Но это вначале, сейчас он уже пробегал по несколько верст, не задыхаясь. Рыжий скоморох висел на веревках между двумя деревьями, растянутый в шпагат, и тихо ругался сквозь зубы, недобро поглядывая на продолжающего крутить тренировочные формы наставника. Лек не обращал на его ругань внимания, он постепенно сводил полученные от мастера-наставника знания в единую систему, все больше ею восхищаясь. Юноша медленно вращал мечами, шлифуя движения, и вслушивался в лесную тишину, находясь в состоянии полумедитации.

Пять дней назад мастер-наставник Кертал и высокий лорд ар Инват одновременно посоветовали Леку взять учеников и недели две провести в лесу неподалеку от города. Перед тем на юношу совершили несколько покушений подряд. Обычного человека наемные убийцы легко достали бы, но против горного мастера оказались бессильны и погибли сами. Но тенденция настораживала, вскоре вполне можно было ожидать прибытия убийц сверхкласса, с которыми младший мастер не справится.

Записанная магом на кристалл информация о дуэли наследников родов ар Инват и ар Шадар произвела в Тарсидаре впечатление разорвавшейся бомбы. Такого откровенного пренебрежения законами чести, как продемонстрировал покойный граф Давер, аристократические семейства империи не знали давно. Лорд Дайар использовал запись с толком, заставив высоких лордов ар Шадара, ар Тевота и ар Харота отречься от убитых Леком наследников. Их репутация оказалась подмочена настолько, что представителям трех великих родов отказал от дома наместник провинции, герцог ар Давад, что считалось величайшим позором.

И во всем, по мнению глав опозоренных семейств, был виноват паскудный горец, оказавшийся там, где не нужно и когда не нужно. А

главное – вмешавшийся в чужие дела. За свою наглость варвар заплатит жизнью, каким бы он там горным мастером ни был. Шпионы Дайара ар Инвата узнали о принятом решении и предупредили своего господина. Как узнал о том же мастер-наставник, осталось его секретом, возможности старика были огромны, только мало кто об этом знал. Лек согласился на некоторое время покинуть город, понимая, что мастер-наставник и отец Энета намного опытнее его и плохого не посоветуют.

Неподалеку от Тарсидара протекал Оргиоль, один из притоков великой реки Этаниэль, несущей свои воды через весь континент. Ее истоки начинались в эльфийских чащах, где ни один человек не бывал уже почти полторы тысячи лет. На берегах притока росли густые леса, искать в которых кого-либо смысла не имело – все равно не найдешь. На десятки верст в сторону запада трудно было найти поселение, никому не хотелось корчевать огромные деревья, расчищая себе посевные площади. Зачем? Ведь к югу и северу от лесов достаточно не занятых никем пахотных земель. Разве что деревни охотников и бортников встречались в чаще, но довольно редко.

От города до ближайшего леса было всего десять верст, именно туда и отвел Лек свою команду таких разных учеников. Скажи ему до приезда в метрополию, что он станет обучать урук-хай, юноша не поверил бы. Смеялся бы до колик. Но вот случилось, и ничего не поделать... Да и не хочется: Храт нравился Леку с каждым днем все больше, нравился своим упорством, веселым неунывающим нравом, готовностью помочь. Сколько раз орк тащил на себе потерявшего сознание от перенапряжения Энета!..

Рыжий тоже с каждым днем становился все больше похожим на человека. Он начал задумываться о последствиях своих действий, о том, как воспримут его шутки. Вспомнив, с чего все началось, Лек едва сдержал ехидную ухмылку. Неугомонный скоморох решил однажды подшутить над наставником в своем обычном стиле. Однако ему не повезло – горец, вернувшись к себе в комнату, насторожился. Что-то было не так. Но что? Выяснилось, что если бы он лег в кровать, то получил бы на голову бадью помоев. Шутник уже сладко спал, умаявшись за день. Пробуждение оказалось не слишком приятным, Лек с Хратом перенастроили ловушку, и в нее попался сам рыжий. Отмываться от помоев пришлось долго, и смешного в этом было на удивление мало... После этого Санти перестал удивляться

обидам людей – понял, что они чувствовали.

Но больше всего проблем Леку доставлял Энэт. Юный граф был слаб, как младенец, он делал десяток приседаний или пробежал едва полмили – и падал без сил. Даже заклинания императорского мага не помогли, при малейшем усилии мышцы наследника рода ар Инват скручивало судорогами. Приходилось растирать его мазью, так быстро поставившей на ноги Санти после первой тренировки. Но при этом Энэт продолжал упорно тренироваться, плакал от боли, но продолжал. Постепенно стали сказываться укрепляющие упражнения, данные мастером-наставником для юного графа. Они странно выглядели со стороны. Юноша плавно перемещался, будто танцуя, и глубоко дышал по особой системе.

– Наставник... – жалобно заныл Санти. – Можно мне уже слезть? Связки болят, мочи нет.

– Ладно, – милостиво разрешил Лек. – Так и быть. Но слезешь сам.

– А как? – с недоумением спросил рыжий.

– Думай, – пожал плечами горец. – На то у тебя голова есть.

Санти растерянно глянул по очереди на свои ноги, растянутые веревками в разные стороны. Потом попробовал дотянуться до одной из петель, но ничего не добился. Что же делать? Легко наставнику сказать «думай». А что здесь надумать можно? Петли затянуты так туго, что развязать их невозможно. Что остается? Порвать веревку. Но как? Не веревка, а целый канат. На память пришел вчерашний урок, когда Лек обучал их волновой передаче силы в одну точку. Так вот чего он хочет, зараза хитрая! А сказать трудно? Ради чего здесь полдня висеть было?

Рыжий бросил взгляд на ехидно скалящегося орка. У, образина здоровенная! Морда клыкастая. Скотина краснорожая. Смеется он. Ничего, завтра наставник обещался ломать орка на предмет растяжки, тогда уже Санти посмеется. Скоморох начал понемногу качать волну, изгибаясь всем телом. Вскоре он забыл о боли, восхищаясь чудным ощущением нарастающей силы. Поняв, что достиг предела, рыжий одним толчком пустил волну по левой ноге. Веревка хлопнула и порвалась. Довольно ухмыляющийся Санти полетел вниз, но по дороге ухватился за ветку, подтянулся и уселся на нее. Быстро отвязал веревку со второй ноги и спустился на землю.

– Молодец! – похвалил его наставник. – Только веревку рвать было совсем не обязательно.

– Разве? – удивился рыжий. – А...

Внезапно Лек насторожился, по нервам буквально хлестнуло ощущением опасности. Причем почему-то направленной на Храта.

– Ложись! – резко бросил он орку, и тот рухнул на землю, привыкнув к неожиданным приказам.

Вовремя. Над головой Храта пролетела зеленая стрела и впилась в ствол дерева. Лек одним прыжком оказался возле ученика, прикрывая его своим телом, в руках горца засветились призрачным светом картаги. Он резко перешел в режим сверхскорости, отбивая мечами полетевшие одна за другой стрелы. На счастье, стрелок был один, хотя таких стрелков Лек еще не встречал. Лучник выпускал по стреле в две-три секунды. Мастер! Высочайшего класса. Когда же он опустошит свой колчан? Юноша заметил, что стрелок целится только в Храта. Это что еще за оркоубийца в тарсидарских лесах завелся? Неужто снова монахи зашевелились? Только этого и не хватало! Надо обязательно отловить живым и допросить.

Внезапно обстрел прекратился. Картаги мгновенно оказались в ножнах, Лек подпрыгнул и буквально взлетел на ближайшее дерево. Резко качнувшись, горец перепрыгнул на соседнее и бесшумно понесся туда, откуда летели стрелы. Ученики, никогда не видевшие ничего подобного, застыли с открытыми ртами. Наверное, так летали между деревьями южных джунглей сказочные обезьяны. Или бибизаны? Кто их знает, как они там назывались, но больше никто не умел так.

Если бы кто-нибудь увидел сейчас Лека, то замер бы в восторге. Юноша двигался, почти не прилагая усилий, ни в одном, даже самом лучшем цирке не увидишь таких воздушных акробатов. Он легко перелетал с дерева на дерево, с ветки на ветку, внимательно глядя вниз. Так, попался!

Между деревьями скользила едва видимая фигура в темно-зеленом плаще с капюшоном. Изогнутый непривычным образом лук был закинут за спину. Чего загадочный лучник явно не ждал, так это атаки сверху. Лек обрушился на него коршуном, буквально вбив в землю. Стукнув незнакомца ребром ладони по затылку, юноша скрутил его, используя собственную перевязь. Затем вскинул

стрелка на плечо и бодро зашагал к поляне, на которой его ждали ученики.

Лека встретили три недоумевающих взгляда. Он улыбнулся и стряхнул добычу на траву. Лучник задергался. Надо же, пришел в себя! Крепок, сволочь, – после таких ударов быстро в себя не приходят. Опустившись на колени рядом с извивающимся пленником, юноша стащил с его головы капюшон. И отшатнулся: на него смотрели наполненные бессильной злобой миндалевидные глаза эльфа. Совсем такие, как на гравюрах в старинных книгах.

Что за чудеса? Откуда здесь перворожденный?! Сквозь спутанные черные волосы пленника виднелись кончики остроконечных ушей. Плюс нечеловеческая, потрясающая воображение красота. Вспомнив слова мастера-наставника, Лек обалдело помотал головой, все еще не веря. Однако факт: вот и эльф. Только его и не хватало. Как там говорил Кертал? Скоморох, горец, аристократ, орк и эльф? Да, все совпадает. Если эльф попросится в ученики, останется только смеяться, чтобы с ума не сойти.

– Задницу габта мне на голову... – растерянно сказал орк. – Остроухий... Ну ни дорхота себе!

– Тварь из ада! – с ненавистью прошипел пленник. – Будь проклят!

– Тю... – удивился Храт. – Чего я ему сделал-то? Одно слово – остроухая сволочь. Правду легенды говорят, только убивать и горазды.

– Отойди и подожди у костра, – приказал Лек. – У тебя там, между прочим, мясо подгорает.

– Подхвостье гмырха! – всполошился орк и рванулся к огню. – А все из-за этой гадины! Не, они точно ни на что не пригодны, заразы ушастые!

– А теперь объясни, почему ты напал на моего ученика? – спокойно спросил горец, на самом деле едва сдерживая дрожь возбуждения.

– Чему человек может учить орка? – изумился эльф. – Зачем его чему-то учить? Это ведь тварь из ада!

– Да кто тебе такое сказал? – насмешливо хмыкнул Лек. – В сказках ваших говорится? Почему? Последняя война между эльфами

и урук-хай закончилась, насколько мне известно, тысячу семьсот лет назад. За это время многое изменилось. А чему учить? Я горный мастер. Храт – мой ученик. Он через полмира прошел, чтобы добиться ученичества.

– Горный мастер?! – Эльф резко побледнел. – Тогда мне понятно, как ты меня поймал...

– Но откуда ты здесь взялся? – не выдержал Энет. – Вы же полторы тысячи лет не выходили из эльваранских лесов!

– Именно, что не выходили... – мрачно буркнул пленник. – Я первый такой дурак.

– Почему дурак? – приподнял брови Лек. – Сбежал?

– Да... – тяжело вздохнул эльф. – Ваш язык специально выучил, лодку вырастил – через степь не пробраться, там кочевники.

– А ведь ты за этим в империю пришел... – протянул юноша, приподняв со своего плеча черный шнурок.

– Откуда ты знаешь?! – вскинулся пленник.

– Догадался, – ехидно усмехнулся Лек. – Ведь я прав?

– Прав, – скривился эльф. – Пока наши заклинания еще держатся, не пускают степняков в лес. Но они слабеют с каждым годом! А маги вместо того, чтобы думать о защите, песенки поют и танцы танцуют. Да и какие они уже маги? Так, фокусники. Забыли все. Замкнулись в своем лесу и думают, что остальной мир оставит их в покое. Идиоты! Никто меня слушать не захотел, даже Зеленая Стража. Двадцать лет я пытался что-то доказать. Потом понял – не докажу. Бесполезно. А отец...

Он закусил губу и отвернулся.

– Да, – сочувственно покивал горец. – Я тебя понимаю, и мои предки так думали. Только однажды на Манхен пришла империя. И больше не ушла.

– Вот именно... – глухо сказал пленник. – Вот именно. А они поют и танцуют, идиоты... Дождутся когда-нибудь на свою голову. Ведь дождутся! Я много думал, пытаюсь найти выход, потом вспомнил сказки о горных мастерах империи. Решил рискнуть. Кому я дома нужен-то? Младший сын, ничего не наследующий. Попросил древесного отца вырастить мне лодку, перебрался через рифовый

пояс и поплыл. Три месяца по морю носило, сам не знаю, как выжил. Дней десять назад неподалеку отсюда на побережье выбросило. С тех пор прятался в лесу. А сегодня орка увидел, точно такого, как на картинках в древних книгах, вспомнил, что о них там написано, и не удержался... Извините, я...

– Понятно, – криво ухмыльнулся Лек. – Как тебя зовут?

– Тинувиэль. Принц Тинувиэль.

– Принц?!

– Мой отец – владыка Эльварана, – неохотно пояснил эльф. – Хранящий Свет. Только у меня старших братьев и сестер больше тридцати. По нашим меркам я...

– Что? – иронично прищурился Лек. – Слишком молод?

– Да... – тяжело вздохнул пленник. – Едва семьдесят стукнуло.

– Да уж, молод, – едва не подавился горец. – Совсем мальчик.

– По вашим меркам – это где-то лет шестнадцать, может семнадцать...

– Ясно, – кивнул Лек. – Тебя просто никто не воспринимал всерьез. Чем бы дитя ни тешилось...

– Но если я вернусь со шнурком старшего мастера, они уже не смогут просто так отмахнуться от моих слов! – запальчиво выкрикнул Тинувиэль.

– Что ж, понятно, – задумчиво покивал юноша. – Если тебя развязать, не будешь больше на Храта кидаться?

– Да я его одной левой! – недовольно буркнул от костра орк. – Пусть только попробует!

– Не буду... – уныло сказал эльф. – Податься мне все равно некуда. Лодка утонула.

– Даже так? – укоризненно посмотрел на него Лек. – Повезло тебе, дурень, что это я оказался. Другой бы на моем месте сперва прирезал, а потом бы только стал разбираться, кого прирезал. Ладно, ужинаем и возвращаемся в город.

– Почему? – удивился Энэт. – Нам ведь говорили...

– Мастер-наставник просил меня, если встречу эльфа, привести к

нему. Как будто знал.

– Откуда?! – вытаращились на него все трое учеников. Тинувиэль тоже выглядел удивленным.

– Да он что-то невнятно говорил о какой-то легенде, – пожал плечами Лек. – О скоморохе, горце, аристократе, орке и эльфе.

– Что?! – одновременно вскрикнули Энет с Тинувиэлем. – Пророчество Пятерых?!

– Вы о нем знаете? – насторожился горец. – А ну-ка рассказывайте.

– Я его в одной очень старой книге прочел. – Энет растерянно смотрел на наставника. – Там говорится, что однажды придет время, когда Элиан, Эльваран и Оркограр окажутся на грани гибели. Тогда придут Пятеро и спасут всех. Как именно спасут, не сказано. Почему именно они – тоже.

– А ты что можешь добавить? – повернулся к эльфу Лек.

– В общем-то, почти ничего... – сказал Тинувиэль, по очереди оглядывая каждого. В глазах эльфа горело неприкрытое изумление. – Примерно то же самое написано и в наших книгах. Понятно, что пророчество объявлено фантазией какого-то безумца. Но...

– Глупые сказки! – отмахнулся горец. – Никогда в них не верил и не поверю. Я верю в свои руки, мечи и друзей. Все остальное – полная чушь. Пророчества всякие! Надо же. Значит, эксцессов больше не будет?

– Нет... – Эльф покраснел.

– Ладно. – Лек наклонился и освободил Тинувиэля от ремней.

Эльф медленно сел. Он казался нахохлившейся птицей, продолжая искоса поглядывать на юношу своими невероятной красоты глазами. Бедняга выглядел таким несчастным и одиноким, что его хотелось пожалеть и утешить. Оказался незнамо где, ни одного знакомого, куда идти – неизвестно. А тоже ведь ходок за мечтой. Леку показалось, что скоро у него будет не трое, а четверо учеников. Юноша тяжело вздохнул и распорядился разделать оленя.

Эльф ел аккуратно, но видно было, что очень голоден. Этот неумеха что, даже охотиться не умеет? Похоже на то. Смотрящий на остроухого волком орк язвительно поинтересовался, так ли это.

– Мне их жалко... – отчаянно покраснел Тинувиэль.

– Кого? – удивился скоморох.

– Зверей... Они живые...

Санти, Энэт и Храт переглянулись, и громко заржали.

– Зря смеетесь, – пристально посмотрел на учеников Лек. – Старшие мастера вообще не едят мяса. И именно по указанной Тинувиэлем причине. Не считают себя вправе лишать кого-то жизни ради пропитания. Достаточно того, что убивают врагов. Есть еще немало других причин, но вам о них знать пока рано. Я сам еще не дорос до уровня неупотребления мяса. Однако ты, принц, поступаешь неправильно. Ты ешь мясо, добытое другими. Выбери что-то одно. Не перекладывай на других грязную работу.

– Спасибо, я понял... – снова смутился эльф.

После ужина быстро упаковались, и горец погнал учеников к городу. Передвигались волчьим скоком – тридцать шагов бегом, десять шагом. Так можно было идти сутками, почти не уставая. Впрочем, до Тарсидара совсем недалеко, каких-то пятнадцать верст. К закату добрались до северных ворот.

– Накинь капюшон, – мрачно посоветовал Тинувиэлю Лек. – Нечего пугать людей видом эльфа, они и к орку-то еще не привыкли.

Стражники на воротах пропустили горного мастера без лишних слов, однако весть о его прибытии сразу ушла в казармы. Кто знает, чего еще натворит этот носатый? Лучше перестраховаться... Лека узнавали на улицах, многие приветственно махали юноше, другие настороженно отходили в сторону, со страхом поглядывая на довольно скалящегося Храта. Горец старался побыстрее добраться до зала мастера-наставника – не хотелось снова отбиваться от наемных убийц. Слава Единому, обошлось без неприятностей, только какой-то сумасшедший монах долго кричал Леку в спину проклятия, держась на безопасном расстоянии.

Кертал тренировал младших мастеров императорской стражи, когда в дверях зала появился Лек. Прошипев себе под нос все, что думал о молодых дураках, не желающих слушать старых и опытных людей, мастер-наставник направился к нему.

– Ну, и что это значит? – сердито спросил он. – Я тебе что говорил? Две недели в городе не показываться! А ты в разгар

событий приперся. Совсем ума нет?

– Но ты же сам сказал, старший брат... – растерянно пролепетал юноша.

– Что я сказал?!

– Если я эльфа встречу, то сразу к тебе привести...

– И что, встретил? – иронично прищурился Кертал.

Лек кивнул и показал на закутанную в зеленый плащ фигуру позади. На сей раз старик все-таки уронил свою железную палку. Причем на собственную ногу. Пару минут он прыгал на другой ноге и яростно ругался. Потом сел прямо на пол и схватился за голову.

– Ты меня доконаешь, парень... – тихо простонал старый мастер. – Так ведь и кондрашка хватить может. И откуда только ты на мою голову взялся, а?

Лек скромно промолчал, старательно делая вид, что его здесь вообще нет. Он ежился под пронзительным взглядом Кертала, не понимая, что такого случилось. Ну, эльф. Ну и что?

– Ладно. – Несколько успокоившийся старик встал. – Деваться все равно некуда. Бери своего эльфа и иди за мной.

Юноша махнул Тинувиэлю и отправился за Керталом. Вскоре они оказались в небольшой, но уютной комнате для отдыха, застеленной соломенными циновками. Старик сдернул с эльфа капюшон и только охнул при виде миндалевидных глаз и кончиков ушей, торчащих над черными волосами. Он долго осматривал смущенного принца, что-то недовольно ворча себе под нос.

– И зачем ты прибыл в империю? – хмуро спросил старик – казалось, что он переел кислого.

– За этим, – серебристым голосом ответил Тинувиэль, показывая на полупрозрачный шнурок у мастера на плече.

– Так я и думал... – тяжело вздохнул Кертал, сокрушенно качая головой. – Так я и думал... Да, иначе и быть не могло. Нет, ну надо же? Ну почему именно на мою долю все это выпало, Единый?

Старик довольно долго ругался, изощренно богохульствовал и проклинал все на свете. Потом еще немало времени сидел молча, о чем-то мрачно размышляя. Наконец он снова повернулся к Леку,

ткнул юношу пальцем в грудь и сказал:

– Насколько я понимаю, этот эльф будет твоим четвертым?

– Пусть так... – уныло согласился горец.

– Хорошо, идем готовить обряд. Я хочу провести его без шума. После этого – вон из города! И чтобы раньше, чем через десять дней, не появлялись. Понятно? Припасы нужны?

– Да что я, безрукий, оленя не подстрелю? – обиделся Лек.

– Тогда ладно. И тренируйтесь, как не знаю кто! Чувствую, времени у нас остается все меньше.

– Что ты имеешь в виду, мастер-наставник? – осмелился спросить юноша.

– Не твое дело! – отмахнулся тот. – Придет срок – узнаешь. Пока твоя задача – готовить учеников так, будто им завтра в бой. Понял?

– Да... – растерянно ответил ничего не понявший Лек.

– Кстати, когда тебя самого инициировали, какого цвета луч тебе достался? Не черный, часом?

– Откуда ты знаешь?!

– На то я мастер-наставник, – проворчал старик. – И даю гарантию, что у эльфа будет зеленый.

Больше Лек ничего не стал спрашивать. В узкой улочке за залом на скорую руку провели обряд. Кертал оказался прав – Тинувиэлю и в самом деле достался зеленый луч. И эльдар на этот раз почему-то говорил едва слышно, иногда даже казалось, что невидимый рыцарь престола с трудом удерживается от смеха.

Покинув город вместе со своими странными учениками, Лек ар Сантен не знал, что сразу после его ухода в доме Элоиза Кертала собрались десять высших мастеров-наставников Тарсидара.

– Объясни, чего ради ты меня из постели вытащил? – недовольно проворчал самый старый из них, Иквар ар Ханид, которому недавно исполнилось сто двадцать два года.

– Все вы, братья, знаете о пророчестве Пятерых. И знаете, что полный список пророчества есть только у нас, боевого братства.

– Знаем, и что из того? – нахмурился старший мастер тайной

стражи.

– Да ничего. Хочу всего лишь сообщить, что Пятеро собрались и готовы к инициации. Причем собрались здесь, в Тарсидаре.

– Кертал, ты в своем уме? – подозрительно спросил главный лекарь и хирург императорского госпиталя, бывший на самом деле невидимкой боевого братства.

– В своем, в своем, – заверил его старый мастер. – Итак, хроника событий. Восемь дней назад ко мне обратился по поводу тренировок на удивление талантливый мальчишка, прибывший с Манхена. Причем, его луч – черный. Путь Тьмы, чего не случалось больше тысячи лет. Он взял себе в ученики небезызвестного вам скомороха Сантиара. Да-да, того самого рыжего шкодника. Я поначалу не обратил на это особого внимания, ну, взвалил на себя парень неподъемную ношу. Его личное дело. Позже узнал, что цвет скомороха – белый. Путь Света. На следующее утро горец привел ко мне орка. Об этом вы все знаете. Цвет – алый. Путь Ярости. Еще через день третьим учеником мальчишки стал наследник высокого лорда ар Инвата. Цвет – синий. Путь Мудрости.

– Но какое отношение все это имеет к пророчеству? – не выдержал кто-то. – Для его исполнения...

– Нужен эльф, – закончил Кертал. – Так вот, три часа назад горец приволок ко мне эльфа, бежавшего из дому ради того, чтобы стать горным мастером. И не просто эльфа, а эльфийского принца. Естественно, он получил зеленый цвет. Путь Жизни. Думайте теперь сами, братья.

– Хвост дорхота мне в глотку по самое основание! – в сердцах выругался начальник стражи. – Таки собрались, будь они неладны! И что теперь с ними делать?

– Ничего, – холодно сказал Иквар ар Ханид вставая. – Надеюсь, среди нас не найдется идиота, которому взбрело бы в голову встать на пути у Пятерых? Они нас сметут и даже не заметят. Наша задача – помочь им всем, чем только сможем. Итак, братья, я объявляю алую тревогу. Немедленно сообщите о Пятерых всем нашим в империи. И не пропустите момента инициации!

– Сделаем все, что возможно, старший брат! – склонил голову Кертал.

Десять мастеров боя встали, глядя в глаза друг другу. Наступали страшные времена. Времена, ради которых и создавалось когда-то боевое братство. Что будет впереди, не знал никто, оставалось только надеяться, что они не совершат ошибки. Ведь цена ошибки будет страшной. Эта цена – империя.

5. Путник

– Наставник!!!

Бешеный орочий рев заставил Лека вскинуться. Юноша мгновенно оказался на ногах, выхватил картаги из ножен и тенью метнулся на поляну, где оставил учеников, решив немного помедитировать перед ужином. Да и обдумать кое-что не мешало. Но что могло случиться?! Через пару мгновений горец оказался на поляне и замер в недоумении. Все было в порядке. Только перед орущим, визжащим и машущим кулаками Хратом неловко топтался на месте смущенный эльф с растопыренными покрасневшими ушами.

– Молчать! – Леку давно надоели постоянные пикировки этих двоих. – Хватит вам уже!

– Наставник! – снова взревел орк. – Ты глянь, что эта зараза ушастая с нашим ужином сделала!

Посмотреть было на что. Туша убитого недавно оленя выглядела угольно черной и отвратительно воняла горелым. Возможно, внутри нее и сохранилось что-нибудь съедобное, но как-то не тянуло проверять. Все ясно, эльф, оставленный следить за жарящимся оленем, не уследил. Почему, интересно? Лек вопросительно взглянул на Тинувиэля.

– Я замечтался... – растерянно пробормотал тот, опустив уши.

– Замечтался? – переспросил ничего не понимающий горец. – Это как?

– Ну, я... – Эльф стал совсем пунцовым. – Я представлял, что вернулся домой со шнурком... – едва слышно прошептал Тинувиэль. – Потом песню сочинял... Ну и...

– Ясно. – Лек озадаченно потер лоб. – Великий бард создал нетленное творение, зато мы остались без ужина.

– Меня, между прочим, называли серебряным голосом Эльварана! – обиделся Тинувиэль.

– Так спой, коли такой голосистый! – скептически скривился орк. – У-у-у, врезать бы по шее, чтоб с копыт навернулся, бард, тудыть тебя в ломбард!

– А вот и спою! – вскинулся эльф.

Он схватил свою зеленую сумку и принялся лихорадочно в ней копаться. На землю полетело множество каких-то непонятных вещей. Вскоре куча стала огромной, едва ли не в половину человеческого роста.

Лек растерянно смотрел на нее, пытаясь понять, как столько всякой всячины влезло в не такую уж и большую сумку. Потом вспомнил сказки о безразмерных эльфийских мешках, в которых ничего и никогда не портилось, и которые оставались легкими, сколько в них ни положи. Не сказки, значит. Хорошая вещь, крайне полезная. Теперь ясно, как Тинувиэль сумел выжить в море три месяца. В сумке был, наверное, полугодовой запас продуктов. Наконец в руках эльфа оказалась небольшая лютня в футляре из черного дерева, ценимого в империи на вес золота.

– Ладно, послушаем, – кивнул Лек, усаживаясь на траву. – Спать ложиться все равно придется голодными, так хоть развлечемся.

В легендах эльфийским бардам пели такие дифирамбы, что ни один нормальный человек им не верил. Ученики тоже расселись и приготовились слушать. Только оттащили подальше сгоревшую тушу, чтобы не смердела под носом. Раз наставник сказал, то пусть себе остроухий поет, хотя за порчу ужина стоило бы отвесить растяпе пару затрещин, не повредило бы. Может, думать начнет, а не только мечтать. Даже орк ничего не сказал, только недовольно ворчал себе под нос и одаривал барда многообещающими взглядами, от которых тот нервно ежился.

Решившись, Тинувиэль зажмурился, коснулся пальцами струн и запел. Лек сначала не особо вслушивался, а затем и сам открыл рот, только от изумления. Легенды не лгали! Даже в самой малости не лгали! Музыка завораживала, лютня плакала, кричала, звала куда-то. Да разве можно так играть?! А ведь кроме мелодии, заставляющей душу взлетать в небеса, был еще и голос – невероятный, потрясающий воображение. Да, безответственного мальчишку не зря называли серебряным голосом Эльварана, лучше не скажешь. Эльф пел какую-то древнюю балладу, на ходу переводя слова на лаарский. Порой выходило не слишком ровно, но слушатели не обращали внимания – слишком потрясло их пение. Даже орк завороченно слушал, застыв на месте. Он с немым изумлением смотрел на Тинувиэля, которого искренне считал бездельником и фантазером.

Лек не понимал, для чего барду такого уровня понадобилось идти в воины. Идиотизм ведь полный! Единый дал эльфийскому принцу редкостный дар, Тинувиэль способен заставить плакать самые грубые и очерстневшие сердца. Горец краем глаза видел, что Храт незаметно утирает слезы. Об остальных даже говорить не стоило, они замерли, пребывая в каком-то ином мире. Да и сам Лек с трудом сдерживал себя – казалось, душу омыли чистой водой, унесшей всю грязь и накипь...

Мне пригрезилось, что над горой
Возвышается Замок Закона.
С круглых башен вечерней порой
Золотые взлетают драконы.
Выступают из красных ворот
Рыцарь Смерти и Дева Печали.
А над ними ведет хоровод
Ветер Горечи в черной вуали.
В замке тянутся странные дни
И бессонные белые ночи.
Поутру задувают огни
Сын Надежды и Ужаса дочь.
В полдень в залах царит пустота,
А под вечер пируют драконы,
И царят за столом Красота,
Рыцарь Боли и Дева Закона.
Они снова готовы свершать
Подвиг радости, веры и страха,
Но не знают, что будут их ждать
Боль, отчаянье, горе... и плаха.
Кто мне скажет, где замок Судьбы?
Где он в дымке бесчисленных жизней?
Рыцарь Поиска, Воин Пути,
Помоги! Не гляди в укоризне.
Все ушло, Замок канул во Тьму,
Ничего от него не осталось.
Я никак не пойму почему,
Сон принес мне тоску и усталость...

– Ну-у-у, ушастый... – растерянно развел руками орк, когда

Тинувиэль замолчал. – Ну-у-у... За это я тебе даже оленя простить готов. Что ж ты, зараза, раньше молчал, что так поешь?

– Да как-то не до того было... – смутился эльф, однако глаза его довольно поблескивали.

Тинувиэль еще немного порылся в своей сумке, добавив к горе вещей еще горочку. Потом обрадованно вскрикнул и достал какой-то сверток.

– У меня еще летэн^[7] остался! – сообщил он. – А я думал, уже нет...

– Что это такое? – встрял несколько пришедший в себя Санти.

– Походный хлеб. Он вкусный и сытный. Одной лепешки на целый день хватает!

– Да?! – обрадовался голодный орк. – Давай!

Смущенный эльф раздал остальным золотистые лепешки, оказавшиеся совсем свежими. Казалось, их испекли не несколько месяцев назад, а вчера. В который раз подивившись возможностям эльфийской сумки, Лек осторожно откусил. Легкий фруктовый привкус, почти неуловимый запах летнего луга. Доев не такую уж и большую лепешку, юноша с удивлением понял, что сыт. Да, древний народ знал много... Жаль, что эльфы не пожелали делиться знаниями с людьми.

Судя по легендам, перворожденные отличались невероятной спесью, считали остальные народы захватчиками своих исконных земель и изо всех сил старались изгнать пришельцев. По крайней мере, с урук-хай они вели войну на уничтожение. И побеждали, тем более что существовавшие на Аладанском материке до возникновения единой империи десятки мелких человеческих королевств, ханств и княжеств постепенно стали союзниками Эльварана, не желая оказаться раздавленными. Даже Великая Степь в те времена выступила на стороне эльфов, чего не случалось ни до, ни после.

Совместными усилиями орков оттеснили с плодородных земель Шерандарской долины на северный материк, Картят, в малопригодные для жизни холодные Вадарские горы. Но дальше объединенные силы продвинуться не смогли. Краснолицые закрепились на Орванском перешейке, перегородив перевалы

стенами. Благо, этих перевалов было всего три, и несколько тысяч опытных воинов могли без особых усилий годами сдерживать перед ними огромную армию союзников, а о горных мастерах, способных взобраться на любые стены и втихую перерезать защитников, в те времена никто и слыхом не слыхивал.

После десяти лет безуспешной осады коалиция распалась, несмотря на все усилия перворожденных. Кочевники накнулись на вчерашних союзников, жажда добычи, и пришлось бить уже их. Перебили, но Великая степь этого не простила. С тех пор прохода через нее не стало никому. А еще через двести лет в одном из нищих южных княжеств появился бродяга по имени Элиан.

Лек оборвал воспоминания. Надо бы в ближайшее время побеседовать с учениками об истории возникновения империи. Прав был мэтр Менхем – нельзя забывать уроков прошлого. И повторять ошибки тоже нельзя. Юноша начал перебирать в памяти события последних семи дней. Тренировки шли неплохо, результаты радовали, хотя ученики доставляли ему немало проблем. У каждого было что-то, мешающее понимать слова наставника правильно.

Например, Тинувиэль оказался на редкость бестолков, все интерпретировал по-своему, порой приводя Лека в недоумение. Физическая подготовка эльфа была хороша, координация – не хуже. Великолепный лучник, способный за две сотни шагов попасть в глаз небольшой птичке. Ко всему этому бы – немного практической сметки, да куда там. Тинувиэль постоянно пребывал в фантазиях, напрочь не желая видеть реальный мир. Он мог замечтаться в самый неподходящий момент и свалиться с дерева.

Сегодняшний пример со сгоревшим ужином был очень показателен. Надо что-то делать с этим мечтателем, но что? Лек не знал. Тем более теперь, когда понял, что его ученик – бард. И не простой бард, а гениальный. Как теперь из него воина делать? Да и надо ли?

Храту трудно давались растяжка и сверхскорость. Орк старался изо всех сил, но его народ обычно брал массивностью и грубой силой, гибкостью урук-хай никогда не отличались. Даже до людей им было далеко в этом плане, не говоря уже об эльфах.

Очень жаль, что ученики попали к Леку взрослыми, из-за этого им пришлось идти путем боли, а это – ой, как непросто. Если бы не

древние методики обучения боевого братства, ничего сделать было бы нельзя. Скоро придет время наркотиков, обучения медитации и контролю внутреннего состояния тела. Юноша тяжело вздохнул – похоже, взвалил на себя непосильную ношу. Четырех учеников имел далеко не каждый старший мастер. И каких учеников! А опыта – кот наплакал.

Взглянув на Энета, Лек задумчиво прикусил губу. Тоже проблема ходячая. Как он жив до сих пор? Все время сидя проводил, что ли? Однако юный граф работал на износ, плакал от боли, но не сдавался, продолжал тренировки через не могу, загоняя себя до полусмерти. И теперь, похоже, на грани истощения. Придется немного уменьшить нагрузки.

Поискав взглядом Санти, но не найдя, горец скривился. Рыжий идет пока быстрее остальных, но он акробат... Растяжка великолепна, выносливость тоже. Если бы не неизбывная страсть к глупым шуткам, то лучше ученика и не придумать. Но, увы...

– Паскуда рыжая! – раздался с другой стороны поляны возмущенный вопль Храта. – Поймаю – убью!

– А ты поймай сперва! – весело ответил откуда-то сверху Санти.

Ну вот. Опять чего-то натворил. И что ты с ним делать будешь? Казалось бы, понял кое-что после того, как получил результаты своих выходов на собственную голову. Задумался. К сожалению, надолго неунывающего скомороха не хватило – всего на несколько дней, а затем все началось по новой. Правда, теперь его шутки стали много безобиднее, но все равно. Особенно рыжий донимал орка, наверное, нравилась реакция Храта. Тот орал, ярился, гонялся за шутником, однако даже если ловил, то давал пару затрещин и отпускал. На затрещины Санти не обижался, привык, наверное. Эльф тоже часто становился жертвой розыгрышей, но только недоуменно растопыривал уши в стороны и растерянно смотрел своими красивыми глазищами на Санти, едва не плача от обиды. Вскоре скомороху это надоело, и он оставил Тинувиэля в покое. Энет после первой же попытки посмотрел на рыжего так, что тому сразу расхотелось шутить. Вот уж истинный аристократ в сотом поколении! Хотелось бы Леку уметь так – под взглядом юного графа хотелось вытянуться и отдать честь. Даже его внешность перестала казаться непривлекательной. После исчезновения хромоты Энет уже не выглядел похожим на искалеченного паука, как раньше. Обычный

не слишком красивый молодой человек. Но некрасивость скрашивалась благородством манер.

– Хватит вам! – рявкнул Лек, вставая. – По тренировкам соскучились? Так я вам сейчас устрою ночную пробежку верст на сорок! Поглядим, как вы после этого запоете. Садитесь лучше к костру, давно хотел кое-что рассказать.

Ученики охотно оставили забавы и расселись вокруг костра, с любопытством глядя на наставника. Им страшно нравились вечерние посиделки и рассказы об обычаях боевого братства. Да и легенд о великих мастерах Лек знал множество. Энет, конечно, знал не меньше, но предпочитал не распространяться об этом, тем более что горец рассказывал живо, интересно, в его интерпретации даже хорошо знакомые легенды приобретали новое, порой неожиданное звучание.

– Сегодня я хочу поговорить об императоре, – негромко сказал юноша, оглядывая по очереди учеников. – Откровенно говоря, есть многое, во что я никак не могу поверить. Например, в то, что никто не знает его величества в лицо.

– Наставник! – не выдержал Энет. – Ты ошибаешься, эльдары знают. Но больше никто.

– Разве так бывает? – изумился Храт. – Разве вождь или старейшина станут скрывать лицо?

– Не знаю... – развел руками Лек. – Может, ты расскажешь? Ты ведь у нас книжник.

Он вопросительно посмотрел юного графа. Тот смущенно зарделся:

– Хорошо. Я много читал по истории империи.

– Об истории потом, – отмахнулся Лек. – Я хочу понять, почему император прячется.

– Он не прячется! – возмущенно вскинулся Энет. – Это закон, установленный Элианом Завоевателем, создавшим империю. Согласно этому закону, император не имеет права открывать своего лица никому, кроме эльдаров. Не имеет права жить во дворце в праздности. Не имеет права долго оставаться на одном месте и из-за этого постоянно перемещается по стране. Любой встречный может оказаться им. И только после его смерти родные императора узнают,

кто жил рядом с ними. У императора есть только долг! Ничего больше.

– Единый... – прошептал Лек, вздрагивая. – Значит, это правда. Никогда не верил. Жить только во имя долга? Не имея ничего для себя? Это же адски трудно!

– Поэтому в нашей стране и нет наследственной власти, – согласился граф. – Принц становится императором, только если достоин этого. За всю историю Элиана такое случалось всего два раза, обычно его величество избирает себе преемника, исходя из личных качеств человека. Им может оказаться кто угодно, хоть последний простолюдин. Главное, чтобы обладал нужными качествами. Например, после смерти второго или третьего, не помню точно, императора, выяснилось, что он был нищим. Профессиональным нищим! После него в империи не осталось нищеты и голода, решил он эту проблему. В другой раз его величество оказался старьевщиком. В третий – вышибалой в кабаке. Император каким-то образом совмещает обычную жизнь с обязанностями повелителя и предводителя боевого братства. Как? Не знаю. Ничего не знаю. Слухов море, да только...

– Но зачем? – удивленно растопырил уши эльф.

– Наверное, чтобы император не загордился, чтобы власть не попала в руки изнеженных и ни к чему не пригодных людей, как часто случается, если эта власть наследственная, – ответил Лек, сам напряженно размышляя.

– Оно бывает, – хмуро согласился орк. – Дядьку вон моего двоюродного взять. Редкая ж паскуда. Никто б его до власти в жизни не допустил, но старший сын старейшины. И все. Теперь он никому в клановом кагале жизни не дает, половина Мрока от него стонет. Все на себя тянет.

– Да, это, наверное, основная причина, – кивнул Энэт. – Но есть еще немало других. Однако схема не работала бы, если бы император не являлся магом. Наверное, самым сильным в мире. Если бы не имел возможности мгновенно оказаться в любой точке империи. Как он это делает, никто не знает. Ученые Академии давно головы себе сломали, пытаясь понять принципы заклятий его величества и эльдаров. Не работают эти заклятия ни у кого иного! Даже у самого сильного мага.

– Но ты говорил, что императором может стать каждый, – удивленно сказал Санти. – Разве тот нищий был магом?

– Изначально не был... – развел руками Энэт. – В этом и заключается тайна элианского престола. Становясь императором или эльдаром, человек одновременно становится магом огромной силы, и приобретает знания, недоступные даже самому выдающемуся ученому. Как? Почему? А Единый знает! Да еще его величество с эльдарами. Но они пока никому этого не открыли. В Академии с самого ее основания пытаются хоть что-нибудь понять. Не может человек, не обладающий даром, выучиться на мага. Бесполезно учиться, если доступа к силе нет. Испокон веков было так. Только императору законы не писаны. Он их сам пишет.

– А... – открыл было рот Храт.

– Отставить разговоры! – резко приказал Лек, поднимая руку. – У нас гости.

Уже несколько минут ему не давало покоя ощущение чьего-то приближения. Юноша вслушался в ночную тишину и услышал негромкий скрип тележных колес. Не иначе, припозднившийся путник едет по дороге в Тарсидар – облюбованная ими поляна находилась неподалеку от нее. Внезапно скрип колес стих.

– Люди добрые! – воззвал чей-то голос. – Дозвольте страннику погреться у вашего костра.

– Коли не злодей, грейся, – отозвался насторожившийся горец, положив ладони на рукояти картагов.

– Н-но! – скомандовал голос, колеса снова заскрипели, и вскоре на поляну выехала крытая просмоленным полотном повозка бродячего торговца, которую тянул мощный битюг.

С облучка соскочил кряжистый мужик лет пятидесяти с чем-то. Крупное, мясистое лицо, короткие черные волосы и небольшая борода подернуты сединой. В серых глазах лучится добродушная ирония – казалось, человек посмеивается и над самим собой, и над всем вокруг. Незло посмеивается. Судя по внешнему виду – типичный уроженец южных уделов империи, скорее всего, родом из провинций Инат или Дир-Арнат. Одет в добротную кожаную одежду, которую обычно предпочитают люди, много времени проводящие в дороге – наемные воины, торговцы, бродячие лекари, ремесленники и скоморохи. На плечах незнакомца – далеко не новый, но целый

шерстяной плащ

Лек внимательно оглядел путника, надеясь, что перед ним не убийца, посланный по его душу. На всякий случай юноша держался настороже, готовый в любой момент сорваться в вихрь смерти, как часто называли в боевом братстве танец мечей. Но непохож был ночной гость на убийцу, скорее – на торговца средней руки. Да и движется тяжеловато для воина.

– Доброй вам ночи, молодые господа! – низко поклонился незнакомец, заметивший, видимо, шитые золотом пояса аристократов. – Меня кличут Мараном из Шадна, я гончар-посудник. Колесо сломалось, едва починил, до постоянного двора уж не добраться седня. Еду, гляжу – костер виден недалече, я и подъехал. Вы уж простите мою наглость, светлые лорды...

– Лек ар Сантен, – представился юноша и представил учеников. – Присаживайтесь к огню. Только уж извините, угостить нечем, все съели.

Он не заметил удивленного взгляда горшечника, явно ожидавшего, что молодые лорды погонят его прочь. Потом только тот понял, что перед ним – горец с Манхена. Колониальные аристократы еще не успели стать настолько спесивыми, как имперские. Впрочем, разные попадались и среди тех, и среди других. Ремесленник снова поклонился и подошел к огню, захватив с облучка мешок со снедью.

– Не побрезгуйте моим угощением, молодые господа, – сказал он, садясь. – Я вчера вечером в Дихту заскочил. Городишко так себе, плюнуть и растереть, зато сыр там делают лучший в империи. Его даже ко двору наместника поставляют.

– Сыр?! – восторгнулся было орк, ничуть не наевшийся маленькой эльфийской лепешкой, но при виде недовольного взгляда наставника сразу замолчал.

– Искренне благодарен, – склонил голову Лек, – но мы уже отужинали.

– Да вы не стесняйтесь, молодые господа! – снова добродушно улыбнулся горшечник. – Вы же горные мастера, вижу? А опосля тренировки есть завсегда хочется. У меня самого старшой сын в воинское сословие подался, знаю, скоко ему еды надо. Я ж от чистого сердца!

На поляне все еще тянуло горелым. Маран шумно втянул воздух и едва заметно скривился. Эльф тут же покраснел, никак не мог забыть своего конфуза. Лек подумал немного и кивнул, хотя в голове мелькнула мысль, что могут отравить. Но он еще не отвык доверять людям.

– Благодарю! – тоже улыбнулся он. – Откровенно говоря, мы сегодня без ужина остались по вине одного мечтательного оболтуса.

Тинувиэль покраснел еще сильнее и снова растопырил уши. Только тут горшечник заметил, что с двумя из молодых людей что-то не так. Маран далеко не сразу понял, что перед ним, вообще-то, не люди, а эльф с орком. Если последних можно было иногда увидеть на рынках империи, то первых не видели никогда. О них только рассказывали в сказаниях и легендах о давно прошедших временах. Ремесленник ошеломленно уставился на Тинувиэля, затем перевел взгляд на Храта и потряс головой.

– Простите... – очумело выдавил из себя горшечник. – Это?..

– Это мои ученики, – наклонил голову Лек, пытаясь скрыть ехидную ухмылку.

– В-вы и правда эльф? – почти неслышно спросил Маран у принца.

– Да, – нежный голосок Тинувиэля прозвучал звоном колокольчика.

– Еще раз простите за любопытство... Н-но как?!

– Самое обычное дело, – весело рассмеялся Лек, уж больно забавно выглядел ночной гость с вытянувшимся лицом. – Тинувиэль из дому сбежал, чтобы горным мастером стать. Неделю назад так же, как и вы, на огонь нашего костра вышел, я его в ученики и взял. Тогда я тоже очень удивился. Не обижайтесь на смех, уважаемый Маран из Шадна.

– Да чего там! – смутился тот, продолжая искоса поглядывать на все еще красного эльфа.

– А я – урук-хай! – торжественно провозгласил Храт, оскалив клыки.

Ремесленник нервно вздрогнул, орочьи клыки в полпальца длиной и горящие желтым огнем глаза могли напугать кого угодно.

Особенно людей, к такому зрелищу непривычных, а таковыми в Элианской империи было почти все население за редким-редким исключением. Немного успокоившись, Маран достал из мешка свежий хлеб и круг великолепного желтого сыра, стоившего на тарсидарских рынках до полутора золотых за фунт. Сыр оказался таким вкусным, что круг исчез почти мгновенно, причем больше половины умял Храт, которому, при его габаритах, все время не хватало еды. В городе вопрос решался просто – расходы по содержанию урук-хай взяла на себя императорская казна. Зато в лесу приходилось постоянно подкармливать беднягу, чтобы не свалился. Леку было несколько неудобно из-за того, что ввел незнакомого человека в немалые расходы, но Маран отказался брать деньги. У горшечника нашелся даже кувшин с пивом, но горец запретил ученикам прикасаться к хмельному.

Разговор вертелся вокруг всего на свете, но вскоре снова скатился к обсуждению императора с эльдарами и их магии. О недовольстве Церкви «грязными колдунами» и бесконечных интригах аристократов, рвущихся к власти.

– Простите, молодые господа... – нерешительно сказал Маран. – А можно мне сказать, как оно со стороны простого человека выглядит?

– Конечно, – ответил Лек. – Будем благодарны.

– Вот вы говорите, что святые отцы народ супротив императора настрополяют. Оно-то так, да токо люди тоже не идиоты, не сильно-то они епископов слушают. А чего? Да того, что живем мы хорошо, и каждый знает, кого за то благодарить. У нас за полторы тыщи лет хоть раз голод был? Нет! У всех кусок хлеба имеется. Даже у последних бездельников. Каждый может прийти в кабак и сказать, что голоден, а денег нет. Накормят за счет его величества, токо имя запишут. Но коли здоровый человек так завсегда делать станет, не захочет работать, то такого лентяя быстро в колонии спровадят. Там дом и землю дадут – живи! Дальше. Бандюг у нас почитай и нет. Я вот всю империю объездил, ни разу не грабили! А дорога порой по многу сот верст тянется. Вон, от Тарсидара до Элиандара али до Аранара по тыще с гаком будет. Через лес, через горы, через степь. А нету бандюг! Повывели! В городах случается, но редко. Воров полно, драк тоже, но чтоб убили за кошелек? Не, такого нет. Лет пятьсот никто о таком не слыхивал. Не все свое счастье понимают, но

толковые люди понимают. А на хамье стража есть.

– Может, и правда... – задумчиво прикусил губу Лек. – В наших селениях лет пять назад голод начинался, половина скота передохла от какой-то болезни. Так через двадцать дней обоз с продовольствием пришел из метрополии и лекари приехали, чем-то больных овец накормили – больше ни одна не подохла. Денег не взяли, сказали, что за счет казны. А отец ни у кого помощи не просил, не сообщал о голоде, думал, сам справится. Откуда только узнали?

– Эльдары все и всегда знают, – хитро ухмыльнулся горшечник. – А не знают чего, так люди скажут. Холопов-то у нас нету. Все свободные. Не нравится у какого лорда, притесняет, денег не платит – так легко можно сняться и к другому податься. Землю завсегда дадут. Хоть и в колонии. Коли хозяин попробует не отпустить али насильничать, горному мастеру пожалуется, сразу порядок наведет. Оно лордам, понятно, сильно не нравится, все хотят закабалить народ, да токо император не дает. И мы то хорошо понимаем. Не станет императора – схарчат нас, рабами сделают, как в Нартагале. Уж коли чего не так сказал, простите дурака, молодые господа, мы люди простые...

Лек с трудом сдержал улыбку. Простые? Как же! Мастер-посудник по фарфору к простым никак не относится, фарфоровая посуда и в империи стоит немало, а уж за ее пределами и вовсе ценится на вес золота. Нартагальские, даркасадарские, оркограрские и карвенские купцы за партию фарфора готовы платить любые деньги, зная, что прибыль, – и хорошую прибыль! – все равно получают. А по словам Марана, он делал сервизы на заказ для аристократических семейств. Понятно, что такой мастер без куса хлеба с маслом никогда не останется, всегда найдутся желающие прихвастнуть перед соседями.

Однако слова горшечника заставили задуматься. Теперь юноша понимал, что старый мэтр не лгал, только Лек не хотел ему верить. Да, императору, к которому так относятся простые люди, служить действительно честь. Теперь он уже не удивлялся богатому виду горожан и отсутствию голодных на улицах. В колониях они еще появлялись, но с каждым годом все реже, империя устанавливала свои порядки везде, куда могла дотянуться. Жестко устанавливала. Однако Лек не мог понять: за счет чего достигается все это изобилие? Ничего ведь не берется ниоткуда, все создается только человеческим

трудом. Налоги? Возможно. Судя по последней переписи, население империи перевалило за двести миллионов и продолжает быстро расти. И свободных, необрабатываемых земель еще много. Но надолго ли их хватит? Юноша вскоре запутался в своих рассуждениях и дал себе зарок расспросить мастера-наставника. Уж он-то должен знать!

– Самое интересное, что основы всего этого заложил еще первый император, – почти неслышно сказал Энэт. – Он меня с детства интересовал. Я перерыл всю императорскую библиотеку в поисках хоть каких-нибудь достоверных хроник того времени, но сохранились только легенды. Никто не знает, кем был Элиан Завоеватель и откуда он вообще взялся. Откуда получил свою силу? Почему решил объединить десятки королевств в единую империю и каким образом сделал это? Слухи. Сказки. Предположения. Больше ничего.

– Если молодые господа захотят, – снова заговорил горшечник, – могу рассказать легенду, которую вы вряд ли знаете. Я в молодые годы думал монахом стать, послушничал в одном крохотном монастыре неподалеку от Южных Цитаделей. В библиотеке за книгами смотрел. Нашел случайно старую рукопись, едва разобрать смог, что там было написано.

– Конечно, хотим! – едва не подпрыгнул юный граф, глаза его загорелись интересом. – Пожалуйста!

Лек тоже не прочь был послушать, первый император интересовал и его. Кем он был? Загадочная и противоречивая фигура. Великим магом? Да. Великим ученым и великим кузнецом? Снова да. Великим полководцем и великим реформатором? Еще раз да. Это признавали даже его враги. За каких-то двадцать лет неизвестно откуда взявшийся бродяга создал огромную империю, которую до смерти боялись все соседи, вскоре, впрочем, влившиеся в империю. Добровольно или нет, значения не имело.

Никто из подданных не знал, как выглядит великий император: мрачная фигура в сером плаще с капюшоном, вокруг которого вился туман, скрывая лицо, глуховатый, безразличный голос, неслышная поступь и поразительная доброта к несчастным и угнетенным. Законы, оставленные его величеством, были справедливы. Но к преступившим закон у Элиана не было ни капли жалости. Привычки первого императора вообще пугали. Он почти никогда не бывал в

своим роскошным дворце, носясь по всей стране и наводя порядок, где требовалось. На женщин даже не смотрел: самые красивые дамы высшего света прилагали невероятные усилия, чтобы привлечь его внимание, но тщетно.

Бывшие независимые королевства, княжества и герцогства материка Аладан превратились в провинции гигантской империи. Наместниками чаще всего становились прежние правители, если у них, конечно, хватало ума принести Элиану клятву верности. Однако втайне все они люто ненавидели узурпатора и лелеяли планы мести. Но реализовывать эти планы мало кто решался. Мятежников император уничтожал быстро и страшно, после нескольких случаев мятежи вообще прекратились и благородные господа затаились, дожидаясь смерти чудовища.

Но время было упущено, люди, узнавшие, что такое безбедная, сытая и спокойная жизнь, не захотели возвращаться к старому. Не захотели снова воевать по прихоти господ, бросающих жизни солдат на алтарь собственной спеси. Между городами империи при помощи магии проложили широкие, ровные дороги, по которым могли проехать до десятка повозок в ряд. В самих городах выстроили из белого камня знаменитые императорские башни шестисот локтей высоты, на шпилях которых установили хрустальные шары, дающие возможность осуществлять мгновенную связь. Маги Академии подозревали, что башни служат и многим другим целям, но ни один не сумел понять – каким. Ночами шары горели призрачным светом, и в первое время сильно пугали горожан. Однако постепенно люди привыкли к призрачному освещению и даже стали гордиться тем, что улицы их родных городов освещает магия самого императора.

Прошло несколько лет, и Элиан начал создавать орден рыцарей престола, которых вскоре прозвали эльдарами. Прозвище прижилось, став со временем официальным названием. По каким критериям его величество отбирал людей, никто не понимал, однако мало кто отказывался от высокой чести. Немало младших сыновей благородных родов приняли из рук императора серебристо-серые плащи с серебряными шнурами. Одно только «но»: став эльдаром, человек навсегда покидал родной дом... Да и менялись рыцари престола, страшно менялись. Все, что волновало обычного человека, переставало существовать для них. Мало того, каждый из них становился магом ненамного слабее самого императора, не имея в прошлом ни крохи магических способностей. Как такое могло быть?

Ученые и маги Академии только руками разводили, если у них спрашивали об этом. По всем законам магии – это невозможно. Способности мага врожденные, и никакое обучение не могло помочь человеку, не имеющему дара Единого. Но его величество слова «невозможно» не признавал и много раз сдвигал пределы возможного.

Прекрасный пример – объединение боевых школ, ненавидящих друг друга, в единое братство. Элиан при помощи патриархов школ разработал несколько новых стилей боевого мастерства, ставших со временем общепринятыми среди горных мастеров.

Страна развивалась и богатела, тысячи торговых и военных кораблей бороздили океаны, возвещая славу Элиана. Даже с орками император исхитрился заключить союз, чего до него не случалось. Краснолицые воевали с людьми и эльфами на уничтожение испокон веков, не желая идти ни на какие компромиссы. К тому же последняя война, во время которой орков вытеснили за Орванский перешеек, закончилась немногим больше двухсот лет назад, и краснолицые все еще люто ненавидели победителей. Чем сумел заинтересовать урукхай император, как добился мира? Предположений высказывались тысячи, только правды не знал никто.

К сожалению, вторая древняя раса, эльфы, после заключения договора с Оркограром объявила империю злом и прекратила общение с людьми. Остроухие отгородились на юге Аладана барьером мертвого леса, пройти который не мог даже маг, не говоря уже об обычном человеке. С тех пор элианцы не видели ни одного перворожденного, кроме как на гравюрах, и со временем забыли, как те выглядят. Тинувиэль был первым эльфом, рискнувшим появиться в империи. Лек искренне надеялся, что не последним.

– Это была даже не легенда. – В глазах ремесленника появилась легкая грусть, лицо помрачнело. – Обрывок рукописи, написанный, судя по контексту, одним из первых эльдаров. А может, и вообще первым...

Лек бросил настороженный взгляд на Энета. Тот тоже выглядел удивленным. Было отчего. Из речи Марана внезапно начисто исчезли просторечные словечки, он начал говорить совершенно правильно, как говорили только образованные люди. Юноша снова насторожился. Что-то здесь было не так... Хотя горшечник сказал, что когда-то послушничал в монастыре, а монахов тоже обучали

высокому стилю лаарского. Может, он вспомнил прошлое, и привычная когда-то речь вернулась сама собой?

– Начало я запомнил дословно, – продолжил Маран, он выглядел в этот момент властным и решительным, ничуть не походящим на простолюдина. – Слушайте.

«Кто я? Да разве это имеет какое-нибудь значение? Нет. Я сам давным-давно позабыл имя, данное мне при рождении. Слишком много путей пришлось пройти с тех пор, как меня в последний раз называли им. Но я хотел рассказать вам не о том. Я хотел рассказать о человеке, который стал для меня всем. Другом, братом, отцом и учителем. Наверное, вы слышали о нем. Многие считают его чудовищем, выползшим из ада. Единый им судья. Я говорю об императоре Элиане. Учитель покинул нас десять лет назад, я тоже очень стар и доживаю оставшиеся мне немногие годы в этом маленьком монастыре. Отец-настоятель убедил меня написать правду. Я согласился, хотя до сих пор сомневаюсь, что эта правда кому-то нужна. Люди верят только в то, во что хотят верить. Иначе не бывает. Но мне все равно. Напишу так, как видел и знал. Конечно, я не знал всего, да и не мог знать, несмотря на всю мою магическую силу. Как мне смешно слышать за спиной настороженный, злобный шепот: „Эльдар... Чудовище... Проклятый колдун... Убийца...“ Глупые вы люди. Поймите, я не имею права использовать Силу ради себя. Только ради вас. Даже если буду умирать от голода, я не имею права наколдовать себе кусок хлеба. И ни один из нас не имел и не имеет такого права. Но вы видите только то, что вам говорят ваши глупые предрассудки. Что ж, это ваш выбор и отвечать перед Создателем за него тоже вам самим. Поэтому моя рукопись навсегда останется в монастыре, вы ее просто не поймете. Извратите и испокхабите. Но даже в ней я не выдам тайн, способных помочь нашим врагам разрушить созданное Учителем. Я просто хочу рассказать историю прихода великого императора...»

– К сожалению, дальше дословно не помню... – развел руками горшечник. – Да и прочесть я сумел меньше трети рукописи, остальное сожрали мыши.

– Мыши? – разочарованно вытянулось лицо Энета. – Какая жалость! Я бы непременно добрался до этого монастыря... Рукопись одного из первых эльдаров? Это же невероятная ценность! Ее любой университет за какие угодно деньги купит!

– Я вас прекрасно понимаю и полностью согласен, – огорченно вздохнул Маран. – Когда я понял, что большая часть пергамента превратилась в труху, то сам едва не плакал. Увы, почти полторы тысячи лет прошло, срок немалый.

– Но хоть треть сохранилась? Я сообщу декану исторического факультета Тарсидарского университета, он пошлет гонцов, сколько попросят, заплатит...

– К сожалению, она осталась только в моей памяти, – скривился горшечник. – Когда отец-настоятель узнал, что помощник библиотекаря нашел рукопись эльдара, то немедленно сжег «еретические писания грязного колдуна» под торжественные песнопения... Это меня настолько потрясло, что я сбежал из монастыря. С тех пор ноги моей в храме не было и не будет!

– Церковь... – гадливо скривился Лек. – «Святые» отцы считают, что им дана монополия на истину. Честное слово, слишком много его величество фанатикам воли дал. Давить их надо без жалости, как клопов!

– Нельзя, – отрицательно покачал головой Энэт. – Будет бунт. Страшный, кровавый бунт. Самых одиозных нужно останавливать, они готовы предать анафеме саму империю, требуя, чтобы «грязные колдуны» отдались на суд «мудрых и справедливых» карвенских первосвященников и пошли на костер. Долго не знали, что с такими делать, пока кто-то из императоров не нашел прекрасный способ борьбы с ними. Убивать их глупо, сделают знаменем, превратят в великомучеников и объявят святыми. А их идеи укоренятся.

– Но как же тогда с ними бороться? – растерянно взглянул на ученика Лек.

– Их выставляют смешными. Когда люди над кем-то смеются, то не воспримут всерьез идей, высказываемых этим кем-то.

– Отлично! – одобрил Храт, желтые глаза орка искрились весельем. – Не, лучше не придумать.

– Согласен, – улыбнулся Энэт. – Фанатикам подстраивают разные безобидные, но смешные ловушки. Наверное, наш Санти многое мог бы предложить. Как, рыжий, придумаешь что-нибудь интересное для «святых» отцов?

– У-у-у... – протянул расплывшийся в улыбке скоморох. – Я им

такого понапридумаю...

– Я тебе придумаю! – погрозил ему кулаком едва сдерживающий смех Лек. – Нашелся мне тут борец с фанатиками. Честное слово, только попробуй. Выломаю лозину, спущу штаны и выпорю.

– А я помогу! – довольно осклабился Храт. – С большим удовольствием.

– Лучше не надо! – бодро отозвался рыжий, на всякий случай отодвигаясь от наставника подальше.

– Вот ведь бедовый... – пожаловался Марану юноша. – На минуту без присмотра оставишь, обязательно чего-нибудь натворит. Никак не может успокоиться.

– Сам в юности таким был, – ухмыльнулся тот. – Сколько меня еще в монастыре за разные выходки пороли бывало. Но со святошами иначе нельзя, молодой господин. Отец-настоятель, кстати, поплатился за свой поступок. Кто-то из нынешних эльдаров узнал об уничтожении древней рукописи. Бог его знает как, но узнал. После этого вандал несколько лет щеголял с огромными ослиными ушами и при попытке прочесть проповедь только ревел трубным гласом. Даже монахи от смеха корчились. Вы только представьте себе... Выходит на амвон надутый спесью отец-настоятель, откидывает капюшон сутаны, и всеобщему обозрению открываются мохнатые, покрытые паршой и крупными вшами уши в локоть длиной. Не замечая перешептываний изумленных прихожан, начинает проповедь. Но все слышат только одно: «Иа! Иа-Иа! Иа-Иа-Иа!» Тут уж люди не выдержали, по полу от хохота катались.

– Вау! – восторженно воскликнул Санти. – И я бы лучше не придумал!

Лек представил себе конфуз толстого монаха и совершенно неприличным образом заржал. Хорошо эльдар осадил фанатика, великолепно просто. Это куда действеннее, чем прибить. Кто станет относиться всерьез к настоятелю, ревущему подобно ослу при попытке что-нибудь сказать? Да никто! Разве что самые фанатичные идиоты, а таких, слава Единому, немного.

– Но вы не досказали, господин Маран, – заметил Энет.

– Вы правы, светлый лорд, – вздохнул тот. – А дальше в рукописи было вот что...

Больше полутора тысяч лет назад на территории нынешней инарской провинции жила себе нищая страна Саен, маленькая и никому не нужная. Правил ею князь, бывший ненамного богаче своих подданных. Войска соседей иногда грабили население, но брать с саенов чаще всего было нечего, кроме продовольствия, да и того не хватало. Голод десятилетиями был постоянным гостем в селениях Саенского княжества. Люди толпами уходили в леса, пытаясь прокормиться разбоем, благо неподалеку проходила караванная дорога. Даже сыновья баронов не брезговали столь не подобающим благородным господам занятием.

Однажды довольно большая банда напала на странника, закутанного в серый плащ. Он появился непонятно откуда, дозоры не предупредили о его появлении. Вскоре разбойники лежали без сознания, странник никого не убил, хотя вполне мог. Перед тем, как уйти, он внимательно посмотрел на очнувшегося предводителя банды, младшего сына живущего неподалеку барона, и сказал: «Идем со мной. Я подарю тебе весь мир». Тот и сам не знал, почему послушался. Но послушался и ушел с незнакомцем, став его учеником. Наверное потому, что никогда не видел человека, способного в одиночку разбросать полсотни здоровых мужиков. Странник назвался Элианом, а баронский сын стал со временем эльдаром, написавшим незадолго до смерти найденную Мараном рукопись.

За несколько лет будущий император нашел и обучил незнакомому стилю боевого искусства несколько десятков учеников, с помощью которых легко захватил княжеский замок. Никому не было дела до того, что в нищем Саене сменилась династия. Однако через несколько лет соседи пожалели о своей невнимательности. Элиан каким-то образом сумел покончить с нищетой в стране. Он нашел в княжестве железо и медь, построил рудники, и вскоре к замку нового князя потянулись купеческие обозы. Заставил крестьян сеять совсем не так, как они привыкли, результатом чего стало удвоение урожаев. Обучил кузнецов ковать булатные мечи и цельные доспехи, вязать кольчуги и строить катапульты. Создал дисциплированную, закованную в железо армию.

Возможно, он и не стал бы завоевывать больше никого, однако соседи узнали, что нищие саены нагуляли немного жира, и решили избавить бедняг от лишнего имущества. Конные орды встретил ровный строй похожих на стальные статуи рыцарей. Разгром был

сокрушительным, из агрессоров не уцелел почти никто. Нападения князь Элиан соседям не простил и вскоре двинул на них свои войска. Никогда не сталкивавшиеся с регулярной армией, возглавляемой генштабом, королевства пали на удивление быстро, хотя считались довольно сильными. Не прошло и пяти лет, как Элиан захватил больше двадцати стран. Так родилась Элианская империя.

– К моему глубочайшему сожалению, – развел руками Маран, – на этом рукопись обрывается.

– Как жаль... – закусил губу Энет. – Единый, до чего жаль! Ни в одной легенде не говорится ни о чем подобном. Обычная героическая чушь. Пришел, мол, великий герой и всех победил. Сказки, не более. Зато рассказанное вами походит на правду. Эх...

Юный граф с досадой махнул рукой и отвернулся. Лек ничего не говорил, он думал. Прав Энет, рассказ ремесленника правдоподобен, в отличие от легенд, слышанных еще дома. Хотелось бы узнать, как там все было на самом деле. Только не узнает – слишком много времени прошло. Наверное, всю правду знают только император с эльдарами.

Поговорив еще некоторое время, все шестеро легли спать, хотя Лек на самом деле не спал, находясь в состоянии полумедитации. Он внутренним зрением контролировал всю поляну. Руки юноши лежали на рукоятках картагов, при малейшей тревоге он был готов мгновенно оказаться на ногах и первым встретить врага.

Ночь прошла на удивление спокойно, даже комары не досаждали сладко спящим ученикам горного мастера и их наставнику. Утром Лек отправился на охоту и легко подстрелил трех гусей, плававших в озере неподалеку. Нравился ему тарсидарский лес. Сколько живности! Дома хорошо попотеть приходилось, прежде чем хоть какую-то дичь отыщешь. Совсем не то здесь! И никому не запрещают охотиться, что удивительно – леса принадлежат императору, а не кому-то из высоких лордов.

После завтрака горец с учениками попрощались с Мараном и ушли тренироваться.

Ремесленник с почти незаметной усмешкой проводил взглядом скрывшихся в чаще парней. Хороши, ничего не скажешь. Толк будет. Но достаточно ли хороши для того, что им предстоит? Пока рано судить. Надо подождать. И проследить, чтобы ни одна тварь до

мальчишек не дотянулась. Вгляд Марана на мгновение стал тяжелым и властным, губы искривила злая гримаса. Однако вскоре он снова улыбался. Взобравшись на козлы, горшечник чмокнул на флегматичного битюга и щелкнул кнутом. Повозка сдвинулась с места и, подмяв кусты, выехала на ровную каменную дорогу, ведущую к Тарсидару.

6. Заговор

Две свечи едва освещали небольшую комнату. В ней почти ничего не было, только стол с несколькими стульями и массивный сейф. Три мрачных человека с недоверием смотрели друг на друга. Лощеный полуседой аристократ в темно-синем плаще, пухлый священник в суконной черной рясе, подпоясанной веревкой, и худой, как палка, маг в золотистой мантии старшего магистра Академии.

– Вы поставили защиту от подслушивания, магистр? – негромко спросил аристократ.

– Да, высокий лорд, – сухо ответил тот, постукивая пальцами по столу. – Вести речь о таких вещах без полога защиты?!

– Проклятый колдун... – с яростью прошипел себе под нос священник.

– Мне уйти? – приподнял брови магистр, покосившись на него.

– Успокойтесь, епископ! – нахмурился лорд. – С вами все давно обсудили. Вы хотите остаться без союзников в последний момент? Не хватит ли? Мы впервые встретились втроем, и от результатов этой встречи зависит все!

– Извините... – недовольно буркнул тот. – Никак не могу привыкнуть.

– Что маги тоже люди? – насмешливо осклабился магистр. – Привыкайте, епископ. Нам друг без друга не выжить. Если кто-нибудь из третьего приказа или боевого братства прознает о нашей беседе, то за наши шкуры никто медяка не даст.

– Знаю! – отрезал священник. – Давайте лучше о деле.

– Давно пора, – кивнул аристократ, раскуривая резную трубку. – Магистр, ваши люди уже в городе? Они раскинули обещанную магическую сеть?

– Почти все. Только трое задерживаются. Нельзя было стольким магам появляться в городе одновременно, боюсь, мы привлекли к себе нежелательное внимание боевого братства. С сетью я не стал бы торопиться, слишком опасно, императорский маг Тарсидара не на нашей стороне. Он может отследить всплески Силы и доложить

эльдарам.

– Постарайтесь избежать его внимания, иначе последствия могут оказаться любыми, но вряд ли полезными нашему делу.

– Вот именно! – скривился магистр. – Поймите, я и так делаю все, что могу. В большинстве городов ловушки построены. Скоро завершим их в оставшихся. Только я не совсем понимаю, как вы собираетесь заманивать в них... э-э-э... объекты воздействия.

– Есть способы. – Кончики губ высокого лорда приподнялись. – Эти чистенькие господа почему-то не выносят, когда пытаются детей. С чего бы? Никак не могу понять. Ну, да дорхот с ними. Важно, что они каким-то образом сразу узнают о подобных невинных развлечениях и мгновенно оказываются на месте происшествия, убивая развлекающихся. Этим я и воспользуюсь.

– Их точное число установлено? – резко спросил епископ, его бас никак не вязался с пухлым телом.

– Да, – кивнул аристократ. – На данный момент интересующих нас господ шестьдесят пять. Возможно, есть еще несколько. Но ловушек мы наготовили с немалым запасом.

– Однако это не решает главной проблемы, – скривился священник. – Мы не знаем, кто ими руководит и где его искать.

– Это тоже решаемо. Надеюсь. Есть один любопытный план. Мы готовились десять лет и теперь имеем шанс получить желаемое. Иллюзорный шанс, не стану скрывать. Поэтому спрашиваю в последний раз, господа. Вы готовы рискнуть?

– Да! – криво усмехнулся магистр. – Мне надоело быть мальчиком на побегушках. Почему мы должны строить дороги, телепортировать грузы и лечить всякое быдло почти бесплатно? Хватит. Маги и ученые заслуживают большего!

– Церковь тоже согласна участвовать, – сказал епископ, бросив на мага презрительный взгляд. – Причины вам известны. Но вот что будет дальше...

– Рано пока делить шкуру неубитого медведя, – прервал его аристократ. – Учтите, предстоит еще немало работы, прежде чем мы сможем приступить непосредственно к делу. И помните, что помимо мешающих нам господ есть еще и боевое братство. Горные мастера на многое способны.

– А третий приказ? – поинтересовался священник.

– Он под контролем, – позволил себе холодно улыбнуться высокий лорд. – Тайная стража не пошевелится без моего приказа.

– Как вам это удалось?! – ошеломленно спросил епископ. – Это же...

– Там тоже люди сидят, а у людей есть свои слабости, на которых их можно подловить.

– Вы забыли об армии, – голос мага походил на шипение змеи.

– Почему же? – довольно осклабился аристократ. – Святой отец, вы связывались с вашими друзьями из Карвена?

– Они согласны, – в голосе епископа звучало торжество.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился маг.

– Только то, что в нужное время армии будет не до внутренних проблем.

– Даже так? Война? А не слишком ли? Святоши ведь просто так не уйдут...

– Да как вы смеете клеветать на святых защитников веры?! – вскочил епископ. – Грязный колдун! Проклятый Единым еретик!

– О! – похлопал в ладоши магистр. – Великолепно! Вот она, Церковь, во всей своей красе. Высокий лорд, а не ошиблись ли мы, связавшись с фанатиками? Как бы они нас потом кровавыми слезами плакать не заставили...

– Господа, успокойтесь, – устало вздохнул аристократ. – Поймите: если мы рассоримся, то все останется по-прежнему. В конце концов, епископ, вы ведь согласились, что магия бывает разная.

– Да, согласился, – мрачно буркнул тот, садясь. – И мы готовы внести изменения в святой канон, если маги согласятся на наши условия.

– Какие именно изменения? – сразу насторожился магистр.

– Врожденную магию объявят даром Единого, – недовольно скривился священник. – Ею сможете заниматься невозбранно с благословения святой Матери-Церкви. Зато вся иная станет считаться

происками Владыки Бездны. Любой ее носитель подлежит церковному суду и казни на костре. Иначе говоря, будут четко разделены магия и колдовство. И маги Академии должны будут оказывать церковным судам любую требуемую помощь в поиске и обезвреживании колдунов!

– С превеликим удовольствием, епископ! – довольно осклабился магистр. – Нам совсем не нужно такое количество конкурентов. Давно пора проредить ряды. Не должны дети быдла иметь право обучаться в Академии, как сейчас. Только дети дипломированных магов, больше никто.

– Даже так? – удивился священник. – А вы, оказывается, здравомыслящий человек. Мы вполне сможем договориться.

– Согласен. – Маг встал и поклонился. – Вы тоже меня удивили, я считал вас фанатиком. Извините.

– Кем я являюсь – мое личное дело, магистр, – буркнул епископ. – Мы будем сотрудничать, иного выхода я не вижу, но не ждите от меня уважения. И хочу сразу предупредить, что если что-нибудь из наших бесед станет известно в епископате, вас не спасет никакая магия. Наши паладины и магов не раз убивали.

– Знаю, – усмехнулся магистр. – Мы все здесь потому, что для каждого нетерпима нынешняя ситуация. И раз у меня появился шанс ее изменить, я этого шанса не упущу, уж будьте покойны.

– Рад, что вы поняли друг друга, господа, – подал голос аристократ. – Я...

– Но вы так ничего и не соизволили сказать по поводу боевого братства, – прервал его маг. – Даже если у нас получится, горные мастера вполне способны в последний момент все испортить.

– Есть способ с ними справиться, – негромко рассмеялся аристократ. – Вы, магистр, почему-то не следите за придумками инженеров вашей же Академии. А зря. Один яйцеголовый умник года два назад придумал новый так называемый бездымный порох. Второй изобрел скорострельный магазинный карабин, выпускающий до сотни пуль в минуту. Перезарядка автоматическая. Правда, без бездымного пороха у него ничего не получилось бы, зато, совместив два изобретения, мы получили необходимый инструмент. Против такого карабина никакое боевое мастерство не поможет, мы легко перебьем горных мастеров. Благо, мы нашли умников раньше них и

вовремя спрятали. На данный момент мои люди имеют достаточное количество нового оружия. Оно же установлено в ловушках.

– Когда начинаем? – деловито спросил маг, его глаза загорелись лихорадочным азартом.

– Не знаю пока, но думаю, что в ближайшие несколько месяцев. Возможно, раньше, но я не стал бы спешить. Еще многое не готово.

– Согласен, – резко кивнул епископ. – Церкви тоже необходимо завершить кое-какие дела.

– Вы правы, господа... – Маг разочарованно качнул головой. – И мне стоит для начала проверить моих людей. Не дай Единый, кто-нибудь засомневается и донесет...

– Постарайтесь не допустить этого. – Глаза аристократа сузились, магистра передернуло от его взгляда.

Высокого лорда боялись все, наверное, кто с ним сталкивался. Холодная жестокость этого человека пугала. Однако своих людей он обычно не обижал, но не дай Единый предать... Предателей ждала страшная участь, охоту за ними не прекращали никогда. Были случаи, когда бежавших находили даже в Нартагале или Даркасадаре. Их смерть была страшна.

Усевшись в носилки, епископ не спеша перебирал в памяти сказанное сегодня. Неужели у них что-нибудь получится? Дай-то Единый. Сколько прежде было попыток... Увы, проклятые колдуны всегда побеждали. Непонятно каким образом. Беда ведь, что даже в проповедях приходится соблюдать величайшую осторожность, а не то появится эльдар с предупреждением на первый раз. Да и люди не слишком-то слушают слова святых отцов, они видят реальную пользу от проклятой магии и не могут понять, почему ее объявляют искушением дорхота. О чем речь – даже если человек заболел, то шел не в церковь, молить Единого о милости, а к магу-целителю! Какое издевательство над святыми канонами! Если ты болен, значит Единый тобой недоволен! Изволь вынести его наказание без помощи грязных колдунов!

Увы, люди плевать хотели на негодование священников и обращались к целителям. Не все, конечно – самые темные и необразованные слои населения были преданы Церкви, но таких оставалось с каждым поколением все меньше. Построенные позапрошлым императором школы, в которые чуть ли не насильно

загоняли подавляющее большинство детей, сыграли свою роль. Ничего, в случае победы школы закроют, книги сожгут, а учителей казнят. По заслугам – нечего задуривать людям мозги, им нужно знать только то, что скажет святой отец, и не сомневаться в его словах!

Однако до победы было еще очень и очень далеко, поэтому приходилось думать над каждым своим словом. Впрочем, епископ давным-давно носил маску упрямого, недалекого фанатика, которого не раз выставляли на посмешище толпе, и никто не воспринимал его всерьез.

Толстяк зло усмехнулся. От дурака никто не ждет ничего умного, а зря, господа хорошие, очень даже зря. Пожалеете вы когда-нибудь, сильно пожалеете, да только поздно будет. Тайной страстью епископа с ранней юности была власть, ничем и никем не ограниченная власть. Но он родился простолюдином, а для таковых путей получить хоть немного власти в элианской империи было два – боевое братство и Церковь. Однако ни один из мастеров-наставников не принял в ученики слабого здоровьем, полного юношу, и он затаил злобу, решив стать священником. Потом была духовная семинария, первый приход и многое иное.

Будущий епископ с каждым годом взбирался в церковной иерархии все выше и выше, не жалея никого и ничего. Пока не понял, что даже первосвященник не имеет никакой реальной власти, законы империи жестко разделяли Церковь и государство. Совсем не то в Карвене, где во власти священников было казнить и миловать, где выявленных колдунов ждал только костер. Тайно высшие иерархи элианской и карвенской церковью общались, и епископ люто завидовал своим коллегам из-за границы. Понемногу он начал собирать вокруг себя единомышленников, надеясь, что когда-нибудь получит шанс все изменить. И Единый дал своему верному слуге такой шанс!

Три года назад он совершенно случайно разговорился с пришедшим на исповедь аристократом. Уже через несколько минут епископ понял, что высокий лорд знает обо всех его слабых потугах сопротивляться бездушной имперской машине. Поначалу священник до смерти перепугался, решив, что на него вышел третий приказ. Однако оказалось, что ошибся. Напротив, аристократ предложил объединить силы – лордам тоже не хватало власти. Они задыхались в тисках эльдаров с боевым братством. За убийство простолюдина без

суда даже герцога ждала казнь. С древних времен представителям многих аристократических семейств будоражили кровь сладкие сказки о временах до прихода первого императора. О полной власти над жизнью холопов, праве грабить и насиловать их.

Епископ откинулся на спинку носилок и довольно улыбнулся. Он не прогадал, связавшись с высоким лордом... Да и магистр оказался куда умнее, чем полагал священник, не потребовал невозможного. Его условия не слишком тяжелые, очень немногие маги получают церковное благословение, и все они останутся под жестким контролем. Пусть им, зато остальных колдунов будет ждать костер. Туда им и дорога, сволочам!

Аристократ потряс воображение священнослужителя совершенно реальным планом. Впрочем, реален он или нет – покажет время. Епископ поставил на план высокого лорда саму жизнь, прекрасно понимая, что если они проиграют, то император заговорщиков не пощадит. Колдун крови никогда не боялся. Даже очень большой крови. Если понадобится, он вполне способен вообще ликвидировать в империи Церковь как таковую.

Носилки медленно двигались по людным даже ранним утром улицам торговой столицы Элиана. Только рассвело, но жизнь кипела ключом. Молочники и зеленщики развозили заказанное, толпы грузчиков направлялись в торговый и военный порты Тарсидара. Открывались лавки, разносчики горячих пирожков и сдобы расхваливали свой товар. Идущие на работу люди охотно покупали, завтракая по дороге.

Епископ недовольно кривился – нет, чтобы в церковь заглянуть, не говоря уже о пожертвованиях. Он с некоторым даже интересом следил из-за занавески за жизнью города, пытаясь понять, чем живут снующие по улицам люди, о чем они думают. Да, о Едином Создателе, похоже, думает мало кто.

Внезапно его внимание привлекли пять молодых людей. Епископ сперва не понял даже, почему, и подозрительно осмотрел юношей. Горец, родом явно с Манхена, уроженцев Барталадарских гор ни с кем не спутаешь – носаты, что грифы-падальщики. Младший лорд великого дома, о чем говорил шитый золотом потертый пояс. Рядом шел все время подпрыгивающий и смеющийся огненно-рыжий мальчишка лет семнадцати на вид, кого-то напоминавший, но кого? Вспомнить священник не смог. Третьим был еще один молодой

аристократ, на редкость уродливый. Четвертым... Четвертым шел орк. Самый натуральный орк! Краснорожая образаина довольно скалила клыки в ответ на испуганные возгласы горожан. Епископ потряс головой, ничего не понимая, затем вспомнил о принятом несколько дней назад по императорскому приказу в боевое братство урук-хай и зло сплюнул себе под ноги. Докатились! Слуги Владыки Бездны по городу разгуливают, как у себя дома! Скривившись, священнослужитель перевел взгляд на пятого – и замер. Как-то так получилось, что именно в этот момент порыв ветра сорвал с юнца капюшон, и епископ увидел остроконечные уши, миндалевидные глаза и нечеловечески прекрасное лицо эльфа. Перворожденный в империи?! Это что же на белом свете-то делается, люди добрые? Но что-то еще не давало ему покоя, какая-то саднящая мысль на краю сознания. Внезапно до епископа дошло.

– Эльф... – прошептал он мгновенно пересохшими губами. – Орк... Горец... Аристократ... Скоморох... Да, рыжий точно скоморох, теперь припоминаю. Единый! Да что же это такое?! Да как же ты допустил?!

Мастера боевого братства заблуждались, считая, что только они имеют полный список пророчества Пятерых. Увы, им обладала и Церковь. Правда, знали о списке только высшие иерархи, само его существование являлось величайшей тайной Синклита. И относились к нему святые отцы крайне серьезно, хорошо помнили, что первый император-колдун был, помимо всего прочего, еще и пророком. И все его пророчества давно сбылись. Кроме одного, самого страшного, которое и называли пророчеством Пятерых.

Епископ был хорошо знаком с тайным списком. Он понимал, что значит появление вместе горца, скомороха, аристократа, орка и эльфа. Куда лучше прочих понимал. И теперь его трясло, лицо побелело от ужаса, дыхание перехватило. Все прежние планы и мечты отступили в сторону перед надвигающейся бедой, страшной бедой. Пятерых необходимо остановить. Любой ценой остановить! Не дать им найти остальных и пройти инициацию, иначе последствия окажутся кошмарными, настолько кошмарными, что епископ и представить не решался.

Внезапно священник понял. Не зря Единый позволил ему увидеть пятерку до инициации. Колдунов вполне можно уничтожить, пока они еще ничего не могут. Достаточно ведь прикончить одного,

чтобы инициация не состоялась. Пока еще соберутся следующие пятеро, лет двести пройдет, не меньше. Однако лучше обезопаситься и убрать всех. Спасибо тебе за предупреждение, Единый Создатель! Епископ долго провожал взглядом, наполненным ядовитой ненавистью, уходящих к центру города юнцов и мрачно ругался сквозь зубы. А затем приказал носильщикам срочно доставить его в епископат. Необходимо предупредить коллег в империи, Нартагале и Карвене о новой опасности. Пусть карвенские первосвященники пришлют своих святых паладинов, другие охотники вряд ли справятся с горными мастерами. Юнцов в покое не оставят. Пока он жив, не оставят!

Одно только смущало высокопоставленного священника, и сильно смущало. Он вспомнил, чьим сыном является уродливый аристократ. Очень не хотелось ссориться с высоким лордом ар Инватом, но придется. А может, не трогать мальчишку? Что он один сделает? Вряд ли многое. Впрочем, о том судить не ему. К сожалению. Тайный Синклит объединенной Церкви вряд ли согласится оставить в живых потенциального колдуна, способного стать сильнее самого императора. Значит, Энэт ар Инват тоже умрет, а он, епископ, навлечет на себя месть его отца – высокий лорд смерти сына не простит. Возможно, убрать и его самого? Но тогда столько планов останутся всего лишь планами, что...

Ох, Единый... И за что ты взвалил эту ношу на плечи слуги твоего? Толстяк вздыхал и ежился, понимая, что придется немедленно уведомить Синклит: Пророчество Пятерых начало сбываться...

7. День ангела

Зал освещали десятки шаров закапсулированного света, их создавали на продажу начинающие маги. Именно с этого адепты, окончившие первый уровень Академии, имели основной доход, к более серьезным вещам их не подпускали еще долго – слишком опасно позволять недоучке играть с магией. Стены задрапировали роскошными гобеленами, говорящими о невероятном богатстве их владельца. Каждый стоил не одну тысячу золотых, а здесь их было несколько сотен.

Звучала негромкая, плавная мелодия, пары кружились в медленном танце. Глава великого дома ар Инват праздновал совершеннолетие единственного сына. Сегодня в его поместье собрался весь высший свет Тарсидара, за исключением представителей родов ар Шадар, ар Тевот и ар Харот, кровных врагов лорда Дайара, о чем было официально заявлено.

В последние две недели город лихорадило, аристократические семьи сцепились не на шутку. Ар Инват не мог простить оскорбления сына, которого наследники конкурирующих домов избили палками, как последнего вора. Только теперь многие поняли тайное могущество лорда Дайара, сумевшего за две недели расправиться с врагами. Живыми в трех родах остались только дети, все взрослые погибли самым загадочным образом. Они падали с коней, резали себе вены, попадали в случайные стычки на улицах, умирали в собственных постелях от «сердечной недостаточности». Конечно, все понимали, в чем дело, но никто не решился обвинить высокого лорда ар Инвата в лицо.

Высокородные дамы и господа тихо шептались в кулуарах, старательно дистанцируясь от проигравших. Тем более, что на стороне лорда Дайара выступило боевое братство. Едва ли не впервые за последнюю тысячу лет горные мастера открыто вмешались в склоки аристократов, на которые обычно обращали внимания не больше, чем на возню детей в песочнице. Это оказалось для высшего света Тарсидара шоком, никто не мог понять, что вообще происходит. Почему боевое братство помогло лорду Дайару? Слухов ходило множество, каждый сплетник утверждал, что только он знает правду, а остальные – отъявленные лжецы. Наверное,

основной причиной было то, что Энэт ар Инват принял ученичество у горного мастера. Да и попрание канонов чести наследниками родов ар Шадар, ар Тевот и ар Харот сыграло свою роль.

Сразу после дуэли в городе разразился скандал, опозоренные семьи вынуждены были отречься от старших сыновей, погибших в поединке с манхенским светлым лордом Леком ар Сантенем, однако наняли убийц, жаждая мести. Это оказалось их самой страшной ошибкой – горец вместе с учениками куда-то исчез, а за нанимателей взялись лорд Дайар с мастерами-наставниками боевого братства. Как уже говорилось, в результате в живых не осталось ни одного взрослого из семей, спровоцировавших пресловутую дуэль.

Столь радикальное решение вопроса заставило высший свет торговой столицы содрогнуться, но вида никто не подал. Высокого лорда ар Инвата начали бояться, своим поступком он поставил себя на совсем иной уровень великой игры. Поэтому восемнадцатый день рождения юного Энета почтили своим присутствием главы всех сколько-нибудь значимых родов города и провинции. Прибыл даже сам наместник, герцог Демин ар Давад.

По всему залу щебетали стайки юных прелестных девушек, которых родители привели на смотрины богатому наследнику. Никто больше не решался смеяться над юношей.

Энэт сиял улыбкой, выслушивая поздравления и принимая подарки от людей, которые раньше и знать его не хотели. Он с благодарностью смотрел на отца и стоящего рядом смущенного Лека. Девушки и молодые женщины с удивлением поглядывали на юного графа. Как он изменился... Все так же некрасив, но насколько элегантен! Как танцует! Да и переливающийся серым шнурок ученика горного мастера на левом плече Энета привлек внимание большинства присутствующих. Редко случалось, чтобы его получал наследник великого дома. Младшие сыновья – да, обычное дело. Но наследник? Не нравилось это многим высоким лордам, до зубовного скрежета не нравилось. Боевое братство решило подмять под себя аристократию? Возможно, очень даже возможно. Хотя зачем?..

Аристократы издавна играли в элианской империи почти декоративную роль, не имея никакой реальной политической власти. Но экономика во многом оставалась в их руках, да и то в последние двести лет купечество и средний класс наступали на пятки высоким лордам, желая урвать свой кусок пирога. Земля находилась, в

основном, в собственности великих домов, что вызывало глухой ропот у нарождающейся буржуазии, вынужденной платить аристократам за аренду немалые деньги.

Некоторое отношение к властным структурам имели наместники провинций, которыми по традиции становились герцоги самых древних родов, бывших до образования империи королевскими и княжескими. И, естественно, канцлер, являющийся реальным правителем страны в отсутствие императора с эльдарами. А они отсутствовали почти всегда, занимаясь своими загадочными делами. Должность имперского канцлера была пределом мечтаний многих и многих, однако никакие интриги не могли дать желаемого. Главу правительства назначал лично император, и исходил он при этом только из деловых качеств человека. Прошлым канцлером впервые за многие сотни лет стал не аристократ, а глава купеческой гильдии, что вызвало в среде аристократии шок. Увы, с приказами его величества не спорят. После купца, слава Единому, все вернулось на круги своя, канцлером назначили крупного землевладельца и лесопромышленника, высокого лорда Дербя ар Таора, но прецедент был создан.

Немалую власть имели начальники приказов, от военного до недавно образованного промышленного. Многие честолюбивые молодые аристократы шли служить в государственные структуры и, имея прекрасное образование, быстро поднимались по служебной лестнице. Если могли, конечно, смирить свою гордыню и подчиняться простолюдинам в случае необходимости. Зато армию почти полностью отдали на откуп безземельным аристократам. До определенного уровня, конечно, подняться выше капитана, не став горным мастером, было совершенно невозможно. Впрочем, наставники охотно брали в ученики молодых военных. Неважно кого, аристократов или простолюдинов, тем более что последние, после испытания на черный шнурок, становились виконтами или баронетами.

Однако высокие лорды хорошо понимали, что горные мастера, хоть и являлись формально аристократами, фактически таковыми не были. Их верность принадлежала не сословию и семье, как должно, а боевому братству и императору. Поэтому младшие сыновья становились отрезанными ломтями, уходя в армию. А теперь в боевое братство принят наследник одного из самых богатых домов, которому принадлежат сотни поместий и мануфактур по всей

империи. Это раздражало высоких лордов, но ничего поделать они не могли, пришлось смириться. Только из аристократических клубов раздавалось ядовитое шипение, на которое ар Инват с сыном не обращали внимания.

Лорд Дайар покосился на застывших неподалеку соучеников сына и довольно ехидно усмехнулся. Энет явно приготовил благородному собранию сюрприз, так как орк с эльфом не сняли капюшонов плащей. Вспомнив собственное ошеломление при виде перворожденного, высокий лорд незаметно вздохнул. А когда выяснилось, что Тинувиэль – принц, он вообще долго говорить не мог. Чрезвычайно полезное знакомство. Если эльфы выйдут из своего добровольного заточения, дружба с сыном Хранящего Свет может дать очень многое. Да и Храт – сын одного из трех старейшин Мрока, богатейшего орочьего города, с которым род ар Инват выгодно торговал уже не одно столетие. Надо будет в ближайшее время сообщить старейшине клана Сломанный Клык, что его младший сын в Тарсидаре. Да и взять на себя обязательство позаботиться о мальчишке не помешает, урук-хай такой услуги не забудут. Единственный из соучеников Энета, кто не нравился лорду Дайару, был Санти. Низкородный скоморох, да еще и имеющий столь гнусную репутацию, что от него шарахались все вокруг. Однако высокий лорд понимал, что ничего не изменишь, да и после получения черного шнурка рыжий станет аристократом. Конечно, виконт – это почти ничего, но все-таки. Лорд Дайар только попросил Лека поговорить со скоморохом и запретить устраивать его любимые розыгрыши в родовом поместье ар Инват.

Взгляд Лека скользил по девушкам. Юноша с затаенным восторгом рассматривал их. Единый, как они все красивы! Почти каждая прелестна, почти каждая заставляла затаить дыхание. Однако познакомиться с кем-нибудь он так и не решился, этикет не позволял – здесь собрались не просто девушки и молодые женщины, а жены, дочери и сестры высших аристократов элианской империи. Герцогини, княжны, маркизы, графини, виконтессы, баронессы, светлые и высокие леди. Можно было бы пригласить кого-нибудь на танец, но танцевать Лек, к сожалению, не умел. В Барталадарских горах танцевали свои танцы, совсем не похожие на принятые в метрополии. Конечно, горному мастеру было нетрудно освоить несколько простых движений, но возникал вопрос: а стоит ли? Кертал предупредил юношу, чтобы соблюдал в отношениях с женщинами

величайшую осторожность, многие горные мастера попались на красивую приманку и глупо погибли от яда. К словам мастера-наставника стоило прислушаться, и Лек не собирался знакомиться, даже не попросил Энета представить его кому-нибудь.

– Дамы и господа! – отвлек его от разглядывания девушек голос юного графа. – Хочу представить вам своего друга и соученика.

Глаза Энета, вышедшего на подиум в центре зала, горели каким-то лихорадочным, озорным огоньком, он широко и весело улыбался. В этот момент наследник высокого лорда казался даже красивым, куда только подевалось его уродство. Рядом с ним стоял закутанный в плащ эльф, держащий в руках лютню. Лек вздохнул – похоже, эти двое разгильдяев что-то задумали. Ладно, день рождения раз в году бывает, да еще и совершеннолетие, оно вообще раз в жизни... Пусть их.

– Итак, представляю вам принца Тинувиэля из дома Хранящего Свет, владыки Эльварана! – голос Энета лучился торжеством. – Моего кровного брата!

При его последних словах глаза лорда Дайара расширились. Он с недоверием и смятением уставился на сына, затем укоризненно покачал головой и тяжело вздохнул: кровное братство с эльфом?! Не слишком ли?

Лек при виде этого довольно ухмыльнулся себе под нос. В последний день в лесу Храт предложил всем пятерым побрататься. Горец не имел ничего против, сам был побратимом своего учителя.

Эльф сбросил капюшон и замер, слегка наклонив уши вперед. В зале воцарилась звенящая тишина, господа аристократы ошеломленно замерли, ощущая необычность стоящего на подиуме существа. Золотистая кожа горела в свете магических шаров, нечеловеческая красота лица завораживала, ярко-зеленые глаза Тинувиэля смеялись. Остроконечные большие уши трепетали, совершенной формы губы улыбались. И эта улыбка была очаровательна. Только по прошествии нескольких минут до собравшихся в зале дошло, что они видят перед собой самого настоящего эльфа. Перворожденного. Бессмертного.

– Мой кровный брат хочет спеть, его песня – подарок мне на день совершеннолетия, – как ни в чем не бывало, продолжил Энет, явно наслаждаясь реакцией аристократов.

– Я впервые в жизни написал стихи на лаарском, – заговорил принц, смущенно опустив глаза вниз. – Точнее, перевел. Поэтому прошу простить возможные огрехи. Это перевод древней баллады о юном воине, спасшем когда-то наш народ от гибели. Он пожертвовал жизнью, но его помнят. Больше пяти тысяч лет прошло, а его помнят. И будут помнить!

Эльф дотронулся рукой до струн лютни, и по залу потекла легкая, тоскующая, заставляющая грустить мелодия. Одновременно в ней звучала тихая радость, пожелание счастья и любви, доброты и понимания. Как все это могло совмещаться, Лек не знал, но совмещалось. Впрочем, гениальный бард еще и не на то способен. А Тинувиэль гениален, в этом горец не сомневался. Люди, как замороженные, слушали странную, непривычную, но волнующую до глубины души музыку. Полторы тысячи лет не слышали здесь эльфийских бардов. Принц продолжал играть, глядя куда-то в недоступную никому даль. А потом запел...

Дорог ты немало узнаешь на свете,
Пока не дойдешь до последней черты.
И там, призывая последний свой ветер,
Узнаешь, возможно, кто ты...

Тинувиэль пел долго, люди замороженно слушали... Непривычная, речитативная баллада захватила их, заставила воочию увидеть войну перворожденных с пришельцами из какого-то иного мира. Чужаки несли смерть. И служили ей истово, переходя из мира в мир. Почему? Этого память эльфов не сохранила. Зато помнили историю изгнания убийц. Те приходили через порталы, созданные при помощи странной, извращенной магии, от которой эльфов мутило. Маги перворожденных сумели выяснить, что порталы можно закрыть навсегда, если эльф прольет свою кровь, войдя в любой из них. Сын Хранящего Свет вызвался на это. Больше половины эльфийских воинов погибло во время прорыва к portalу. Принц прыгнул туда, и вскоре провалы в пространстве схлопнулись, и маги поняли, что он сделал необходимое. Давно забылись имена живших в то время перворожденных, в мир пришли люди и орки, но подвига юного эльфа не забыли.

Принц замолчал и опустил голову, черные волосы скрыли лицо.

Гости взорвались воплями восторга, напрочь забыв о своем аристократическом достоинстве. Эльф низко поклонился и спустился с подиума. Его тут же окружили все, наверно, девушки в зале. Они завороченно взирали на смущенного таким вниманием Тинувиэля. Бедняга не знал, куда ему деваться и вскоре начал затравленно озираться, ища пути к бегству.

Лек тихонько посмеивался себе под нос – судя по всему, некоторые особо активные леди готовы наброситься на эльфа прямо здесь и сейчас. Принц отчаянно покраснел, явно услышав несколько весьма нескромных предложений. Пришлось вмешаться хозяину дома. Лорд Дайар спас Тинувиэля от настойчивого внимания дам и что-то укоризненно сказал ему. Эльф покраснел еще сильнее и виновато уставился в пол. Лек тихонько фыркнул. Надо же быть таким застенчивым! Девушка, да и только, а не парень. Или у перворожденных так принято? Ладно, неважно. Тем более, что застенчивым Тинувиэль бывал только с незнакомыми, с друзьями становился наглым до изумления. Порой горец едва удерживался, чтобы не настучать, как выражался Храт, принцу по сопатке.

Лек лениво оглядывал женщин, стоявших напротив, его взгляд скользнул по невысокой девушке с точеной фигурой, огромными синими глазами, волнистыми черными волосами и несколько неправильными чертами лица, сочетание которых придавало ей странную неповторимую красоту. Скользнул, и... у Лека перехватило дыхание. Юноша смотрел на черноволосую красавицу и не мог насмотреться: это была она. Нет, ОНА. Та самая. Единственная и неповторимая. Та, о которой Лек мечтал ночами, чей образ представлял себе лет с пятнадцати во всех подробностях. Какое невероятное совпадение!..

Он как сомнамбула двинулся к девушке, которая заметила ошеломление горного мастера. Она негромко рассмеялась, явно довольная произведенным впечатлением, и что-то прошептала на ухо подруге, кивнув на юношу. Однако до красавицы Лек не добрался, натолкнувшись по дороге на кого-то.

– Что случилось, наставник? – удивленно спросил Энэт.

– Кто это? – глухо спросил бледный горец, не отрывая глаз от девушки. – Она так красива...

– Красива? – удивленно переспросил граф, проследив за

взглядом Лека. – О, нет... Только не она!

– Почему? – удивился юноша. – Представь меня, пожалуйста...

– Она ядовита, как скорпион! – скривился Энет. – Наставник, найди себе другую... Эта тебя с грязью смешает и сверху плюнет. Из-за нее уже пять дуэлей было, двое с собой покончили, пятеро умерли по неизвестным причинам, скорее всего, от яда. Леди ангельски красива и нечеловечески подла. Ее за глаза называют прекрасным чудовищем. Да о чем речь?! С баронессой ар Сарах вообще никто связываться не рискует, для нее отравить человека – что муху прихлопнуть. Какого дорхота отец ее пригласил!

– Это ложь! – вспыхнул Лек. – Кто-то оболгал ее!

– За красивой внешностью часто прячется уродливая душа, – горько усмехнулся Энет. – Эх, наставник, наставник... И ты попался в сети этой... Ладно, я представляю, только не говори потом, что тебя не предупреждали.

Однако Лек не слушал его, замороженно глядя на девушку. Граф вздохнул про себя. Великий боец, но наивен, как малое дитя. Единый, что же делать? Очень не хотелось, чтобы баронесса играла с Лekom в свои обычные игры. Она обожала доводить мужчину до исступления, до безумия, а затем порвать отношения. Немногим удавалось после такого прийти в себя. В ее сети попадались даже прожженные циники – что уж говорить о манхенском горце?!

Энет мрачно представил Лека баронессе, глядя на нее с тяжелой ненавистью. Она ответила циничной ухмылкой превосходства. Граф отошел и довольно долго смотрел, как наставник несет чушь заплетающимся языком. Нужно что-то делать. Но что? Как спасти друга, попавшегося красивому пауку? Поняв, что сам ничего сделать не в состоянии, Энет нашел взглядом Кертала и направился к нему.

– Мастер-наставник! – поклонился юноша, подойдя.

– Здравствуй, мальчик, – улыбнулся старик. – Поздравляю с днем рождения и вступлением в права наследника имени.

– Благодарю, – еще раз поклонился Энет. – Мастер-наставник, беда.

– Что ты имеешь в виду? – сразу насторожился тот.

– А вон... – показал глазами на Лека с баронессой юноша.

– Ах ты ж, паскудство! – выругался в сердцах старый мастер. – Убийцы не справились, так они эту гадину на него натравили? Парень что, в нее втрескался?

– Увы... – развел руками Энэт, тяжело вздыхая. – Причем мгновенно.

– Нет, ну что за манера выискивать себе на задницу столько приключений? – возвел глаза к потолку Кертал. – То он скоморохов в ученики берет, то эльфов с орками на каждом углу находит, то наследников влиятельных родов убивает, то с баронессой ар Сарах милуется... Уж лучше бы с тебарским скорпионом, всяко безопаснее! Придется спасать дурака от его собственной дурости. Стой здесь!

Кертал, оставив позади растерянного Энэта, ввинтился в толпу, направляясь к стоящему недалеко от лорда Дайара старшему мастеру императорской стражи Тарсидара, Ланигу ар Вортону, своему старому другу. Тот молча оглядывал прищуренными глазами разодетых в шелка и бархат аристократов. Мало кто не вздрагивал, натолкнувшись на его холодный взгляд, чем-то напоминающий взгляд очковой змеи. Даже самые отчаянные сорвиголовы трепетали перед одним именем начальника императорской стражи провинции, он прощать не умел, да и вообще вряд ли знал, что это такое – прощение. Враги Ланига живыми не оставались, что Кертал полностью одобрял. Два старика прошли вместе все войны последнего полувека, еще тридцать лет назад став кровными братьями. Если в тарсидарской провинции наместник был властью явной, то эти двое – тайной. Не только они, конечно, – остальные мастера боевого братства тоже внимательно следили за происходящим в городе, вмешиваясь по мере необходимости.

– Чем-то взволнован, дружище? – спросил Ланиг. – С чего бы это?

– С того... – проворчал Кертал. – Вон туда лучше глянь. Ты это видишь?

– Дела-а... – проследил за его взглядом начальник стражи. – Лучше бы я этого не видел.

Старые мастера наблюдали за Леком и баронессой ар Сарах. Пара была изумительно красива. Гибкий, широкоплечий горец и миниатюрная черноволосая девушка очень хорошо смотрелись вместе. Прелестная девушка, не зря многие попадались в ее сети.

Холодный, рыбий, наполненный жестокой угрозой взгляд Ланига не обещал молодой хищнице ничего хорошего.

– Идем, – скомандовал начальник стражи. – Возьми на себя мальчишку, а я займусь этой тварью.

– Толку-то сейчас с ним говорить... – буркнул Кертал. – Ты глянь только на него, влюбился, дурень молодой. Нашел в кого!

– И что ж это ему так «повезло»? – сокрушенно вздохнул Ланиг.

– Упаси Единый от такого везения, – поежился мастер-наставник.

– Ничего, после разговора со мной паучиха не осмелится действовать привычным образом.

– Надеюсь.

Мастера-наставники незаметно приблизились к любезничающей парочке. Немного постояли, слушая дикую чушь, которую нес с горящими глазами Лек. Кертал удивленно покосился на друга, как бы вопрошая: неужели и мы когда-то были такими же идиотами? Ланиг задумчиво покивал: да, именно такими и были. Старый мастер сокрушенно вздохнул, понимая, что против природы не пойдешь. В восемнадцать лет трудно заставить парня не смотреть на женщин, если вообще реально. Но можно ведь найти себе нормальную девочку, а не такую сволочь, как эта.

Лек тонул в синих глазах, он сам не понимал, что лепечет, но явно что-то очень глупое и высокопарное. Баронесса почему-то слушала его с интересом, только все прикусывала нижнюю губу, каждому не сошедшему с ума стороннему наблюдателю было ясно, что она едва сдерживает смех. Внезапно кто-то положил горцу руку на плечо. Юноша вскинулся, но это оказался мастер-наставник.

– Идем! – резко приказал старик. – Нужно кое-что обсудить.

Ланиг подождал, пока они уйдут, а затем устремил свои рыбьи глаза на девушку. Видимо, она немало там прочла, так как мертвенно побледнела.

– А вы, сударыня, извольте следовать за мной. – Голосом начальника стражи вполне можно было заморозить воду. – Не советую спорить. Пока это не арест, а всего лишь разговор. Вы можете отказаться, но тогда завтра мы поговорим с вами совсем в

другом месте и в обществе мэтра Эстевана.

Мэтр Эстеван был заплочных дел мастером императорской стражи, о котором ходили страшные слухи. Баронессу передернуло от такого обещания. Элиа не понимала, из-за чего на нее обратил внимание начальник стражи, она боялась этого жуткого старика до дрожи в коленках.

– Но в чем дело? – попыталась все-таки возмутиться девушка. – Что...

– Узнаете, – прервал ее Ланиг. – Повторяю, следуйте за мной.

Он подошел к лорду Дайару, что-то спросил, кивнул и повел настороженную Элиа в глубь дома. Найдя первую попавшуюся свободную комнату, напоминающую кабинет имперского чиновника средней руки, начальник стражи сел в кресло у окна и указал баронессе на такое же напротив. Девушка присела на край сиденья, чувствуя себя неуверенно и неуютно. Она затравленно поглядывала на спокойное лицо старика и тихо молилась про себя. Многие из ее знакомых бесследно исчезли после такого вот «мирного» разговора с начальником императорской стражи провинции.

– Итак, сударыня, – заговорил Ланиг, с гадливостью смотря на баронессу, – вам мало обычных аристократов, вы решили взяться за горных мастеров? Очень зря.

– Какое вам дело до моей личной жизни?! – вспыхнула она.

– Никакого, пока это не касалось Лека ар Сантена. Вы уже погубили достаточно молодых людей, чтобы заслужить свою репутацию. Я не позволю присоединить к списку ваших жертв этого мальчика! Вы меня хорошо поняли, сударыня?

– Идите к дорхоту! – Элиа вскочила и попыталась убежать.

Ланиг легко поймал ее и швырнул обратно в кресло, да так, что девушка сильно ударилась и вскрикнула. Она с ужасом смотрела в горящие гневом глаза старого мастера.

– Не советую играть со мной, мне на вашу красоту плевать, – холодно сказал он. – Прошу также учесть, что если из-за вас погибнет молодой ар Сантен, то вас ждет судьба рабыни в нартагальском борделе для черни. Я вам это обещаю. У нас рабства не существует, зато в Нартагале оно есть.

Элиа съежилась в кресле и растерянно уставилась на жуткого старика, похожего в этот момент на приготовившегося к атаке коршуна. Его глаза продолжали гореть гневом, таким начальника императорской стражи видел мало кто. А кто видел, тот чаще всего уже не мог ничего рассказать – мертвые обычно молчат. Но почему этот ходячий кошмар пристал к ней?! Что ему баронесса ар Сарах сделала? За что он так ненавидит ее? Элиа прекрасно знала, что Ланиг ар Вортон словами не разбрасывается. Раз обещал, что она станет рабыней в нартагальском борделе, то так оно и будет. И не посмотрит, что перед ним аристократка древних кровей.

Девушка едва не расплакалась, с величайшим трудом сдержав себя. Единый! Да за что ей все это? Никогда не хотела быть объектом внимания расфранченных молодых лордов, вот и избавлялась от них, как могла. Красота стала для Элиа проклятием – где бы она ни появилась, ее не оставляли в покое. Каждый тарсидарский ловелас считал себя неотразимым, считал, что небогатая девушка должна бросаться в его объятия не задумываясь. В конце концов, все это настолько надоело, что баронесса решила притвориться роковой женщиной и принялась играть с ухажерами в довольно жестокие игры. И не считала себя ни в чем виноватой! Узнав о самоубийстве нескольких молодых дураков, только плечами пожала. Сами виноваты. Она не давала никому из поклонников никаких обещаний! Терпела их присутствие, не более!

Элиа очень удивилась, когда подруги рассказали о том, кем ее считают в обществе. И обиделась до глубины души. Считают хладнокровной стервой? Владыка Бездны с ними! Может, хоть доставать перестанут. Увы, не перестали, молодые лорды все так же стремились добиться взаимности неприступной красавицы, не обращая никакого внимания на ее репутацию. Элиа старалась как можно реже посещать светские мероприятия, смертельно устав бороться за свою независимость. На сегодняшний бал она тоже не хотела идти, но не рискнула отвергнуть приглашение высокого лорда ар Инвата. Слишком влиятелен и богат, при желании способен доставить массу неприятностей, а родители баронессы умерли давно, защитить одинокую девушку некому. Даже обратиться за защитой не к кому, любой «защитник» сочтет, что ему все позволено, а Элиа скорее согласилась бы умереть. Впрочем, был бы жив отец, и он не помог бы. Что мог сделать против могущественного вельможи небогатый барон, едва сводивший концы с концами?..

На приеме девушке поначалу понравилось, по крайней мере, к ней никто не приставал. Появление эльфа поразило, а его пение едва не заставило плакать. Не представляла себе Элиа раньше, что можно так петь. Да нет, эльфийский принц не пел, он выдирал души слушателей, заставлял их чувствовать все, что чувствовали герои баллады. А потом Энэт ар Инват представил ей своего наставника... Сперва девушка с досадой подумала, что появился еще один поклонник и вскоре начнет доставлять ей неприятности. Но неловкий, долговязый горец вдруг чем-то понравился. Впервые за несколько лет кто-то понравился Элиа по-настоящему, был в этом Леке ар Сантене какой-то внутренний стержень, который напрочь отсутствовал у других лордов.

Девушка слушала его лепет с интересом, хотя порой едва сдерживала смех, уж больно забавным выглядел молодой горный мастер. Почему-то потянуло к нему, причем потянуло так, что она никак не могла заставить себя успокоиться. Ведь ничего особенного в этом юнце не было! Он даже моложе года на три. Элиа убеждала саму себя, что нельзя поддаваться чужому обаянию, что это опасно, но продолжала слушать юношу. Смотрела на его простоватое лицо и не могла насмотреться. Дикий варвар оказался вовсе не варваром, он знал на память множество стихов и баллад, многие из которых Элиа никогда не слышала. Зато Лек не знал кое-что из читанного ею. Молодым людям нашлось, чем поделиться друг с другом. С горцем было интересно, в отличие от других молодых лордов, думающих только о влиянии и богатстве. Элиа даже согласилась потанцевать с Леком, но не успела. В дело вмешались эти страшные старики...

– Я повторяю вопрос, сударыня, – с брезгливостью выплюнул начальник стражи. – Вы хорошо поняли, что вас ждет, если вы растопчете душу Лека ар Сантена?

– Поняла... – мертвым голосом ответила девушка, на ее ресницах дрожали готовые сорваться слезы, она едва сдерживала судорожные рыдания. Сердце казалось куском льда и болело. Как же оно болело... Но нет. Не покажет она этой сволочи своей слабости! Пусть они все будут прокляты!

– Я вообще советую вам воздержаться от контактов с ним, – продолжил Ланиг. – Иначе мне придется принять меры.

– Поддерживаю! – раздался чей-то голос, напоминающий шелест ветра в камышах.

В руках начальника стражи тут же оказался обнаженный картаг. Но увидев, кто говорит, он спрятал меч и низко поклонился. Из стены наполовину выступил человек в сером с серебром плаще, его лицо скрывал туман, черты плыли и постоянно менялись. На какое-то мгновение показалось, что можно понять, кто скрывается под туманной маской, но только на мгновение. Элиа расширенными от изумления глазами смотрела на незнакомца. Эльдар! Единый Создатель! Эльдар. Легендарный рыцарь престола. Никогда до сих пор девушке не доводилось видеть эльдаров, да и не только ей, вообще мало кому доводилось.

– Я тоже советую вам не трогать Лека ар Сантена, баронесса ар Сарах. – Маг вышел из стены и замер неподвижно, он выглядел полупризраком. – И если вы не прислушаетесь к нашему с господином ар Вортон совету, я помогу исполнить его обещание.

– Господин мой, эльдар! – снова поклонился начальник стражи. – Благодарю за поддержку. Я очень рад, что вы появились. Происходит много непонятного, нам необходим ваш совет.

– Император Маран получил сообщение мастера-наставника Кертала, – безразлично сообщил эльдар. – Его величество обратил на Тарсидар свое внимание и прислал меня для контроля. Надеюсь, я могу остановиться у вас, господин ар Вортон? Нам нужно многое обсудить.

– Конечно! Созвать совет мастеров-наставников?

– Да. Но об этом позже, дела боевого братства не касаются госпожи ар Сарах.

– Вы правы, господин мой! – резко кивнул Ланиг, поворачиваясь к баронессе. – Надеюсь, вопрос решен, сударыня?

Но Элиа не слушала его, она смотрела на эльдара. Сквозь слезы смотрела и никак не могла поверить, что даже рыцарь престола считает ее последней тварью. Как же это? За что, Единый?!

– И вы... – Плотину прорвало, девушка не смогла сдержать слез, ее глаза наполнились каким-то мертвенным отчаянием. – Даже вы... А я-то, дура, верила, что эльдары добры и справедливы...

Она замерла в кресле, выпрямившись и дрожа всем телом. Глаза походили на провалы, наполненные болью и непониманием. Возникало ощущение, что в этот момент рушится весь ее мир. Весь

мир, которым она жила, которым дышала, о котором мечтала. Она молча кричала от боли, вот только услышать ее крик способен был далеко не каждый. Однако много повидавшие люди все-таки слышали...

Эльдар с начальником стражи растерянно смотрели на окостеневшую, выглядящую полумертвой девушку. Она опустила голову, пытаясь скрыть от них свои слезы, не желая казаться слабой, но ее боль и отчаяние были ясно видны двум старикам. Не вписывались эти боль и отчаяние в образ хладнокровной стервы, никак не вписывались.

– Дело, похоже, куда сложнее, чем мы с вами думали... – задумчиво сказал рыцарь престола. – Что-то здесь не так. Мы исходили из сложившегося в обществе мнения о госпоже ар Сарах, не удосужившись проверить его.

– Похоже, – мрачно согласился начальник стражи, на лице старика проступило недоумение. – Я проверю.

– Только не используйте для этого мэтра Эстевана, – иронично хмыкнул эльдар. – А то вы слишком любите простые решения, друг мой. Они далеко не всегда работают.

– Результат обычно хочется получить как можно быстрее, – вздохнул Ланиг, – а мэтр Эстеван неплохо помогает убедить несговорчивых поделиться информацией. Но вы правы, далеко не всегда нужно.

– Не стоит плакать, сударыня, – подошел к Элиа эльдар. – Возможно, мы не во всем правы, извините, коли так. Однако ваша репутация слишком страшна, два человека покончили с собой из-за вас. Совсем молодых человека. Несколько юношей после встреч с вами походят на изжеванные тряпки, они ни на что больше не пригодны. Вы протоптались по их душам, как безумный носорог. Разве так можно?

– А по моей не топтались?! – подняла бледное, дергающееся лицо девушка. – Знали бы вы, как они все мне надоели! Я никого из них не звала, они мне не нужны и не интересны! Какого дорхота они ко мне лезут?! Жизни не дают, выйти никуда нельзя, чтобы на очередного поклонника не наткнуться. Им ведь только тело мое нужно, а не душа! Единый, да избави же ты меня от этого кошмара! Что я тебе такого сделала?! Почему каждый похотливый подонок

считает, что я обязана бросаться ему на шею?! Не буду! Слышите, вы, не буду! А раз не бросаюсь, то я хладнокровная стерва, да?! Почему только об их чувствах все думают? А о моих кто подумает?! Я ведь тоже человек, мне тоже больно...

Она снова опустила голову, судорожно вцепившись в подлокотники кресла. Эльдар довольно долго стоял молча, глядя на девушку и о чем-то размышляя. Видимо, у него совсем не было опыта в обращении с женщинами, тем более с женщинами плачущими. Затем пожал плечами, негромко сказал что-то Ланигу и отошел в сторону, предоставляя начальнику стражи самому разбираться с баронессой.

– Знаете, сударыня, – заговорил Ланиг, в голосе старика звучала горечь. – Может, я и не прав в отношении вас, но вы напоминаете мне одну леди времен моей молодости. Именно после встречи с ней я стал, как многие говорят, «ледяным ящером», напрочь отказавшись от личной жизни. Вы, как и она, не хотите понимать, что и другим бывает больно. Не только вам! Никто ведь не мешает сказать влюбленному парню, что он вам не нужен и не интересен. Жестко сказать. Порвать все отношения. Переживет! Не сразу, но переживет. А что делаете вы? Вы жестоко то приближаете к себе человека, то отдаляете. Издеваетесь. Насмехаетесь. Наслаждаетесь его болью. Да поймите же вы, что нельзя играть чужой любовью, страшно заплатите! Единый заставит уплатить такую цену, весь ужас которой вы и представить себе не можете. Именно потому, что вы играете чувствами других людей, развлекаетесь, не думая об их боли, я считал, считаю и буду считать вас хладнокровной дрянью. Не верю я вашим слезам и вашему отчаянию. Изменитесь для начала, только после этого вам начнут доверять.

– Как я должна измениться?! – вскинулась Элиа, черты ее лица исказила боль. – Вы думаете, я им не говорила?! Единый, да как я только не пыталась их отшить! Нет, лезут. И что мне было делать? Что?!

– Просто не общайтесь с человеком, которому сказали «нет», – посоветовал старый мастер. – В конце концов, поклонник отстанет. Не давайте ему беспочвенных надежд. Впрочем, это все лирика. Я не допущу, чтобы из-за вас мальчик, который стал мне дорог, превратился в ничтожество. Никому не пожелаю своей судьбы, жить с мертвой душой очень трудно, сударыня.

– Я ему не навязывалась... – закусив губу, пробормотала девушка, она никак не могла справиться с собой, слезы все так же текли из глаз. – Это он...

– Вот и отшейте его. Так будет лучше для всех.

– Он мне понравился...

– Извините, не верю, – презрительно скривился начальник стражи. – Предлагаю вам забыть о существовании Лека ар Сантена.

– А идите вы оба к дорхоту! – выплонула ему в лицо Элиа, в ее глазах загорелась решимость отчаяния. – Не боюсь я вашей мести! Делайте, что хотите! Да, втоптать в грязь беззащитную девчонку просто, тем более вам. Но если я люблю, то не отступлюсь. Слышите? Впрочем, что вы можете знать о любви?!

– Куда больше, чем вам кажется, сударыня, – насмешливо бросил старик. – Как хотите, я вас предупредил. Лека ар Сантена тоже просветят по вашему поводу, надеюсь, он сам все поймет. Да, может, я и ошибаюсь, но предпочту не рисковать, безопасность этого юноши многого стоит. Уж, по крайней мере, дороже слез убийцы.

– Я никого не убивала! – возмущенно вскинулась Элиа.

– Да? – Глаза Ланига снова загорелись гневом, он поднял морщинистые, желтые руки и потряс ими перед лицом девушки. – Вот этими самыми руками я вынимал из петли мертвого мальчика, покончившего с собой из-за вас. Знаете, что он написал в прощальном письме?!

– Откуда?

– Ну, конечно... Вам неинтересно знать такое. А он написал: «Люблю... Благословляю... Не могу без тебя... Пусть твой избранник любит тебя так же, как любил я...» Впрочем, что с вами говорить? Разве вы достойны такой любви?! Разве вы способны понять?! Нет!!!

– Мамочка... – едва слышно пролепетала потрясенная до глубины души Элиа. – Но кто это написал?!

– Граф ар Тингол. Вы, наверное, его даже не помните. Северянин из яриндарской провинции, никого у него не осталось, род прервался. Нищий и глупый мальчишка, только и имевший, что меч да честь.

– Этот самоуверенный фанфарон?! – Глаза девушки широко

распахнулись. – Не может быть!

– «Не может быть...» – горько повторил старый мастер. – «Не может быть...» Этими словами вы подтвердили, что я прав в своем отношении к вам, сударыня. Не могу относиться к подобным вам без гадливости. И не я один! Вы сами в этом виноваты. Поэтому больше нам с вами говорить не о чем, я все сказал. Можете идти.

Девушка медленно поднялась с кресла, все еще не понимая, что случилось. В голове грохотал набат, комната плыла вокруг нее. Единый Создатель! Да нет, не может быть, этот страшный старик лжет... Разве способны такие ничтожества, как граф ар Тингол, любить? Тем более *так* любить?! У Элиа тряслись руки, ноги подгибались, она все пыталась уговорить себя, что ей солгали. Однако, посмотрев на Ланига ар Вортонa, поняла – правда. Было такое письмо. Предсмертное письмо. Значит, она и в самом деле нелюдь? Мамочка...

Девушка чувствовала, как из какой-то непонятной пустоты поднимается черное отчаяние, раздирая на куски ее душу. «Кто я?! – мысленно спрашивала она сама у себя. – Кто я такая?! Человек или зверь?!» Ответа на этот вопрос не нашлось. Элиа ощущала себя летящей в пропасть, ей не хватало воздуха, в горле стоял плотный, горячий комок, который девушка никак не могла проглотить. Она, как сомнамбула, двинулась к выходу, даже не посмотрев на застывшего в углу эльдара, напоминавшего привидение в скрытом туманной дымкой плаще. С трудом добравшись до выхода из дома Дайара ар Инвата, баронесса долго стояла, прислонившись к первому подвернувшемуся дереву, и пыталась понять, что с ней происходит.

Этой ночью в разных концах Тарсидара два человека так и не уснули до утра. В огромном поместье высокого лорда ар Инвата в одной из бесчисленных комнат на краю большой кровати сидел юноша, выглядящий типичным манхенским горцем, и смотрел в стену остановившимися, широко раскрытыми глазами. Его высохшие губы то и дело шептали: «Не верю... Она не такая... Не такая... Не верю...» Он молился, ломал пальцы, сотни раз повторял одни и те же слова, но все никак не мог поверить в рассказанное мастером-наставником о девушке, так глубоко запавшей ему в душу. А не верить тоже не мог – разве способен лгать мастер-наставник, великий воин? Нет, конечно. Юноша ничего не понимал, ему просто было больно.

В маленькой, но уютной спальне небогатого дома плакала на редкость красивая девушка. Она всхлипывала в подушку, порой рыдала взхлеб, зная, что никто ее не услышит. В голове бились страшные слова мертвеца: «Люблю... Благословляю... Не могу без тебя... Пусть твой избранник любит тебя так же, как любил я...» Перед глазами стоял образ светловолосого коренастого северянина, которого она считала ни на что не способным наглым фанфароном. Как он мог написать такое? Как?! Зачем он умер? Единый! Это что же получается, ему было настолько больно, что он не смог жить? И виновата в этом она? Да как же это?! Ведь не хотела никому зла... Хотела только, чтобы ее оставили в покое... Образ северянина сменился образом смущенно улыбающегося Лека ар Сантена. Девушка чувствовала в глубине души, что этот долговязый парень стал ей дорог. Но может, прав Ланиг ар Вортон? Может, она не способна ни на что, кроме как растоптать чужую душу? Может, каждый, столкнувшийся с ней, гибнет? Может, она приносит всем вокруг только горе? Представив, что горец умер из-за нее, девушка едва не задохнулась от внезапной боли в сердце. А потом тихо и безнадежно заплакала в подушку, прощаясь с надеждой на свое маленькое счастье. У нее тоже болела душа.

8. Слово кузнеца

– Наставник! – В приоткрытую дверь просунулась хитрая физиономия Санти. – Уже рассвело! Ты будешь вставать?

– Я не сплю, – ответил Лек, подняв голову.

Он резко встал и с ходу принялся крутить разминочные формы, избавляясь от сонливости. Скоморох с восхищением смотрел на точные, резкие, четкие движения молодого горца. Сколько раз видел, а не мог не восхищаться. Пытался добиться того же, но, увы, пока не получалось. Не понимал сути многих переходов, путался в собственных ногах и руках, особенно на сверхскорости. Никак не выходило повысить уровень восприятия, тело уже способно было двигаться намного быстрее, чем раньше, а вот сознание за ним не успевало. Да и от боевой импровизации, далекой от заученных форм, Санти находился не ближе, чем от звезды небесной. Но мог немало, раньше и не поверил бы, что за каких-то полтора месяца тренировок окажется способен на что-нибудь в этом роде. Теперь скоморох мог бежать сутками, ничуть не уставая, да еще и нести на себе груз, равный половине собственного веса. Мог до вечера вести тренировочный бой, оставаясь таким же свежим, как утром, даже одышка не возникала. А уж о новых акробатических трюках и говорить не стоило. Их оказалось столько, что у рыжего слов не находилось. Он уже понимал, как ему повезло, что стал учеником горного мастера.

За полторы тысячи лет истории боевого братства систему тренировок отработали настолько, что даже самые слабые ученики прогрессировали с удивительной скоростью. Взять того же Энета. Вообще ведь ни на что не способен был! Отжаться десяти раз не мог. А теперь? Почти догнал остальных.

Санти захихикал, вспомнив, как они вчера устроили с юным графом соревнование, кто больше фляков сделает на сверхскорости. Случайным свидетелям казалось, что по коридорам старого дома несется туманный вихрь, за движениями кровных братьев обычные люди уследить не могли. Слуги едва успевали отпрыгивать с пути этого вихря, многие исподтишка крутили пальцем у виска, сообщая, что они думают о новой придури хозяйского сына. Увлечшиеся шkodники едва не налетели на ошеломленного зрелищем лорда

Дайара, из серии пришлось выходить в тройном сальто. Приземление, правда, вышло не слишком удачным – Санти с Энетом шлепнулись под ноги хозяину дома, причем на мягкие места. Старший ар Инват довольно долго с удивлением смотрел на смущенного, покрасневшего сына. Не думал, наверное, что за столь короткий срок недавний калека окажется способным на такое. Потом улыбнулся, устало махнул рукой и обреченно вздохнул. Только попросил не разносить дом на куски, он еще пригодится. К сожалению, свидетелем этой сцены оказался Лек, и приятелям пришлось выслушать немало неприятных слов от наставника. Да и уши шкодникам горец надрал, чтобы неповадно было.

Озабоченно покосившись на сосредоточенного Лека, рыжий незаметно вздохнул. После бала наставник сильно не нравился своим ученикам. Юноша стал мрачным, раздражительным, не похожим на себя самого. Ненадолго оживлялся во время тренировок, но, как только они заканчивались, снова превращался в тень. Ел без всякого аппетита, надолго исчезал, все время кого-то разыскивая. Но кого? Что случилось во время этого проклятого бала? Энет что-то знал, но молчал, как рыба, только досадливо морщился в ответ на вопросы остальных. Даже сейчас Санти видел, что в глазах тренирующегося Лека застыла тоска. Как же помочь наставнику? Что с ним такое? Рыжий озабоченно нахмурился, пытаясь найти выход, но ничего не придумал. Может, посоветоваться с мастером-наставником? Он-то, во всяком случае, понимает куда больше.

– Идем, – закончил тренировку Лек.

Они вышли из спальни, в которую осторожно скользнула молоденькая горничная в кружевном передничке. Слуги откровенно побаивались гостей и старались не попадаться им на глаза, слишком много недобрых легенд ходило о горных мастерах. Впрочем, не меньше рассказывали сказок об их доброте и справедливости... Но люди охотнее слушают плохое, а на хорошее стараются не обращать внимания. Санти всегда интересовало, почему так происходит. Однако понять этого рыжий так и не сумел.

Выскочив во двор, Лек с Санти на ходу сбросили одежду и нырнули в облицованный серым мрамором большой бассейн, к которому в свое время подвели канал от моря. Мало кто позволял себе такую роскошь, но высокий лорд ар Инват был несметно богат и жил в свое удовольствие. В его поместье имелось все, что только

могло прийти в голову самому требовательному сибариту. Даже такая редкость, как водопровод, – медные, а тем более, стальные трубы стоили так дорого, что далеко не каждый богач разорялся на их покупку. За тщательно ухоженным парком следил добрый десяток опытных садовников. А когда сын лорда Дайара стал учеником горного мастера, хозяин дома распорядился оборудовать в парке тренировочную площадку со всеми необходимыми принадлежностями. Однако горец предпочитал гонять учеников за город и тренироваться на природе. Зато бассейн он оценил по достоинству.

Рыжий вынырнул, отфыркиваясь, и довольно рассмеялся. Даже Лек оживился в холодной морской воде и принялся раз за разом пересекать бассейн быстрым кролем. Плавать он научился уже здесь, в Тарсидаре, у Энета, который чувствовал себя в воде прекрасно и с раннего детства плавал не хуже дельфина. Слева от бассейна находились ванны, наполненные пресной водой, чтобы смыть соль после купания. До того, как в поместье высокого лорда завели водопровод, слугам приходилось наполнять их вручную из недалекого источника. Наплававшись вдоволь, Санти выпрыгнул на берег и окунулся в одну из ванн, затем вытерся и побежал в дом, есть хотелось невероятно. Лек не отставал от него.

Оказавшись в трапезном зале, горец удивленно приподнял брови. За столом сидел лорд Дайар и негромко разговаривал с сыном. Оба выглядели хмурыми и встревоженными. Странно, обычно хозяин дома не поднимался раньше полудня, визиты аристократы наносили ночами и ложились спать с рассветом.

– Доброе утро, светлый лорд, – сдержанно кивнул Дайар. – Садитесь, нам нужно поговорить. Тревожные новости.

– Что-то случилось? – насторожился Лек.

– Пока еще нет, но может, если вовремя не принять мер.

Юноша сел напротив лорда с сыном.

– Вчера вечером до меня дошла некая информация, касающаяся вас пятерых, – негромко сказал Дайар, внимательно глядя на горца. – Довольно неожиданная и неприятная. Вами заинтересовалась Церковь.

– А святошам-то чего от нас надо? – растерялся Лек. – И какое это имеет значение?

– Вы недооцениваете Церковь, святые отцы своего не упустят. Они даже от императора добились многих послаблений. И интерес к вам у них отрицательный. Причин я не знаю, моим людям их выяснить не удалось. Попробую поговорить с кем-нибудь из епископов, но вряд ли они мне что-то внятное скажут, Церковь своих секретов не выдает. Никогда и никому.

– Не понимаю, если честно, – пожал плечами Лек. – Хорошо, они заинтересовались нами, но что они могут сделать?

– Все, что угодно, – скривился лорд Дайар. – Даже приговорить к смерти. Тогда вам останется только бежать, с паладинами Церкви не справится никто, их тысячи и тысячи по всему миру. Если им указывают цель, они никогда не оставят преследования. Срока давности для церковников не существует.

– Ясно, – помрачнел горец. – Наверное, это из-за них.

Он кивнул на эльфа с орком.

– Вряд ли, – не согласился Энет. – Может, они тоже слышали пророчество и восприняли его всерьез?

– Пророчество? – бросил на сына быстрый взгляд лорд Дайар. – Что за пророчество?

– Помнишь легенду о Пятерых, которые спасут мир? – вздохнул тот. – Ты сам читал ее мне еще в детстве, когда я болел. Там об орке, эльфе, горце, аристократе и скоморохе. В точности, как у нас.

– Некоторое сходство есть, но старые сказки остаются всего лишь старыми сказками, – поморщился высокий лорд. – Не думаю, что они имеют какое-нибудь значение, святые отцы – очень трезвомыслящие люди. Особенно, когда это касается их интересов. Однако присмотритесь, я точно знаю, что за каждым из вас ходят шпионы епископата. Обычно эти шпионы служат наводчиками для убийц. Если с ар Шадаром я мог справиться, то с Церковью мне не тягаться. Попытаюсь что-нибудь сделать, а вы, в свою очередь, соблюдайте осторожность и предупредите мастеров-наставников, с боевым братством епископы ссориться поостерегутся.

– Я сегодня же расскажу об этом мастеру Керталу, – задумчиво покивал Лек.

Но он все равно не понимал, какое дело церковникам до пятерых

юнцов, не имеющих в империи никакого влияния. Чем они помешали святым отцам? Чушь ведь какая-то.

– И еще одно... – прищурился лорд Дайар. – Я очень прошу ничего не есть и не пить в городе. Мои повара сто раз проверены и перепроверены, да и пробуют каждое блюдо перед тем, как нам подавать. Зато в любом трактире отравить вас будет очень просто.

– Да кто станет нас травить?! – не выдержал юноша. – Кому мы нужны?! Хорошо, за мной могли охотиться после того, как я убил наследников влиятельных родов. Но вы решили эту проблему, за что вам большое спасибо. Больше я никого не убивал!

– Шпионы Церкви просто так за людьми не ходят, поймите это, светлый лорд, – устало вздохнул старший ар Инват. – Это очень тревожный признак. Мне его достаточно, чтобы понять – дело серьезное.

– Хорошо, – скривился Лек. – Буду осторожнее, но я не собираюсь из-за каких-то там шпионов запираяться в четырех стенах.

Лорд Дайар снова вздохнул, укоризненно посмотрев на горца. Он, конечно, понимал, что тот слишком молод, но немного ума набраться все-таки не помешало бы. Надо знать, в какой стране живешь, в чьих руках реальная власть, а в чьих – тайная. Кого стоит опасаться, а кого нет. Нельзя шутить с Церковью, она опасна, как никто другой, своего святыне отцы добиваются всегда, используя любые способы. Только вот юнец этого понимать не желает. Что ж, придется сегодня же посетить Ланига ар Вортон, начальник стражи сразу поймет опасность внимания епископата и призовет молодых дураков к порядку. Высокому лорду жизнь сына была дорога, куда дороже собственной.

Быстро позавтракав, Лек едва ли не пинками поднял разомлевших после сытной еды учеников и бегом понесся к залу мастера Кертала, старик опозданий не любил и всегда за них наказывал, а фантазия у него была богатая. Даже больше – по мнению Лека, вообще извращенная. Кем нужно быть, чтобы заставить провинившегося ученика делать упражнения в выгребной яме? Одного печального опыта горцу оказалось вполне достаточно, чтобы больше никогда не опаздывать. Поэтому теперь он и несся сломя голову, благо ранним утром на улицах города попадалось немного прохожих. Ученики бежали следом, Санти на бегу что-то

рассказывал, Энэт, Храт и Тинувиэль в ответ ржали, как три жеребца. Лек не прислушивался, он продолжал думать о баронессе ар Сарах.

Элиа бесследно исчезла сразу после бала, ее нигде не видели уже добрых десять дней. Юноша так до конца и не поверил слухам, он хотел сам поговорить с девушкой. Но дома ее, похоже, не было, на упорный стук никто не отзывался. Лек расспрашивал о ней всех, но люди только пожимали плечами и рассказывали о баронессе новые гадости. Порой горцу хотелось схватиться за меч, он с трудом сдерживался. Одному наглецу, хваставшему, что побывал в ее постели, даже набил морду. Безо всяких изысков, по-простонародному. Тот не решился вызвать на дуэль горного мастера.

Влетая в дверь тренировочного зала, Лек бросил взгляд на стрелки часов на императорской башне. Успел! Он едва затормозил перед озадаченно приподнявшим бровь Керталом. Тот обошел юношу пару раз, задумчиво хмыкая себе под нос.

– Итак, что мы видим перед собой? – непонятно кому задал вопрос старый мастер. – Дурень молодой в количестве одного экземпляра. Нет, уже не одного. Еще четверо пожаловали. Теперь оных дурней пятеро. И что мы будем с ними делать, а? Пожалуй, выбивать дурость. Полезно, полезно.

Лек осторожно покосился на него – с Кертала ведь станется. Поставит посреди зала, прикажет руки поднять и примется охаживать своей палкой изо всех сил, а рука у старика тяжелая. Впрочем, не привыкать, железная рубашка неплохо отработана, потренировать ее и в самом деле полезно.

– Разминаться! – приказал старый мастер. – Сегодня у твоих охламонов, парень, особый день.

– А чем он такой особый? – поинтересовался Лек.

– Пришло их время ковать картаги.

– Так они же всего полтора месяца обучаются! – изумился юноша. – Мне разрешили ковать картаги только через четыре года!

– Говорят, пора, – пожал плечами Кертал. – Это распоряжение эльдара. Я бы тоже этим наглым мордам мечей еще долго в руки не давал, не воины, а пес знает что. Но раз сказано пора – значит пора, элдару видней, он большой. У-у, одоробло туманнороее...

Ученики радостно переглядывались, такого приятного сюрприза

они никак не ожидали. Особенно довольным выглядел орк, он чувствовал себя без оружия голым, а наставник запретил носить томагавки, сказав, что ученику достаточно улыбнуться, чтобы самый смелый горожанин рухнул в обморок. Храт поначалу обиделся, но потом понял, что Лек шутит. Никак не давался ему человеческий юмор. Только Санти мог насмешить обычно хмурого урук-хай. Впрочем, рыжий скоморох мог насмешить любого, Создатель Миров дал ему такой дар. Тинувиэль пел так, что душа рвалась прочь из тела, стремясь в небеса. Энет писал стихи, причем хорошие, Храту, по крайней мере, они нравились.

Сам орк страшно тосковал по кисти и краскам, он вообще-то был художником, за что над ним дома смеялись старшие братья, говоря, что малыш занят не мужским делом. Что он, похоже, и вовсе баба. Наверное, именно из-за этих насмешек Храт до сих пор не признался новым друзьям, что хочет рисовать. Порой ночами снилось, что стоит у мольберта, а под кистью возникают лица и пейзажи. Надо все же сказать, наставник должен понять – сам режет по дереву. Вырезанные Леком фигурки выглядели живыми. Однако новость о картагах заставила орка забыть обо всем, он представил в своих руках горящие призрачным светом мечи и едва не задохнулся от восторга. Вот бы показать их старшим братьям, пусть только попробуют сказать, что он баба!

Разминочные упражнения как обычно заставили учеников стонать, Кертал с Леком жалости не ведали и гоняли четырех лентяев так, что только тихонько стонать и оставалось. Храт уже довольно легко делал сальто, фляки и кульбиты, весело скалясь при этом. Кто там говорил, что неуклюжему орку никогда не научиться этим трюкам? Давайте его сюда, пусть посмотрит. Он вышел из серии кульбитов в двойном сальто и принялся наносить в воздух удары ногами. К сожалению, растяжка у урук-хай еще оставляла желать лучшего, вертикально поднимать ноги пока не получалось, только на уровень плеча. Но и то дело, раньше выше пояса поднять не мог.

После разминки ученики около часа занимались учебными боями. Напарником Храта оказался Энет. Наследник высокого лорда прогрессировал на удивление быстро и на глазах становился серьезным противником, справиться с ним было уже нелегко. Совсем не так, как месяц назад, когда орк легко заламывал слабака. Получив в грудь удар ногой, Храт глухо ухнул и поймал не успевшего отскочить Энета в скользкий боковой захват, отправив на пол. Граф

легко вскочил на ноги, присел и сделал быструю подсечку на нижнем уровне. На сей раз на пол, поминая габтову задницу, полетел орк. От грохота дрогнул весь зал. Несмотря на боль в спине, Храт тоже вскочил и продолжил бой.

– Стоп! – скомандовал Кертал. – Хватит пока, вас ждет мастер-кузнец в Доме Стали казарм императорской стражи.

– Да, мастер-наставник, – поклонился Лек. – Ой, совсем забыл...

Он быстро рассказал старику о внимании к ним шпионов Церкви и предупреждении лорда Дайара, добавив от себя, что все это, по его мнению, полная чушь. Однако Кертал резко помрачнел и задумался.

– Лорд полностью прав, молодой ты дурень! – сказал он через пару минут. – С церковниками шутить не стоит, хуже скорпионов, сволочи. Очень опасны. Поэтому внимательно смотри вокруг. Коли заметишь человека, ходящего за тобой, поймай и приведи ко мне. А еще лучше – к Ланигу. Там мэтр Эстеван есть, большой души человек, он быстро шпиону язык развяжет.

– Вы думаете, это серьезно? – удивленно посмотрел на старого мастера юноша.

– Боюсь, что да, – неохотно ответил тот. – От убийц Церкви уберечься куда труднее, они обычно пользуются духовыми трубками с отравленными стрелками. Плюнул – и все, заказывай панихиду. Придется подумать. Давненько мы с Церковью не сталкивались, много лет они тихо сидели. Что ж, займемся – пожалеют, что нос высунули. Передай лорду Дайару мою искреннюю благодарность.

– Передам, – кивнул юноша. Раз мастер-наставник тоже обеспокоен новостями, то и в самом деле придется побережиться.

Вскоре горец с учениками вышли из зала и направились к казармам императорской стражи на юго-восточной окраине. Между императорскими стражниками в серых с серебром плащах и наместничьими в синих существовало негласное соперничество, каждое подразделение старалось доказать, что оно лучше, профессиональнее, честнее. Подкупить стражника было почти невозможно, платили им столько, что хватало на все с избытком, зато и спрашивали жестко. Пойманный взяточник умирал долго и страшно, им обычно занимался лично мэтр Эстеван, мало кому после хорошо запоминающегося зрелища хотелось повторять судьбу казненного. Но такое случалось очень редко, с любыми своими

проблемами стражники обычно шли к командирам, и те всегда помогали, никогда не оставляя подчиненного на произвол судьбы.

Храт шел, обсуждая с Тинувиэлем особо понравившиеся удары и блоки. О своей прежней вражде орк с эльфом давно забыли, особенно став кровными братьями, что налагало на каждого множество обязанностей – кровный брат куда ближе родного, с ним когда-нибудь придется драться спиной к спине, не жалея собственной жизни.

Тинувиэль постепенно забывал о своей застенчивости, ему страшно нравилось обучение, хоть и нелегко приходилось. Одно только угнетало эльфа, заставляя его чаще всего сидеть дома в свободное время, – девушки и молодые женщины. Стоило только остроухому появиться в городе, как к нему начинали липнуть все достаточно смелые юные и не слишком юные особы слабого пола. Как и любой молодой мужчина, он был ничуть не против поразвлечься иногда, порой попадались редкие красавицы, которых грех оставлять без внимания. Но не с десятком же сразу? Часто приходилось улепетывать со всех ног, чтобы поклонницы не изнасиловали прямо на улице. А уж когда они сцеплялись друг с другом, устраивая шумную драку с визгом и воплями!.. Тогда эльф обычно сматывался под шумок, прихватив с собой какую-нибудь особо разомлевшую красотку, быстро обслуживал ее где-нибудь в уголке и шел по своим делам, оставив ошарашенную девицу позади.

Разъяренные нескромным поведением жен, дочерей и сестер мужчины Тарсидара мечтали начистить «наглому нелюдю» рожу. Некоторые даже вопили, что эльфа необходимо срочно кастрировать, иначе женщины города будут находиться в постоянной опасности. К Храту люди постепенно привыкли и перестали обращать на орка внимание, благо он ни к кому не приставал. Их раздражение перекинулось на Тинувиэля. Если бы не шнурок ученика горного мастера, принцу нелегко бы пришлось. Но даже шнурок выручал далеко не всегда, и ему частенько приходилось, используя сверхскорость, удирать от очередной толпы, перевозбужденной идеей кастрации эльфа.

Лек даже попытался как-то поговорить с учеником, чтобы не портил без разбору всех девок вокруг, но тот просто не понял, чего от него хотят. По эльфийским обычаям, значение имело только желание

самой женщины, все остальное никого не интересовало. Мнение брата или отца? А им какое дело? Не их жизнь. Пусть не вмешиваются. Поэтому Тинувиэль искренне не понимал, что нужно от него всем этим раскрасневшимся и злым мужикам. Им тоже хочется? Завидуют? Так ведь он никого не принуждал! Девушки сами стремились в объятия остроухого красавца, при виде его тут же забывая обо всех родительских наставлениях. Даже в доме лорда Дайара эльф редко ночевал один – горничные никогда не отказывались согреть его постель. Мало того, установили на это приятное дело очередность. Почему-то Тинувиэля, в отличие от остальных, они ничуть не боялись.

Санги с завистью смотрел на успехи друга, он так и остался девственником, не обращали девушки внимания на рыжего скомороха, не воспринимали его всерьез. Он попытался как-то раз пристать к горничной, но схлопотал оплеуху и решил больше не рисковать: Девушка пожаловалась лорду Дайару, а тот рассказал Леку. Приятного в последовавшем разное оказалось мало. Не хотелось повторения. Рыжий снова перехватил устремленные на эльфа восхищенные взгляды двух молодых, симпатичных горожанок и раздраженно цыкнул зубом. Вот ведь везет остроухому! Обидно.

Энет по дороге вспоминал все, что читал или слышал о картагах. Говорили о них немало, но вот что было правдой, а что вымыслом, он не знал. Ковать призрачные мечи умели только кузнецы боевого братства. Каждый горный мастер что-то знал о них, но секретов не разглашал. Сколько раз опытные воры пытались украсть картаги – не перечислить. Каждый раз все кончалось одинаково – вор умирал в страшных муках, а к его телу приходил владелец меча и забирал его. И до сих пор случались попытки, особенно усердствовали карвенские святоши, они жаждали узнать секрет призрачных мечей и вооружить ими своих паладинов. Однако ни один картаг так и не покинул территорию Элианской империи, а если и покинул, то только вместе со своим хозяином. Меч погибшего горного мастера терял все свои необычные свойства, очень быстро превращаясь в прах. Что же они такое? Впрочем, что гадать? Скоро Энет узнает сам.

Впереди показался высокий забор казарм. Это, вообще-то, был город в городе, внутри имелось все необходимое для жизни, от лавок и рынка до школ и госпиталя. Цены в казарменных лавках всегда оставались очень низкими, император хорошо заботился о служащих ему людях. Женатым стражникам бесплатно предоставляли жилье, их

детей учили в школах, даже лекари не брали с них денег – за все платил его величество. Для холостых на территории казарм были столовые, в которых кормили сытно и вкусно, хоть и без особых изысков.

Здесь же находился и Дом Стали, огромная кузница боевого братства. Порой призрачные мечи ковал сам император, никто не удивлялся, увидев у наковальни мрачную фигуру в кузнечном фартуке со скрытым туманом лицом. Кузнецы уважали его величество за редкое мастерство и советовались с ним по важным вопросам. Он никогда не отказывал в помощи. Да о чем речь, дети стражников порой наседали на императора так, что бедняга не знал, что ему делать с этой галдящей оравой. Иногда брал на руки какого-нибудь карапуза и рассказывал детям волшебную сказку. Они слушали, замирая от восторга. Появлялся его величество в казармах не часто, раз в два-три месяца, зато проводил здесь несколько дней.

Воины у входа поприветствовали Лека с учениками добродушными улыбками, даже не пошевелившись, – перед воротами стояли свои. Из стражников далеко не все были горными мастерами, но многие, а для офицеров черный шнурок был обязателен. Горец тоже улыбнулся дежурным по казарме. Стража императора – это тебе не стража наместника, серые с серебром плащи неумехи и разгильдяи не получали никогда. А если каким чудом и получали, то очень скоро разительно менялись. Многие городские парни мечтали стать императорскими стражниками, вот только брали мало кого, да и то после хорошей проверки.

– Нам в Дом Стали, братья, – негромко сказал юноша. – Будьте добры, подскажите, где это.

– А вон за тем домом, – показал один из стражников, здоровенный детина больше пяти локтей росту. – Там направо с полтыщи шагов пройдешь и сам увидишь, грохот страшный, дымище до неба, не ошибешься. Чой-то там седня особое куют, добрый десяток старших кузнецов собрался, давно такого не видал.

– Спасибо, – поклонился Лек и вошел внутрь, ученики последовали за ним.

Они впервые попали на территорию казарм и теперь с интересом оглядывались вокруг. Очень чисто, никакого мусора на траве, дорожки аккуратно посыпаны гравием, дома недавно выбелены.

Неподалеку от забора в большой песочнице играли несколько ребятишек под присмотром двух матрон. Неподалеку от них прогуливался толстый черный кот. Он гордо нес свой пушистый хвост, басисто мурлыкал и явно ожидал подачек. Лек укоризненно покачал головой – надо же было так раскормить бедное животное, ходить едва может, при каждом шаге с боку на бок переваливается.

Немного в стороне горец увидел тренировочную площадку, на которой два сержанта гоняли неуклюжих новобранцев. Лек негромко рассмеялся, глядя на мучения бедолаг. Правильно! Если их не гонять, быстро жиром зарастут. В страже наместника он однажды видел толстых стражников и долго не мог прийти в себя от изумления. Слава Единому, что в императорской такого не допускают. Толстый воин?! Какой позор! Это где такое видано? Его же щелчком пришибить можно!

Зайдя за указанное белое здание, компания свернула направо и двинулась по дорожке. Вскоре стал слышен грохот бьющих о железо молотов. Дом Стали был огромен, в добрых пять этажей с закопченными стенами. Насколько знал Лек, знаменитые элианские пластинчатые доспехи изготавливали методом штамповки, а потом каждое изделие доводили опытные кузнецы. Перед входом горец в растерянности остановился. Кертал сказал, что их здесь ждет мастер-кузнец. Но здесь куча народу. К кому обращаться?

– Вы кого-нибудь ищете? – заметил ребят коренастый полуголый мужчина в кожаном фартуке.

– Здравствуй, брат-кузнец, – поклонился Лек. – Учитель приказал нам прибыть сюда, моим ученикам пора ковать картаги. Сказал, что нас ждут.

– Лек ар Сантен? – прищурился коренастый.

– Да.

– Нас предупредили. Идемте.

Юноша облегченно вздохнул, махнул рукой ученикам и пошел за кузнецом. В первое мгновение ему показалось, что он окунулся в огонь. Жара в цехе стояла несусветная, пот мгновенно залил глаза, пришлось доставать носовой платок. Стало нечем дышать, от грохота заложило уши. Только через несколько минут Лек пришел в себя и принялся с интересом осматриваться. Чего здесь только не было! Десятки наковален, по которым лупили молотами подмастерья.

Мастера обозначали места ударов маленькими молоточками и внимательно следили, чтобы неопытная молодежь ничего не испортила. Многие, наверное, были не подмастерьями, а учениками горных мастеров, кующими себе картаги под руководством опытных кузнецов. Вскоре у наковален встанут Санти, Энэт, Храт и Тинувиэль.

Вскоре кузнец привел Лека с учениками к темному проходу в стене, затем они долго спускались по винтовой лестнице в подземелье. В Доме Стали юриэнской коллегии все было совсем иначе. Заготовки для призрачных мечей хранили не под землей, а в пещере. Но тоже в полной темноте. Почему, интересно? Надо будет спросить. Сейчас ученикам предстоит выбрать себе железо для будущих картагов. Вспомнив пыльные, темные слитки, превратившиеся со временем в мечи, ставшие частью его души, юноша улыбнулся. Их истинные имена он никому не скажет, даже императору...

Когда все оказались внизу, в руке кузнеца загорелся небольшой факел, лицо мастера выглядело торжественным.

– Сейчас вы выберете себе слитки металла, которые будут вашими картагами, – заговорил он. – Здесь их тысячи и тысячи. У каждого свои особенности, своя душа. Призрачные мечи не коуют из обычного железа, только из тиаранской стали с плоскогорья Реат. На изготовление каждой заготовки уходит до десяти лет. Они, бывает, ждут своего владельца десятками и сотнями лет в этом подземелье.

– А что мы должны делать? – осмелился спросить возбужденный Энэт, глаза графа лихорадочно блестели.

– Прислушаться к себе, – понимающе улыбнулся мастер-кузнец. – Ваши мечи вас позовут. Вслушайтесь в свою душу, она подскажет все необходимое. Когда поймете, куда вас тянет, закройте глаза и идите туда.

– Позволишь присоединиться, Верен? – внезапно спросил кто-то, и из темноты выступил крупный человек в темно-сером плаще, лица его не было видно из-под капюшона.

– Здравствуй, твое величество! – повернулся к нему кузнец. – Рад видеть. Давненько ты у нас не появлялся, ребята недавно придумали пару интересных вещей, есть на что посмотреть.

Величество?! Император?! Лек едва не задохнулся от

неожиданности, никак не ждал вот так вот запросто увидеть повелителя Элианской империи. Он тут же опустился на одно колено, склонил голову, достал картаги из ножен и скрестил перед собой в церемониальном жесте уважения. Ученики последовали примеру наставника, разве что мечей у них еще не было.

– Оставь церемонии для дураков! – досадливо отмахнулся император. – Ты горный мастер, а не придворный хлыщ. Встань, мальчик, хочу на тебя посмотреть. А то рассказывают много всякого, сам хочу убедиться, что не лгут.

Лек неуверенно поднялся на ноги, во все глаза рассматривая фигуру в сером плаще. Лица не видно, его, как и у эльдаров, скрывала туманная дымка. Снаружи остались только руки, сильные, покрытые мозолями руки воина и кузнеца. На пальцах густо росли жесткие, черные волоски. Одни эти руки говорили о многом. По крайней мере, молодому горцу говорили. И какой же страшной, нечеловеческой Силой тянуло от его величества. Юноша горящими глазами смотрел на императора – перед ним стоял истинный повелитель, заботящийся не о себе, а о доверившихся ему людях. Человек, способный сам работать в кузне при необходимости, способный сам вести войска в бой и драться, а не изнеженный во дворце, ни на что не годный бездельник, как король Нартагаля или касик Даркасадара.

– Хорош, хорош... – прогудел со смешком император и хлопнул ошеломленного Лека по плечу. – Задачку ты на себя взвалил, сразу четверых оболтусов в люди выводить. Но достойная задача – достойная награда.

Его величество некоторое время молчал, вглядываясь в смущенного таким вниманием к себе молодого человека.

– А ведь что-то с тобой не в порядке, мальчик... – задумчиво сказал Маран V. – Что случилось? Говори, не бойся, помогу, если это возможно.

– Я... – отчаянно покраснел Лек.

– А... – понимающе протянул император. – Ясно. Влюбился, а девушка взаимностью не отвечает?

– Если бы так, ваше величество... – опустил голову юноша. – Если бы... Мне о ней мастер-наставник такие страшные вещи рассказал... А я поверить не могу, хотя все вокруг одно и то же твердят. Хотел сам с ней поговорить, но она куда-то исчезла. Дома

нет, никто ничего не слышал. Извините...

– За что? – удивился его величество. – Понимаю, тебе сейчас больно. О ком вообще речь?

– Баронесса Элиа ар Сарах, – тяжело вздохнул Лек, упершись взглядом в пол.

– Слышал, – кивнул Маран. – Немало гадостей о ней говорят. Я проверю слухи. Если на девочку возвели напраслину, то кое-кто сильно пожалеет. Но если она действительно такая, как о ней говорят, то лучше бы тебе с ней дела не иметь. Понимаю, что сердцу не прикажешь, но все-таки постарайся.

– Постараюсь... – убито сказал горец. – Но не верю я, что она такая! Не могу поверить...

– Эх, мальчик-мальчик... – укоризненно покачал головой император. – Это очень больно, разочаровываться в любимом человеке, по себе знаю, насколько больно. Но ты справишься, ты сильный. Надеюсь, конечно, что тебе повезет, но обещать этого не могу. Жизнь нелегка, пойми.

– Я понимаю, ваше величество, – едва слышно ответил Лек. – Простите, что выплеснул это на вас...

– Оставь, – махнул рукой Маран. – Я сам спросил. Потом сообщу тебе, что думаю по поводу баронессы ар Сарах. И не кланяйся ты! Запомни: мастера боевого братства говорят с императором на равных, так повелось еще со времен Элиана Завоевателя, и не нам менять древнюю традицию. Понял?

– Да.

– Вот и хорошо. Но не будем терять времени, твоим ребятишкам еще надо найти себе будущие картаги, а это нередко занимает полдня. Верен рассказал, что нужно для поиска?

– Да, ваше величество! – в один голос ответили потрясенные явлением императора ученики.

– Эльф, орк, скоморох и аристократ, – негромко сказал Маран V, оглядывая по очереди каждого. – Зеленый, алый, белый и синий. А покажи-ка мне твои мечи, Лек ар Сантен.

Тот послушно обнажил картаги. Император долго, внимательно их осматривал, проводя ладонями над лезвиями. Он что-то бормотал

себе под нос и выглядел откровенно озадаченным.

– Аура черная? – спросил незаметно подошедший мастер-кузнец.

– Угу... – недовольно буркнул император. – Чернее не бывает. Не видел до сегодня мечей Тьмы. Ладно, выводы пока делать рано, поглядим, что остальные себе выберут.

Растерянный горец долго смотрел на них, но спросить ничего не решился. Почему они назвали его мечи черными? Самые обычные картаги, если призрачные мечи вообще можно назвать обычными. Никак не черного цвета.

Энет решил первым. Он закрыл глаза и вслушался в себя, пытаясь понять, не зовет ли его кто-нибудь или что-нибудь. Сначала ничего не происходило, он просто стоял и ждал, всей душой желая услышать предназначенные ему мечи. Юный граф пытался представить себе их, ощутить в руках тяжесть рукоятей. Внезапно где-то вдали мигнул слабый синий огонек. Этот огонек улыбался! Ему улыбался! Энет не понимал, откуда знает это, но чувствовал – огонек и в самом деле улыбается. Граф тоже улыбнулся в ответ и медленно двинулся в темноту. Он не видел, что император с мастером-кузнецом переглянулись и пошли за ним. Энет осторожно передвигал ноги, опасаясь запнуться за что-нибудь на каменном полу. Дойдя до стены, он замер – синий огонек горел где-то совсем рядом. Неуверенно протянув руку вперед, юноша нащупал несколько глубоких ниш в стене. В каждой из них лежало что-то продолговатое, завернутое в промасленную кожу. Рука переходила от ниши к нише, пока не дотронулась до огонька, ясно видимого внутренним зрением. Тот вспыхнул ярче, и Энету показалось, что ему в ладонь ткнулся носик игривого котенка. Радостно рассмеявшись, он вытащил из ниши сверток, оказавшийся на удивление тяжелым.

– Поздравляю! – послышался за спиной голос его величества, и Энет едва не подпрыгнул от неожиданности. – Синий, дорхот меня разбери, синий! Ты понимаешь, что это значит, Верен?!

– Да уж понимаю, ваше величество, – ответил мастер-кузнец. – Прекрасно понимаю. На моей памяти никто еще не ковал мечей Мудрости. Удивлен. Но смотри, еще один нашел свою заготовку. На этот раз орк. О, эльф тоже!

– Даю гарантию, что у первого – алый, а у второго – зеленый.

– Проверим.

Ничего не понявший из их разговора Энет стоял, счастливо прижимая к себе промасленный сверток, и растерянно улыбался. Он чувствовал, что с ним случилось что-то очень важное. Но что? Почему-то страшно хотелось развернуть заготовки и дотронуться до них, однако граф сдержал себя, понимая, что в темноте этого лучше не делать.

– Я же тебе говорил! – донесся издали голос императора. – Алый и зеленый!

– Но как ты узнал? – озадаченно спросил кузнец.

– Были кое-какие намеки. Об этом не сейчас, мальчишкам рано знать такое. Поговорим наверху.

– Ладно. Смотри, последний застыл у стены в правом углу, и тычется в нее, как кутенок. Что он ищет? Там нет ни одной заготовки!

– В правом углу?! – в голосе его величества слышался ужас. – Ты уверен?! В правом углу?! Там закуток еще небольшой есть. В нем?

– Да, – удивленно ответил мастер-кузнец. – А что? В этом закутке ничего нет.

– Есть... – глухо возразил император. – Есть... Там спрятаны заготовки, выкованные полторы тысячи лет назад руками самого Завоевателя. Белые заготовки, заготовки Света. Больше никому таких создать не удалось, хотя каждый император пытался. Я тоже пытался...

– Белые?! – теперь ужас слышался и в голосе кузнеца. – Те самые белые заготовки? Я думал, это только сказка. Единый Создатель! А какой луч у него был?

– Белый и был.

– Копыто дорхота...

– Я надеялся, что все-таки чушь, что этого не случится, – тяжело вздохнул император. – Что он найдет себе что-нибудь другое. Но если мальчишку тянет к белым мечам, мы не имеем права ему отказывать.

– Не имеем... – уныло согласился мастер-кузнец.

Они подошли к тычущемуся в стену Санти. Рыжий не понимал,

что с ним творится, перед глазами рвался и бушевал белый огонь, его что-то тянуло вперед, не давало успокоиться, не давало возможности отказаться от поисков. Скомороху было страшно, волосы его встали дыбом, зубы выбивали дробь. Он бился и бился о стену, пытаясь прорваться к этому белому свету. Нет, Свету. Рвущему душу, выявляющему все темное внутри и выжигающему это темное.

– Куда ты рвешься, мальчик? – донесся из-за спины голос императора.

– Мне нужно туда, – уверенно ответил Санти. – Меня там ждут. Впустите меня.

– Ты уверен в своем выборе?

– Да.

Он даже не осознавал, что говорит с императором – это не имело никакого значения. Вообще ничто в мире больше не имело значения, кроме света за стеной. Рыжий видел его с закрытыми глазами, он готов был отдать жизнь, только чтобы оказаться там. За его спиной император вздохнул и взмахнул рукой, произнес несколько коротких, странно шипящих слов. Стена внезапно раздвинулась, и Санти едва не провалился в образовавшуюся нишу. Свет стал ослепительным, он покрыл собой весь мир, да что там мир, всю вселенную. А затем резко уменьшился до крохотного, теплого, греющего душу огонька. Рыжий протянул руку и взял этот теплый огонек. Он оказался довольно тяжелым, пришлось подхватить промасленный, пропыленный сверток обеими руками и прижать к груди.

– Белые мечи Света... – восторженно прошептал мастер-кузнец. – Древняя сказка оказалась правдой.

– За каждым, получившим при инициации белый луч, внимательно наблюдали и обязательно приводили сюда, но никто из них так и не выбрал белых мечей, – пробормотал император, в его голосе звучало искреннее недоумение. – До сегодняшнего дня. Не думал, что именно мне доведется разгрести это дерьмо...

– А куда деваться? – резонно спросил кузнец.

– Ты прав, друг мой, – некуда.

Не выпускающих из рук драгоценных свертков учеников вывели из подземелья. Вверх пришлось подниматься долго, Лек давно

потерял счет времени. Наконец впереди засветился выход. Однако они оказались совсем не в том огромном цеху, из которого спустились вниз, а в не слишком большой, прекрасно оборудованной кузне. Посреди нее были установлены четыре наковальни, четыре горна, светящиеся багровым, ждали своего часа.

– Разверните заготовки и положите на наковальни, – скомандовал мастер-кузнец, покосившись на императора, присевшего на скамью у стены. Но тот ничего не сказал, только махнул рукой, предоставляя ему вести церемонию.

Ученики осторожно развязали обвязки и сняли промасленную кожу со свертков. Под ней находились по две толстых полосы темного металла – эльфу, орку, аристократу и скомороху досталось по два будущих меча. Редко случалось так, чтобы сразу четверо получали по два картага, двумечный бой давался далеко не всем. Каждый из учеников внимательно рассматривал заготовки, пытаясь почувствовать их, сделать частью себя.

Металлические полосы казались цельными, но кузнецы братства знали, что каждая склепана из тысяч хорошо прокованных слоев стали – тиаранской стали, секрет изготовления которой был известен только элианским оружейникам. Именно поэтому ковка заготовок занимала столько времени – ученики получали в руки почти готовые мечи, им оставалось только завершить работу и не испортить сделанное мастером.

– Станьте рядом и положите на заготовки руки.

Голос кузнеца стал торжественным, император встал рядом с ним и достал из ножен собственный меч, горящий призрачным желтоватым светом.

– Я...

– Энет ар Инват...

– Сантиар Эрхи...

– Храт Сломанный Клык...

– Тинувиэль Эллевалериэ...

– Приступаю к ковке картагов и произношу Слово Кузнеца!

– Лдер ренно стэ нтаарах... – набатом загредел голос императора. Остальные повторяли непонятные слова вслед за ним.

Как только смолкло заклинание, заготовки засветились призрачным светом, причем каждая разным. Лек удивленно смотрел на это. Не помнил он такого! Юноша во все глаза смотрел, как заготовки погрузили в горны. Когда они раскалились добела, ученики клещами вернули их на наковальни. Император с кузнецом взяли в руки небольшие молоточки и принялись постукивать по горячему металлу, показывая куда бить. Ученики неловко стучали молотами, стараясь действовать осторожно.

Лек никогда не понимал, почему доводку мечей доверяют профанам. Однако доверяли, и почти никогда не случалось, чтобы ученик испортил картаг. Может, магия? Похоже на то, слишком похоже. А для чего это нужно? Может, для того, чтобы меч знал только одного хозяина? Наверное, так. Горец с благоговением смотрел на священнодействие и не мог оторваться.

С этого дня Энету, Санти, Храту и Тинувиэлю предстоит три месяца по полдня проводить в кузне. Затем последний обряд, и в их руках окажутся призрачные мечи, самое страшное оружие элианской империи. Далеко не все знали, на что оно способно. Вот только готовы ли будут ученики к тому времени? Сумеют ли стать достойными? Успеют ли таковыми стать? Лек не знал, но понимал, что ему придется приложить для этого все силы.

9. Исповедь

Узкая улица причудливо извивалась между высоких домов северо-восточной оконечности Тарсидара. Перекрикивались носильщики, торговцы расхваливали товары у витрин своих лавок. Несмотря на множество людей, на мостовой не было мусора – за чистотой в городах Элианской империи следили очень строго, нарушители платили такие штрафы в канцелярию наместника, что повторять их печальный опыт не хотелось никому. Тем более, что контейнеры для мусора стояли на каждом углу и дойти до ближайшего проблем не составляло. Коренным горожанам и в голову не приходило плюнуть на мостовую или бросить под ноги огрызок яблока – знали, чем это чревато.

По правой стороне улицы не спеша шла молодая женщина в черном, бесформенном, почти монашеском платье. На ее голове была шляпка, лицо скрывала плотная вуаль, но каждый встречный мужчина каким-то образом понимал, что перед ним редкая красавица. И с сожалением провожал ее взглядом, проклиная про себя святош за то, что еще одной, которой бы жить и любить, задурили голову. Женщина их не замечала, ее не интересовало мужское внимание, она этого внимания не хотела. Все ее мысли были сосредоточены на предстоящей исповеди.

Элиа боялась самой себя, сомневалась, хватит ли у нее мужества полностью открыть душу чужому человеку. Но ведь священники для того и предназначены... С каждым днем мысли о монастыре становились все настойчивее и настойчивее, все больше не давали покоя. Там она никому не сможет причинить горя. Там чистая и непорочная жизнь. Молитвы Единому Создателю, честный труд, уважение сестер. Ей самое место в монастыре. Какая-то частичка души сопротивлялась этому решению и горько плакала, но Элиа из всех сил заставляла ее молчать. Однако проклятая частичка никак не унималась, она повторяла и повторяла: «Лек... Лек... Лек...» Тогда девушка представляла себе долговязого парнишку мертвым, из-за нее мертвым, и душа в ужасе замирала. Нет, больше Элиа ар Сарах не станет причиной чьей-то смерти! Хватит. Наигралась чужими жизнями. Вдоволь.

Девушка нервно передернула плечами, по коже пробежал мороз.

После бала в поместье высокого лорда ар Инвата она не выходила из дому больше десяти дней. Кто-то долго стучал в дверь и окна, звал ее, но Элиа не обращала внимания, продолжая мертво сидеть в старом отцовском кресле. Она вспоминала и анализировала собственные поступки, переоценивала свою жизнь, с каждым моментом все больше убеждаясь, что Ланиг ар Вортон полностью прав, что она несет в мир только зло. Слова повесившегося по ее вине северянина бились в голове, заставляя девушку задыхаться от боли и ужаса. Как она могла быть такой бесчувственной, такой жестокой, такой подлой? Все десять дней Элиа ничего не ела, просто не хотелось, и превратилась за это время в тень самой себя.

– Зачем я нужна?.. – шептали иногда потрескавшиеся губы. – Кому я нужна? Кому я хоть что-нибудь хорошее сделала? Никому ведь... Неужели я не видела, что человек на грани? Зачем над ним издевалась? Почему делала вид, что он мне нравится, и тут же презрительно отсылала прочь? Почему сразу не сказала, что он мне не нужен? Какая же я тварь, Единый...

Совість выкручивала душу Элиа как половую тряпку, она вспоминала каждого своего поклонника, каждого, кого доводила своими капризами до иступления, и корчилась теперь сама. Девушка даже подумывала о самоубийстве, привязала было к крюку от снятой люстры петлю, но, уже встав на табурет, внезапно поняла, что ничего этим не искупит, что только усугубит свою вину перед Единым и людьми. И что остается? Только монастырь, и все оставшиеся годы провести, помогая другим. Может, тогда Создатель ее простит. Может, тогда она сама простит себя. Еще несколько дней ушло, чтобы вынести самой себе бесповоротный приговор.

Какая-то часть души Элиа умирала, что-то иное рождалось вместо нее, что-то, пока еще непонятное. Девушка все так же не могла есть, ее тошнило, только изредка пила воду, слабея с каждым днем. Поняв, что так продолжаться не может, она решила пойти в церковь и исповедаться. Рассказать обо всем, что мучило ее. Святой отец должен понять, он поставлен Единым для исцеления человеческих душ. Может, исповедник что-нибудь посоветует.

Элиа нашла в старом сундуке бабушкино траурное платье и надела его, стремясь выглядеть как можно более уродливой. В голове царила какая-то звенящая легкость, тело, правда, слушалось с трудом, ноги заплетались от слабости. Идти пришлось очень осторожно и

медленно, чтобы не упасть. Девушка после каждой сотни шагов останавливалась отдохнуть. Наконец впереди показалась церковь при епископате. Она выглядела довольно скромно, никаких архитектурных излишеств, простое кубическое здание из белого камня с косым крестом на крыше. Элиа с трудом поднялась по лестнице и опустила несколько монет в кружку для пожертвований у входа, затем резко выдохнула, нервно повела плечами и вошла.

– Здравствуй, дочь моя! – подошел к ней дородный монах.

– Мне нужно исповедоваться, святой отец... – едва слышно прошептала девушка. – На мне страшный грех, я человека до самоубийства довела. И не одного...

– Смертный грех! – сокрушенно покачал головой монах. – Следуй за мной, дочь моя, я отведу тебя в исповедальню.

Элиа пошла за ним, держась рукой за стены, чтобы не упасть – ноги подкашивались. Она почти ничего не видела, в висках стучало. Слава Единому, идти пришлось недолго. Девушка облегченно присела на стульчик перед занавеской. Хорошо придумано! Не видя лица исповедника куда легче открыть душу. Сидеть было очень неудобно, острый запах ладана вызывал тошноту, перед глазами все плыло. Она смотрела на истоптанный до зеркального блеска каменный пол и ежилась, пытаясь представить себе, сколько тысяч людей за прошедшие сотни лет сидело на этом неудобном стульчике в волнении. Вскоре занавеска шевельнулась, и хорошо поставленный, звучный бас спросил:

– Как тебя зовут, дочь моя?

– Элиа ар Сарах.

– Баронесса ар Сарах?

– Да.

– Прошу подождать, сейчас придет другой исповедник, – в голосе невидимого священника звучала явно слышимая тревога.

– Конечно...

Другой исповедник? Зачем? Какая разница? Девушка растерянно смотрела на занавеску. Происходило что-то странное, никогда еще на ее памяти не меняли исповедника после начала исповеди. Да и из знакомых никто такого не рассказывал. В чем дело? Или она

настолько грешна, что ее даже исповедовать должен кто-то из высших иерархов? Единый! Элиа даже задохнулась от подобного предположения. Ждать пришлось довольно долго, около получаса. Девушка вся извелась за это время, пытаясь понять, почему сменили исповедника. Наконец занавеска снова шевельнулась.

– Я слушаю тебя, дочь моя. – У нового священника оказался довольно противный, елейный тенор, скользкий какой-то. Элиа испытала к обладателю неприятного голоса мгновенную брезгливость, но одернула себя.

– Я совершила страшный грех, святой отец... – негромко сказала она, утирая слезы. – Я довела двух человек до самоубийства.

– Ты права, дочь моя, – согласился священник. – Это страшный и непростимый грех. Однако Единый милостив, он способен простить даже тебя.

– Я хочу уйти в монастырь... – всхлипнула девушка. – Я чудовище, мне нельзя жить в миру...

– Монастырь – это награда для верных, а не убежище от мира! – тон исповедника стал строгим. – Эту награду нужно еще заслужить, дочь моя.

– Я все сделаю, святой отец! – с горячностью выкрикнула девушка.

– Рад это слышать, дитя. Единый Создатель требует от тебя подвига. Сверши его, и я отпущу тебе грехи с чистым сердцем. Лучший монастырь империи примет тебя.

Святой Церкви нужна ее помощь?! Ее, грешницы? Элиа счастливо вскинулась, на ее губах появилась неуверенная улыбка. Она готова была на все, хоть отхожие места чистить и из-под больных судна выносить. Хоть ехать проповедовать даркасадарским дикарям, которые варили миссионеров на медленном огне. Да что угодно, разве могут святые отцы предложить что-нибудь неудобное Создателю? Нет, конечно!

– Да, дочь моя, – торжественно провозгласил исповедник. – Церковь и Единый Создатель требуют от тебя великого подвига. Сделай должное, и с тебя снимутся все твои грехи! Ты станешь воином Церкви. Ты станешь чистой и непорочной.

– Я готова, святой отец! – с пылом воскликнула девушка, по ее

щекам стекали слезы радости. Единый! Неужели ее простят? Пусть, пусть будет так!

– Я не ошибся в тебе, дочь моя. Рад. Многие говорили, что тебе нельзя доверить столь важного дела, что свершить его может только паладин, но я настоял на своем. Помни, задача стоящая перед тобой, невероятно важна. От нее зависит само существование святой Церкви.

– Но кто я такая? – изумление Элиа не поддавалось описанию. – Ничтожная грешница...

– Даже святые были когда-то грешниками, – возразил священник. – Именно после свершения подвига во имя веры они и стали святыми! Кто знает, не ждет ли тебя такая же судьба, дитя мое.

– Я... – с трудом выдавила из себя девушка. – Я постараюсь... Что я должна сделать?

– Уничтожить врага Церкви! – голос священника поднялся почти до визга. – Я верю в тебя, дочь моя, ты справишься!

– Я должна кого-то убить? – обмерла Элиа. – Но...

– Это не убийство, ты устранишь чудовище, не человека, а лютого зверя. Понимаю, тебе трудно, но это необходимо сделать. Помни, за этот подвиг ты будешь прощена.

– Но я не умею убивать, я ведь не воин... – едва слышно пробормотала девушка – многого она могла ожидать, но не такого.

– Ты – воин святой Церкви. К тому же тебе не придется почти ничего делать, чудовище всего лишь поцелует твою руку и умрет само. Твоя задача добиться, чтобы оно поцеловало ее в нужный момент, дочь моя.

– С этим я справлюсь, святой отец! – воспрянула духом Элиа. – Если чудовище – мужчина, то все просто.

– Мужчина, – заверил ее священник. – Мало того, твой поклонник, дочь моя, все дни твоего затворничества он разыскивает тебя, никак не желает успокоиться. Расспрашивает всех вокруг.

– Я сделаю, как вы скажете, святой отец... – уныло сказала девушка. Снова кто-то должен умереть из-за нее... Но раз священник говорит, что это не человек, а чудовище...

– Рад, что не ошибся в тебе, дитя, – в елеинном голосе исповедника слышалось удовлетворение. – Ты верная дочь Матери-Церкви. Слушай и запоминай.

– Слушаю, святой отец...

– Возьми эти два флакона. Красный и синий. Перед встречей с чудовищем выпей синий, а жидкостью из красного помажь себе руки. С тобой ничего не случится. Все понятно?

– Да, святой отец...

– Запомни – это подвиг во имя Матери-Церкви и Единого Создателя!

– Я запомню... Но кто это чудовище?

– Некий Лек ар Сантен, манхенский горец, – ответил исповедник. – Колдун и помощник куда более страшного колдуна. Если он останется жив, наша страна захлебнется в крови.

Сердце Элиа на мгновение дало сбой. Этот священник с елеинным голосом требует, чтобы она убила человека, которого любила?! Девушка уже четко понимала, что полюбила долговязого горца с первого взгляда, что его жизнь стала ей куда дороже собственной.

Казалось, за это страшное мгновение Элиа ар Сарах прожила целую жизнь, стала старой и циничной. Ее глаза медленно наполнились слезами. Как же это? Священник требует убить Лека? Отравить? Иллюзии рушились одна за другой, ее вера корчилась, никак не желая умирать, но вскоре все-таки умерла. Надежд тоже не осталось. Мертвенная пустота поднималась со дна души, занимая их место. Ведь она, Элиа, пришла сюда покаяться, исповедаться в своих грехах, а ее хотят сделать откровенной убийцей? И кто? Святые отцы... Единый, да как же ты позволяешь им прикрываться твоим именем?!

Если бы исповедник в этот момент видел глаза девушки, то понял бы, что что-то пошло не так, что где-то он ошибся. В этих синих, красивых глазах горела лютая ненависть. И решимость. Вот только на что была направлена эта решимость? Элиа пока еще не знала, зато знала другое – она не позволит притворяющимся святыми зверям причинить вред любимому, ни за что не позволит. Решили сыграть в грязную игру, святые отцы? Чужими руками убрать мешающего человека? Что ж, поиграем. Только вот как бы вы не

пожалели потом, что ввязались в эту игру. Девушка прикусила губу, стараясь сдержать дрожь в руках, и взяла с полочки перед занавеской поставленные туда исповедником флаконы.

– Я сделаю это, святой отец! – решительно заявила она.

– Прекрасно, дочь моя! – едва ли не с ликованием воскликнул тот.

– Позвольте идти?

– Иди, дитя, с богом. Когда сделаешь необходимое, приходи сюда. Тебя проведут ко мне.

– Как скажете, святой отец. – Элиа почти незаметно улыбнулась, стараясь не выдать себя.

– Благословляю тебя на богоугодное дело.

– Благодарю! – Девушка сделала реверанс, едва скрывая злую усмешку.

Откуда только и силы взялись... Элиа решительно вышла из исповедальни и направилась к выходу из церкви. Лицо ее было совершенно непроницаемым, спокойным. А вот что творилось в душе... Не дай Единый кому-нибудь такое пережить. Никак не ждала девушка, придя сюда за утешением, что ее макнут лицом в столь омерзительное дерьмо. Оказавшись на улице, она оглянулась, понимая, что никогда больше не войдет ни в одну церковь. Наивную детскую веру жестоко растоптали во имя каких-то своих целей. Что ж, Создатель им судья. Пусть. Но что делать ей? Понимая, что стоять на улице нельзя, Элиа направилась домой.

Дороги она не запомнила, шла как в тумане, опомнилась, только рухнув в продавленное кресло, в котором так любила читать древних поэтов и мечтать о чем-то большем, чем окружающая серая действительность. Она поставила два крохотных флакона, синий и красный, на стол перед собой и задумалась. Только сейчас девушка поняла, в какую опасную игру ввязалась. В этой игре никого жалеть не станут. А посоветоваться не с кем. Как предупредить Лека, что Церковь открыла на него сезон охоты? До стражников не добраться, скорее всего, за ней пустили шпионов и убьют при малейшем подозрении. Так что же делать?

Час шел за часом. В старом, продавленном кресле сидела девушка выглядящая мертвой, с широко открытыми, сухими глазами.

Она перебирала в уме вариант за вариантом, идею за идеей, однако ничего придумать не могла. Что бы она ни сделала, святоши легко обыграют неопытную интриганку. Но сдаваться Элиа не собиралась. Она думала, думала, думала, не замечая, что давно наступила ночь. Не заметила и того, как в одном из углов внезапно сгустились тени.

Крупный, рослый мужчина в сером плаще бесшумно приблизился к креслу и внимательно посмотрел на сидевшую там девушку. Для него, похоже, темнота не существовала. Увидев сухие, широко распахнутые глаза и болезненную худобу, незнакомец укоризненно покачал головой. Затем дернул рукой, в которой сама по себе возникла горящая свеча в подсвечнике. Девушка вздрогнула и ошарашенно уставилась на незваного гостя. Первым делом она заметила плотный серый плащ с капюшоном, потом обратила внимание на клубящийся под этим капюшоном туман. До нее далеко не сразу дошло, кто стоит перед ней, а когда дошло...

– Ваше величество... – тихонько заплакала Элиа. – Ваше величество... Какое счастье, что вы пришли... Умоляю вас, помогите спасти его...

– Кого? – искренне удивился император, никак не ожидавший услышать такую просьбу.

– Лека ар Сантена...

– А ему что-то угрожает?

– Да.

– Об этом потом, – отмахнулся его величество. – Девочка, ты когда в последний раз ела?

– Не помню... – растерялась Элиа. – Да какое это имеет значение?!

– Такое! – недовольно буркнул император. – Уморить себя надумала? Глупо, очень глупо. Этим ты ничего не исправишь.

В его руке внезапно возникла большая кружка с теплым бульоном, от запаха которого желудок девушки буквально взбесился.

– Пей! – приказал его величество.

– Но...

– Не прекословить! – рявкнул император. – Это приказ.

Накрутила себя, дорхот знает на что, и мается. И что ж вы, девчонки, все такие дурные?

– Неправда! – возмутилась Элиа.

– Да? Мне лучше знать, у меня самого три таких, как ты, выросло, разве что чуть постарше, уже перебесились, успокоились немного. Пей, я сказал!

Элиа снова попыталась отказаться, но повелитель Элиана умел настоять на своем и все-таки заставил ее выпить бульон. Выпив, девушка уткнулась носом в императорский плащ и отчаянно разрыдалась. Его величество сел на подлокотник кресла и принялся гладить ее по голове, говоря какие-то успокаивающие слова. И так уж вышло, что исповедь, которую должен был выслушать священник, пришлось выслушивать императору. Он внимательно слушал сбивчивые слова девушки и задумчиво покачивал головой.

– Понимаешь, девочка, – негромко сказал его величество, когда Элиа умолкла, – многие из нас совершают ошибки, порой ошибки страшные. Из-за нас гибнут люди, страдают, плачут. Но главное – понять, что ты делаешь. Понять и опомниться. Ты поняла, только это и важно. Да, Ланиг преподал тебе очень жестокий урок, но урок совершенно правильный, я его хорошо понимаю. И ты задумалась, ты попыталась измениться. Думаю, ты уже не станешь издеваться над людьми, не сделавшими тебе ничего плохого?

– Никогда больше, ваше величество! – вскрикнула Элиа, на секунду оторвавшись от его плаща, потом снова заплакала. – Но это ведь не все, далеко не все...

– Не все? А что же еще?

– Я решила уйти в монастырь и пошла сегодня утром в церковь на исповедь, впервые после смерти отца. А там... Единый! Да как же это?!

Элиа, трясаясь всем телом, рассказывала его величеству о своей страшной «исповеди». Император не перебивая слушал ее и мрачнел с каждой минутой все сильнее – несмотря на туманную маску вместо лица это было заметно, казалось в небольшой комнате под потолком начинают собираться грозовые тучи.

– Эти флаконы? – спросил он, когда девушка закончила рассказ.

– Да... Что мне делать, ваше величество?!

Она снова заплакала. Император продолжал гладить ее по голове и о чем-то размышлять. Потом протянул руку к столу и провел ладонью над флаконами.

– В них совершенно одинаковый яд. Очень редкий яд, противоядия от него нет. Точнее есть, но об этом мало кто знает.

– Значит, если бы... – Глаза Элиа широко распахнулись.

– Да, если бы ты исполнила приказ священника, то умер бы не только Лек ар Сантен, но и ты сама.

– Пусть я умру! – Девушка прижала кулачки к груди. – Только бы он жил...

– Любишь? – довольно хмыкнул император. – Нет, парень будет круглым дураком, если тебя упустит. Впрочем, он тоже по тебе с ума сходит, днями найти пытается.

– Я... – отчаянно покраснела она.

– Ты, ты... – рассмеялся его величество, его смех прозвучал столь добродушно, что Элиа не смогла не улыбнуться в ответ.

Вот таким и должен быть священник! Теперь она понимала это четко. А ведь он не священник, он император, которого церковники за глаза называют «грязным колдуном»... Пришел, выслушал, утешил, помог. Сам, Элиа его не звала. Единый, так кто же тогда лжет? «Святые» отцы, попытавшиеся сделать пришедшую за покаянием убийцей? Или его величество, который сидит сейчас рядом и как отец гладит ее по голове?

Когда девушка подняла заплаканные глаза на туманную маску, в них светилась мрачная решимость. Она сделала свой выбор.

– А что если нам с тобой, милая моя баронесса, – с легкой иронией в голосе спросил император, – и самим устроить маленький такой заговор? Как ты на это смотришь, девочка?

– Я в полном вашем распоряжении, ваше величество, – с очаровательной улыбкой на губах ответила Элиа.

10. Пьяный путь

Редкие фонари раскачивались под порывами холодного юго-восточного ветра, в Белом океане как раз начался сезон зимних штормов, даже недалеко от экватора жаркому Тарсидару досталась своя доля шквалов и циклонов. Дождь лил, как из ведра, но, несмотря на это, по улице двигались несколько закутанных в плащи, насквозь мокрых стражников. Их возглавлял высокий юноша с черным шнурком младшего горного мастера на левом плече. Однако серого с серебром плаща императорской стражи на нем не было.

Лек недовольно встряхнулся. Одежда промокла насквозь, в сапогах противно хлюпало, он порядочно продрог. Помянув недобрым словом мастера-наставника, юноша двинулся дальше. Решил, значит, показать наивному горцу, почем фунт лиха? Нет, Кертал все-таки тяжелый человек, никогда не поймешь, чего от него ждать. Впрочем, а чего он хотел? Снова увлекся поисками баронессы ар Сарах и опоздал на тренировку, начисто о ней забыв. На целый час опоздал. Кошмар, невероятное событие! Понятно, что столь вопиющего пренебрежения дисциплиной старый мастер оставить без наказания никак не мог.

Юноша ждал, что его снова загонят в выгребную яму, и уже смирился с этим, но Кертал придумал кое-что похуже. Он договорился с командованием императорской стражи, что нерадивый ученик месяц будет замещать младших офицеров в ночных патрулях. Причем юношу направляли на патрулирование самых злачных мест города. А утром после дежурства его ждала тренировка, и снисхождения старый мастер не знал, гонял горца вдвое против обычного. Лек тихо стонал, понимая, что все равно никуда не деться, сам виноват. Счастье хоть, что во второй половине дня его ученики уходили в кузню, и у горца оставалось немного времени поспать, иначе совсем бы с ног упал. О поисках Элиа пришлось забыть, что несказанно мучило юношу.

– Светлый лорд, тут чегой-то не так... – отвлек его от жалости к себе голос одного из стражников, коренастого шатена средних лет, с ног до головы закутанного в непромокаемый плащ. Судя по акценту, тот был родом откуда-то с крайнего юга империи, скорее всего из окрестностей Форт-Астара или даже с острова Санокан.

– Что там?

– Да будто плачет хтой-то. Тихонько так...

Лек прислушался. И в самом деле, откуда-то доносились почти неслышные всхлипывания. Или не всхлипывания? Что-то в маленьком закоулке между близко стоящими между собой домами юго-восточной оконечности города все-таки было. Что-то живое. Может, собака туда забилась и скулит? Вполне возможно, хотя в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит. Юноша боком пролез в закоулок, под ногами хлюпнула вода. Стало тихо – видимо, неизвестное существо заметило вторжение и затаилось. Лек достал из ножен один из картагов и попытался при слабом свете его лезвия разглядеть хоть что-нибудь. Возле самой стены в угол вжался темный комочек. Горец осторожно приблизился, всмотрелся и выругался сквозь зубы. Прямо в грязи сидел ребенок! Мальчик лет пяти, почти голый. Он с ужасом смотрел на горца, беззвучно плакал и весь дрожал.

– Не бойся меня, малыш, – ласково сказал юноша. – Пойдем, тебе нужно согреться. Ты же заболеешь.

– Мама... – прошептал тот и тихо заплакал. – Мама... Там мама...

– Где? – насторожился Лек, ощутив в этом безнадежном детском шепоте отзвук какой-то беды.

– Не знаю-ю-ю...

Ребенок заревел уже в голос. Юноша решительно подхватил его на руки, укутал плащом дрожащее тельце и быстро выбрался из закутка. Увидев мальчика, стражники озабоченно переглянулись. Одиноким малыш на улице в такое время и в такую погоду? Для империи это казалось почти невозможным, беспризорных детей в Элиане не было. Их не могло быть. Детских приютов имперские власти не строили – не нужны. Здесь просто не понимали как ребенок, что часто случалось в том же Даркасадаре, не говоря уже о Карвене, может оказаться никому не нужным. Если случалась беда, и дети оставались сиротами, их быстро разбирали по семьям. Чаще всего это делали сами стражники, первыми появляющиеся на месте любого происшествия. У многих росло по десятку детей, из которых родными были только двое или трое.

– Что делать станем? – спросил Лек. – Он совсем замерз.

– Да здесь кабачок неподалеку, всю ночь открыт, – ответил Мертак, пожилой сержант с вислыми, седыми усами. – Может, там кто малого узнает. Да и за целителем послать след, как бы не застыл пацан.

– Идем.

Вскоре впереди показалась вывеска с грубо нарисованной пивной кружкой. Дверь была распахнута, из нее доносился похабный мат. Лек гадливо скривился: обычно в кабаки такого пошиба он старался не заходить, но сейчас выбора нет – ребенок дрожал все сильнее и сильнее. Горец решительно вошел, отшвырнув с дороги какого-то блюющего с порога пьяницу. Дым висел коромыслом – видимо, здесь многие курили ставшее за последние годы модным нартагальское трубочное зелье. Юноша осторожно потянул ноздрями воздух – не хватало только на притон курильщиков сторка нарваться, тогда точно драться придется. За распространение этого гнусного наркотика в империи полагалась смертная казнь на месте, любой горный мастер имел право привести приговор в исполнение. Леку совсем не улыбалось заниматься палаческим ремеслом, ничего приятного, но если понадобится, займется. Слава Единому, сторком не пахло, только блевотиной и обычным трубочным зельем. Посетителей было десятка два, почти все вдрызг пьяные, несколько человек валялось на полу, похрапывая. Столы были грязными, колченогими и потрескавшимися. О скатертях никто даже не помышлял, здесь о таких вещах, наверное, вообще не слышали. Однако стойка трактирщика выглядела относительно чистой.

Лек решительно направился к ней. Завидев серые с серебром плащи императорской стражи, худой и длинный трактирщик спал с лица, но быстро сориентировался. Не успели стражники подойти к стойке, как перед каждым поставили парящую кружку с глинтвейном. Лек с удовольствием втянул запах горячего вина с пряностями. Хорошо, очень кстати в такую-то погоду. Но... прежде всего мальчик!

– Молоко есть? – поинтересовался юноша.

– Дык, найдем, светлый лорд... – трактирщик сразу заметил шитый золотом пояс аристократа. – А оно зачем?

– Согрей с медом, не видишь, что ли, ребенок замерзает.

– Сей момент, светлый лорд!

– Бегом! – раздраженно рявкнул Лек.

– Уже бегу! – испуганно пискнул трактирщик, исчезая.

Через несколько минут перед горцем стояла кружка горячего молока. Дома ему не раз приходилось отпаивать замерзших детей, опыт имелся, и немалый. Юноша довольно быстро заставил мальчика глотать горячее молоко, да тот особо и не протестовал – судя по всему, он был еще и голоден. Ребенок, захлебываясь, пил, дрожь понемногу спадала.

– Ты знаешь, что это за мальчик? – спросил Лек у трактирщика.

– Дык, его усе тут знают, – пожал плечами тот. – Пошти кажен день из дому бегаёт. Снова Юрген жену с малыши по закоулкам гоняет. Как напьётся, зараза такая, вечно бабу свою смертным боем колошматит. Точно када-нибудь забьёт.

– Вот как? – прищурился Лек. – А где живёт этот самый Юрген?

– Дык, на улице Радат, энто рядом. Третий дом от околотка.

– Благодарю. – Юноша бросил взгляд на невозмутимо пьющих горячее вино стражников.

– Знаю я эту улочку, светлый лорд, – степенно сказал сержант Мертак.

– Тогда допиваем и пойдем, поглядим, что там за Юрген завелся. Детей в такую погоду на улицу выгонять? Надо выяснить, в чем дело.

Стражники переглянулись. А парнишка что надо, хоть и светлый лорд. Толковый. Не погнал на улицу сразу, дал спокойно вино допить, да и согреться. С папашей мальчика разобраться хочет. Правильно, такие паскуды понимают только одно – хороший кулак в зубы. Теперь сержант вспомнил плотника Юргена, плохого плотника, между прочим, – не совместимо ежедневное поглощение дешевого самогона в невероятных количествах с ремеслом. Или одно, или другое. Приходилось уже стражникам с ним разбираться, соседи как-то пожаловались на устраиваемые пьяницей дебоши. После их визита горе-плотник, видимо, переключился на свою семью. Женщину, боящуюся рот открыть, терроризировать всяко проще, чем соседей. Те ведь и сдачи дать могут. Интересно, а что лорд с ним сделает? Горные мастера порой выкидывали такое, что хоть стой, хоть падай. Сержант поглядывал на молодого горца с искренним любопытством.

Что, паренек, не сталкивался еще с темными сторонами человеческой жизни? Похоже на то. Но с мальцом ловко управляется, ничего не скажешь, очень даже ловко. Наверное, за младшими братьями ходить доводилось, понимает.

Лек покинул притон с немалым облегчением, к таким местам он испытывал отвращение. Заснувшего мальчика, укутанного в плащ горца, нес один из стражников. Юноша остался в обычном кожаном костюме с шерстяной поддевкой и ежился от холода. Сержант показывал дорогу. Дождь немного стих, но ветер все так же швырял в лицо потоки воды. Черепичные крыши дребезжали, деревья раскачивались и отчаянно скрипели. Патрулировать в такую ночь – сущее мучение. Но что делать? Служба, она хоть в Яриндаре, хоть в Геркатоне служба. В Яриндаре, небось, потруднее будет, особенно в метель с морозом, когда плевков замерзает, до земли не долетев.

Вскоре стражники свернули на небольшую улочку, состоявшую из бедных и неухоженных домов. У третьего дома, выглядящего сущей лачугой, остановились. Стены были ободранными, черепичная крыша наполовину разобрана, из нее обнаженными ребрами торчали стропила. Подойдя ближе, Лек увидел распахнутую настежь дверь, что сразу не понравилось юноше. Войдя, он насторожился. Пахло кровью. Свежей кровью. Горец сделал шаг вперед и обо что-то споткнулся. Это что-то глухо застонало.

– Свет! – скомандовал Лек. – Быстро!

Еще один стражник достал из-под плаща штормовой фонарь, заправленный небольшим шаром закапсулированного света, и шепотом произнес слово активации. Захламленную прихожую залил белый свет. Давно юноше не доводилось видеть такого беспорядка – по небольшой комнатке, казалось, пробежался обезумевший носорог. Все было разнесено в куски, пол усеивали осколки глиняной посуды, изрубленные кадушки, сломанные полки. Аккуратные когда-то соломенные циновки были залиты какой-то вонючей липкой дрянью и засыпаны крупой. Ближе к двери во внутренние комнаты лежало что-то, похожее на мешок. Только присмотревшись, Лек понял, что перед ним избитая до синевы женщина в луже крови. Пальцы несчастной тихо скребли по полу. Она даже не стонала, наверное, сил не осталось. Юноша в ужасе застыл, ему в голову никогда не приходило, что можно довести человека до такого состояния.

– Какая паскуда... – негромко сказал из-за спины горца

сержант. – Да разве ж так можно? С живой-то бабой? Она ж ему двух пацанов родила...

Мертак подошел к женщине и присел рядом, опасаясь прикоснуться к ней. Бедняжка была еще жива, она тоскливо смотрела на застывших стражников и тяжело, с присвистом дышала. Лек ступил на шаг вперед, все еще не веря, что какая-то тварь, именуемая по недоразумению мужчиной, оказалась способна сотворить такое. Да попробовал бы кто-нибудь в его родных горах сделать что-нибудь в этом роде... На мороз бы голого вышвырнули, а то и в берлогу к разбуженному медведю сбросили. И по заслугам!

– Вызывайте мага-целителя! – резко приказал Лек. – И судебного пристава.

– Не-е-ет... – вдруг прохрипела избитая женщина. – Н-н-е-е н-н-а-а-д-д-о-о...

В ее глазах горел откровенный ужас. Юноша ошеломленно замер. Она что, целителей боится?!

– За счет стражи, госпожа, не беспокойтесь, – заверил несчастную сержант, затем повернулся к горцу. – Денег у нее нет, а целители хоть дорого и не берут, но бесплатно тоже не лечат. Для нее два тархема – страшная сумма.

– Единый Создатель...

Мертак криво усмехнулся, достал из кошель жезл связи и принялся вызывать императорский госпиталь. Ответили не сразу, потом довольно долго, нудно спрашивали, что именно произошло. Раздраженному промедлением Леку пришлось даже подтвердить вызов, как начальнику патруля. После этого дежурный по госпиталю пререкаться перестал и пошел будить ночного целителя – спорить с горным мастером себе дороже, огребешь неприятностей по самые уши. Вскоре воздух возле входа на мгновение подернулся туманной дымкой, из которой вышел заспанный и очень недовольный маг в зеленом балахоне. Он нес с собой небольшую корзину, из которой торчали неприятные на вид инструменты, напоминавшие почему-то те, что Леку довелось видеть в любимой пыточной мэтра Эстевана. Маг бросил на женщину взгляд и скривился.

– Это какая же паскуда бедняжку так измочалила? – поинтересовался он.

– Муж, похоже. – Сержант был откровенно зол, глаза старого служаки метали молнии. Судя по его виду, Юргена не ждало ничего приятного.

– Ясно, – вздохнул целитель. – Нажрался, небось, до беспамятства. Подвиньтесь, дорхоты безголовые. Кстати, кто платить-то будет? Стража?

– Да.

– Хорошо. Потом в госпиталь долговое обязательство с оказией передайте. Только вот есть ли толк ее лечить? Сегодня вылечу, а завтра муж то же самое сделает.

– Не сделает, – холодно ответил Лек. – Я лично займусь этой сволочью.

– Тогда ладно, – кивнул целитель.

Он подошел к обреченно смотрящей на него женщине и озабоченно покачал головой. После чего резко отряхнул руки и поднял их, речитативом произнеся незнакомое горцу заклинание. Ладони засветились зеленым свечением, между ними проскочили короткие разряды, резко запахло озоном. Маг присел и положил руки на живот избитой, снова что-то шепча. Она хрипло вскрикнула и забилась на полу. Лек не бросился на помощь только потому, что уже видел магические исцеления и знал, что по-другому не бывает. Тело женщины скрылось в переливающемся разными цветами туманном коконе. Некоторое время ничего не происходило, затем резко похолодало. Казалось, все тепло в прихожей потянулось к магу, заставив остальных плотнее закутаться в плащи. Прошло еще несколько минут – и маг откинулся назад, тяжело дыша и тихо ругаясь сквозь зубы.

– Что-нибудь случилось? – встревожился Лек.

– Ничего особенного, – проворчал целитель. – Ей повезло, что вы ее нашли, до утра не дожила бы. Перебитое ребро легкое проткнуло, образовалось сильное внутреннее кровотечение. С трудом справился, еще пара ребер сломанных – и я бы не смог их срастить. А теперь здорова, лет с двадцати так здорова не бывала, даже все старые болячки на нет сошли. Пришлось применить Цвет Здоровья, так что с вас, господа стражники, не два тархема, а двадцать.

– Двадцать так двадцать! – отмахнулся сержант. – Человеческая

жизнь как-то дороже. Его величество никогда на помощь людям денег не жалел.

– Тогда откланиваюсь. – Маг кивнул и скрылся в туманной дымке, прихватив корзинку с хирургическими инструментами.

– Госпожа, – Лек вежливо поклонился, повернувшись к приподнявшей голову женщине, – мы рады, что смогли помочь вам. Но сообщите, прошу вас, что здесь произошло.

Она ответила не сразу, продолжая ощупывать себя – видимо, никак не могла поверить, что у нее ничего больше не болит. В конце концов, женщина с помощью сержанта встала и неловко поклонилась горцу. Бедняжке явно было сильно не по себе от присутствия светлого лорда в ее бедном доме.

– Муж напился... – прошептала она. – Деньги требовал... Все перерыл, последнюю крупу высыпал...

Из глаз женщины крупным горохом посыпались слезы.

– А как отдать-то? Полтархема осталось до конца месяца, пока еще я дошью платье госпоже Мерике... А мальчики кушать каждое утро просят... Юрген усе орал, тряс, потом переколотил посуду, полки разломал. Искал. Не нашел и бить начал... Ногами топтал...

– То есть семью кормите вы, а он последнее отбирает? – прищурился Лек.

– Да он, паскуда, за три года гроша медного не принес! – в сердцах выкрикнула женщина, забыв, что перед ней аристократ. – Только и знает, что из дому тянуть! Все, что было, пропил! Неделью назад сыночка мово старшого хотел нартагальцам на корабль продать, я не дала...

Она глухо, отчаянно зарыдала.

– Что?! – не выдержал сержант. – Родного сына в рабство?! Ох, и гнида же...

Лек тоже был потрясен до онемения. Такой бесчеловечности он себе представить не мог. Своего собственного ребенка продать в Нартагаль? Каждый ведь знает, каково там живет рабам. Что ж, услышанное только утвердило его в принятом решении.

– Значит, вы ничего не имеете против, если он из вашей жизни исчезнет? – спросил юноша.

– Да хоть бы он куда хошь сгинул, вошь проклятая... – простонала несчастная женщина, раскачиваясь и тихо плача. – Разве ж энто человек? Токо выпивку ему, больше ничо знать не хотит. Где мне таперича младшенького мово искать? Перепугалося дите, када Юрген мине ногами топтать начал, на улицу убегло...

– Ваш? – выступил вперед молодой стражник, держащий спящего ребенка.

– Таличек! – вскрикнула женщина, выхватывая из рук парня мальчика. Тот недовольно забурчал.

– Не будите, пусть себе спит, – улыбнулся Лек. – Молоком с медом мы его напоили, чтобы не простыл.

– Благослови вас Единый, молодой господин! – пролепетала потрясенная женщина. – Благослови вас Единый...

– А где ваш муж сейчас?

– Где ж ему ищо быть? В спальне. Наизмывался всласть и дрыхнет.

– Приведите, – повернулся горец к сержанту.

– Щ-а-а-а-с... – злорадно ухмыльнулся тот и скрылся в глубине дома.

Вскоре оттуда раздался вопль, потом хриплая ругань, перемежающаяся звуками ударов. Еще через некоторое время из дверей показался Мертак, волоча за шкурку небритого мужичонку в замызганной рубахе и драных штанах. Тот хлопал глазами и слабо трепыхался, но против дюжего сержанта горе-плотнику было, что воробью против коршуна. Лек с отвращением смотрел на человека, превратившего беззащитную женщину, мать его детей, в окровавленный кусок мяса. Собиравшегося продать родного сына в рабство. И все это ради выпивки? Жалкое зрелище. Нечто опухшее, ни на что не похожее, крохотные глазки неясного цвета с недоумением мигают, руки трясутся. Рубаха залита блевотиной.

– Юрген... Как его фамилия?

– Декван, – ответил кто-то из стражников.

– Благодарю, – кивнул Лек. – Итак, Юрген Декван?

– Дык... – прохрипел тот. – Енто... Так оно, милсэр...

– Светлый лорд! – ткнул пьяницу под ребра большим пальцем сержант.

– Охрхр... – согнулся Юрген. – Ой-ой-ой... Не бейте, светлый лорд! Ой, не бейте!

Плотник рухнул на колени и принялся ползать по полу, хныкая и размазывая сопли по небритой морде. Лек с гадливостью смотрел на это нечто, отдаленно напоминающее человека. Единый Создатель! Да как можно доводить себя до такого состояния? Но ладно бы себя, так ведь что с семьей творит! Вспомнив синее, распухшее, залитое кровью лицо еще в общем-то молодой, довольно симпатичной женщины, юноша вздрогнул. А ребенок? Что было бы, если бы они не нашли мальчика? А замерз бы к утру.

– Ты действительно хотел продать сына нартагальским купцам? – спросил юноша, решив все-таки проверить слова жены этого пьяницы.

– А на чо исчо он нужен? – заскулило жалкое подобие человека. – Я иво кормил, поил. Хай таперя возвертает!

– Сколько лет мальчику? – резко повернулся к женщине потрясенный Лек.

– Восемь...

– Значит, восьмилетний ребенок тебе что-то должен?

– А то как же! – гордо заявил Юрген. – Не может работать, знать продать. Мине выпить надобно!

Лека передернуло от этих слов.

– Что, светлый лорд, не доводилось еще таких видеть? – криво усмехнулся сержант. – Для него все – только мне, а там пускай хоть мир рушится.

– Не доводилось... – пробормотал Лек, его трясло от гнева, зубы скрипели, давно он не испытывал столь испепеляющей ярости. – У нас таких не было. А если и попадались, то их быстро на мороз подыхать выкидывали.

– Нам бы так... – позавидовал Мертак.

– А что, в каменоломнях разве лучше? – иронично приподнял бровь Лек.

– В каменоломнях? – переспросил сержант, расплываясь в довольной улыбке – видимо, не надеялся на такой исход. – Не-а, самое этой паскуде место будет.

– Судебный пристав здесь?

– Да, – донесся из дверей чей-то голос, и в разгромленной прихожей появился закутанный по уши в теплый, шерстяной плащ невысокий плотный человек. – Мое имя – Этев Нимод, прибыл по вызову патруля. Вы собираетесь выносить приговор?

– Да, как горный мастер боевого братства империи Элиан я имею на это право.

– Конечно, имеете, светлый лорд! – Пристав низко поклонился, затем достал из непромокаемой сумки принадлежности для письма. – Готов фиксировать.

– Очень хорошо, – голос Лека стал ледяным. – Приговариваю Юргена Деквана из Тарсидара за избиение беззащитной женщины к пяти годам каторжных работ в Ммевидарских каменоломнях. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! Да-да, сволочь, в тех самых каменоломнях, где добывают черный мрамор. Тебя там быстро отучат от пьяных дебошей!

– Светлый ло-о-о-о-рд... – взвыл сразу протрезвевший плотник, от ужаса испортив воздух. – Пощади-и-и-т-е-е...

– А жену свою с детьми ты пощадил, тварь?! – с ненавистью выплюнул юноша, едва удержавшись, чтобы прямо здесь не смахнуть Юргену голову. – Она тоже просила у тебя пощады! Но ты помнил только, что тебе выпить хочется! Теперь получи по заслугам. Уберите его, завтра же отправьте по порталу в Мевидар.

– Незачем на него силу портала тратить, светлый лорд, ее не всякий маг восстановит. Через неделю в те края большой бриг пойдет, посидит наш плотник пока на киче. Я его в особую камеру посажу. Там быстро птичкой сделают...

– Наверное, вы правы, – согласился юноша, не понявший при чем здесь птичка, но не обративший на это особого внимания. – Меня слишком разозлил этот...

Он не нашелся, как назвать пьяницу, и только раздраженно дернул щекой.

– Меня не меньше, – скривился сержант, с отвращением глядя на захлебывающегося хриплым плачем и ползающего у них в ногах Юргена.

– Я закончил оформлять приговор, светлый лорд, – вмешался пристав. – Прошу приложить вот сюда вашу личную печать.

Он протянул горцу заполненный убористыми строчками лист плотной белой бумаги, которую делали только в двух провинциях Элиана – Ларрале и Шерандаре. Карвенские и нартагальские купцы издавна пытались уговорить имперские власти продавать им бумагу, она была много лучше самого качественного пергамента, но торговый приказ отказывал из года в год, используя бумагу только для собственных нужд.

Лек обнажил картаги, скрестил их над приговором и произнес Слово Судьи. Со скрещенных лезвий на лист бумаги стекла струйка темного тумана. Когда он рассеялся, под ровными строками появилась печать – голова белого волка на фоне черного круга. С этого момента отменить приговор мог только кто-нибудь из эльдаров. Или, понятно, император. Но его величество в судебные дела никогда не вмешивался, по крайней мере никто о таком не слышал. Хотя, конечно, приговоренный горным мастером имел право подать апелляцию в канцелярию наместника, но приговоры пересматривались очень и очень редко. Мало кто мог припомнить случай, чтобы горный мастер осудил невиновного. Судили обычно на месте преступления.

Двое стражников подхватили под руки продолжающего жалко скулить Юргена и выволокли во двор, где ждала карета судебного исполнителя. Они быстро усадили слабо трепыхающегося приговоренного в отделенный решеткой закуток и сами сели по бокам. Вскоре карета уехала, увозя пьяницу к новой, совершенно трезвой жизни. Ошеломленная женщина продолжала молча стоять, прижимая к себе спящего ребенка. Из ее глаз все так же катились крупные слезы. В углу застыл мальчик постарше, непонятно когда и появившийся. Наверное, шум разбудил его.

– Госпожа, – мягко улыбнулся сержант. – Рад, что смог помочь. И еще...

– Что? – глухо спросила она.

– Вы стряпать умеете?

– Умею, – удивилась странному вопросу женщина. – Как же иначе?

– У нас в столовой старшая стряпуха помощницу себе на вечер ищет, – с хитринкой усмехнулся сержант. По этой усмешке Лек понял, что старый служака положил глаз на бывшую жену плотника. – Вы завтра приходите в наши казармы, скажете, что вас Мертак прислал. Детишек с собой приводите, с нашими побегают, пока вы заняты будете. Там и заработаете, и мальчишкам лишняя миска каши всегда найдется. Голодными уж всяко не останутся. Работа нелегкая, посуды перемывать много, но жить можно. Вас как зовут?

– Велка... – пролепетала она, выглядя еще более удивленной. – Спасибо вам, конечно... Но разве ж меня возьмут?

– А то как же! – Сержант довольно огладил усы. – Раз я сказал, что возьмут, знать возьмут.

– Спаси вас Единый...

– Вы спать ложитесь, хоть немного передохнуть надо, муженек-то здорово в доме все изгадил. Пока еще вычистите... И не плачьте! Больше он вас не тронет.

– А коли выйдет?

– Из мевидарских каменоломен? – ехидно хмыкнул сержант. – Ха! А ежели случится чудо и он выйдет, то опосля ему не до вас будет. А попробует приставать, быстренько рога поотшибаем. Не, Юргена бояться не след, он конченный человек.

– Жалко его, дурака... – всхлипнула Велка.

– Ты детей пожалей! – нахмурился Мертак, резко переходя на «ты». – Нашла кого жалеть-то. Он тебя вчера пожалел? Мальца, что на дворе замерзал, пожалел?

– Нет...

– То-то же! Так что не реви, а иди детей уложи и сама ложись. А завтра, как отоспишься, в казармы приходи. Придешь?

– Приду...

– Вот и ладненько.

Лек с сержантом попрощались с продолжающей всхлипывать

женщиной и вышли под дождь. Остальные двое обещали догнать их у кабака «Упырь и веревка», где стражников всегда ожидал теплый прием и вкусный эль. Но до него надо было еще дойти, ветер под утро стал совсем ураганным, да и холодный дождь припустил вовсю. Идти было тяжело, юноша отфыркивался, скрывая лицо и все время отворачиваясь. Только благодаря этому он и заметил, что сержант внезапно рухнул прямо в лужу. В углу глаза что-то блеснуло.

Горец перекатом ушел от брошенного кем-то сюрикена, рывком вгоняя себя в сверхскорость. Напротив замерли три фигуры в облегающих темных костюмах и масках. Вот так сюрприз, высшие охотники клана наемных убийц пришли по его голову. Почему-то Лек такой чести совсем не обрадовался, он пытался понять причину нападения. Кто им заплатил? Люди черного клана без платы работать не станут. Никогда и ни при каких обстоятельствах! Неужели Церковь решила расправиться с неугодным человеком? От святош можно ждать чего угодно. Однако на размышления времени не было, остро заточенные стальные звездочки летели в Лека одна за другой, он едва успевал отбивать их картагами. Убийцы владели сверхскоростью ничуть не хуже горных мастеров, но пока не рисковали приближаться, испытывая жертву на прочность. Юноша пытался выйти на дистанцию атаки, но враги не давали сделать этого, легко ускользая в стороны. С одним, даже с двумя он бы еще справился, но с тремя сразу?..

Две черные фигуры скользнули вперед, в руках каждый держал слегка изогнутый меч с зачерненным лезвием. Лек встретил их в нижней стойке из не так давно отработанного комплекса. Горец сразу понял, что если бы не этот комплекс, он был бы уже мертв – убийцы сражались не хуже мастера-наставника, причем в совершенно незнакомом стиле. Какие-то рваные ломаные движения...

Юноша выкладывался полностью, краем глаза не упуская третьего убийцу. Почему он не вступает в бой? Чего ждет? С каждым мгновением Леку становилось все яснее, что он проигрывает. Даже двоим! Единый! Что же делать? Он попытался еще нарастить темп, но враги, словно насмехаясь, тоже ускорились.

Внезапно из ближнего переулка послышалась разухабистая песня, исполняемая хриплым, пропитым голосом. Оттуда вывалился какой-то поздний гуляка. Он шатался, то и дело падал, с трудом вставал, бранился, шумно сморкался, громогласно портил воздух,

размахивал руками. И пел. От такого пения хотелось сразу удавиться, только бы не мучить уши мерзкими звуками. Убийцы тут же отскочили от Лека в тень.

– Во! – удивился пьяный, увидев несколько темных фигур с мечами наголо. – Вы чо, мужики, вконец обалдели, тута железяками махать? Во дурные!

Он тупо заржал, продолжая раскачиваться и махать руками. Стоящий в стороне главный убийца нетерпеливо махнул одному из помощников, приказывая убрать ненужного свидетеля. Тот двинулся вперед и небрежно махнул мечом. Но именно в этот момент пьяный оступился, каким-то чудом уйдя из-под удара. Он упал задницей в лужу и принялся глупо хихикать. Раздраженный промахом убийца ткнул его острием в грудь, но почему-то снова не попал. Гуляка продолжал хихикать, падал, вставал, отодвигался в сторону, чесался, вихлялся, как сломанная кукла. Только вот убийца никак не мог по нему попасть. Потом пьяный поскользнулся, рука взметнулась вверх и поразила нападавшего кулаком в висок. Конечно, совершенно случайно. Однако этого хватило, тот рухнул на землю, пару раз дернулся и застыл.

Оставшиеся в живых двое переглянулись и прыгнули вперед, швырнув по несколько сюрикенов. Но не попали. Лек едва не протер глаза, не понимая, что вообще происходит. А перед ним, между тем, все повторялось. Убийцы бешено нападали, причем на сверхскорости. Пьяница падал, вихлялся, подпрыгивал, сдвигался со стороны в сторону. И опытные охотники черного клана не могли причинить ему никакого вреда. Только тут до Лека дошло, что перед ним не загулявший пьяница, а мастер легендарного пьяного стиля, известного в империи очень немногим. Поговаривали, что только некоторые из невидимок владеют им. Кажется, еще император. Впрочем, а есть ли хоть что-нибудь, чем не владеет его величество? Лек что-то сомневался. Учитель только рассказывал юноше о пьяном стиле. С немалым восторгом рассказывал. Как оказалось, не зря. Незнакомцу не понадобилось много времени, чтобы навсегда успокоить убийц. Затем он подошел к лежащему ничком сержанту и перевернул неподвижное тело на спину. Внимательно осмотрел беднягу и спросил:

– Вино есть?

– Нет... – смущенно ответил юноша, пряча картаги в ножны.

– Ладно, и так в себя придет, – хмуро сказал мнимый пьяница. – Люди клана редко убивают случайных свидетелей, для них это нарушение канона. Твоему сержанту повезло, всего лишь мешком с песком огрели, чтобы под ногами не путался.

– А кто вы? – осмелился задать вопрос Лек.

– Еще не понял? – иронично хмыкнул незнакомец. – Ты меня разочаровываешь, молодой ар Сантен.

– Простите, мастер-невидимка! – низко поклонился юноша.

– Надо же, догадался... – недовольно проворчал тот, вставая. – Не прошло и года. С такой соображалкой долго не живут, парень. Не зря меня попросили походить за тобой, дураком, едва успел. Но чтобы не сомневался, смотри сюда.

Он вытянул вперед руку, которую на мгновение осветила голубоватая вспышка. На ладони из ниоткуда появился прозрачный, почти невидимый шнурок. Немного полежал и исчез.

– Теперь вот еще что. – Лицо пьяного мастера стало жестким. – Сержанту и всем остальным скажешь, что сам справился с охотниками. Только Кертал с Ланигом могут знать правду. Ясно?

– Да, – кивнул растерянный Лек.

– Вот и хорошо. А Керталу передай вот что.

Незнакомец плавно скользнул к юноше и прошептал ему на ухо несколько слов, от которых Лек зафыркал, едва сдержав смех. Никогда не думал, что кто-нибудь может так обозвать старого мастера-наставника. Интересно, он стерпит или настучит по голове наглому ученику, решившемуся передать сказанное невидимкой?

– И еще... – пьяный мастер окинул горца оценивающим взглядом. – С завтрашнего дня вечерних тренировок у тебя не будет. Приходи на поляну возле Теплого родника, это на северо-востоке за городом. Найдешь. Научу кой-чему, а то мне все время ходить за тобой недосуг, в следующий раз могу и не успеть. Самому давно пора научиться защищаться.

– Я думал, что умею... – уныло пробормотал Лек, даже не обрадовавшись, что его станут учить пьяному стилю боя.

– Против высших охотников ты еще щенок. – Невидимка иронично посмотрел на него. – Я уже не говорю о карвенских

паладинах полного посвящения, те вообще таких на завтрак по десятку зараз едят.

– Понятно... – еще более уныло ответил юноша. – Я приду, мастер-невидимка.

– Куда ж ты денешься, морда дурная? А когда твои четверо обалдуюв закончат картаги ковать, приведешь и их. Это приказ его величества.

– Как скажете.

– Хорошо. Я ухожу, но на всякий случай буду неподалеку. Сержант вот-вот придет в себя, подумай, что ему сказать. Меня здесь не было, запомни!

Невидимка еще раз иронично оглядел горца, пару раз хмыкнул и буквально растворился в воздухе. Лек не успел понять, куда он делся и только восхищенно покачал головой. Вот это мастерство! Вот это скорость движений! Не зря о тайных мастерах рассказывают сказки, совсем даже не зря. Трех высших охотников черного клана положил и даже не запыхался. Расскажи кому, так не поверят. Впрочем, как раз рассказывать он права и не имел. Ну, да ладно.

– Ой, мать-перемать... – прохрипел очнувшийся сержант. – Энто чего ж со мной такое, башка трещит, что с похмелюги...

– Напали на нас, – ответил Лек, помогая старому служаке встать.

– Напали? – удивился тот. – Это кто ж такой дурной?

– Охотники черного клана. Вон они лежат.

Сержант подошел и внимательно осмотрел тела, опасаясь, правда, дотрагиваться до них. А вдруг еще живы? Пырнут какой-то железякой, и поминай как звали.

– Точно, охотники... – испуганно пробормотал он. – Да еще и высшие... Ить их боком! Это ж как мы выжили-то? Это вы их положили, светлый лорд?

– Я... – недовольно буркнул юноша, которому очень не хотелось лгать, но игнорировать приказ мастера-невидимки он не мог. – Едва справился, думал, уже все, но один поскользнулся, я его и достал. А с двумя уже проще было.

– Однако здорово вы кулаками машетесь-то... – покачал головой

сержант. – Вы ж их не зарезали, а голыми руками заломали! Ни одного пореза! Это ж как? Не думал, что так можно...

– С десяти лет в обучении, – пожал плечами Лек. – Не успел я мечи достать, без них пришлось отмахиваться.

Он досадовал про себя. О том, что охотники убиты руками, а не мечом, никто не подумал. Ни он сам, ни невидимка. И как теперь это объяснять? Опять начнутся разные идиотские пересуды, слухи пойдут. Но сделать здесь ничего нельзя. Впрочем, надо посоветоваться с мастерами-наставниками.

Сержант тем временем связался с дежурным отрядом стражи и сообщил о покушении. Что тут поднялось! Нападение на патруль считалось в Элианской империи настолько серьезным преступлением, что его не прощали никогда и никому. Лично император отыскивал убийц стражников. Ни разу не случилось такого, чтобы они остались безнаказанными. Даже охотники черного клана до сих пор не рисковали трогать служащих его величеству людей и не принимали на них заказов. Почему же тронули сейчас? Что изменилось?

Ланиг, которого в срочном порядке подняли с постели, мрачно жевал губы, глядя на не менее мрачного Кертала. Начальник стражи заехал за другом, чтобы сообщить о новом покушении на его ученика. Тот не захотел оставаться дома, особенно услышав, что молодого горца атаковал не кто-нибудь, а трое высших охотников. И что, Лек справился с ними сам? Невозможно! Кертал пребывал в недоумении. Он и сам с тремя не справился бы. Что-то во всем этом было не так. Странно, непонятно, загадочно.

Карета, грохоча колесами по мостовой, неслась по ночному городу, а два мастера-наставника продолжали молчать и растерянно смотреть друг на друга. Ни один не мог понять, что случилось, с какой стати на Лека ар Сантена снова открыт сезон охоты. Однако, открыт. Иного вывода ни один сделать не мог. Вопрос только: кем? Неужели, за дело взялась Церковь? Если так, то мальчишка обречен, все равно уберут. Тем или иным способом.

Добравшись до места, Ланиг с Керталом выскочили из кареты и рванулись к трупам, надеясь, что осматривавшие их маги следственного приказа ошиблись, и это не высшие охотники, берущие за один заказ не меньше двадцати тысяч золотом... Увы, это

были именно они, татуировки на предплечьях говорили сами за себя. Старые мастера застыли над мертвыми убийцами. Они сразу поняли, что с теми справились без оружия. Лек ар Сантен сделать этого однозначно не мог, у мальчишки не хватило бы ни скорости, ни боевых навыков. Кертал нашел горца взглядом и поманил пальцем. Тот нехотя подошел, он выглядел крайне недовольным.

– Говори! – приказал Ланиг. – Только правду.

– Отойдем, – хмуро предложил юноша, уныло глядя в землю. – Мне сказано, что правду сказать я имею право только вам двоим. Больше никому.

– Сказано? – Кертал заинтересованно приподнял левую бровь. – Любопытно. Ладно, вон там нас никто не услышит.

Они отошли к ближайшему фонарю.

– За мной по приказу его величества невидимка ходит... – тяжело вздохнул Лек. – Я не знаю, почему! И не просто невидимка, а пьяный мастер. Он охотников и разделал на фарш, я уже проигрывал бой. Еще минута-другая, и они меня достали бы.

– Невидимка, говоришь? – задумчиво покивал Ланиг. – Вот в это верю, мастера пьяного стиля еще и не на то способны, видел.

– Он велел передать вам, мастер-наставник, несколько слов...

– Слушаю, – прищурился Кертал.

– Только вам.

– Мне от Ланига скрывать нечего.

– Как хотите... – тяжело вздохнул Лек, ожидая, что ему сейчас настучат по шее, причем с двух сторон. – Он сказал: «Что же ты, старая козломордая образина, мальчика так плохо учишь? Дорхот те горлом, чтоб и встать не мог!»

Старики на мгновение замерли, а потом заржали, как два жеребца. Не ожидавший такой реакции горец удивленно захлопал глазами.

– Ну, если за тобой эта наглая зараза ходит, то я спокоен! – выдавил сквозь смех Ланиг.

– Да, Текват на многое способен, – поддержал друга хохочущий Кертал. – Наглости ему не занимать. В невидимки, значит, вышел? И

в пьяные мастера? Не ждал от него, думал, нарвется когда-нибудь. Он, кажется, и императора дорхоту под хвост посылал?

– Было дело, – согласился несколько успокоившийся начальник стражи. – Его величество так удивился, что пару минут молча стоял, еще столько же смеялся. Затем взял наглеца за шкурку и куда-то уволок. С тех пор я Теквата не видел.

– И... – нерешительно протянул Лек.

– Что?

– Пьяный мастер сказал, что вечерами с этого дня будет тренировать меня сам... Что это приказ его величества.

– Да? – Брови старика иронично сложились домиком. – А больше он тебе ничего не говорил?

– Нет... – убито пробормотал Лек.

– Нечего на мальчика нападать! – раздался сбоку гулкий баритон. – Это действительно мой приказ.

– Твое величество! – Старые мастера переглянулись, поворачиваясь к непонятно откуда взявшемуся императору. Впрочем, они давно привыкли к его неожиданным появлениям и исчезновениям.

– Мое, чье же еще? – недовольно проворчал тот, поворачиваясь к горцу. – Мальчик, погуляй немного, только слишком далеко не отходи, ты мне еще понадобишься.

Лек послушно отошел в сторону, став так, чтобы видеть три темные фигуры и вернуться по первому зову.

– Дела идут все хуже и хуже, – озабоченно сказал его величество. – Несколько гнойников на грани прорыва. Придется нам с вами чисткой заняться. Неприятное это дело, но деваться некуда.

– Я давно предупреждал, что в стране происходит что-то непонятное, – буркнул Ланиг. – Но ты слышать ничего не хотел!

– Рано было! – отмахнулся император. – А вот теперь самое время. И мне нужна твоя помощь, старый ты обалдуй.

– Обалдуй? – искренне удивился начальник стражи. – Это за что ж ты меня так, твое величество?

– Да уж есть за что! – рявкнул тот. – Потом скажу. Ты едва не натворил таких дел, что слов нет. Ладно, впрочем, все разрешилось, слава Единому. Но поработать придется. И хорошо.

– Да разве я против? – Ланиг смущенно пожал плечами, пытаюсь понять, что же он такого страшного сделал, но ничего необычного припомнить не смог.

– Значит, завтра в полдень жди в своем кабинете. И чтобы каждая собака была уверена, что ты там! А мы отправимся кое-куда. Есть одна интересная задумка, но без твоих тайных ее не реализовать. Только использовать их станем вслепую, не дай Создатель хоть что-нибудь просочится.

– Буду, – кивнул начальник стражи, в его глазах загорелся огонек азарта. Император задумал какую-то хитрую пакость? Очень даже интересно, его величество всегда мыслил крайне нестандартно и не раз уже удивлял старого сыскаря.

– Буду прощаться, не хочу, чтобы меня здесь видели. Кертал, ты мальчишку вечерами отпускай, пусть себе тренируется. Ему это очень скоро может понадобится. И сам гоняй, как не знаю кого. Дай ему восьмой комплекс. И не спорь! Пора. За каждым из пятерых ходит невидимка, я как чувствовал, что это понадобится. Однако, кроме моего, за мальчишками шляются еще три хвоста. Один – наверняка твой, Ланиг. А вот кто прицепил два других – разберись. Только без шума.

– Сделаю, – кивнул начальник стражи, задумавшись о чем-то. – Значит, пророчество правдиво?

– Не знаю! – раздраженно отмахнулся император. – Но один из мальчишек получил белые заготовки. Да-да, те самые, кованные лично Элианом. Вам понятно, что это значит?

– Понятно... – тяжело вздохнули в унисон два старика. – Мечи Света вышли в мир. Чего уж тут непонятного?

– А что понятного? – Его величество скрипнул зубами. – Что в этом хоровом пророчестве вообще понятно-то? Да почти ничего! Мы не знаем чего ждать. Я лично знаю только одно – если мы допустим гибель мальчишек, то последствия для империи будут страшны. Но об этом пока рано.

– Однако охота началась... – задумчиво сказал Кертал. –

Похоже, полный список пророчества есть не только у нас.

– Вполне возможно, – согласился император. – Книгохранилища Церкви нам недоступны, там может найтись, что угодно. Но это обсуждать здесь не стоит. Кертал, а что если мы соберемся у тебя дома завтра вечером?

– Кого звать? – деловито спросил старый мастер.

– Да весь совет. Только тайно. И Диппата позови.

– Диппат, похоже, проданся... – тяжело вздохнул Ланиг. – Доказать не могу, но почти уверен.

– Вот как? – Император некоторое время помолчал. – Если в нем есть хоть малейшие сомнения, не зови. О завтрашнем разговоре должны знать только проверенные люди. Сами решайте, кто там нужен, люди опытные, по сто собак в этом деле съели.

– Разберемся как-нибудь, ваше величество, – криво усмехнулся Кертал.

– Тогда я удаляюсь. Только...

Его величество махнул Леку, и тот, весь изведшийся от мрачных мыслей, вприпрыжку понесся к нему. Император со старыми мастерами негромко рассмеялись, глядя на запыхавшегося, покрасневшего юношу. Дождь все еще лил, горец то и дело вытирал рукавом лицо и отфыркивался, в родных горах он никогда не видел таких ливней.

– Значит так, мальчик, – негромко сказал Маран V. – С этого дня твои дежурства отменяются. Из дому одному не выходить, по значным местам не шлаться. Вечерами приходи, куда тебе сказано. И тренируйся, будто тебе завтра умирать. Послезавтра ночью чтобы все пятеро были дома, я приду и наложу новое заклятие сверхскорости. Пригодится. Очень прошу тебя не манкировать словами старших, ты в большой опасности.

– Как скажешь, ваше величество... – растерянно пробормотал юноша, не понимая, с какой стати повелитель Элиана заботится о нем. – Только...

– Ты о девочке?

– Да... – Лек неуверенно покосился на Кертала с Ланигом.

– Там все будет в порядке, – в голосе императора слышалась улыбка. – Не нервничай. Немного потерпи, и вопрос решится. Иди.

Лек неловко поклонился и помчался домой. Он не обращал внимания на хлещущий по лицу дождь и блаженно улыбался. Его величество сказал, что с Элиа все в порядке! Ждать, конечно, очень не хотелось, но горец понимал, что далеко не все в жизни происходит тогда, когда хочется. Всему свое время. Он подождет.

11. Вуаль тайны

Тишина давила на нервы, не давала сосредоточиться. Элиа постоянно косилась на часы. Скорей бы полдень, она не могла больше ждать, руки не находили себе места. Девушка то поправляла прическу, то постукивала пальцами по столу, то нервно оглядывалась по сторонам, то ерзала в кресле. Перед глазами лежала раскрытая книга любимых баллад, но читать она не могла, не до того было. После первой встречи с императором прошло больше десяти дней, и баронесса ар Сарах готовилась к новому выходу в свет. Она отъелась за прошедшее время, красота вернулась, даже стала более утонченной, худоба и полупрозрачность на удивление шли Элиа, она иногда казалась ангелом, сошедшим на землю.

Император почти каждый вечер приходил в ее дом и вел длинные разговоры обо всем на свете. Учил приемам защиты, рассказывал бесконечное количество древних сказаний, которых не было ни в одной книге. До сих пор только покойный отец так уважительно, как с равной, обращался с ней. Да и ласково. Иногда казалось, что его величество видит в баронессе ар Сарах еще одну дочь. Сама Элиа тоже с каждым днем относилась к нему со все большим уважением и даже любовью. Что за невероятный человек? Откуда он столько всего знает? И ни малейшей заносчивости, гордыни, излишней самоуверенности. Маран V оказался очень прост в общении. Настолько, что девушка до сих пор удивлялась. Жаль только, что ей никогда не увидать лица его величества. Туманная маска сначала пугала, потом раздражала, но в конце концов Элиа привыкла и перестала обращать на маску внимание, очарованная личностью императора.

Скорее бы он уже приходил! Маран обещал кого-то привести с собой. Наступало время начала интриги, которую они разработали вместе, и Элиа несколько нервничала. Но решимость защитить любимого человека росла с каждым прошедшим днем. Любой ценой защитить. Император ознакомил баронессу с документами, современными и старыми, из которых она поняла, чем стала нынешняя Церковь. Конечно, среди священников осталось немало и по-настоящему праведных людей, которые были достойны не то что уважения, а преклонения. Но таких было все же меньше остальных,

большинство «святых» отцов интриговало, подличало, развратничало, даже убивало. И именно такие занимали в епископатах все высшие должности, отодвинув праведников на вторые роли. Да те никогда и не стремились к власти, они честно исполняли свой долг целителей душ человеческих.

Император тайно помогал честным священникам, чем мог. Увы, мог он немного, если не хотел вызвать гнева иерархов. Тем более что элианская и карвенская Церкви почти слились воедино. И вели в этом тандеме, к сожалению, фанатики Карвена. Это с их подачи магию объявили злом, а всех до единого магов – слугами Владыки Бездны. Это по их вине простые люди боялись и ненавидели урук-хай. Это они были ответственны за то, что все необычное, поднявшееся над общим уровнем, затапывалось и уничтожалось безо всякой жалости. Пришло время остановить карвенских святош, рвущихся к власти над миром. И баронесса Элиа ар Сарах сыграет в этом благом деле свою роль!

Над Тарсидаром раздался удар колокола на императорской башне, возвещаая, что наступил полдень. В тот же момент в углу небольшой гостиной старого дома баронессы ар Сарах сгустились тени. Элиа радостно вскочила навстречу императору. Однако, когда она рассмотрела, кого его величество привел с собой, улыбка медленно сползла с лица девушки. Ланиг ар Вортон... Единый, зачем император притащил с собой эту старую гадину?! Этот ходячий кошмар? Начальник стражи тоже очень удивился, поняв, куда и к кому его привели. Он с растеряннo посмотрел на Элиа, затем перевел вопросительный взгляд на своего повелителя.

– О, два бойцовых петуха! – рассмеялся тот. – Успокойтесь и помиритесь, вам вместе немало поработать придется.

– Как скажешь, твое величество, – обиженно ответила девушка, садясь.

Брови Ланига приподнялись. «Твое величество»? Называть императора на «ты» было дозволено далеко не каждому, только горным мастерам, кузнецам и доверенным лицам Марана. Значит, баронесса ар Сарах входит в ближний круг? Крайне интересно. Когда она успела войти в него? Почему это случилось? Начальник стражи растерялся, что случилось с ним довольно редко.

– Я понимаю, что вы относитесь друг к другу отрицательно, –

сказал император, садясь. – У каждого есть на то свои причины, но сейчас не до них. Тебе, девочка, Ланиг преподал урок. Жестокий урок. Но, скажешь, он не пошел на пользу?

– Пошел, твое величество... – тяжело вздохнула она, избегая касаться взглядом мрачного ар Вортон. – Только...

– Больно было, – кивнул Маран V. – Очень больно. Зато ты теперь понимаешь, что такое боль, что другим не менее больно.

– Да, понимаю. И сделаю все, чтобы больше никому не причинять такой боли. Никому невиновному.

– Прости, твое величество, – заговорил Ланиг, – но не верю я в ее раскаяние. Подобные ей не раскаиваются.

– Старый обалдуй! – с гневом рявкнул император. – Обормота кусок! Ты думаешь, все женщины подобны той твари, что едва не погубила тебя в молодости? Это не так! Ты изо всех сил пнул сапогом девочку в самую душу за то, что она пыталась любым доступным ей способом отстоять свою независимость. Что ж, правильно пнул, хоть и слишком жестоко. Нельзя доводить других людей до самоубийства и унижать чужую любовь. Только знаешь, что произошло после твоего пинка?

– Нет.

– А следовало бы. Она сидела в этом вот кресле и тихо умирала, придя к выводу, что ты прав и она приносит всем вокруг только горе. Что ей лучше не жить. Ничего не ела две недели. Видел бы ты, какой я нашел девочку! Мертвец краше!

Ланиг бросил на Элиа удивленный взгляд. Получается, что баронесса ар Сарах в самом деле не понимала, что творит? А когда поняла, приговорила саму себя? Император не стал бы обманывать. Раз сказал, что нашел девушку умирающей, то так оно и было. Что ж, возможно, он и не прав.

– Но зачем ты искал ее, твое величество? – хмуро спросил начальник стражи.

– А ты не видел, что творилось с мальчишкой? Бедняга с ума сходил, ни о чем другом думать не мог. Паренек мне понравился, вот и решил помочь, выяснить сам правда ли то, что о девочке говорят. Кое-что оказалось правдой, но большинство – досужие сплетни. Захотелось самому посмотреть на нее. Пришел. И что же я увидел?

Полупрозрачное от голода привидение, застывшее с мертвыми глазами, переполненными болью. Мне не по себе стало. А уж когда поговорил с ней...

– Ясно, – кивнул Ланиг и повернулся к Элиа. – Приношу свои извинения, сударыня. Но не за сказанные мной слова, а за то, что считал вас неспособной измениться. Вы тоже преподали мне, старому дурню, урок.

– Любовь, дружище, любовь... – тихо рассмеялся император. – Она способна на чудеса. Тем более что здесь мы имеем дело не с обычной страстью, а со значительно большим.

– Большим?

– Любовь-судьба... Слышал когда-нибудь о ней?

Любовь-судьба?! Элиа едва не свалилась с кресла от такого известия. В немногих древних сказаниях говорилось о любви-судьбе, о людях, чьи души составляли единое целое. Многие рассказывали о них, но твердо знали только одно: не живут они поодиночке – если умирал один, то вслед за ним в могилу следовал и другой. Иначе не бывало испокон веков. О любви-судьбе говорили шепотом, немногие хотели испытать ее на себе – Единый достаивал своих избранников страшных испытаний, и мало кто из них оставался в живых. Горькое счастье. Почти недостижимое.

– Ты уверен? – мертвенно побледнел начальник стражи.

– Да.

– То есть я едва не погубил мальчишку?

– Увы, друг мой, это именно так, – вздохнул император. – Благими намерениями вымощен путь сам знаешь куда. Девочка тоже без него дышать не может. Две половинки одной души. Что тут поделаешь? Эти двое предназначены друг другу Единым, и не нам стоять на их дороге.

– Да, не нам мешаться в Его промысел... – задумчиво протянул Ланиг, потирая щеку и с немалым удивлением глядя на Элиа.

– Не смотри на меня так недоверчиво, девочка, – снова рассмеялся император, с некоторой иронией покосившись на онемевшую баронессу. – Я все-таки маг, вижу кое-что. Поверь, у вас действительно любовь-судьба. Это так же верно, как то, что меня

зовут Мараном. Наверное, сама удивлялась, с чего это вы так рванулись навстречу друг другу, едва встретившись?

– Удивлялась... – прошептала потрясенная девушка, с трудом сдерживая слезы – умеет его величество ошарашить, хорошо умеет.

– Но за свою любовь вам обоим придется драться. Не оставят вас в покое.

– Я понимаю, твое величество, – обреченно вздохнула Элиа. – Я готова, ты знаешь.

– Знаю, – кивнул император. – Расскажи Ланигу о твоей исповеди.

– Исповеди? – удивился начальник стражи. – А это здесь при чем?

– Узнаешь. Говори, девочка.

– Я после долгих размышлений поняла, что самоубийство – не выход, – начала Элиа. – Что этим ничего не искуплю. Что обязана остаток жизни прожить, помогая людям. Вот и решила уйти в монастырь. Но мне надо было с кем-нибудь посоветоваться, я тогда пребывала в отчаянии. Пошла в церковь исповедоваться...

В продолжение всего рассказа седые брови начальника стражи то и дело взлетали вверх, хмурились, подергивались, жили какой-то своей, отдельной жизнью. Старик постоянно перебивал девушку, задавал уточняющие вопросы, требовал передать даже интонации исповедника.

– Говорите скользкий, елейный голос? – задумчиво спросил он, когда Элиа закончила.

– Да, очень противный.

– Хорошо, – покивал Ланиг. – Круг подозреваемых резко сужается. Есть у меня на примете несколько святых отцов с такими голосами. На редкость неприятные личности, давно к ним присматриваюсь. Не ждал, что они станут действовать так нагло.

– Думаю, это всего лишь одно из прикрытий основного плана, – вмешался в его размышления император. – Церковь никогда не действует прямолинейно, сам знаешь.

– Знаю. Опасные противники.

– Хуже другое. В империю начали прибывать под видом купцов паладины полного посвящения.

– Что?! – Побелевший начальник стражи вскочил. – Да...

– Сядь! – прервал его император. – И не кричи. Ты прав, они очень опасны. Но за каждым из карвенцев присматривают мои люди. Судя по всему, фокус основных событий окончательно переместился из столицы в Тарсидар. Судьба империи будет решаться именно здесь, дружище. Так-то.

– Понял... – Ланиг обхватил пальцами подбородок, падая обратно в кресло. – Задал ты мне задачку, твое величество... А раньше просветить не мог?

– Не мог, – проворчал император. – Возле тебя утечка информации. Не сверкай глазами, я тебя не боюсь. Проверено. Я недавно подбросил в твою канцелярию пару интригующих новостей, так о них через неделю знали в Карвене. А вскоре и в Нартагале.

– Я проверю каждого, – в голосе начальника стражи вибрировала холодная угроза.

– И не вздумай! – отмахнулся император. – Мне эта утечка нужна, чтобы в свое время скормить святошам дезинформацию. Судя по всему, мы на пороге большой войны. Карвен выстроил сотни и сотни кораблей, десятки паладинских корпусов под видом учений направляются к побережью. К сожалению, разведка не сумела выяснить, куда они ударят. Наши генералы наготове, переброска войск много времени не займет. Вполне возможно, что планируется одновременный удар по Вартидару, Шерандару и Аранару. А может, и по городам Манхена.

– Копыто дорхота мне в глотку! – выругался Ланиг. – Только войны нам и не хватало!

– Скорее всего, в одно время с нападением планируется восстание. И вот это мы должны предотвратить. Одновременно воевать на два фронта будет трудновато. Есть еще одно подозрение. Боюсь, святоши каким-то образом договорились с ханами великой степи. Кочевья зашевелились, снова собирается великая орда.

– А эти-то что сделать могут? – Начальник стражи недоуменно пожал плечами. – Упрутся в стены Южных Цитаделей, простоят несколько месяцев и уберутся восвояси.

– Не стоит недооценивать врага, – хмыкнул император. – А если у ханов окажется достаточно пороха, чтобы подорвать стену? Что тогда? Забыл, что в прошлом году было? Осадные башни они ведь откуда-то взяли.

– Бр-р-р... – передернуло Ланига. – Кровавый кошмар будет, вот что.

– Именно. Поэтому мы обязаны все это предотвратить. Ты хотел знать, чем я был занят в последние годы? Почему появлялся так редко? Отвечу: создавал независимую ни от кого службу безопасности из невидимок и собирал информацию. Не ты один подозреваешь третий приказ в двурушничестве.

– Кланяюсь, твое величество! – Ланиг на самом деле встал и низко поклонился. – Ты меня удивил и обрадовал.

– Ну, мы все-таки не вчера родились... – в сочном баритоне императора слышалась ироничная хитринка. – Сейчас нам необходимо немного прижать Церковь, избавиться от самых опасных фанатиков. Святые отцы зажрались, возжелали власти, они до зубовного скрежета завидуют своим коллегам из Карвена. И эпизод с девочкой очень в этом поможет.

– Как?

– Сейчас узнаешь. Как я уже говорил, для реализации нашего с Элиа плана необходима помощь твоих людей. Самых лучших и самых неподкупных. Тех, кому ты полностью доверяешь.

– Есть такие, – кивнул Ланиг, с интересом поглядывая на смутившуюся девушку.

Не план самого императора, а совместный с баронессой? Любопытно. Очень хотелось бы, чтобы она не предала, что вполне возможно. Старый мастер давно разучился доверять кому бы то ни было. Тем более женщине, очень походящей на ту, что когда-то растоптала его жизнь. Но раз его величество решился на сотрудничество с этой девицей, придется помочь. Однако наблюдать за баронессой будут очень и очень внимательно. И не дай ей Единый сделать шаг не в ту сторону...

– Значит, так, – снова заговорил его величество. – Завтра приступаем. Поэтому...

– А почему завтра? – удивилась Элиа. – Мы ведь собирались

начинать дней через десять. Еще не все готово.

– Этой ночью на Лека ар Сантена покушались. Три высших охотника черного клана. Каждый из них берет за свои услуги не меньше двадцати тысяч тархемов золотом. Денег наши враги не жалеют. Если бы я не приставил к мальчику невидимку, он был бы уже мертв.

– Единый! – побелела баронесса. – Ты прав, твое величество, времени терять мы права не имеем. Неизвестно, когда будет следующее покушение и не окажется ли оно удачным.

– Вот именно, – согласно кивнул император. – Нам нужно вывести горца из-под удара. На подготовку операции уйдет еще около недели, все это время его будут охранять так, как не охраняют никого в империи. А ты, девочка, пока займись вот чем....

12. Точка разлома

Лек возвращался с вечерней тренировки с пьяным мастером очень уставшим, но довольным. За прошедшую неделю он узнал столько нового, что это казалось невероятным. Просто невероятным. Стилль пьяницы был настолько необычным, что поначалу юноша не мог уловить суть движений и переходов. А уж что творил невидимка со своими картами... Это вообще выходило за пределы возможного. Если бы не заветное имя самого императора, горец никогда не сумел бы даже увидеть движений мастера, не говоря уже о том, чтобы повторить. Новый уровень сверхскорости пока оставался для Лека всего лишь искусственным ускорением, пройдет еще не меньше месяца, прежде чем он станет привычен. Однако кое-какие проблески уже появились, хотя давалось это такой болью в мышцах, костях и связках, что по утрам Керталу приходилось приезжать в особняк лорда Дайара, чтобы массажем и иглоукалыванием поднять лежащего пластом ученика на ноги. А затем старик принимался за Лека сам. Юноше хотелось стонать, иногда даже выть от боли, но он не позволял себе распускаться.

После гибели охотников черного клана на горца в городе поглядывали с опасливым уважением. Молодые лорды буквально молились на него, смотрели восторженными, телячьими глазами. Они постоянно приглашали своего кумира на вечеринки, от чего юноша шарахался, как дорхот от ладана. Даже девушки стали вести себя странно, едва ли не падая в его объятия и постоянно делая какие-то не слишком приличные намеки, от которых краска бросалась в лицо. Но Леку нужна была только Элиа, остальные женщины для него просто не существовали. Все это страшно раздражало, тем более что такое отношение было незаслуженным. Не он убил охотников! Не он! Увы, рассказать правду горец не имел права, и это очень угнетало.

Бросив взгляд на заходящее солнце, юноша потянулся. Сегодня пьяный мастер почему-то отпустил его еще засветло, чем-то невидимка был занят. Лек шел, с интересом оглядывая витрины лавок. Уже три месяца в Тарсидаре, а никак не может привыкнуть к постоянной толчее и шуму на улицах города. Внезапно внимание привлекла идущая впереди компания молодежи. Горец всмотрелся и удивленно вскинул брови. Это оказались его ученики вместе с еще

несколькими парнями. А они-то что здесь делают? Почему не в кузне? Что-то случилось? Или сбежали? Лек обогнал компанию и встал перед ней, уперев руки в бока.

– И что это значит, лентяи бесхвостые? – грозно спросил он, едва сдерживая улыбку.

– Наставник! – обрадовался Тинувиэль. – А нас мастер-кузнец прочь погнал, сказал, что занят.

– Да, – подтвердил опасливо косящийся на юношу Энет, Храт с Санти ухмыльнулись.

Как же изменились эти четверо за прошедшее время! Свободные, легкие движения, уверенность в себе, задорные, полные радости улыбки. Лек залюбовался учениками. Хороши, дорхоты облезлые, донельзя хороши. Даже Энет сейчас выглядел красивым, слабое когда-то тело налилось силой, широко развернутые плечи и обнаженные мускулистые руки бывшего книжника притягивали к себе взоры девушек, уже не обращающих внимания на некрасивое лицо молодого человека. Храт не казался больше неуклюжим, движения стали точеными, четкими, осмысленными. Для орка давно не составляло труда с места сделать двойное сальто и пробежаться после этого по канату. Тинувиэль по-прежнему казался хрупким как девушка, но это впечатление было обманчивым, куда только подевался тот обманчиво застенчивый эльф, которого судьба привела к костру горца с учениками. Гибкий и сильный воин. А уж наглости принцу от рода было не занимать, не помешало бы даже немного убавить. О Санти вообще говорить не стоило, скоморох изменился разительно, вытянулся на голову. А главное, почти забыл о своих шутках дурного вкуса, стал сдержанным, вел себя со спокойным достоинством. Отношение к нему горожан тоже изменилось в лучшую сторону, люди заметили, что рыжий уже не такой оболтус, каким его привыкли видеть.

– Ну, раз отпустил, гуляем! – широко улыбнулся горец.

– Ура!!! – завопили ученики.

Леку пришлось зажать уши, чтобы не расстаться с барабанными перепонками до срока.

– Тихо, заразы! – рявкнул он. – Нечего орать. Что у вас с картагами?

– Еще два месяца ковать... – тяжело вздохнул Храт. – Никогда не думал, что кузнечное дело такое сложное.

– И интересное, – добавил ехидно ухмыляющийся Энет.

– И интересное, – согласился орк, покосившись на графа.

– Ладно, пошли по рынку пройдемся, – сказал Лек, разворачиваясь.

К его команде присоединились ученики других горных мастеров, которых тоже выгнали из кузни взащей. И чем это таким важным там сегодня заняты? Впрочем, Единый с ними! Горец за последние недели настолько устал, что был просто счастлив получить небольшую передышку. Вскоре впереди показалась огромная рыночная площадь. Этим утром в порту пришвартовались несколько орочьих грузовозов. Торговые представители Оркограра почему-то попросили разрешения самостоятельно торговать на рынке, чего не случалось почти никогда: обычно урук-хай сдавали товары оптовикам и старались побыстрее покинуть негостеприимный человеческий город. Однако на сей раз люди отнеслись к краснокожим купцам вполне доброжелательно, успев привыкнуть к виду Храта. Но охрану им дали и на всякий случай запретили монахам-целестинцам, ненавидящим орков сильнее всех, покидать монастыри до отплытия урук-хай.

Храт откровенно трусил, не желая встречаться с соотечественниками. Однако наставник сказал ему, что свои страхи следует встречать лицом к лицу, а не прятаться от них. Поэтому молодой орк взял себя в руки и ступил на рыночную площадь, гордо выпятив грудь. Пусть смотрят на урук-хай – ученика горного мастера. Пусть завидуют!

Чем только не торговали на тарсидарском рынке! Вопрос только, по каким ценам. Компания молодежи, весело переругиваясь, шла между торговых рядов, с интересом рассматривая выставленное на продажу. Особенно их интересовало оружие.

Лек перебирал кинжалы, мечи, сюрикены и множество иных приспособлений для убийства. Тинувиэлю же куда больше нравились фруктовые ряды, где продавали самые экзотические фрукты и овощи со всего мира. Их свежесть сберегали специальными заклинаниями, закапсулированными в амулетах, которые продавали в любой магической лавке за гроши. Очарованные видом эльфа торговцы

охотно угощали его. Тинувиэль с удовольствием пробовал и благодарил на удивление нежным голосом. Женщины буквально таяли, глядя на остроухого красавца взглядом, откровенно говорящим: «Так бы и съела!».

Впереди Лек увидел павильон, предоставленный орочьим купцам, у дверей которого застыли стражники в серых с серебром и синих плащах. Возглавлял их хорошо знакомый юноше сержант Мертак. Горец широко улыбнулся и с удовольствием пожал ветерану руку.

– Поздравьте меня, светлый лорд, – довольно огладил усы сержант. – Женюсь вот.

– На Велке? – прищурился горец.

– Дык, на ком же еще? – ухмыльнулся старый служака с видом кота, сожравшего разом целую кринку сметаны. – На редкость хозяйственная и толковая баба. И ласковая. А как готовит! Пальчики оближешь.

– Поздравляю! – рассмеялся Лек. – От всей души желаю счастья вам обоим.

– Благодарю, – степенно кивнул сержант. – На орков поглядеть пришли?

– Да чего на них глядеть, у меня вон свой имеется. Боится, дурака кусок, со своими встречаться, едва ли не на аркане тащить пришлось.

– И правильно, какого дорхота бояться.

Лек попрощался и вошел в павильон, потянув за собой нервно ежащегося Храта. Да, здесь было на что посмотреть. Оружейники урук-хай славились по всему миру, огнестрельное оружие, кроме них, не делал почти никто, редкие ремесленники-кустари империи были способны изготовить простейший пистолет. Но здесь продавалось не только оружие, множество хитрых станков тоже пользовались немалым спросом, особенно ткацкие и токарные.

– Подхвостье габта... – просипел Храт, хватая ртом воздух. – Ой...

– Что такое? – удивленно повернулся к нему Лек.

– Отец... – простонал тот, показывая на крепко сбитого

пожилого орка, исподлобья смотрящего на них. – Он-то откуда здесь взялся? Ой, что сейчас будет...

– Ну, здравствуй, пропажа, – хмуро сказал на урук-хее старейшина клана Сломанный Клык, подойдя почти вплотную и сунув блудному сыну под нос немалых размеров кулак. – Наделал переполоху на весь Мрок. Дать бы в рожу, чтобы с копыт навернулся! Пыргак непотребный! Жмырь иссупоненный! Собирайся домой, хватит, нагулялся!

– А вот те габтов дрын, батя! – агрессивно оскалился Храт, потом схватился за серый шнурок на своем плече. – Это видал? Никуда я не поеду. Понял?

– Это что? – спал с лица старейшина, только теперь обратив внимание на странное украшение. – Это то, о чем я думаю? Это оно?!

– Приношу свои извинения за вмешательство, уважаемый старейшина, – сказал на том же языке Лек, благодаря про себя учителя, заставившего его выучить урук-хее. – Однако Храт Сломанный Клык – мой ученик и еще не закончил обучения. Сейчас он уже кует себе картаги, те самые призрачные мечи.

– Картаги... – повторил ошеломленный старейшина, не поверивший письму лорда ар Инвата и прибывший забрать сына домой. – Добился, знать, своего...

– Ваш сын станет великим воином, – поклонился Лек, незаметно ухмыляясь себе под нос. – Вполне возможно, что достигнет статуса невидимого мастера за несколько лет. Он делает большие успехи.

Храт не скрывал гордую улыбку, смотря на вытянувшееся лицо отца, всегда считавшего младшего сына бесполезным никчемой. Тот присмотрелся к нему уже внимательнее и сразу отметил мягкие, кошачьи движения молодого орка. Никто из знакомых ему воинов урук-хай не двигался так раскованно, так свободно, так легко. Старейшина задумался. Не ждал от молодого бездельника такого успеха. Храт совершил невозможное, ни один урук-хай до сих пор не становился горным мастером. И понятно, что боевое братство его не отпустит, а ссориться с этими до смерти пугающими орков хладнокровными убийцами не стоит. Представив себе, что будет, когда о случившемся узнают в Мроке, старейшина довольно оскалил клыки. Да в городе на несколько дней ликование воцарится! Получив серый шнурок, что прежде считалось невозможным, его младший

сын поставил себя в один ряд с древними героями. А если он вернется домой с белым или прозрачным шнуром? Что тогда? О, тогда авторитет клана Сломанный Клык вообще взлетит на недостижимую высоту.

– Искренне благодарен вам, уважаемый наставник, что вы взялись за столь неблагодарное дело, как обучать чему-либо этого бестолкового гмырха. – Старейшина поклонился Леку. – По гроб жизни буду обязан, если вам удастся вколотить в его пустую башку хоть немного ума.

– Вы не правы, – улыбнулся горец. – Храт прогрессирует на удивление быстро. Да о чем речь – нас иногда тренирует сам император, а он с бездарями дела иметь не станет.

– Император? – Брови старейшины взметнулись вверх, он уставился на сына с немалым удивлением. – Никогда бы не поверил... Ох, а это еще кто?

Глаза пожилого орка были устремлены на радостно растопырившего уши Тинувиэля. Эльф выглядел страшно довольным, он что-то шептал на ухо Санти, от чего скоморох то и дело прыскал со смеху. Лек удивился. Ролями поменялись? Обычно рыжий смешил принца, а никак не наоборот.

– Это же остроухая сволочь... – сквозь зубы пробормотал старейшина, пытаясь найти на боку оружие, которого там не было. – Это же...

– Это не остроухая сволочь, батя, – высокомерно проинформировал отца Храт, – а мой соученик и кровный брат Тинувиэль Эллевалериэ, ненаследный принц из дома Хранящего Свет.

– Кровный брат?! – Старейшина едва не упал от такого известия. – Ты обезумел, мальчишка?! Мы тысячи лет воюем с ними!

– Последняя война закончилась больше тысячи семисот лет назад, – снова вмешался Лек. – Хватит уже враждовать. Поскольку Храт с Тинувиэлем – мои ученики, то они, что вполне естественно, стали кровными братьями. В боевом братстве так принято. Мы все горные мастера, и неважно, кто из нас орк, кто эльф, а кто человек.

– Но... – попытался возразить пожилой орк, потом обреченно махнул рукой. – Создатель Миров! Это же додуматься надо было –

стать кровным братом эльфа! Точно, гмырх, больше никому такое в голову не придет!

– Думаю, – ухмыльнулся Лек, – отец Тинувиэля скажет то же самое о братании с орком. Только хватит бессмысленной ненависти. Да и поздно протестовать, они уже кровные братья, и ничего с этим не поделаешь. Подумайте, может, они только первые ласточки?

– Кто его знает... – тяжело вздохнул старейшина, избегая смотреть на хихикающего эльфа. – Не верю, что примирение возможно. Эта ненависть слишком въелась в память, ей слишком много тысяч лет. Миллионы погибших стоят между нашими народами, ни мы, ни остроухие ничего друг другу не простили и ничего не забыли, хоть и не видели извечных врагов очень давно. В наших легендах эльфы изображены сущими чудовищами, в эльфийских, я думаю, наоборот.

– Но вот перед вами стоят два кровных брата, – возразил Лек. – Эльф и орк. Да, поначалу они тоже жаждали удавить друг друга. Но чем ближе познакомились, тем больше сходилась на нет неприязнь. Храт, например, крокодильими слезами плачет, когда слышит пение Тинувиэля. Тот в восторге от того, как рисует ваш сын. Я показывал его рисунки лучшим художникам Тарсидара, они все в один голос утверждают, что парню нужно учиться, что он почти гениален, но техники никакой.

– Его пачкотня чего-то стоит? – искренне изумился пожилой орк. – Я-то думал, это он дурью мается...

– Нет, – развел руками горец. – Это дар Создателя Миров, как вы называете Единого. Храт по-настоящему талантлив. Вот, посмотрите, у меня есть с собой один его рисунок.

Лек достал из котомки небольшой тубус, в котором обычно хранил бумаги. Но на этот раз там находился грифельный рисунок ученика. Горцу раньше и в голову не могло прийти, что несколькими росчерками обычного грифеля можно изобразить такое. В облаках парили орк, эльф и человек. Самые обычные, только крылатые. Они неслись сквозь ураган, куда-то спеша, куда-то стремясь всей душой. Смеялись и одновременно плакали. Их стремление ввысь было понятно при первом же взгляде на рисунок, он казался пронизанным ветром и зовом в неведомое. Старейшина долго смотрел на листок в руке, с недоумением качая головой. Затем бросил недоверчивый

взгляд на младшего сына.

– Это Храт нарисовал? – хриплым шепотом спросил он.

– Да.

– Приеду домой, прибью его старших братьев. Они мне говорили, что малыш только бумагу зря пачкает. Сам до сих пор не видел. Да его с детства учиться отдавать надо было, а я, идиот эдакий, ушами прохлопал! Ты уж прости меня, гмырха старого, сынок...

– Да чего там, батя... – смущенно проворчал Храт, однако желтые глаза молодого орка довольно светились – никак не ждал, что отец оценит его рисунки. Признание оказалось до дорхота приятным.

– Здравствуйте, уважаемый старейшина, – заговорил на неплохом урук-хее Энет, который, как оказалось, тоже знал этот язык. – Позвольте представиться: я наследник великого дома ар Инват, сын лорда Дайара и кровный брат вашего сына. От имени моего отца прошу вас принять гостеприимство нашего дома.

– Мне приятно познакомиться с вами, молодой господин, – поклонился пожилой орк. – Я получил письмо вашего уважаемого отца, именно из него и узнал, что мой сын в Тарсидаре. Я с благодарностью принимаю приглашение. Но мы хотели бы завтра же отправиться домой. Все нужные контракты заключены.

Лорд Дайар писал в Мрок? Зачем? Лек с Энетом удивленно переглянулись, оба сделали в памяти зарубку о необходимости выяснить причины этого. Вскоре они попрощались со старейшиной клана Сломанный Клык, оставив ему на попечение сына, и отправились домой. Санти с Тинувиэлем улизнули еще раньше. Лек очень надеялся, что неугомонные приятели ничего особого не натворят. Снова по девкам пошли, дорхоты дурные. С тех пор как Энет приплатил одной из горничных, чтобы научила рыжего галантному обхождению с дамами, тот совсем с ума сошел. Эльф очень обрадовался этому и начал таскать Санти с собой по знакомым девицам. Теперь они порой уже вдвоем улепетывали от толпы разъяренных отцов и братьев, заставших охальников на месте преступления. Поймают ведь когда-нибудь, мало не покажется. Многие из мужей Тарсидара, получившие нежданное украшение на голове, все еще лелеяли трепетную мечту о лишении эльфа основного инструмента для создания рогов.

У порога дома лорда Дайара кто-то из слуг вручил горцу приглашение на очередной прием. Лек никогда не посещал такие мероприятия и собрался было выбросить лист плотного картона, но обратил внимание на приписку внизу, написанную хорошо знакомым, летящим почерком императора. Одно только слово: «Приходи». Юноша довольно долго смотрел на приглашение, не понимая, для чего он понадобился его величеству в доме ничем не примечательного высокого лорда ар Тенхира. Но приказ императора есть приказ императора, придется идти. Жаль, думал отоспаться вдоволь. Лек поднялся наверх, на скорую руку принял ванну, переоделся в парадный костюм, не так давно подаренный ему отцом Энета, и неохотно отправился на прием, который уже начался.

Идти пришлось недалеко, знать селилась только на восточной оконечности Тарсидара, ближе к побережью. Остальные районы города почему-то считались непрестижными. Интересно, почему? Дорхот знает этих бездельников, живущих на проценты от нажитого предками. Редко кто, как лорд Дайар, сам что-нибудь делал. Большинство считали это ниже своего достоинства и открыто презирали аристократов, занимающихся презренной торговлей, а тем более имеющих мануфактуры. Однако земля находилась в их владении, и многие буржуа платили паразитам арендную плату. Скрипели зубами от ненависти, но платили. Когда-нибудь постепенно накапливающееся недовольство вызовет взрыв, это понимал даже неопытный горец. Данного ему старым мэтром образования для этого вполне хватало.

Поместье Хелна ар Тенхира выглядело довольно богатым, хотя до поместья лорда Дайара ему было очень и очень далеко. Ничего сверхординарного – самый обыкновенный большой дом, в котором без проблем разместился бы полк имперской армии. Не дворец, во всяком случае. У парадного входа Лека встретили два роскошно одетых камердинера. Вскоре его проводили в зал, по которому прогуливались несколько десятков расфуфыренных аристократов.

– Светлый лорд Лек ар Сантен, младший горный мастер боевого братства империи Элиан! – объявил церемониймейстер.

К юноше тут же кинулся хозяин дома, высокий лорд ар Тенхир, никак не ждавший такой чести. Все в городе знали, что прославившийся за последние месяцы горный мастер никогда не принимает приглашений. А тут вдруг принял. Странно. Дамы и

господа шушукались по уголкам, с любопытством поглядывая на юношу. Он по всем правилам этикета раскланялся с лордом Хелном. Это был довольно высокий, щеголевато одетый, но какой-то расхлябанный мужчина лет сорока на вид. Он что-то говорил, Лек вежливо отвечал, но убей его Единый, если потом он смог бы вспомнить, о чем вообще шла речь. Горец откровенно скучал, не понимая, что он здесь делает. И ради чего император приказал ему появиться на этом нудном приеме?

– Баронесса Элиа ар Сарах! – снова заголосил церемониймейстер.

Юноша не поверил своим ушам. Столько искал, а она берет и появляется на каком-то второразрядном приеме. Но уши не обманули, в дверях действительно стояла она. Она! Единственная, неповторимая, любимая. Лек неверной походкой двинулся к девушке, сразу забыв о хозяине дома. Он тонул в широко распахнутых синих глазах, не мог дышать, сердце бешено колотилось и рвалось из груди. Элиа тоже увидела его и запнулась. Затем сглотнула образовавшийся в горле комок и медленно пошла навстречу. Молодые люди встретились посреди зала и взялись за руки. Они смотрели в глаза друг друга и никак не могли насмотреться. Аристократы вокруг замолчали, с интересом уставившись на красивую пару. Вскоре каждому стало ясно, что неприступная крепость пала к ногам победителя. Элиа ар Сарах сдалась на милость молодого горного мастера Лека ар Сантена. Сплетники заранее предвкушали, как будут рассказывать невероятную новость в аристократических клубах и салонах.

Лек понял теперь, почему император приказал ему прийти на этот прием. И как юноша сейчас благодарил про себя его величество! Сдержал слово. Сдержал! Он продолжал что-то бессвязно лепетать, девушка невпопад отвечала, счастливо улыбаясь. Немного придя в себя от неожиданной встречи, молодые люди отошли в какой-то закуток и сели там, забыв обо всем на свете.

Однако другие о них не забыли. Особенно пристально смотрел на влюбленную пару невысокий, худощавый священник в простой суконной рясе коричневого цвета, такие обычно носили представители ордена целестинцев. Элиа бросила на него короткий взгляд и как бы случайно положила руку на ладанку, висевшую на груди. Священник на мгновение опустил веки и отвернулся. Он не

знал, что на него смотрят другие глаза, жесткие, внимательные и оценивающие.

Прием шел своим чередом. Слуги разносили вино и пирожные, музыканты играли вычурные мелодии, многие танцевали. Лек с Элиа все так же продолжали сидеть и говорить обо всем на свете. Юноша не мог насмотреться на любимую. Он не решался спрашивать, где она пряталась все это время, он просто был счастлив оттого, что она рядом. А девушка незаметно поглядывала на него с тревогой, а иногда даже со страхом. Страхом за него. Лек этого не замечал, он сиял подобно начищенному медному блюду. Он жаждал подхватить Элиа на руки и носить, не отпуская, но не решался сделать ничего, что могло бы ее обидеть.

Еще через некоторое время девушка сослалась на необходимость отлучиться и прошла в дамскую комнату. На выходе ее снова встретил требовательный взгляд худого священника. Она погладила себя по тыльной стороне ладони. По губам целестинца скользнула удовлетворенная улыбка, и он куда-то исчез. Элиа зажмурилась, решаясь, и пошла к нетерпеливо ждущему ее юноше. Лек схватил ее за руку и принялся жадно целовать, не заметив, что девушка вздрогнула и на мгновение прикусила губу.

До самой полуночи молодой горный мастер был счастлив. Любимая отвечала на его чувства! О чем еще можно мечтать? Наверное, ни о чем. Ему, по крайней мере. Проводив девушку домой, Лек как на крыльях помчался домой. Казалось, у него и в самом деле выросли крылья, казалось, он летит. Заснуть юноша смог еще нескоро, но все-таки в конце концов заснул. Ему снились легкие, приятные сны. Ему снилась Элиа.

Утром ученики не смогли добудиться наставника. Они долго стучали, но Лек не отвечал. Через полчаса пришел разбуженный слугами лорд Дайар и приказал ломать дверь. Санти первым ворвался к спальню, и через мгновение оттуда донесся его горестный вопль. Остальные кинулись за ним, едва не сбив по дороге друг друга. И замерли у кровати. Лек ар Сантен лежал на спине неестественно бледный. Холодный. Мертвый. Над ним захлебывался хриплым плачем Санти, глаза рыжего скомороха были широко распахнуты и наполнены отчаянием.

На следующий день в городе вывесили траурные флаги. Тарсидар хоронил юного горного мастера Лека ар Сантена, которого

горожане успели полюбить. За гробом шли ученики покойного, сами выглядящие почти мертвыми. Лица всех четверых были застывшими, они то и дело утирали слезы. Эльф вообще рыдал взахлеб, остальные с трудом сдерживались. За ними следовали высокий лорд Дайар ар Инват и старейшина клана Сломанный Клык. Орк сжимал кулаки и тихо шептал проклятия убийцам. Каждый понимал, что юношу отравили, хотя самые искусные маги-целители не нашли даже признаков яда. Однако молодые люди восемнадцати лет от роду не умирают во сне без всякой на то причины. Казалось, у юноши просто остановилось сердце.

Возле дворца наместника к траурной процессии присоединился непонятно откуда взявшийся император в сопровождении четырех эльдаров с обнаженными картагами. Помимо того за гробом шли все, наверное, горные мастера Тарсидара. Резко постаревший Кертал все время что-то горестно шептал себе под нос, глаза старика горели жаждой мести. А от взглядов Ланига ар Вортонa люди шарахались – такой дикой, нечеловеческой ненавистью шибало на них. В некотором отдалении от траурной процессии шла одетая в черное платье и шляпку с густой вуалью молодая женщина. Она сотрясалась в беззвучных рыданиях. Хотя ее лица было и не видно, многие поняли, что перед ними баронесса ар Сарах. Кое-кто подозревал прожженную интриганку в убийстве юноши и удивлялся ее присутствию здесь.

После похорон император Маран дал над свежей могилой клятву найти и покарать зверей, оборвавших юную жизнь. Все до единого горные мастера боевого братства, лорд Дайар ар Инват и старейшина клана Сломанный Клык поддержали ее, поклявшись, что, пока жив последний из них, отравителям не знать покоя. Почему-то эта клятва страшно напугала священника, отпевавшего юношу, он едва сумел пробормотать необходимые молитвы и поспешно ретировался, не заметив, что ему вслед внимательно смотрит император. Никто, кроме него и баронессы, не знал, что отпевал юношу тот самый целестинец, которого девушка видела вчера на приеме. Когда все закончилось, его величество подал какой-то сигнал Ланигу ар Вортону, на что старый мастер коротко кивнул и исчез в тумане созданного кем-то из эльдаров портала.

13. Право палача

Наследник высокого лорда, рыжий скоморох, эльф и орк молча сидели, уставившись в пол. Давно они уже так сидели, добрых несколько часов. Раза два приходил лорд Дайар, грустно смотрел на сына с друзьями, тяжело вздыхал и уходил, ничего не сказав. Неожиданная смерть наставника потрясла учеников. Слез ни у кого из них давно не осталось, глаза были сухими. За прошедшее время каждый из них полюбил Лека, каждому молодой горец стал другом и братом, даже больше, наверное. И вот его нет. Как же это? Как такое могло случиться? Кому помешал наивный манхенский юноша? Ответов не было. Была только боль. Только отчаяние и какая-то странная, мертвенная пустота в душах.

– Это она... – едва слышно прошептал Энет, руки юного графа тряслись. – Она! Говорил я наставнику, чтобы не связывался с этой тварью...

– Кто?! – вскинулся Храт, глаза орка вспыхнули алым огнем ярости. – Кто?! Ты знаешь, кто виноват?!

– Баронесса ар Сарах, – гадливо скривился Энет. – Эта сволочь не его одного отравила... Двоих до самоубийства довела. А Лек в нее влюбился.

– Но почему тогда ее не арестовали? – поднял голову Санти, глаза рыжего походили на открытые раны, он все никак не мог поверить, что Лек умер.

– Не знаю... – вздохнул граф.

– Мы сами ей отплатим! – зло прорычал Храт. – Сами!

– А вдруг это не она? – подал голос Тинувиэль, давно выплакавший все слезы.

– Спросим! Так спросим, что... Я... Я ее на мелкие кусочки!..

Орк вскочил, его сжатые в кулаки руки тряслись, клыки прокусили губу, и по подбородку потекла струйка крови. Он походил сейчас на демона, вырвавшегося из ада.

– Сядь! – неожиданно раздался чей-то холодный голос. – Мститель мне тут нашелся. Без тебя разберутся, дурак молодой.

Почему пропустили тренировку?

В дверях стоял Ланиг ар Вортон, губы начальника стражи искривились в насмешливой гримасе. Урук-хай с опаской покосился на него и уселся, сделав вид, что ничего не случилось.

– Пока не получите нового наставника, будете при мне, – негромко сказал старик. – Это приказ императора. Все понятно?

– Да, мастер-наставник... – мрачно пробурчал Энет, остальные кивнули. – Но кто отравил Лека?!

– А вот выяснением этого мы с вами и займемся, – оскалился Ланиг. – Согласны?

– Да! – в четыре голоса заорали ученики, тут же оказавшись на ногах.

– Так пытаться ведь придется. Помнится, Тинувиэль без сознания в резиденции мэтра Эстевана свалился.

– Больше не свалюсь, – холодно сказал эльф, его огромные глаза сузились до щелочек и горели жесткой угрозой. – Лека я им не прощу.

– Ты знаешь кому? – Брови начальника стражи сложились домиком, он заинтересованно смотрел на принца.

– Не знаю. Но узнаю. Чего бы мне это не стоило, узнаю.

– Вот! – поднял палец вверх Ланиг. – Вот теперь я вижу перед собой воина, а не слезливую девчонку. Мне не меньше вашего больно, ребятки. Но плакать некогда. Похоже, за вами тоже идет охота. Мы должны понять, кому вы помешали и кто убил Лека. И успеть первыми. Ясно?

– Да, мастер-наставник! – ответили ученики, переглянувшись.

Значит, и им грозит однажды утром не проснуться? Что ж, предупреждены, значит вооружены. Храт оскалил клыки, зрелище для непривычного глаза было страшноватое. По красивым губам Тинувиэля скользнула презрительная и злая ухмылка, эльф, по-видимому, за два дня после смерти Лека успел стать взрослым. Санти тоже выглядел совсем не похожим на себя самого. Во взгляде рыжего скомороха появилось что-то такое, от чего стало не по себе даже начальнику стражи. Энет казался совершенно спокойным, но только казался, руки молодого графа подрагивали, он смотрел на Ланига с

холодной решимостью.

«А мальчики сильно повзрослели... – с грустью подумал старик. – Жаль, очень жаль, что им пока рано знать правду. Ничего, узнают когда-нибудь. Надеюсь, поймут правильно, иначе возникнут проблемы. И немалые...»

– За мной! – скомандовал начальник стражи и вышел из комнаты Энета, в которой собрались убитые горем ученики.

Однако покинуть поместье он не успел, у самых ворот старика перехватил лорд Дайар.

– Здравствуйте, господин ар Вортон! – поклонился он. – Не могли бы вы уделить мне немного времени? Есть интересная информация, которая меня очень тревожит.

– Добрый день, – кивнул начальник стражи. – Конечно. Давайте отойдем.

– А вы, молодые люди, погуляйте немного, – строго посмотрел высокий лорд на сына с друзьями.

– Пусть послушают, – возразил Ланиг. – Я намерен подключить мальчишек к расследованию инцидента, он их напрямую касается. Хоть по незнанию глупостей не натворят.

– Как хотите, – пожал плечами ар Инват. – Давайте поговорим в этой беседке, к ней незаметно не приблизиться, да и Итор проследит, чтобы никого лишнего рядом не случилось.

– Хорошо, – согласился начальник стражи, входя в увитую плющом беседку и сядя на резную скамью.

– Итак, – заговорил лорд Дайар, последовав его примеру, – этим утром Итор принес мне кое-что на хвосте. Знаете ли вы, что в городе больше сотни карвенских паладинов высшего посвящения?

– Да. За ними следят.

– Так я и думал. Однако вы вряд ли знаете причину их прибытия.

– А вы? – Начальник стражи, которого заинтересовало рассказанное лордом, приподнял левую бровь – знал, что у Дайара неплохая шпионская сеть, но не подозревал, что настолько.

– Знаю. – По губам старшего ар Инвата скользнула ироничная ухмылка. – Мне служат несколько карвенцев. По обету воды и хлеба,

который, как вы знаете, ни один из них не нарушит.

Ланиг откинулся на спинку скамьи, задумчиво рассматривая лорда Дайара. Каким, интересно, образом эта хитрая бестия добилась от карвенцев обета? Самая святая клятва для любого уроженца северной страны. Давший ее убьет родного отца, если тот станет угрожать человеку, которому принесли обет. Поэтому карвенцы избегали обета воды и хлеба так же, как дорхот ладана. Нужно было, по крайней мере, спасти человеку жизнь, чтобы он решился отдать не только эту жизнь, но и честь в чужие руки. Похоже, к высокому лорду ар Инвату стоит присмотреться внимательнее – он куда опаснее, чем кажется.

– Так вот, – продолжил Дайар, – мои люди опознали святых паладинов. Те тоже поняли, что перед ними карвенцы, и потребовали помощи, продемонстрировав буллу, подписанную всеми пятью первосвященниками. Сами понимаете, что ни один выросший в Карвене не сможет после этого отказать им ни в чем. Если бы не обет...

– Так чего же потребовали паладины? – Ланиг наклонился вперед.

– Выяснить, где находятся некие Энэт ар Инват, Сантиар Эрхи, Тинувиэль Эллевалериэ и Храт Сломанный Клык. Синклит объединенной Церкви приговорил их к смерти. Паладины под видом торговцев прибыли в империю, чтобы исполнить приговор. Почему мальчишек приговорили, я не знаю. Однако гибель молодого ар Сантена прекрасно ложится в эту схему.

– Копыто дорхота! – Начальник стражи резко помрачнел, бросив короткий взгляд на онемевших от столь «радостного» известия учеников, и пожалел, что позволил им услышать это. – Весело, ничего не скажешь. Впрочем, причину я, кажется, знаю. Паскудные святоши, у них все-таки есть полный список!

– О каком списке речь? – насторожился лорд Дайар.

– Приношу свои извинения, но не могу сказать. Это не моя тайна, это личная тайна его величества.

– Понимаю. Но мне дорога жизнь сына, паладинам мне нечего противопоставить. Мне кажется, мальчишек нужно куда-нибудь спрятать.

– Согласен, – резко кивнул Ланиг. – Боевое братство озаботится их безопасностью. Возможно, ребят придется вывезти в тренировочные лагеря, в которые нет доступа никому чужому. А паладинов сегодня же возьмут мои люди. Хватит, нагулялись, здесь им империя, а не Карвен. Обнаглели, сволочи. Придется преподавать святошам несколько уроков.

– Давно пора. – Лорд Дайар удовлетворенно улынулся. – Знаете, мы, похоже, на пороге большой войны.

– Вы правы. – Начальник стражи искоса посмотрел на него и искренне пожалел про себя, что этот изворотливый человек не работает на императора. – Хуже другое.

– Что?

– А то, что наша Церковь пляшет под дудку карвенской. К сожалению, мы упустили момент, когда на это еще можно было повлиять. Теперь можем только дискредитировать самых отпетых фанатиков, да и то не всегда выходит. Или перебить верхушку Церкви, но это может вызвать гражданскую войну и распад империи.

– Да, решительные меры сейчас не приведут ни к чему хорошему, – задумчиво покивал лорд Дайар. – Это надо было делать лет двести назад, когда карвенцы только начали подминать под себя нашу Церковь.

– Я в те времена не жил, – досадливо скривился Ланиг. – Не знаю, почему церковникам дали столько воли. Да и вообще, конфликт между императором и святыми отцами тоже начался в те времена. Раньше светская и духовная власть были на одной стороне и редко ссорились. Вы не в курсе, случайно, с чего началось расслоение? Я, к сожалению, узнать этого не смог. Его величество не желает отвечать на вопросы по этому поводу. А из него, сами понимаете, ответа не выдавишь...

– Увы... – развел руками лорд Дайар. – Предполагал многое, но точно? Увы...

– Жаль, – вздохнул начальник стражи. – Впрочем, это пока неважно. Сейчас перед нами стоит задача жизнь этим вот четырём обормотам сохранить.

– Но что такого мы сделали Церкви? – жалобно спросил немного пришедший в себя Энэт. – Паладины? Ой, мамочка...

Ланиг с лордом Дайаром покосились друг на друга и совершенно одинаково ухмыльнулись. Не сдержались – слишком уж забавно выглядел в этот момент юноша. Остальные трое выглядели ничуть не лучше, только орк презрительно кривился. Урук-хай относились к карвенским святошам с презрением и не раз их бивали. Те атаковали орочыи крепости раз за разом, но потеснить краснолицых с реки Харме так и не смогли.

Начальник стражи незаметно вздохнул. Война все равно неизбежна, в Карвене слишком много людей, а территория совсем невелика. Как там говорил его величество – демографическое давление, что ли? Вечно он какую-то заумь выдумает и носится с ней, как дурень с писаной торбой. Хороший мужик вообще-то, только умствовать слишком любит. Чаще всего без толку. Хотя порой, признаться, дикие на первый взгляд императорские идеи приводили к успеху. Но далеко не всегда, к сожалению. Иногда такой конфуз случался, что хоть стой, хоть падай. Только бы на этот раз все получилось, слишком уж многоступенчатый план, слишком сложный, слишком необычный.

– Что сделали, неважно, – пожал плечами начальник стражи. – Со временем узнаем. Но от меня ни на шаг. Понятно?

– Да...

– Вот и хорошо. А господа паладины вскоре сведут близкое знакомство с мэтром Эстеваном. Думаю, им понравится элианское гостеприимство. Мэтр специально ради них кольев наготовил, три новых дыбы заказал, кучу интересных приспособлений понапридумывал, готовится, в общем, к встрече. С энтузиазмом.

Санги довольно ухмыльнулся, представив себе грядущее «гостеприимство». Туда пресвятой сволочи и дорога! Святоши, значит, Лека убили? Рыжий молился Единому от случая к случаю – скоморохов на службы не допускали, а теперь возненавидел Церковь холодной, злой ненавистью. Он дал себе слово отплатить «святым» отцам – так, чтобы им не одно поколение икалось.

– Благодарю за информацию, лорд Дайар. – Ланиг встал и поклонился. – К сожалению, сына вы не скоро увидите, нечего мальчишкам делать там, где их любой достать сможет. В императорских казармах пока проживут, туда ни одна сволочь не проникнет. Потом решим, куда их определить.

– Лишь бы жив был... – проворчал тот, с тревогой взглянув на покрасневшего Энета. – Казармы, говорите? Согласен. Туда действительно никто не проберется.

Храт удивленно посмотрел на него. Странно, разве забор удержит паладинов высшего посвящения? Столько рассказов об этих церковных убийцах слышал, а тут какой-то забор...

– Забор забором, а магия магией, – понял его недоумение начальник стражи. – Там такие ловушки стоят по всему периметру, что самый сильный колдун попадется, не говоря уже об обычном человеке. Лично император ставил! А теперь бегом в дом, собрать вещи и ко мне! Жду. Если задержитесь дольше, чем на полчаса, пожалеете.

Четверо друзей переглянулись и сорвались с места. Сердить Ланига ар Вортон? Нет уж... Видели, чем заканчиваются попытки противоречить старому мастеру, не хочется испытывать прочность собственных шкур. Даже горе по поводу смерти Лека несколько притупилось во время поспешных сборов.

Лорд Дайар, попрощавшись с начальником стражи и вернувшись в дом, с интересом наблюдал за сыном. Энет носился из комнаты в комнату с вытаращенными глазами, лихорадочно закидывая в огромный мешок все, на чем останавливался его взгляд. И первым делом туда попали любимые книги неподъемного веса. Как только нести этот «маленький» мешочек собрался? Старший ар Инват едва удерживался от смеха, глядя на покрасневшего сына. Мальчишка! Какой еще мальчишка!

– Отец! – Энет подошел к лорду Дайару.

– Да, сын?

– Я... – Юноша тяжело вздохнул. – Спасибо... Я... Я люблю тебя, папа!

– А я тебя, – улыбнулся лорд Дайар, обняв его. – Береги себя. Не знаю уж, во что такое ты вляпался, но дело явно серьезное. Ты только выживи, мальчик, а о будущем я позабочусь.

– Постараюсь, – смутился Энет, затем резко помрачнел, отвернулся и вытер слезы.

– Лека вспомнил?

– Да... Очень хочу найти тех, кто это сделал.

– Найдем, – заверил сына лорд Дайар. – Возможно, не сразу, но когда-нибудь найдем.

Вскоре ученики покойного горца покинули дом рода ар Инват в сопровождении начальника стражи. Высокий лорд довольно долго стоял, провожая их взглядом, и размышлял. О многом стоило поразмыслить, многие странные вещи произошли за последнее время. Он никак не рассчитывал, что Лека ар Сантена отравят, это событие меняло все. Неизвестно, остались ли союзники таковыми, не превратились ли во врагов, что вполне возможно. Что ж, придется проверить. Не хотелось бы в самый ответственный момент нарваться на предательство. И пусть только попробует кто-нибудь тронуть его сына. Пусть только попробует...

Стражники у ворот казарм откровенно веселились при виде Энета, согнувшегося под весом огромного мешка. Граф не раз за время дороги пожалел о собственной жадности, но просить помощи у друзей не решался, слишком уж иронично поглядывал на него Ланиг. И на какого дорхота понадобилось столько всего брать с собой? Разве в казармах нужных вещей нет?.. Да, не подумал. Энет кряхтел, но упрямо тащил неподъемный мешок, все равно другого выхода не было. Любимые книги... именно они весили больше всего. Без книг молодой граф не мог жить – даже смертельно устав на тренировках, он вечерами читал. Привычка... Надо будет обязательно порыться в казарменной библиотеке – она довольно большая. Говорят, там часами просиживает его величество, а уж император – книжник похлеще Энета.

Начальник стражи привел четырех друзей к длинному двухэтажному строению из темно-серого камня. Никаких украшений на нем не было, но окна оказались большими, застекленными, что позволяли себе далеко не все богатые люди. Дороговато это пока обходилось, хотя по приказу императора уже строили несколько больших государственных мануфактур, которые вскоре должны полностью удовлетворить потребности Элиана в стекле. Карвенские и нартагальские купцы начали прощупывать почву в торговом приказе, но каждый здравомыслящий человек понимал, что вряд ли у них что-нибудь выйдет. Его величество приказал прежде всего обеспечить стеклом своих, а только потом продавать на сторону. Спорить с приказами императора? А уж, тем более, нарушать их?

Идиотов среди деловых людей Элиана найти было довольно сложно.

– Приветствую, Ланиг! – Навстречу начальнику стражи вышел пожилой, массивный мужчина с длинными седыми усами. – Хотел чего-то?

– Рад тебя видеть, старый хрыч! – рассмеялся старик, обнимая седоусого. – Как ты, рана зажила?

– Дык, понемногу, – отмахнулся тот. – Ходить еще тяжело, но скоро начну разминаться, пора уже, совсем застоялся. Так чего ты хотел-то?

– Ты здесь пока комендантствуешь?

– Точно. Скучно стало без дела, вот и...

– Этих вот четырех оборотов поселить надо. – Ланиг покосился на старающихся выглядеть пай-мальчиками Энета с друзьями, явно не поверив в их примерное поведение. – За ними святоши охотятся какого-то дорхота, паладинов прислали. Сегодня брать всю эту сволочь будем. Не в службу, а в дружбу, проследи, чтобы молодые дурни в город не шлялись. Ума ведь нет совсем.

– Ясненько... – прищурившись, протянул седоусый. – Ясненько. Ну, да, мы в их возрасте такими же были. Прослежу, не беспокойся, они у меня быстро строем ходить научатся.

Только по этой присказке граф понял, кто перед ним. Знаменитый генерал Дахрад ар Никонг, разгромивший в прошлом году огромную орду кочевников, попытавшихся штурмовать стены Южных Цитаделей при помощи осадных башен, чего никогда до сих пор не случалось. И кто, интересно, научил степняков строить башни? И откуда они взяли мачтовый лес в нужном количестве? В Эльваран наученные горьким опытом вожди послать лесорубов не рискнули бы. И здесь, похоже, уши карвенских святош из-за кустов торчат. Что ж им, сволочам, все нейдет? Энет сцепил зубы и сжал кулаки. Он знал, чему посвятит свою жизнь: Карвен должен пасть!

– За мной, марш! – скомандовал генерал, развернулся и, прихрамывая, начал подниматься по широкой лестнице на второй этаж.

Энет с интересом оглядывал внутреннее убранство одной из императорских казарм. Обычный большой дом, комнаты располагаются вдоль длинного коридора. Очень чисто – деревянный

пол, видимо, мыли несколько раз в день. Стены приятного светло-серого цвета, на подставках возле них – горшки с цветами. Больше ничего необычного. Кажется, это казарма для младшего офицерского состава.

Войдя в отпертую генералом дверь, Энет понял, что был прав. Комната оказалась рассчитана как раз на четверых, тогда как рядовые стражники обычно жили по восьмеро. Холостые, конечно. Женатым предоставлялся блок из трех комнат и отдельной кухни в стоящих несколько в стороне домах для семейных. То же самое касалось и армии, только армейские казармы располагались вне городов, в специализированных военных поселениях. Император никогда не обижал служащих ему людей и заботился о них так, что это вызывало шок у правителей других стран. Никогда семья погибшего или искалеченного воина не оставалась без крова и куска хлеба. А воины отвечали его величеству преданностью и буквально боготворили. Так повелось еще со времен первого императора, легендарного Элиана Завоевателя.

– Вот здесь жить и будете, – проворчал генерал, от скуки временно исполняющий обязанности коменданта. – Глядите мне, чтоб чистоту блюли. У нас здесь слуг не водится, сами все, ручками. Когда очередь придет, будете коридоры мыть. После полуночи чтоб тихо было. Все ясно?

– Да, – ответил за всех Санти, – благодарим, господин комендант.

– А ты, рыжая морда, коли чего утворишь, – выкатил один глаз старый вояка, – то неделю на животе спать будешь. Смотри, у меня оно быстро!

– Не до веселья мне... – горько усмехнулся скоморох.

– А что так?

– Парнишка, которого позавчера хоронили, их наставником был, – ответил вместо рыжего начальник стражи.

– А-а-а... – понимающе протянул нахмурившийся генерал. – Найди паскуду, что это сделала, Ланиг. Найди.

– Найду, дружище, – заверил тот. – Обязательно найду.

– Коли помощь понадобится, зови.

– Да уж как-нибудь, – улыбнулся начальник стражи. – Ладно, забираю этих охламонов с собой, нас в конторе мэтр Эстеван дожидается.

– Словил кого-то, что ли? – прищурился генерал.

– Да так, гадину одну в рясе придавить надо. Хочу разговорить, знает немало. Похоже, один из тех, кто за смертью парнишки стоял.

– Надеюсь, мэтр постарается, – довольно гнусно ухмыльнулся старый вояка.

– Уж будь покоен! – оскалился Ланиг. – Ладно, пора.

Друзья коротко обнялись и распрощались. Энет ничего не слышал, у него в голове набатом бились слова: «Один из тех, кто за смертью парнишки стоял...» Так вот зачем старый мастер взял их с собой к палачу? Убийцу Лека молодой граф готов был пытать своими руками. Перед глазами стояла задорная улыбка горца, и очень хотелось плакать от понимания, что никогда больше этой улыбки не увидит. Энет сдерживался из последних сил, только кусал губы. Заметивший его состояние Ланиг ободряюще хлопнул юношу по плечу. Затем быстро вышел, ученики Лека ар Сантена последовали за ним.

Резиденция тайной стражи выглядела зловеще даже на расстоянии. Темное, высокое здание с узкими, стрельчатыми окнами и глубокими подвалами, попасть в которые не хотелось никому. Там царствовал мэтр Эстеван, худой, как скелет, полностью лысый старший палач императорской стражи Тарсидара. Его покрытое пятнами лицо напоминало череп, глаза походили на глаза снулой рыбы. Резким диссонансом смотрелись густые, кустистые брови. Мало кто не боялся мэтра, одним своим видом он внушал страх. В те редкие дни, когда палач выходил в город, люди шарахались от него к стенам, торговцы готовы были отдать товар бесплатно, лишь бы только ходячий ужас побыстрее исчез. Впрочем, такое случалось очень редко, мэтр предпочитал постоянно находиться на рабочем месте, там же и жил. Всем необходимым его обеспечивали стражники.

В хороших отношениях с ним были только Ланиг, Кертал и император. С последним палач не раз ругался по поводу разных медицинских трактатов, бывало спорщики на ходу начинали потрошить какой-нибудь труп, желая доказать оппоненту свою точку

зрения. Ланиг во время таких споров предпочитал держаться подальше, поскольку разбирался в медицине примерно так же, как и в танцах. Иначе говоря, не лучше пьяного сапожника после кувшина хорошо настоявшейся браги. Он только удивлялся разносторонности интересов императора.

Видя, что юнцов сопровождает сам начальник, охранники пропустили их без лишних вопросов, но все равно проводили подозрительными взглядами. Своих людей Ланиг держал в строгости, его боялись, но и уважали. Без причины старый мастер никого не наказывал, но не дай Единый кому-нибудь из подчиненных вызвать его гнев... Наказания виновным Ланиг выдумывал необычные. Чаще всего, наказанного ждал позор, он вынужден был прилюдно покаяться, а затем довольно долго выполнял какую-нибудь неприятную работу – например, вычерпывал маленьким ведерком выгребную яму.

Горожане сходились на устраиваемые начальником стражи поучения нерадивых, как на выступления скоморохов, и хохотали не меньше, чем в балаганах, показывая на сконфуженного стражника пальцами. Испытанный стыд заставлял потом наказанных отдавать все силы, лишь бы только избежать лишнего внимания Ланига к своей персоне, лишь бы только не попасть ему на заметку снова. Одно только каралось смертью в тайной страже, без исключений каралось: продажность. Если кого-нибудь из сыскарей ловили на взятке, то умирал он долго и страшно. Игроков и кутил Ланиг в свою службу обычно не брал, но талантливым сыскарям мог простить многое. Лишь бы не зарывались.

Спускаясь по винтовой лестнице в места обитания мэтра Эстевана, Энет поежился. Все-таки палач пугал его, хоть и относился к ученикам горных мастеров явно доброжелательно. Граф вспомнил мертвого Лека, и его душу затопил ледяной гнев. Идти пришлось довольно долго, пыточные подвалы находились локтях в двухстах под поверхностью.

Войдя, Энет замер. Довольно большая комната была ярко освещена шарами закапсулированного света. У стены стояла дыба, немного дальше юноша увидел несколько незнакомых станков. На столах палач разложил инструменты, один вид которых вызывал дрожь. В жаровне разогревались несколько щипцов и штырей. На них с ужасом взирал прикованный к стене невысокий священник в

разодранной коричневой рясе. Он дрожал крупной дрожью и выглядел выходцем с того света. Энет злорадно усмехнулся. Боишься, «святая» паскуда? Правильно, бойся. Ты все скажешь, все, что знаешь!

– Здравствуйте, мальчики, – добродушный голос палача заставил каждого из учеников вздрогнуть – прямо тебе любящий дядюшка, если не знать, кто этот дядюшка.

– Добрый день, мэтр Эстеван! – вразнобой ответили они.

Тинувиэль выглядел куда бледнее остальных, уши эльфа огорченно опустились, но в глазах горела угрюмая решимость. Палач явно заметил это, так как удивленно покосился на принца и задумчиво хмыкнул себе под нос. Санти брезгливо морщился, глядя на священника. Только Храт довольно ухмылялся, скаля клыки, ему очень нравилось видеть служителя ненавистного культа в таком положении. Особенно орку нравился ужас в глазах врага.

– Приветствую, Эстеван, – появился в пыточной Ланиг.

– А, это ты? – посмотрел на него тот. – Виделись уже. Начинаем?

– Пожалуй, да. Времени нет. Надо все выяснить, пока епископы не хватились.

– Добре, – ухмыльнулся палач. – Орешек твердый, сразу скажу. Боится, но молчит. Не просится, слова никому не сказал, хотя уже довольно долго здесь висит.

– Вполне возможно, – согласился Ланиг. – Впрочем, можешь не беречь материал. Мне нужен результат любой ценой. Подохнет – так подохнет.

– Даже так? – приподнял кустистые брови мэтр и задумчиво поскреб лысую голову. – Ладно.

Он поцыкал зубом, задумчиво рассматривая бледного до синевы священника. Затем содрал с того рясу и принялся ощупывать тело пленника. Обнаженный целестинец выглядел жалко, однако молчал, только в глазах бился ужас, но одновременно и решимость. Палач укоризненно покачал головой, взял из жаровни раскаленные щипцы и приложил к животу прикованного. Раздалось шипение, ноздрей присутствующих коснулась отвратительная вонь паленого мяса, и пыточную огласил звериный вой боли. Целестинец бился в оковах, кричал, плакал, но ничего не говорил.

– Это только начало, – холодно проинформировал его начальник стражи. – Лучше расскажите сами все связанное со смертью Лека ар Сантена. Кто разработал план, как он был реализован, каковы причины устранения. Не советую вам молчать, хуже будет.

– Будь ты проклят, слуга дорхота... – натужно прохрипел целестинец. – Будь проклят...

– Ну, как хотите, – пожал плечами Ланиг и отвернулся. – Продолжай, Эстеван.

Тот тоже пожал плечами, смотря на свою жертву с откровенным недоумением. Затем начал перебирать разложенные на ближайшем столе инструменты. Никогда до того не видевшие пыток Энет, Санти, Храт и Тинувиэль бледнели, слыша каждый новый вопль боли. Даже орка тошнило, эльф вообще позеленел, но держался. Ему помогло воспоминание о Леке, который не причинил проклятым святошам никакого зла. Никакого! Но они все равно убили его. Так пусть теперь заплатят за его смерть! Только Санти смотрел на потерявшего сходство с человеком воющего священника относительно спокойно. Если бы кто-нибудь сейчас заглянул в глаза рыжего скомороха, то отшатнулся бы: там царила сама смерть.

Целестинец несколько раз терял сознание от невыносимой боли, но так ничего и не сказал, продолжая проклинать мучителей. Ланиг непонимающе смотрел на него – никто еще на его памяти не выносил пыток мэтра Эстевана. А это жалкое подобие человека выдержало? Похоже, «повезло» нарваться на фанатика...

– Мэтр Эстеван, – неожиданно раздался голос Тинувиэля, эльф в этот момент походил на призрак. – Он не будет говорить.

– Понял уже... – недовольно буркнул палач. – Дней за несколько, конечно, сломать можно, но у нас их нет, этих дней.

– Позвольте мне, я знаю, как его разговорить.

– Ты?! – Мэтр Эстеван с Ланигом одновременно повернулись к нему. – Мальчик, ты с ума не сошел?

– Кэль Делле-Эрт не выдерживал еще никто... – Уши принца опустились, но в миндалевидных глазах горело нечто сродни безумию.

– Ты владеешь искусством Кэль Делле-Эрт?! – схватился за сердце палач. – Единый Создатель!!!

– О чем он говорит? – в голосе начальника стражи сквозило недоумение.

– У эльфов была пытка, которую не выдерживал самый сильный человек. Да и эльф тоже. Точнее, даже не пытка. Я читал только упоминание, в одной книге говорилось, что после применения Кэль Делле-Эрт материал полностью терял волю и становился похожим на зомби. К моему глубочайшему сожалению, метод был утерян после ухода перворожденных, никто из людей его не знал.

– Вот так так... – задумчиво пробормотал Ланиг, удивленно глядя на бледного до зелени Тинувиэля. – Ты действительно владеешь этой штукой, мальчик?

– Только в теории... – буркнул сквозь зубы принц. – На практике не доводилось. Но вреда я не нанесу, это всего лишь несколько уколов в нервные узлы.

– Да-да... – мелко закивал мэтр. – Именно так и описывали этот метод. Несколько уколов – и пытаемый теряет волю, рассказывая все, что знает. Только вопросы нужно задавать правильно. Ну, с этим мы с тобой, старина, как-нибудь справимся. Что тебе нужно, мальчик?

– Около тридцати длинных и тонких игл, – ответил Тинувиэль, яростно топорща уши. – Желательно, прокаленных.

– Этого добра хватает, – ухмыльнулся палач. – Ты разрешишь мне посмотреть?

– Конечно, – пожал плечами эльф. – Только, чтобы применять Кэль Делле-Эрт, нужно хорошо знать анатомию и обладать развитой интуицией. Правильный рисунок для одного будет неправильным для другого. Что-то общее есть, но немного. Мне говорили, что нужно внимательно слушать пациента и себя самого. Метод ведь не только для пыток, но и для исцеления применяется.

– Совсем интересно... – Мэтр Эстеван потер подбородок. – Я хотел бы как-нибудь поговорить с тобой об этом подробно.

– Почему бы и нет? – тяжело вздохнул эльф.

Палач достал из сундука связку игл и прокалил их над огнем. Затем положил на стол рядом с прикованным целестинцем. Тинувиэль подошел ближе, вздернул уши вертикально вверх и принялся внимательно осматривать его. Священник с ужасом и неверием уставился на принца.

– Ты же эльф... – хрипло прошептал он. – Ты не можешь... Ты не имеешь права... Ты же светлый... Почему ты с этими слугами Тьмы?

– Не имею права, значит?! – Глаза Тинувиэля загорелись гневом. – А вы имели право Лека убивать?!

– Пятеро не должны возродиться... – устало прошептал целестинец. – Ибо наступит Тьма, и небо рухнет на землю, и реки крови потекут в руслах вспять, и восстанут мертвые, и придет Владыка Бездны, и будет царствие его вечным...

– Значит, дело в этой дурацкой легенде?! – Эльф выронил из рук иглу. – Ах вы, сволочи! Так все это из-за древней сказки?!

Он несколько секунд с яростью смотрел на целестинца, не обратив никакого внимания на резко побледневшего Ланига, затем схватил другую иглу, оцупал предплечье священника и одним движением вогнал ее туда. Тот вскрикнул и дернулся. Тинувиэль брал иглы одну за другой и втыкал их в разные точки тела прикованного, создавая какой-то странный рисунок. Целестинец еще дергался, но с каждым разом все слабее. Наконец из его рта потекла струйка слюны.

– Кто ты? – резко спросил принц.

– Приор тарсидарского монастыря целестинцев, отец Дарвасий, в миру Херм Ранген, – безразлично ответил священник ровным, нечеловеческим каким-то, не имеющим даже намека на чувства голосом. – Паладин второго посвящения.

– Готов! – удовлетворенно кивнул Тинувиэль. – У меня получилось. Спрашивайте, мастер-наставник. Он теперь все расскажет.

– Благодарю. – Ланиг наклонил голову, пристально и несколько удивленно глядя на эльфа – недооценил мальчика, ох, недооценил.

Затем повернулся к целестинцу и принялся задавать короткие, четкие вопросы. Тот отвечал, даже не пытаясь что-нибудь скрыть. От услышанного начальнику стражи захотелось взвыть. Страна стояла на пороге кошмара. Если не остановить «пресвятых» мерзавцев, жаждущих власти, то действительно «потекут реки крови и настанет Тьма». Ланиг знал, что карвенская Церковь имеет немалое влияние на элианскую, но не подозревал, что «святые» отцы в подавляющем

большинстве давно продали родную страну старому врагу.

А в дальнем углу рвало зеленого от отвращения к самому себе эльфа.

14. Путь монаха

Свеча тихо потрескивала, иногда вспыхивала ярче, выхватывая из темноты заваленный рукописями и пергаментными свитками большой стол. Вдоль тянулись бесконечные стеллажи с книгами. Чтобы обойти их, понадобилось бы немало времени. За столом сидел сухощавый человек в черной сутане и вязаной кофте, в книгохранилище было не слишком тепло. Он то и дело покашливал в кулак, иногда отпивал глоток из большой, парящей кружки с каким-то напитком – скорее всего, травяным настоем. Желтый узловатый палец следовал за неровными рукописными строками. Закончив читать страницу, человек откидывался на спинку высокого стула и некоторое время размышлял, затем переворачивал страницу. Порой записывал что-то в большую тетрадь, лежащую сбоку.

Отец Теларин тяжело вздохнул. Сколько лет прошло, но добрался все-таки до старых рукописей, запрятанных по приказу архиепископов в самые глубокие подвалы. Раньше он не понимал, почему так случилось. Теперь понял. Вот, значит, как все происходило? Единый, до чего же это глупо и гнусно... И подло. Он пожевился. Подозревал, что не все чисто, давно подозревал, но такого не представлял.

Всю свою жизнь отец Теларин посвятил истории империи и элианской Церкви. Еще во времена послушничества ему с приятелем случайно попал в руки обрывок рукописи одного из первых эльдаров. Больше всего будущего монаха поразило, что колдун доживал свой век в монастыре, и никто его оттуда не гнал. Значит, не всегда существовала эта взаимная и никому не нужная ненависть? Он пытался спрашивать у наставников, но за вопросы наказывали, безапелляционно утверждая, что магия – зло. Причем – абсолютное. Только вот почему, так никто и не сказал.

После того, как древнюю рукопись сожгли, друг Теларина бежал из монастыря, а он сам понял, что должен узнать правду. Обязан. Любой ценой. Путь для этого был только один – получить доступ к древним книгам и писаниям отцов-основателей святой Церкви. Но в главные книгохранилища допускали только архивариусов и епископов, больше никого. До епископа Теларин дорости не рассчитывал, да и не хотел притворяться фанатиком, вот и стал

архивариусом. Долгое время он покорно выполнял указания старших, изредка добывая толику нужной информации. Приходилось быть очень осторожным, ни словом, ни жестом не выдавая своих сомнений. Его старательность со временем заметили, и десять лет назад трудолюбивый монах был назначен старшим библиотекарем тарсидарского епископата, для чего ему пришлось пройти рукоположение и стать священником.

Свежеиспеченный святой отец не спешил, тем более что первое время за ним внимательно наблюдали. Неудивительно, ведь в книгохранилище епископата хранилось множество еретических писаний, пророчеств и легенд. Однако через месяц, убедившись, что перед ними самый обычный помешавшийся на книгах монах, каковых сидело по бесчисленным монастырям множество, отца Теларина оставили в покое, посчитав безобидным. Тогда-то он и начал свой поиск. Внимательно вчитывался в каждый найденный документ и думал, думал, думал. Потом в самом глубоком подвале совершенно случайно обнаружил святые книги Единого и писания пророков. Почему-то они находились среди еретических рукописей, и отец Теларин решил сравнить их с нынешними. Вот тут-то ему и стало по-настоящему страшно. Разница оказалась огромной.

За последние триста лет элианская Церковь полностью изменилась, превратившись в свою противоположность. Чем глубже архивариус погружался в древние документы, тем более ему становилось ясно, как медленно и незаметно подменялись чужими прежние догматы веры. Как вместо доброты и всепонимания священники начинали нести людям ненависть и нетерпимость. Что же это происходит? Ведь триста лет назад Церковь покровительствовала наукам и искусствам, содержала госпитали, целила души человеческие, а не призывала жечь и побивать камнями всех, кто не похож на большинство.

Эта ночь поставила последнюю точку в его изысканиях, именно сегодня удалось обнаружить тайную переписку первосвященников карвенской и элианской Церквей времен императора Нерата II. Странно, что столь компрометирующие материалы не уничтожили. Если об этих письмах узнают в монастырях, неизбежен церковный раскол, монахи все еще искренне верят в Единого, а не стремятся заполучить как можно больше власти.

Внезапно пол заскрипел под чьими-то тяжелыми шагами. Отец

Теларин вскинулся и попытался прикрыть лежащий перед ним свиток другими. Кого это дорхот принес сюда посреди ночи?

К столу подошла темная фигура в плаще, напоминающем рясу. Архивариус уставился на нее затравленным взглядом и не сразу заметил, что из-под капюшона на него смотрит не человеческое лицо, а туманная маска. Кто это? Неужели? Да нет, невозможно, магам нет доступа в книгохранилища Церкви. Нет и никогда не было! Но, несмотря на это, перед столом стоял император собственной персоной.

– Ваше величество... – растерянно пробормотал архивариус.

– Добрый вечер, – кивнул тот. – Значит, это вы сейчас здесь старшим библиотекарем? Хорошо, давно хотел поговорить со здравомыслящим священником. Надеюсь, вы не изменились за эти годы.

– Мы были знакомы? – удивился отец Теларин.

– Когда-то очень давно были, – согласился его величество, осторожно сдвигая рукописи с края стола и усаживаясь на угол.

Архивариуса передернуло. Точно так же когда-то, еще во времена послушничества, к нему в келью врывался единственный друг, Марни, и садился на угол стола, сдвинув в сторону все, что там было. Его величество поставил одну ногу на столешницу и оперся о колено подбородком. Отцу Теларину стало совсем не по себе. Опять знакомая поза, никто больше так не сидел. Только... Но нет, разве это возможно? Император вертел в пальцах какую-то палочку и продолжал молча рассматривать архивариуса. И это знакомо. Единый, да что же это такое? Наваждение? Дорхотово искушение? Не хочешь ли ты сказать, что?..

– Марни, это ты? – глухо спросил он.

– Признал, хмырь ученый! – рассмеялся его величество. – Я, конечно.

– Но ты... Ты действительно император?!

– Увы. Врагу этой гнусной судьбы не пожелаю. Наверное, лучше бы я в монастыре остался. Устал, сил давно нет, а надо тянуть, некому больше.

– Не понимаю... – растерянно протянул отец Теларин. – Как мог

сбежавший послушник стать императором?!

– А как в Элиане императорами становятся? – Маран пожал плечами. – Прежний на меня внимание какого-то дорхота обратил. Перед смертью вызвал и вывалил на меня эту сучью ношу. Тащи, мол, ослик, и рта не разевай. Чтоб ему в гробу перевернуться, заразе!

– Не ругайся, – поморщился архивариус. – Ничуть не изменился, даже словечки те же. Императорство тебе на пользу не пошло.

– А ты все такой же зануда! – весело хмыкнул его величество, доставая из воздуха большую кружку. – Эль будешь?

– Можно. – Отец Теларин мягко улыбнулся, вспоминая юношеские выходки. – Помнишь, как настоятель нас за поход в кабак выдрал?

– Такое не забудешь. – Император поежился. – Еще и солью, скотина, задницы посыпал. Я месяц сидеть не мог.

– Слушай, раз уж я тебя узнал, может, снимешь маску? Неприятно как-то туман вместо лица видеть.

– Ладно. Только, извини уж, наложу на тебя одно заклятие, после него ты не сможешь выдать меня даже под пыткой. Многие дорого бы дали, чтобы узнать, кто я такой.

– А прежде всего вот эти, – потыкал пальцем в потолок отец Теларин. – Поэтому накладывай, не страшно.

– Не любишь, вижу, начальство?

– За что их любить? – скривился архивариус. – А то ты не знаешь, кто в епископы, а, тем более, в архиепископы выбивается.

– Знаю, – зло махнул рукой Маран. – Очень хорошо знаю. Подонки. А от того, что узнал недавно, мне совсем не по себе. Потому и начал искать в Церкви здоровую, не сгнившую еще сердцевину.

Он откинул капюшон, туман растаял, и взгляду отца Теларина предстало мясистое лицо типичного уроженца южных провинций империи. Черные волосы с густой проседью и короткая бородка. Ироничные серые глаза с прищуром.

Теларин вздохнул. Узнать можно, хоть и с трудом. Впрочем, им обоим давно за пятьдесят, никак не мальчишки.

По губам его величества скользнула грустная улыбка. Он тоже не сразу узнал Теларина, хотя и знал о его судьбе. Желтый, худой, похож на нахохлившегося ворона. Щеки впалые, наверное, как и прежде, частенько забывает поесть, увлекшись какой-нибудь книгой. Каштановые когда-то волосы почти совсем седые. Слезающиеся, выцветшие глаза наполнены неизбывной тоской. По чему, интересно? Занимается ведь тем, чем всегда хотел заниматься. С чего ему тосковать? Маран почти неслышно вздохнул, доставая коротким заклинанием из подвалов Замка Призраков еще одну кружку свежего эля. Кажется, дня два назад только бочку поставили.

Друзья чокнулись и отпили по глотку холодного напитка. Отец Теларин закатил глаза и восторженно почмокал губами – такого эля пить ему еще не доводилось.

– Это где же такое чудо варят? – спросил он, с удивлением глядя на кружку в своих руках.

– Да в одном из моих замков, – отмахнулся император. – Бываю там, конечно, редко, некогда мне по замкам рассиживаться, но лучшего эля и в самом деле не встречал, вот и насобачился таскать прямо из подвалов. После этого трактирный пить, что помои хлебать. Веркит, повар тамошний, давно о моей привычке знает и ничуть не удивляется опустошению бочек, но ругается страшно.

– На тебя? – недоверчиво покосился на старого друга священник. – Ты же император.

– Император, – подтвердил ехидно ухмыляющийся Маран. – Но кухня и подвалы – царство повара, он оттуда любого может поганой метлой гнать, в том числе и меня. Вежливостью Веркит никогда не отличался, так обложит, что заслушаешься, зато мастер редкий. Но строг, строг.

Представив себе, как повар гоняет метлой императора, Теларин рассмеялся сухим, дребезжащим смехом, быстро перешедшим в сухой кашель. Его звук сильно не понравился Марану. Уж не чахотка ли? Годы и годы проведенные в сырых подвалах дают о себе знать, похоже. Надо посмотреть самому, благо целителем его величество был лучше многих дипломированных магов Академии. Он незаметно раскрутил диагностическое заклятие и выпустил его на священника. Тот ничего не понял и продолжил с удовольствием пить эль. Друзья вспоминали смешные случаи времен послушничества и

часто смеялись. Через несколько минут заклятие вернулось, сообщив императору, что он был прав, и у Теларина начинается скоротечная чахотка. Худо. Придется срочно принимать меры. Но не беда, вовремя заметил, это главное.

– Странно, но ведь маги не могут проникать в книгохранилища Церкви, – снова поднял глаза на Марана священник. – Так испокон веков было. Как же ты здесь оказался?

– Не могут? – иронично приподнял брови император. – Уже могут. Святые отцы нарушили договоренность, они объявили войну империи и лично мне. После этого все старые договоренности стали недействительны. Даже эта, хоть ее и закрепил своим заклинанием Элиан Завоеватель. Но заклинание перестало действовать после предательства архиепископов. Я решил проверить так ли это и легко переместился сюда. А раньше как в стену упирался.

– Объявили войну империи? – удивленно переспросил Теларин. – Что ты имеешь в виду?

– То и имею. – Маран нервно дернул щекой. – Вот, почитай. Сам поймешь.

Он положил перед священником аккуратную серую тетрадь, исписанную ровным, красивым почерком до последней страницы. Тот удивленно посмотрел на его величество, но принялся за чтение. После первых же двух страниц отец Теларин схватился за сердце. Он неверяще взглянул на грустного императора, но тот предпочел промолчать, только головой покачал. Священник передернул плечами и продолжил читать. Чтобы добраться до конца, ему понадобилось не меньше получаса. Дочитав, он долго сидел, упершись взглядом в стол. Не мог сразу поверить в такое, просто не мог. Хотя все это прекрасно накладывалось на результаты его собственных изысканий. Очень похоже на правду. Именно таким и мог оказаться результат великого предательства, задуманного архиепископами больше двухсот лет назад.

– Откуда это? – глухо спросил Теларин.

– Разговорили одну целестинскую сволочь, – неохотно ответил император. – Все это записано с его слов.

– Уж не приора ли тарсидарского монастыря целестинцев? – прищурился священник. – Епископы уже с ног сбились, его разыскивая. Переполох в епископате знатный поднялся.

– Пусть ищут, – зло ухмыльнулся Маран. – Зарыли паскуду без покаяния, как последнюю собаку.

– Грех это... – поежился Теларин. – Хотя и сволочью он был изрядной, все равно грех.

– Знаю, – мрачно буркнул император. – На мне тот грех. Только иначе никак. И не только его резать придется. Сам читал, что происходит. Нам что, заранее лапки сложить и сдаться? Не дождётся! Пусть меня за это ад ждет, но не допущу.

– А он не солгал?

– Не мог он лгать в том состоянии, – поморщился император. – С ним эльф работал, своими способами, вообще в куклу превратил. Страшноватое зрелище, если честно. Зомби, а не человек. Убить его после этого милосердием было. Хотя я предпочел бы, чтобы все это ложью оказалось. Только вот, увы...

– Ясно. – Священник сцепил руки в замок и подпер ими подбородок.

– Не понимаю, что им нейдет... Зачем нужно разжигать ненависть?

– А вот это, похоже, я могу тебе объяснить. Сегодня только нашел переписку между первосвященниками нашей и карвенской Церквей времен царствования Нерата II. Не могу понять, зачем этому императору понадобилось толкать наших первосвященников в объятия фанатиков? Он ведь такое творил, что...

– Эх, Нерат, Нерат... – досадливо стукнул кулаком об ладонь Маран. – Что же ты, идиота кусок, натворил? Пусть с тобой поступили несправедливо, но разве трудно было понять, что не все сволочи? Эх...

– Несправедливо? – удивленно приподнял брови Теларин.

– Я не первый император из бывших послушников, – снова вздохнул его величество. – Нерат – тоже такой. Там очень грязная история вышла. Подлая история, не хочу даже рассказывать, противно. Парень чудом выжил после всего, стал калекой и затаил ненависть. А получив власть, начал давить Церковь, не задумываясь о том, кто прав, а кто виноват. Идиот!

– Вот с него все и началось, – тоже вздохнул священник. –

Карвенские первосвященники прекрасно поняли, что происходит в империи, и своего не упустили, начав постепенно приручать обиженных произволом императора епископов и архиепископов. Потом добрались и до первосвященника. У них все вышло, Марни. Даже основные догматы нашей веры подменены чужими.

– Основные догматы? – нахмурился тот. – Ты уверен?

– Чтобы понять это, нужно быть очень хорошим теологом и знать на память Писание, – горько усмехнулся Теларин. – Я случайно нашел Святое Писание трехсотлетней давности среди еретических книг. Решил сравнить. Знаешь, так страшно мне никогда до того не бывало. Все проделано мастерски, очень умно, очень тонко. В одном месте слово вставлено, в другом убрано, в третьем запятая не там поставлена. А смысл из-за этого меняется кардинально.

– Твари поганые! – взвился император. – Мразь! Подонки!

– Тише! – поморщился священник. – Еще придет на шум кто-нибудь, только свидетелей нам и не хватало.

– Ты прав, извини. – Маран нервно передернул плечами. – И что же теперь делать? Ты только усугубил мою тревогу. Надо искать честных священников и передавать им власть в Церкви, но где их искать?

– По небольшим монастырям. – Теларин криво усмехнулся. – Там многие – искренне верующие. И не фанатики, хотя и таких хватает, а думающие люди. Да и по маленьким приходам много настоящих святых отцов сидят, которые людские души целят, а не власти и благ для себя добиваются. Только...

– Что?

– Если все это станет известно, неизбежен раскол Церкви. Фанатики охотно пойдут за епископами. Они ведь, что стадо баранов, куда козла впереди понесет, туда и они.

– Этого, боюсь, и в самом деле не избежать, – задумчиво покачал головой император. – Пока я не знал всего, я мог щадить. Сейчас щадить предателей я права больше не имею, или сюда придет Карвен и разрушит нашу жизнь, превратив ее в подобие ада, царящего в их стране. Не допущу!

– Ты прав, этого допускать нельзя. – Теларин обреченно вздохнул. – Но, может, обойтись без крови?

– Как? – Маран удивленно покосился на него. – Подскажи, буду благодарен. Мне вовсе не хочется прослыть кровавым тираном.

– Увы мне, не знаю... – развел руками священник. – Но подумаю. Надеюсь, все-таки получится. Не хотелось бы, чтобы всякую сволочь, как во времена Нерата, потом святыми мучениками объявляли.

– Да уж, – брезгливо поморщился император. – Только таких святых, как нынешние епископы, нам и не доставало. Полные штаны счастья.

– Да уж... – захихикал Теларин. – Представить только свинообразного епископа Шерамона в святых. Со смеху подохнуть можно, особенно если вспомнить его пристрастие к маленьким девочкам.

– Девочкам? – нахмурился Маран.

– Да, их привозят ему тайно, а потом продают на нартагальские корабли, чтобы не проболтались. Знаешь, Марни, я что-то не понимаю. Неужели твои таможенные службы не могут обыскивать работоторговцев как следует? Они ведь часто из тарсидарского порта с полными трюмами детей уходят. Наших, элианских детей...

– Откуда информация?

– Да так... – развел руками священник. – Слухи, в основном. К тому же меня в епископате своим считают, десять лет как-никак здесь, о многом при мне говорят не стесняясь. Могу даже сказать, кто работоторговлю курирует. Некто епископ Дориат.

– Дориат, говоришь? – Император прищурился, из его глаз сочилась тяжелая, явственно ощутимая ненависть. – Вот за это спасибо, дружище. Такого прощать нельзя. Единый Создатель, и это священники?!

– Мне давно тошно смотреть на все это. – Теларин помрачнел. – Клоака какая-то. Почему-то в епископы только сволочь и лезет. Молчу, потому что иначе сожрут. Очень рад, если смогу помочь хоть от самой гнусной накипи Мать-Церковь очистить.

– Этого мало. – Император усмехнулся одними глазами, доставая из воздуха еще две кружки эля, пустые просто исчезли. – Боюсь, придется тебе неподъемную ношу на себя взваливать.

– Это какую же? – искренне удивился архивариус.

– Тиару первосвященника.

Теларин едва не выронил кружку. Затем покрутил пальцем у виска, сообщая его величеству, что думает по поводу этой безумной идеи. Тот иронично и одновременно грустно смотрел на старого друга, а в глазах читалось: «Так некому ведь больше...» Священник зажмурился и потряс головой. Однако понимал, что если придется, то возьмется и будет тянуть, проклиная ношу каждый день. Никогда не хотел власти, считал ее только обузой и величайшей ответственностью перед лицом Создателя. Не слишком ли многого хочет император от скромного библиотекаря? Вразуми, Единый. Подскажи...

15. Рабство

– Ой, мамочка, роди меня обратно... – тихо стонал Санти, растирая перетруженные мышцы каладоновым маслом. – Да что ж он сегодня так взбесился-то?

– А гмырх его знает... – пробурчал Храт, выглядящий ничуть не лучше. – Сдурел, наверное.

Кертал этим вечером действительно как с цепи сорвался и устроил четверым ученикам такую тренировку, что они едва не перемерли от утомления прямо в зале. Кузнец вчера предупредил, что сегодня в Дом Стали приходить не нужно, и друзья обрадовались, думая, что удастся отдохнуть. Ага, как же, разогнались. Старый мастер откуда-то узнал, что «четыре оболтуса» свободны, пришел в казармы и забрал их, несмотря на унылый вид бедняг. Привел в тренировочный зал императорской стражи и устроил тренировку. Часов восемь гонял так, что и вспоминать не хотелось, а затем заставил отрабатывать железную рубашку. Тут уж они взвыли. Старик легко перемещался между учениками, ни на мгновение не прекращая охаживать их своей окованной железом палкой. Когда наконец отпустил, они едва могли ходить. Слава Единому, хоть до казармы было недалеко, кое-как добрались. Со стонами, поддерживая друг друга.

Тинувиэль тоже массировал себе ноющие ноги. Он перенес тренировку легче друзей, но пренебрегать массажем не стоило, иначе завтра нелегко придется. Последнее время у эльфа было на редкость отвратительное настроение. Причина? Вынужденное участие в допросах паладинов. Не нравилось это принцу, ох, как не нравилось. Грязным он себя после этого чувствовал, хоть и понимал, что другого выхода нет. Последнее время он по просьбе Ланига ар Вортон обучал искусству Кэль Делле-Эрт группу молодых палачей и целителей, к которым присоединился мэтр Эстеван. Что странно, у пожилого человека начало получаться быстрее, чем у кого-либо другого. Впрочем, а кто лучше него знал человеческую анатомию? Не было таких.

Знания палача восхищали Тинувиэля, не зря мэтр читал лекции по хирургии на целительском факультете Тарсидарского университета. Студентам, конечно, приходилось ради того приезжать

в казармы и спускаться в пыточные подвалы, но они не жалели – таких знаний не мог им дать больше никто. Да и сам Эстеван порой практиковал, особенно, когда требовалась сложная операция. Далеко не со всем можно было справиться магическим исцелением, к сожалению, зато при совмещении двух способов лечения результаты получались на удивление хорошими. Как жаль, что свои знания гениальный хирург вынужден использовать для выбивания показаний из всякой сволочи... А иначе нельзя, это понимал даже эльф, нельзя давать зверям спокойно добиваться своих целей, все вокруг уничтожат и изгадят. Именно поэтому Тинувиэль и согласился обучить молодых палачей Кэль Делле-Эрт, этот метод все-таки куда гуманнее, чем пытки.

Энет пластом лежал на кровати и едва дышал, сил не было даже пошевелиться. Надо бы растереться маслом, мышцы со связками то и дело хватало судорогами, но граф не мог заставить себя сдвинуться с места. Однако он не жалел, слишком многому научился за прошедшее время, слишком изменился. Пусть будет трудно, ничего, как-нибудь справится. Зато раньше он и десятой доли того, что сегодня выдержал, не вынес бы.

– Энет, – позвал его Храт, юноша что-то невнятное промычал в ответ.

Орк вскинул брови и кряхтя поднялся на ноги. Подошел к кровному брату и внимательно осмотрел его. Похмыкал, вздохнул и сказал:

– Тини, иди сюда. Надо этому гмырху ленивому тоже массаж сделать, а то завтра не встанет.

– Сейчас, – отозвался певучий голосок эльфа. – Только ноги закончу растирать и приду.

– Не надо! – испугался Энет, прекрасно зная, что будет, если эти двое неугомонных возьмутся за него.

– Надо! – довольно осклабился урук-хай. – Ишь, разлегся тут, что шлюха после трудовой ночи. Вот сейчас кэ-эк придет мастер Кертал, да кэ-эк устроит нам еще одну тренировочку. До утра.

– Нет!!! – раздался в ответ возмущенный вопль трех луженых глоток. – Совсем обалдел?!

Храт принялся довольно ржать, глядя на перепуганные

физиономии друзей, за что тут же и получил по голове тремя подушками. Даже Энет отметил, несмотря на всю свою усталость. Орк, впрочем, в долгу не остался, и в комнате на некоторое время воцарился веселый бедлам.

– Хватит вам! – рявкнул Санти через пару минут. – А то сейчас придет комендант и выпорот в придачу к прочим радостям. Охота?

– Не-а... – ответил за всех орк. – Тини, ты закончил уже свои копыта мучить?

– Закончил, – улыбнулся эльф. – Только копыт у меня нет, извини уж.

– Нет, так нет, один хрен, – отмахнулся Храт. – Бери масло и идем этого вот графенка пользоваться.

– Задрали, дорхоты бесхвостые... – устало простонал Энет, с трудом стаскивая рубаху – понял, что от этих двоих все равно не отвяжется. Да и то, массаж совсем даже не помешает.

Тинувиэль набрал в ладони немного каладонового масла, уселся на юного графа сверху и принялся перебирать его мышцы. Лучше принца массаж никто из четверых друзей делать не умел, разве что покойный Лек, но о наставнике они избегали говорить, слишком больно было его вспоминать. Энет тихо подвывал, иногда даже колотил по подушке кулаками и выгибался, орк с эльфом перебирали каждую его косточку и каждое сухожилие, и это было очень больно. Наконец пытка закончилась. Зато после нее юноша вполне мог передвигаться и чувствовал себя довольно бодро.

Внезапно дверь в их комнату распахнулась, и на пороге появился Ланиг ар Вортон. Четыре пары глаз уставились на него, затем три из них повернулись к смущенному таким оборотом дела орку.

– Накаркал, зараза... – почти неслышно прошипел Санти.

– Кого это он накаркал? – добродушно поинтересовался начальник стражи, обладавший на редкость хорошим слухом. – Меня, что ли? Пророк у нас завелся?

– Выпороть бы этого пророка, чтоб языком не ляпал без толку, – буркнул смущенный скоморох.

– Выпороть? – приподнял брови Ланиг, ухмыльнувшись себе под нос. – Это да, это полезно. Всем четверым. И почему это ум так

хорошо через поротую задницу в голову входит? Всегда интересовался этим вопросом. Факт ведь неоспоримый.

Друзья переглянулись. Храт незаметно постучал себя по голове, сообщая Санти все, что о нем думает. Остальные тоже смотрели на скомороха весьма неодобрительно – совсем даже необязательно подавать старому мастеру светлые идеи, их у него и без того хватает.

– Собирайтесь, – приказал начальник стражи.

– Мы же только после тренировки... – вздохнул Энет, понимая, что все равно никуда не деться.

– Да? – делано удивился старый мастер, продолжая посмеиваться в усы. – Ну, тогда ладно, отдыхайте. А то мы тут идем корабль работорговцев потрошить. Думал, вы хотите поучаствовать в этом богоугодном деле...

– Хотим! – так и подпрыгнули ученики, сразу забыв об усталости.

– Я почему-то так и подумал, – довольно покивал Ланиг, затем бросил на кровать Санти четыре черных, облегающих костюма с капюшонами. – Надевайте. Маски обязательны. Смотрите мне, чтобы только глаза наружу выглядывали. Из оружия берите нунчаки и сюрикены, этого хватит.

Друзья оделись почти мгновенно – и восхищенно замерли: боевые комбинезоны тайных стражей были словно пошиты по мерке каждого и практически не ощущались на теле. Чем-то они походили на любимую одежду охотников черного клана. Разномастные карманы для десятков видов оружия, специальные петли для кинжалов и нунчаков, не видные снаружи и не нарушающие черноту костюма. Движений комбинезоны совершенно не стесняли, Храт для пробы задрал ногу вертикально вверх и удовлетворенно хрюкнул, не услышав треска. Он быстро выхватил из оружейного ящика штук двадцать сюрикенов, рассовав их по кармашкам, две пары нунчаков, добавил на всякий случай два небольших томагавка, несмотря на неодобрительный взгляд Ланига. Однако тот ничего не сказал, только обреченно махнул рукой и вздохнул. Орк удивленно пожал плечами – и почему люди так не любят томагавки? Прекрасное оружие, только мечи лучше.

Старый мастер вел друзей темными закоулками. Помимо них, в вылазке участвовали десятка два тайных стражей в таких же черных

комбинезонах. Наверное, многих из них Санти раньше видел, но сейчас не узнал, лиц не было видно. Они тенями скользили по ночному городу, ничем не нарушая тишину. Если какой-нибудь запоздавший прохожий и замечал случайно промелькнувшую мимо черную фигуру, то вряд ли станет рассказывать о том, подумав, что показалось. А если и расскажет – невелика беда. Легенд о ночных, как называли загадочных людей в черном горожане, ходило по Тарсидару множество. Прибавится еще одна? Ну и что? Пусть себе пугают друг друга. Теперь, когда Санти знал правду, эти рассказы вызывали у него гомерический хохот. А когда-то ведь слушал с открытым ртом.

Порт постепенно приближался, скоморох уже чувствовал запах моря. Вскоре послышался шум волн, бьющихся о берег. Ланиг, скользящий впереди, поднял руку, затем жестом приказал собраться вокруг него.

– Значит, так, – негромко сказал старый мастер. – Соблюдать тишину. У нартагальцев, я уверен, предусмотрен на случай провала двойной трюм, они просто утопят рабов, если тревога подымется. Поэтому, прежде всего нужно отыскать, где содержат детей, а только потом брать капитана и иже с ним. Матросов убирать только если вмешаются. Надсмотрщиков и часовых можете резать. Все ясно?

Фигуры в черном, обступившие его, молча кивнули.

– Вы четверо идете со мной, – продолжил начальник стражи. – Без приказа ни шагу.

Тайные стражи разбежались в разные стороны, каждый командир группы, похоже, хорошо знал, что делать. Санти незаметно вздохнул – понятно, для них это не первая и не последняя операция. Старый мастер направился к большому торговому ландеру, замершему у причала, ученики бесшумно двинулись следом. Скоморох только головой покачал – огромный, четырехмачтовый, довольно неуклюжий корабль. Ланиг говорил, что нартагалец стоит в порту почти месяц, что удивительно. Обычно больше недели торговцы королевства в империи не задерживались. Эти чего-то ждали. Очень похоже, что в самом деле работорговцы. Но кто в Элиане мог продавать им рабов? Чушь ведь полная, за работорговлю положена смертная казнь. Неужели кто-то решился? Старик, кажется, что-то сказал о детях? Санти нахмурился. До какой же степени бесчеловечности нужно дойти, чтобы продавать ребятишек в

Нартагаль? Он не верил, что кто-нибудь может быть таким жестоким.

С борта было опущено целых три трапа, возле каждого застыло по два часовых, бдительно осматривающих окрестности. Интересно, и чего это капитан так опасается? Других кораблей ведь поблизости нет. Ланиг жестом приказал убрать часовых у левого трапа. Санти с Хратом в тот же момент швырнули заранее подготовленные сюрикены. Моряки у трапа схватились за шеи, захрипели, опустились на землю, пару раз дернулись и замерли. Еще несколько мгновений – и все пятеро оказались на борту, заметив краем глаза, что остальные часовые тоже мертвы. Жалости рыжий не испытывал ни малейшей. Работоторговцы жалости недостойны.

До сих пор Санти никогда не бывал на борту крупного океанского корабля, поэтому с интересом оглядывался, не забывая, впрочем, про осторожность. Однако на «Страннике Морей» было тихо, курящих на полубаке пятерых матросов быстро оглушили и связали. Часовых на носу пришлось убрать, незаметно подобраться близко было невозможно. Затем часть тайных стражей скрылась в глубине корабля. Насколько понял их жесты Санти, было решено разыскать и допросить боцмана или помощника капитана. Уж кто-кто, а они должны знать, где тайные трюмы.

Ланиг тоже направился к спуску в трюм. Большинство матросов сейчас гуляло на берегу, напиваясь в припортовых тавернах и развлекаясь в борделях, на борту осталось всего десятка два, плюс капитан, второй помощник и боцман. Однако внизу должно быть еще не меньше тридцати надсмотрщиков, которых необходимо нейтрализовать в первую очередь – эти сволочи вполне способны утопить детей. Капитан нужен живым, чтобы выдавить из него информацию. А затем придется наведаться к архиепископу провинции, имея на руках доказательства. Император приказал покончить с работоторговлей на корню без промедления, чего бы это ни стоило. Подобные операции в эту ночь проводились в каждом порту Элиана, где швартовались нартагальские и даркасадарские корабли. Язву нужно выжигать по живому, пока не распространилась.

Кто бы мог подумать, что Церковь станет заниматься работоторговлей? Ланиг не слишком любил священников, но никогда не думал, что они способны пасть так низко. То-то в последние годы во многих городах начали пропадать дети. Причем только из самых бедных слоев населения. Подозревали маньяков-убийц, каковые

изредка встречались, а оно вон, в чем дело. Самые тщательные поиски ничего не давали, тайная стража с ног сбилась, но даже следов никаких не обнаружила. Несчастные родители убивались, умоляли продолжать искать, но все было напрасно.

Эх, святые отцы, святые отцы... Как же так? Детей продавать взялись. Старик молча кусал губы. Нет, сволочи, не ждите теперь пощады.

Впереди показался один из стражей и два раза скрестил руки перед лицом, о чем-то сигнализируя Ланигу, Санти не понял о чем. Однако старик сразу же направился по лестнице вниз, жестом приказав соблюдать молчание. Очередной коридор, в который выходили двери кают, почему-то вызвал настороженность у старого мастера, и он на мгновение замер. Затем осторожно двинулся вперед.

Пять темных фигур крались по полутемному коридору в сторону кормы. Высунувшая мордочку из норы крыса проводила их удивленным взглядом – эти совсем не походили на привычных ей моряков, от них ощутимо веяло опасностью. Крыса поспешила скрыться, мало ли что.

Ланиг опускался все ниже, ученики следовали в некотором отдалении. Санти не переставал удивляться величине нартагальского корабля. Просто огромен! Трюмы были полупусты, что не могло не удивлять. Невыгодно капитану такое. Нормальный торговец на его месте давно загрузился бы редким товаром, который несложно приобрести в торговой столице империи, и направился бы домой, желая побыстрее получить прибыль. Что-то здесь нечисто. Но найти пока ничего не удалось, и это угнетало.

Однако вскоре впереди показался огонек, и они увидели зевающего громилу с пристегнутой к поясу плетью. Тот куда-то неспешно шел и поминутно поминал какого-то Зерма, обзывая неизвестного жадной жирной скотиной. Так! Надсмотрщик. Однозначно надсмотрщик! Иначе для чего плеть? Прекрасно. Ланиг резко прыгнул вперед. Нартагалец не успел ничего понять, как был уже связан. Он с ужасом смотрел на черные фигуры вокруг и испуганно мычал из-под кляпа. Мимо бесшумно скользили тайные стражи. Они быстро нашли кубрик надсмотрщиков и перерезали их во сне, оставив в живых только одного, толстого пожилого нартагальца с золотой серьгой в ухе. Поскольку он спал в отдельной каютке, то, скорее всего, был старшим.

Старый мастер присел над связанными работниками и медленно стащил с себя маску.

– Меня зовут Ланиг ар Вортон, – ласково сказал он по-нартагальски. – Расскажите где рабы, останетесь жить. Даю слово. Не расскажете? Ваша смерть будет очень неприятна. Все равно ведь расскажете, но умрете.

Страх в глазах надсмотрщиков сменился животным ужасом, мало кто не слышал о начальнике императорской стражи провинции и его безжалостности к преступившим закон. Слухи ходили самые невероятные, Санти коллекционировал их, рассказывая потом друзьям. Потом они все вместе хохотали до упаду, поражаясь богатой фантазией горожан. Кое-кто даже поговаривал, что страшный старик пьет детскую кровь и поедает мозг юных девушек. Скоморох подозревал, что Ланиг сам распускает эти слухи, имея немало выгоды от своей жутковатой репутации.

– Кери, – обратился Ланиг к одному из стражей. – Поставь купол безмолвия.

Тот, видимо, был магом, так как сотворил короткое заклинание, результатом которого стала давящая на уши тишина.

– Теперь никто вас не услышит, дорогие мои, – голос начальника стражи стал еще более ласковым. – Кричите, не кричите, все равно. Прошу учесть, что вы избавите себя от многих неприятных ощущений, если сейчас расскажете мне правду.

Он кивнул еще одному стражу, тот вынул изо рта надсмотрщика кляп.

– Где рабы?

– Я не знаю ни о каких рабах, господин! – завизжал тот. – Клянусь, я обычный моряк!

– А плеть зачем?

– Матросов наказывать!

– Как нехорошо, – укоризненно покачал головой старик. – Ложь наказуема. Армин, покажи этому лжецу, что он зря упрямится.

Один из тайных стражей наклонился над пленником и резким движением сломал ему большой палец на правой руке. Тот отчаянно завизжал и забился в путах.

– Боишься своего капитана? – снова склонился над ним Ланиг. – Зря, он уже в наших руках. Знаешь, какая казнь ждет его за работорговлю? Нет? Кол. И тебя он ждет. И всех остальных надсмотрщиков. Единственный твой шанс сохранить шкуру – это сейчас мне все рассказать. Ты понял?

Второй надсмотрщик отчаянно замычал и замотал головой.

– Хочешь говорить? – повернулся к нему Ланиг, тот отчаянно закивал. – Выньте кляп.

– Я все скажу, господин! – зарыдал здоровенный мужик. – Все! Я знаю, где рабы!

– Заткнись, сука поганая... – злобно прошипел связанный толстяк.

– Идите вы с капитаном вместе к дорхоту! – прорычал в ответ верзила, яростно сверкая глазами. – Я из-за ваших сучьих денег на кол не хочу!

– Пожалеешь, падла! Домой те лучше не возвращаться!

– А кто тебе сказал, что вы туда вернетесь? – негромко, зловеще рассмеялся Ланиг. – Я обещал за правду жизнь, а не свободу.

Кто-то из стражей затолкал в пасть грязно ругающегося толстяка кляп и откатил его неподъемную тушу в сторону, чтобы не мешала. Верзилу развязали, однако двое тайных держали его на прицеле крохотных, но от того не менее смертоносных арбалетов. Он это прекрасно понимал и даже не пытался сопротивляться, слышал краем уха, что такое тайная стража императора.

– Веди, – приказал Ланиг. – И учти: если утопишь детей, твоя смерть будет куда страшнее смерти на колу.

Надсмотрщик съежился, с ужасом покосился на старика и повел тайных стражей куда-то вглубь. Он почему-то сразу поверил этим спокойно сказанным словам. Шли недолго, вскоре впереди показался слабый свет.

– Там четверо дежурят, – хрипло прошептал верзила, трясаясь всем телом.

Старый мастер бросил короткий, внимательный взгляд на учеников и движением подбородка приказал Энету с Тинувиэлем нейтрализовать угрозу. Храт с Санти двинулись следом, чтобы

прикрыть. Граф с эльфом незаметно скользили по трюму, прячась в тени и с каждым мгновением приближаясь к корме. Вскоре они увидели сидящих вокруг фонаря четырех крупных нартагальцев с тупыми и злобными лицами. Надсмотрщики шлепали картами о какой-то ящик, то и дело грязно ругаясь и размахивая кулаками.

Неподалеку от них Энэт заметил длинную щель, из которой выглядывала цепь. Похоже, это что-то скрывающая крышка. Наверное, именно под ней и находится затапливаемый потайной трюм. Он переглянулся с Тинувиэлем, оба приготовили по паре сюрикенов. Стальные звездочки мелькнули в неверном свете фонаря, и хрипящие надсмотрщики повалились на пол, не успев даже дернуться. Однако эльф не заметил, что из-за большого ящика позади него выскочил еще один нартагалец с мечом в руках. Жизнь принца могла в этот момент легко оборваться, но Храт не дремал – надсмотрщик рухнул с орочьим томагавком в затылке.

– Ты сказал, что их здесь четверо, – обернулся к мгновенно побледневшему пленнику Ланиг, увидев это.

– Господин, клянусь вам, я не знал! – рухнул тот на колени. – Это Шупет, он, паскуда, за нами следил, капитану крысятничал. Откуда мне было знать, шо он тут?!

Старик внимательно посмотрел ему в глаза и понял – не лжет. Он кивнул и приказал:

– Открывай!

Надсмотрщик подхватился на ноги и кинулся к трупам бывших коллег. Отстегнув от поясов двоих связки ключей, принялся засовывать их по очереди в замочные скважины в полу, явно запуская сложный механизм. Вполне возможно, что если отпирать в неправильной последовательности, то это вызовет затопление трюма. Наконец что-то громко щелкнуло, и двухсотлоктевая крышка медленно поднялась, открывая потайное отделение.

Никогда, наверное, Санти не забудет открывшегося страшного зрелища. В узкой и глубокой щели буквально на головах друг у друга сидели обнаженные, грязные, истощенные дети. От пяти до десяти лет. Многие походили на маленькие скелетики. А их глаза... Единный Создатель, их глаза были наполнены таким нечеловеческим ужасом, что скомороха передернуло. Малолетних рабов сковали по рукам и ногам, не давая возможности даже пошевелиться. Да и в случае

затопления трюма они мгновенно пойдут на дно, увлекаемые вниз тяжелыми кандалами. Несчастные были вынуждены ходить под себя, из щели несло такой вонью, что ужин рыжего сразу же запросился обратно.

Дети вжимались в стены, боясь пошевелиться. Санти увидел несколько мертвых, из самых маленьких, и только закусил губу. Какой кошмар. Как можно такое с малышами творить? Как?! У него дрожали руки, лицо дергалось. Впрочем, не только у него – многие стражи потрясенно застыли над щелью, глухо проклиная чудовищ, это сотворивших. Они немало повидали в своей жизни, но такого обращения с детьми представить себе не могли.

– Маленькие мои, не бойтесь! – выступил вперед Ланиг. – Мы имперская стража, мы пришли вас освободить!

Недоверчивые детские глазенки из щели долго смотрели на него. Ужас постепенно уходил из них, сменяясь робкой надеждой на чудо. Старик, не стеснясь, плакал. Наверное, именно эти слезы стали камешком, который сдвинул лавину. Дети поверили.

– Дяденька-а-а... – поднял голову какой-то мальчишка лет десяти на вид, к которому прижималась совсем крохотная девчушка. – Спасите Теви, она совсем холодная стала-а-а... Не плачет больше-е-е... Молчи-и-ит...

Старик спрыгнул в щель, дотронулся до синей щеки скорчившейся в последней судороге девочки и медленно покачал головой, закусив губу. Малыш прав, холодная. Совсем. Поздно.

– Прости меня, маленькая, за то, что раньше не пришел. – Он вытер слезы, подавая наружу тело девочки. – И ты, малыш, извини, умерла она.

– Умерла? – неверяще переспросил мальчик, потом тихонько заскулил. – Тевичка-а-а... Ой, что ж я маме скажу, она ж просила тебя беречь...

– Ты не виноват, малыш... – глухо сказал Ланиг, передавая захлеб рыдающего мальчишку стоящему на краю ямы Храту. – Не виноват...

Еще несколько стражей спрыгнули вниз и принялись быстро поднимать несчастных детей наверх. Ведь при открытии крышки в каюте капитана вполне могла сработать какая-нибудь магическая

сигнализация. Надо успеть, прежде чем нартагальцы затопят эту щель. Детей оказалось больше двухсот. Когда все они оказались наверху, Ланиг приказал дрожащему надсмотрщику запереть потайной трюм. Не прошло и двух минут после этого, как раздался глухой шум и пол стал мокрым. Начальник стражи кивнул. Затопили все-таки, сволочи. Что-то, видимо, насторожило капитана. Слава Единому, что поспешили, иначе и сами бы погибли, и малышей не спасли. Корабль резко осел.

– А теперь идите и возьмите живыми капитана с помощником, – приказал он стражам. – Остальных убейте. Сделав вот это, они потеряли право на жизнь.

Ланига колотила гневная дрожь, глаза метали молнии. От его взгляда надсмотрщик весь сжался. Начальнику стражи очень хотелось своими руками удавить эту паскуду, но что делать, слово дал. Ничего, мевидарские каменоломни ему раем не покажутся. Никак не покажутся.

– А вам что, особый приказ нужен? – холодно бросил Ланиг застывшим около плачущих детей ученикам. – Здесь без вас справятся, сейчас вызову помощь.

Он достал амулет связи и принялся вызывать императорский госпиталь. Друзья переглянулись и бросились за остальными стражами наверх. У каждого в душе горела холодная ненависть. После смерти Лека они думали, что познали настоящую ненависть. Ошибались – так, как они ненавидели сейчас, они не ненавидели еще никогда. Впрочем, на их долю никого не осталось, тайные всюду успевали первыми, подчистую вырезая нартагальцев. Только Храту удалось сбить томагавком с вант попытавшегося сбежать матроса. Орк довольно скалился в ответ на завистливые взгляды друзей. Работоторговцев после трюма они воспринимали как опасных зверей, которых нужно любым способом уничтожить. До этого дня ученики горца только читали о Нартагале и царящих там порядках, не особо веря в прочитанное. Сегодня поверили.

На палубе друзья застали любопытную сцену. Десятка полтора тайных окружили связанных капитана, его помощника и боцмана. Нартагальцы сыпали проклятиями, обещая осмелившимся тронуть их все муки ада. Они выглядели полностью уверенными в себе. Стражи молча слушали их, смотря на пленников волчьими, белыми от ярости глазами. Но не трогали. Вскоре на палубу поднялся Ланиг, несущий

на руках тело мертвой девочки. Ей было никак не больше пяти лет...

– По какому праву вы напали на корабль суверенного государства?! – визгливо завопил капитан. – Вы ответите за произвол!

– Право? – Старый мастер приподнял на руках тело девочки. – Вот мое право, нелюдь.

Нартагалец спал с лица, поняв, что затопление трюма не помогло и рабов все равно обнаружили. Законы империи он знал хорошо.

– Мы честно заплатили за этот товар! – снова заорал капитан, явно не понимая, что этим только усугубляет свое положение. – И имеем право поступать с нашей собственностью как нам того хочется!

– Заплатили? – приподнял брови Ланиг. – За живого человека? За свободного гражданина империи?

– Нам плевать на ваши варварские законы! Мы честно оплатили товар продавцу! По закону нашей страны – это наша собственность!

– Вы не в Нартагале, а в империи, – холодно проинформировал крикуна старый мастер. – Знаете, что вас ждет, господин капитан? Кол. Слышали, небось, что это такое? Мы давно, очень давно не используем этот страшный способ казни, но ради вас вспомним.

Тот побелел – слышал, наверное. Он долго неверяще смотрел на Ланига, но, видимо, прочел в наполненных холодной ненавистью глазах старика свой приговор, так как мгновенно покрылся каплями холодного пота.

– Однако вы можете облегчить свою участь и обойтись четвертованием, если выдадите своих здешних контрагентов.

– Я ничего не знаю, – глухо сказал капитан. – Мне предложили товар, я его купил. Продавец мне незнаком.

– Неужели у вас в душе не осталось ничего человеческого? – спросил Ланиг, пристально глядя на нартагальца. – Ведь это же ребенок...

– Раб – не человек! – презрительно бросил тот.

– Нет, это вы – не человек, – отрицательно покачал головой старый мастер, затем повернулся к Тинувиэлю. – Мальчик, извини, я

знаю, что ты этого не любишь...

– Я его разговариваю, мастер Ланиг, – дрожащим голосом ответил эльф. – Не беспокойтесь. Но мне нужны иглы.

– Сейчас принесут. Только потом сможешь вернуть в обычное состояние? Он должен полностью прочувствовать наказание.

– Верну, – резко кивнул Тинувиэль. – Знаете, мастер, до сегодня я не верил, что такие есть...

– К сожалению, есть, мальчик... – грустно вздохнул старик. – К моему величайшему сожалению. Они ради своей выгоды на все готовы. Тысячи людей погубят, лишь бы только что-нибудь для себя получить.

Нартагалец смотрел на них с удивлением и даже презрением. Блаженные какие-то. Конечно же выгода – это все. Ничего больше значения не имеет. Он никак не мог взять в толк, что уважаемого, богатого коммерсанта из-за каких-то нищих выплодков могут казнить. Он не верил в это! Так не бывает! Невозможно! Но элианцы смотрели на него с такой ненавистью, что капитану стало не по себе. Неужели, они всерьез? Да нет, не может того быть. Это они взятку хотят получить, не иначе. Надо дать, конечно, только не переплатить. И так потери немалые, за утопленных рабов заплачено больше пяти тысяч золотых.

– Он, похоже, не понимает, с кем говорит, – заметил Санти, когда нартагалец начал предлагать Ланигу золото, на что старик только зло скалился. – Перед тобой имперская тайная стража, ублюдок.

Вот тут-то капитану и стало по-настоящему страшно. Даже в Нартагале слышали об этой загадочной, пугающей до дрожи организации. Если кто-нибудь попадался в загребущие лапы тайных, о нем больше нигде и никогда не слышали. Слухов о тайных ходило множество, а вот достоверно никто ничего не знал.

Кто-то из стражей подал Тинувиэлю связку игл, капитана раздели, и вскоре он уже пускал слюни, покорно отвечая на все вопросы начальника стражи. Остальные два нартагальца с ужасом и неверием смотрели на эту картину, не понимая, что вообще происходит. Почему капитан выдает все секреты? Его ведь не пытаются! Так, мелочи, несколько игл загнали в разные точки тела, и все. Они уже осознали, что влипли всерьез, по-настоящему, как не

влипали еще ни разу в жизни.

– Этих в подвалы мэтра, мы с ними еще поговорим, – распорядился Ланиг, когда допрос закончился и капитан пришел в себя, принявшись выть от отчаяния. – Корабль обыскать, каждый документ оприходовать.

Схема оказалась чрезвычайно проста и очень выгодна. В Нартагале рабы, особенно малолетние, пользовались огромным спросом, а взять их было неоткуда, собственное население закабалили давным-давно. Раньше нартагальские купцы добывали живой товар на Манхене, полудикие племена мало что могли противопоставить хорошо вооруженным и дисциплинированным воинам. Но с тех пор, как туда пришла империя, доступа в бывшую кормушку не стало. Цены на рабов росли с каждым годом, работоторговцы вертелись ужом, тайно нападали на прибрежные деревни других стран, даже занимались пиратством, но имперские торговцы редко ходили в одиночку, последние двадцать лет торговые корабли всегда сопровождал хоть один военный, на котором обычно находился маг. Из-за нескольких рабов получить на свою голову войну с гигантской империей? Нет, нартагальцы отличались здравомыслием.

Карвенские святоши иногда соглашались продавать непокорных или еретиков, но редко, им самим не хватало рабочих рук в шахтах и каменоломнях. Касик Даркасадара тоже не любил, когда обращали в рабство его подданных, предпочитая выдавливать из них последние соки самостоятельно. Об орках даже речи не шло, ни один находящийся в здравом уме капитан и близко не подойдет к их страшным броненосцам, парой выстрелов из бортовых орудий обращающим в хлам любой деревянный корабль. В отчаянии нартагальские работоторговцы даже рискнули направить в великую степь послов, надеясь договориться с ханами, но те вместо послов вернули их хорошо выделанные шкуры. В эльфийский лес соваться было еще глупее, чем нападать на орков. Многие ранее известные и богатые работоторговые дома разорились, остальные готовились к тому же, когда в Нартагаль прибыл посланец одного из епископатов империи с выгодным, хоть и опасным предложением.

Работоторговые дома схватились за него руками и ногами, это был их последний шанс выправить положение, многие уже не могли платить проценты по закладным, кредиторы наступали на пятки.

Заняться другим бизнесом им почему-то в головы не приходило. А тут вдруг некий епископ Дориат из тарсидарского епископата предлагает тайную поставку малолетних рабов – по его словам, в империи расплодилось слишком много нищих, которые мешают нормальным, обеспеченным людям жить в свое удовольствие и висят на казне тяжким грузом. Превосходно! Лучше не придумаешь!

Совместными усилиями несколько работорговых домов выстроили и переоборудовали около сотни специализированных кораблей, имеющих потайной трюм для перевозки людей. Пришлось также изготовить заговоренные колдунами нартагальского Аллизиума специальные кандалы, отсекающие возможность магического поиска пленников – без этого эльдары сразу узнали бы, что где-то мучают детей, и быстро прикрыли бы лавочку.

После поступления на рынки Нортагаля первой партии имперских рабов работорговцы воспрянули духом, прибыль оказалась баснословной. Порой один рейс окупался вдесятеро, несмотря на неизбежные потери во время пути: пока корабль пребывал в имперских водах и мог в любой момент нарваться на досмотр, приходилось содержать товар в схроне, где рабы мерли, как мухи. Но все равно, после того как выживших приводили в нормальный вид, богатые извращенцы Нортагаля платили за одного малолетнего, хорошо выдрессированного раба по несколько тысяч тархемов, тогда как покупали детей у епископов всего лишь за двести-триста золотых. Огромные, невероятные прибыли!

За каких-то три года сеть охватила собой всю империю, в каждый порт приходили нартагальские корабли с работорговцами, которые притворялись обычными купцами, даже торговали кое-чем для отвода глаз. Но настоящий товар был спрятан глубоко в потайных трюмах.

– Три года... – глухо повторил Ланиг. – Три года! Слепой я идиот!!! И глухой в придачу. Как я мог этого не узнать?

– А как мог? – резонно возразил кто-то из тайных. – Конспирация у них была на высоте. Ты сам смотри, никто никого толком не знал, каждый отвечал только за свой участок работы. Хорошо, хоть мы знаем, кто все это затеял.

– Да, – кивнул старик. – Знаем. Епископа Дориата взяли?

– Уже допрашивают. Мэтр Эстеван лично с ним работает по

этому новому эльфийскому методу, передал, что епископ поет, как птичка, всех подряд закладывает.

– Очень хорошо. Всех, кого он выдаст, немедленно брать.

– Архиепископ такую вонь подымет...

– А мы с ребятами сейчас к этому самому архиепископу наведемся. Поговорим о том о сем. Как, мальцы?

– Как скажете, мастер Ланиг! – бодро ответил Санти. После увиденного на корабле работоторговцев он готов был своими руками удавить каждого, кто с этим кошмаром связан.

– Только маски не снимать, не хочу, чтобы он вас узнал. И молчать, говорить буду я. Вы просто четверо тайных, сопровождающих меня.

– А что с детьми? – спросил мрачный Храт.

– Маги телепортировали их прямо в госпиталь, многие едва живы.

Посреди ночи в двери роскошного дома архиепископа тарсидарского внезапно принялись колотить руками и ногами. Такой невероятной наглости слуги его преосвященства не помнили. Это что же должно произойти, чтобы столь важного иерарха побеспокоили в ночное время? Перепуганный привратник долго не мог отворить смотровое окошечко, руки тряслись.

– Чего надо? – спросил он наконец.

– Открывай! – рявкнул чей-то скрипучий голос. – Имперская тайная стража! Я начальник стражи Ланиг ар Вортон!

От звука этого страшного имени привратника перекосило. Позади него зашептались перепуганные лакеи.

– Его преосвященство изволят почивать.

– Так буди. Или через час дом будет взят имперской гвардией.

Поняв, что дело нешуточное, слуги забежали. Очень не хотелось вызывать гнев хозяина, но выхода не было, с тайной стражей лучше не ссориться, себе дороже. Кто-то из лакеев, обреченно вздохнув, отправился в спальню архиепископа.

Пресвятой отец долго ругался, даже запустил в обнаглевшего

слугу туфлей, но вскоре понял, что это не розыгрыш, и под дверями его дома действительно стоит сам Ланиг ар Вортон. Его преосвященство вздрогнул, пытаясь понять, что может быть нужно от него ходячему кошмару. Но ничего не надумал и распорядился принять незваного гостя в малой розовой гостиной. Когда в дверях появился начальник стражи в сопровождении четырех тайных, тут же ставших по углам комнаты, он едва сумел сдержать дрожь. В глазах вошедшего горела неприкрытая ненависть.

– Что это значит, господин ар Вортон? – высоким, слегка подрагивающим от волнения голосом спросил архиепископ. – По какому праву вы врываетесь в мой дом посреди ночи?

– Случилась большая беда, Ваше преосвященство, – низко поклонился Ланиг. – Группа епископов тарсидарского епископата обманула вас и совершила государственное преступление, прикрываясь именем святой Церкви. Кое-кто из них даже осмеливается лгать мне в глаза, утверждая, что вы сами покрывали преступников. Я, конечно, им не поверил и прибыл сообщить вам об обстоятельствах этого дела.

«Не поверил, как же... – с тоской подумал архиепископ, пытаясь понять, на чем именно и кто попался. – Неужели он пришел меня арестовывать? С этой сволочи ведь станется, наглости ему не занимать...»

Старый мастер принялся описывать происшедшее этой ночью. Глава Церкви Тарсидара выглядел совершенно спокойным, но внутри у него все кипело. Докопалась-таки проклятая ищейка! Докопалась! Нет, ну что за тварь такая? Какое ему дело до этих помойных щенков? Церкви необходимы неподотчетные и неподконтрольные никому деньги! Они на святое дело пойдут. Только вот, поди, объясни это суду. Только отягчающим обстоятельством сочтут. Кто же проговорился? Какой идиот пожадничал? Эх, какое выгодное дело провалилось...

– Но что я могу сделать? – с трудом заставил себя заговорить архиепископ.

– Мы просим вас осудить преступников церковным судом и передать в руки светских властей.

– А больше вы ничего не хотите, господин ар Вортон? – голос его преосвященства стал сварливым.

– Больше ничего. Пока. Но прошу учесть, что если обо всем этом станет известно тарсидарцам, то я не берусь предсказать их реакцию...

Не берется? Ну и ну. Любому дураку понятно, что разъяренные горожане без промедления ринутся жечь епископат и бить епископов. Стражники легко надавят на жалость простонародного дурачья, покажут им несколько подохших щенков, и готово – идиоты взбесятся. Да, если это случится, Церковь потеряет столько позиций, что... Ловок, паскуда, ни единого выхода не оставил, придется отдавать епископов. Единый Создатель, почему ты так жесток к своим верным слугам? Неужто из-за мелких слабостей? Ну и что с того, что хороший человек удавит нескольких малолетних шлюх? Их ведь и так ведь расплодилось бессчетно...

– Ваше преосвященство вполне может сообщить, что это благодаря прозорливости Матери-Церкви разоблачены пробравшиеся в тарсидарскую епархию слуги дорхота... – вкрадчиво сказал Ланиг, в глазах старика горела неприкрытая насмешка. – Да не мне вас учить, как делаются такие дела. Вы человек опытный.

Нет, ну какая же сволочь?! Архиепископ долго хватал ртом воздух, он не мог дышать от возмущения. Но одновременно понимал, что именно так и придется сделать, иного выхода ар Вортон все равно не оставил, прямо намекая, что в ином случае пострадает сам глава епархии.

– Вы правы... – устало сказал он через некоторое время. – Прошу передать мне списки преступников. Они будут осуждены церковным судом, лишены сана и переданы светским властям для наказания.

– Крайне благодарен, – низко поклонился Ланиг, с трудом скрыв гримасу гадливости. – Списки вы получите завтра днем. Хочу еще только попросить передать любителям легкой наживы, что мы можем простить многое, но работорговли в империи не потерпим.

– Я позабочусь о том, чтобы подобного в моей епархии больше не происходило, – мертвым голосом ответил его преосвященство, мрачно глядя в пространство перед собой.

– Тогда всего вам доброго, – снова поклонился старый мастер и покинул розовую гостиную вместе со своими сопровождающими.

Архиепископ долго сидел молча. Его колотило от ненависти.

Только Мать-Церковь вправе решать, кто будет рабом, а кто свободным! Только Мать-Церковь! Никак не эти... колдуны. Ничего, подождите немного, господа хорошие, вскоре вы уплатите по всем счетам. В десятикратном размере. Кровью своей уплатите. Наплачетесь. Если бы кто-нибудь сейчас увидел его преосвященство, то шарахнулся бы в сторону – церковный иерарх походил в этот момент не на человека, а на самого Владыку Бездны.

16. Рождение мечей

Жара стояла удушающая, четыре больших горна нагревали воздух в кузне так, что вошедшему могло показаться – он в аду. Грохот молотов, смешивающийся с шумом станков из расположенного неподалеку цеха, давил на уши, у непривычного человека вскоре разболелась бы от него голова. Между четырьмя наковальнями прохаживался обнаженный по пояс мастер-кузнец. Только кожаный фартук скрывал его могучий торс. Он внимательно следил за учениками, кующими картаги, стараясь не дать никому из них испортить заготовки. Особенно внимательно кузнец наблюдал за скоморохом, ведь белых заготовок больше нет – если испортить эти, потеря будет невозвратной. За прошедшие два с половиной месяца ученики научились кое-чему, уже вполне могли ковать самостоятельно несложные вещи. Но доверить им доводку призрачных мечей без присмотра никто не решился бы, поэтому неподалеку постоянно находился кто-нибудь из опытных кузнецов. Особенно теперь, когда осталась самая тонкая работа. Еще каких-то две недели – и ученики покойного горца обретут картаги. Совсем недолго осталось.

Санги несильно стучал небольшим молотком по кромке раскаленного до белизны лезвия одного из мечей, в то время как второй разогревался в горне. Пот заливал глаза, но вытирать его было некогда. Мало кто из прежних знакомых узнал бы в этом довольно высоком, мускулистом парне рыжего скомороха, не дававшего жизни всему Тарсидару. Юноша изменился разительно, вытянулся больше, чем на голову, плечи раздались вширь, в зеленых глазах появилась спокойная уверенность в своих силах. Только шапка курчавых, непокорных, огненно-рыжих волос осталась прежней. Они не поддавались никакому гребню, и скоморох давно махнул на это бесполезное дело рукой, даже не пытаясь привести свою копну в порядок. Втайне он завидовал прямым каштановым волосам Энета, не говоря уже о роскошной черной гриве Тинувиэля.

– Как у вас тут дела? – раздался из-за спины голос императора, но Санги не позволил себе отвлекаться, продолжая формировать режущую кромку.

– Здравствуй, твое величество, – ответил мастер-кузнец. –

Неплохо, ребята справляются пока. Осталось, правда, самое сложное.

– И тебе привет, Верен. Рад видеть. Ничего, справятся, не они первые, не они последние.

– Белые мечи никто еще не ковал, – почти неслышно возразил кузнец, кивнув на потного скомороха. – Испортит, что делать станем?

– Не думаю, что эти заготовки вообще можно испортить, – отмахнулся император. – Я слышу их пение. Они живые, Верен. Уже живые.

– Вот как? – задумчиво покивал тот. – Тогда ладно. А остальные?

– На грани пробуждения. Особенно – мечи Мудрости. Следом пойдет Ярость. Последней – Жизнь.

– Интересно, почему так?

– Ты у меня спрашиваешь? – иронично хмыкнул император. – Так я не знаю. Я просто вижу, ничего больше. Может, позже узнаем, почему.

Санти не слышал этого разговора, он в это время менял заготовки местами. Положив раскаленную добела полосу металла на наковальню, а остывшую в горн, юноша сосредоточился, пытаясь почувствовать, что делать дальше. Именно этому, чувствовать свой не выкованный еще меч, и учил их мастер-кузнец. Он утверждал, что картаг сам объяснит, как его нужно ковать. Иногда скомороху казалось, что он действительно знает, куда нужно ударить, в какой момент и с какой силой. С каждым днем такое повторялось все чаще и чаще, Санти давно привык к этому и не считал чем-то необычным. Он постоянно разговаривал с мечами, они казались родными детьми, даже больше – частью собственной души, наверное. Порой возникало ощущение, что ему кто-то отвечает, кто-то еще не существующий, но уже живой. Юноша улыбнулся и легко ударил по лезвию, выправляя небольшую деформацию, картаг, казалось, довольно заурчал в ответ. Молоток раз за разом бил по раскаленному металлу, причем бил только туда, куда было нужно. Откуда Санти знал, куда и как нужно ударить? Он не смог бы ответить на этот вопрос. Знал, и все.

За его спиной переглянулись император с кузнецом и совершенно одинаково, одобрительно кивнули. Мальчишка действовал на удивление правильно, он, похоже, на самом деле чувствовал свои будущие мечи. Прислушавшись к словам скомороха,

обращенным к картагу, его величество вздохнул, вспомнив, как ковал собственный. Впрочем, в его случае все было несколько иначе. Пришлось обходиться без чьей-либо помощи – он, получив корону, не был горным мастером, и понятия не имел о законах боевого братства. Да, нелегко пришлось. Ничего, справился и всему научился. Но преемника все-таки лучше выбрать из младших мастеров, не стоит парню мучиться так, как ему самому в свое время.

До сих пор непонятно, почему Карлах III выбрал именно его. Чем заинтересовал императора не знавший жизни послушник, не так давно сбежавший из монастыря и чудом устроившийся учеником к горшечнику? Впрочем, понятно, конечно. Теми самыми качествами, которые ему самому нужно высматривать в молодых мастерах. Маран поежился. Давно пора искать себе наследника, скоро уже шестьдесят, далеко не молод. Погибнет случайно, и что станет с империей? Конечно, останутся эльдары, они сумеют избрать императора, но это все-таки не совсем то. Власть лучше передавать собственноручно, иначе многое может оказаться потерянным.

Его величество внимательно посмотрел на Санти. Потом по очереди оглядел остальных. Может, все-таки избрать кого-нибудь из этой пятерки? По душевным качествам каждый подходит. Маран немного подумал. Эльф с орком, увы, сразу отпадают – не люди. Остаются трое. Лек, Сантиар и Энет. Черный, белый и синий. Тьма, Свет и Мудрость. Впрочем, пока рано об этом, мальчишки еще ничего не могут, да и пророчество над ними висит. Пожалуй, не стоит их трогать. Пятеро – и ничего больше не добавишь. Хотелось бы только понять, что из всего этого выйдет.

– Знаешь, твое величество, – задумчиво сказал Верен, – я бы этого рыжего взял в ученики. Хороший кузнец будет.

– Даже больше, чем хороший. Только судьба у него иная. Носитель мечей Света. Я пока не знаю, к сожалению, что это значит, но думаю, что немало.

– Ты прав... А жаль.

– Жаль, не жаль, – тяжело вздохнул император, – а будем делать, что должно. Скорее бы мальчишки заканчивали с картагами, нужно срочно убирать их из города. Только за вчера двенадцать попыток проникновения в казармы было. Двенадцать трупов, ни одного живым взять не удалось, кончают с собой. Охотники. Черный клан

объявил войну империи. Почему? Опять не знаю!

– А что Ланиг? – удивился кузнец. – Ничего не нарыл?

– На нем и так столько всего висит, что не дай Единый, – отмахнулся его величество. – Я и без него прекрасно знаю, кто натравил клан на мальчишек. Только не представляю, какие это надо было деньги заплатить, чтобы черные рискнули выступить против меня.

– Я тоже не представляю. Не один миллион, похоже.

– И дело не только в деньгах. Не стали бы охотники так настойчиво рваться к цели ради денег, они обычно очень осторожны, здесь что-то еще. Но что? Не могу понять. Судя по всему, мы в начале самого страшного кризиса в истории империи.

– Неприятно, – поежился кузнец. – И за всем, конечно, стоит наша любимая Церковь?

– Стоит, – согласился император. – Но дело даже не в архиепископах, а в Карвене. Боюсь, что, пока существует эта страна, нам покоя не знать. Совсем скоро большая война, их паладинские корпуса готовы. Только вот выяснить, куда они планируют ударить, не удалось. У нас слишком большая территория, никаких войск не хватит, чтобы прикрыть всю. Придется, похоже, выводить основные флоты к западному побережью.

– А если святоши пройдут через нартагальский и дарканский проливы, а потом ударят по восточному побережью?. Дигиандар или Ваналь они возьмут с ходу, там и оборонительных сооружений-то нет. Или по Яриндару могут ударить.

– Им придется проходить мимо Манхена, а Манхен наш, – проворчал император. – Магов там хватает, сообщат о прохождении большого флота через проливы. Да и эльдаров там несколько есть.

– Да, о магах я как-то не подумал, – задумчиво покивал мастер-кузнец. – Но ты не учитываешь, что карвенцы одновременно могут атаковать и Манхен, народу у них достаточно. А с магами договорятся, академики не слишком тебя любят.

– А эльдары? – ехидно спросил его величество. – С ними тоже договорятся?

– А эльдаров перебить заранее.

– Бр-р-р... Не дай Единый такого. Вот тогда мы действительно влипли. Впрочем, генералы рассматривали и вариант с нападением на восточное побережье. Да, в этом случае несколько городов придется временно оставить, может быть, даже весь Яриндарский полуостров, но выбить святош оттуда сможем. Со временем. Есть у меня для них несколько неприятных сюрпризов. Да и орки рядом, уж кто-кто, а они не станут спокойно смотреть, как карвенцы у них под носом разгуливают. А их броненосцы ты видел.

– Дай-то бог... – тяжело вздохнул кузнец. – Знаешь, надо было все-таки не давать Карвену отдышаться после последней войны, а раздавить святош до конца.

– Надо было, – согласился император. – Только я в то время не правил. У Бартема I были свои резоны оставить Карвен в покое, хотя я на его месте этого делать не стал бы. Он не подумал, что оставляет головную боль потомкам.

– Я...

Кузнеца прервал странный, звенящий звук. Оба собеседника повернулись к наковальне Санти и замерли на месте. Скоморох одной рукой схватил один из самых больших молотов и с силой опустил его на картаг. Меч ответил нежным звоном и вспышкой белого света. Юноша выглядел безумным, его глаза горели лихорадочным огнем, он раз за разом обрушивал молот на наковальню – казалось, без какого-либо смысла. Так нельзя было ничего выковать, только испортить самую лучшую заготовку. Однако происходило что-то странное. Звон следовал за вспышкой, вспышка за звоном. Легко держа огромный молот, который еще утром и поднять-то не мог, рыжий обрушивал его на металлическую полосу, становящуюся с каждым мгновением все больше похожей на меч.

Санти в голос читал заклинания, которых знать никак не мог. Однако читал. Что-то вело его за собой. Казалось, весь мир затопил белый огонь, не дающий дышать. Скоморох смеялся и одновременно плакал, ни на мгновение не прекращая охаживать молотом картаг. А тот смеялся в ответ, юноша слышал этот невероятный, раздирающий его на куски, торжествующий смех. Он был уже не здесь, а где-то в небе, за спиной распахнулись крылья, кто-то всемогущий менял его человеческую сущность, заменяя ее какой-то иной.

Император смотрел на него и не верил, что видит это. Не думал,

что доведется увидеть истинное Рождение. Откуда рыжий оболтус знает эти заклинания? Откуда?! Их не знал в этом мире никто, кроме него самого. И не мог знать. Вывод отсюда следовал только один: картаги жаждут Рождения и диктуют носителю необходимое. Что же Элиан вложил в эти мечи?! Не обезумел ли он, создавая такое? Насколько знал Маран, Завоеватель выковал белые заготовки перед самой смертью, отдав им, похоже, собственную жизнь. Потом записал пророчество Пятерых, избрал преемника, лег на кровать, закрыл глаза и умер. Только вот тело его бесследно исчезло.

– Что он творит? – голос кузнеца дрожал. – Испортит же...

– Нет... Не испортит.

– Надо его остановить!

– Ни в коем случае!

– Но...

– Рождаются... – с восторгом в голосе протянул император. – Неужели ты не понял? Копыто дорхота, рождаются!

– Кто? – растерянно посмотрел на него кузнец. – Что здесь вообще происходит?

– Мечи Света рождаются! Гмырхова задница, я ждал этого только недели через две! Почему сейчас-то?!

– Единый... – прошептал кузнец, не отрывая растерянного взгляда от обезумевшего скомороха.

Санги швырнул на наковальню обе заготовки и бил то по одной, то по другой, не прерываясь ни на мгновение. Он голый рукой переворачивал раскаленные полосы металла, почему-то не обжигаясь. Мечи не прекращали звенеть, вспышки белого света слепили. Казалось, весь мир содрогается в такт ударам кузнечного молота. Скоморох знал, что поступает правильно, что иначе просто нельзя. Время пришло. Его совершенно не интересовало, откуда пришло это знание. Так надо, больше ничего не имело значения. Только это. По стенам кузни поползли языки белого пламени. Внезапно звону его мечей ответил такой же звон с другой стороны.

Император резко повернулся туда и схватился за голову. Другие ученики точно так же лупили огромными молотами по заготовкам. Они не обращали ни малейшего внимания на происходящие с их

кровным братом чудеса, продолжая ковать свои картаги. Маран негромко выругался. Похоже, рождающиеся мечи Света потянули за собой остальные. Вскоре кузню озарил синий свет Мудрости, затем алый Ярости, напоследок все покрыл собой зеленый свет Жизни. Разноцветные вспышки следовали одна за другой, мир танцевал им в такт. По стенам рвались вниз молнии, пол содрогался.

Император бросил быстрое анализирующее заклятие и ощутил, как его волосы под капюшоном встают дыбом. Начиналось что-то страшное. Что-то не поддающееся описанию, с места сдвинулись сами первозданные Силы и внимательно присматривались друг к другу, готовясь сойти в тварный мир. Элиан в своих записях не предупреждал об этом! Ничего не скажешь, весело. Если мальчишки не удержат силу мечей в узде, рванет так, что от всего Тарсидара только яма оплавленная останется. Впрочем, можно поставить защитный купол вокруг кузни. Потом, конечно, неделю пластом лежать придется, но жизнь горожан дороже. Они-то здесь совершенно ни при чем.

– Выводи людей из кузни! – резко приказал император кузнецу. – Всех до единого! Немедленно! Здесь сейчас такое начнется...

– Понял! – кивнул тот и бегом рванул к выходу.

Маран постоял еще несколько минут, своей силой сдерживая рвущийся наружу выплеск энергии. Едва сдерживая, из последних сил. Необходимо дать людям время покинуть Дом Стали. Любой, оставшийся поблизости во время Рождения, превратится в пепел. Даже он сам, несмотря на всю свою магию. Почувствовав, что в кузне никого не осталось, император телепортировался наружу. Он облегченно вздохнул, оказавшись локтях в пятистах от входа в Дом Стали. Успел, слава Единому!

Неподалеку собралась толпа людей. Стражники, кузнецы, подмастерья, ученики горных мастеров, писцы, домохозяйки. Кого здесь только не было, даже мэтр Эстеван выбрался наружу из своих подвалов. И все они круглыми глазами смотрели на огромную кузню. А посмотреть было на что. Дом Стали, казалось, танцевал, весь трясся, подпрыгивал, гулкие удары заставили многих зажать уши, но это не помогало... Содрогалась сама земля. С небес в крышу кузни били молнии, да что там, молнии – столбы разноцветного пламени! Вокруг становилось все жарче, люди утирали лбы рукавами рубах.

Многие косились на застывшего императора.

Маран отдавал все свои силы на создание защитного купола, но понимал, что не справляется. Само мироздание противилось его усилиям, первозданные силы открыли глаза и вовсе не желали их закрывать. И тогда его величество сделал то, чего не делал до сих пор еще ни один император. Кроме, разве что, Элиана Завоевателя. Он позвал всех до единого эльдаров. Никогда еще за последние полторы тысячи лет не раздавался в магическом эфире мира общий зов.

По всему двору начали появляться легкие туманные облачка, из которых выходили одетые в серые с серебром плащи рыцари престола. Столько эльдаров вместе не видели еще нигде, люди уступали им место, но многие зрители выглядели оглушенными. Туманнолицые, поняв, что происходит, один за другим подходили к императору и включали свои силы в его заклинания. Вскоре над Домом Стали встал невидимый купол, пробить который, однако, не могло ничто в мире. Только над крышей маги оставили отверстие, чтобы не мешать первозданным силам. Неизвестно ведь как те себя поведут, если перекрыть им доступ к кующимся мечам.

Бьющие с неба столбы пламени видел весь город. Жизнь Тарсидара замерла, горожане и гости торговой столицы стояли с открытыми ртами, глядя на невероятное зрелище. Что это? Некоторые особо фанатичные проповедники и монахи тут же воспользовались происшествием, начав вопить, что это Единый наказывает грешников, и призывать жечь колдунов с еретиками. Иначе, мол, гнев Создателя обрушится на весь город. Однако их мало кто слушал, привычные к развлечениям магов тарсидарцы и раньше не слишком-то верили «святым» лжецам, хорошо зная, на что те способны. А уж теперь, после публичной казни лишенных сана епископов-работоторговцев, доверие к кликушам упало до самой низкой отметки. Как-то ни разу на памяти горожан Создатель явно никого не наказывал, зато маги еще и не то устраивали. Наверное, снова император с эльдарами какое-то новое заклинание творят, с них станется.

Маран молча стоял, глядя на бьющие в кузню молнии. Он ежился, всей своей сутью ощущая, что дело близится к развязке. Еще полчаса, возможно час – и все. Четыре пары великих мечей явятся на белый свет. Одновременно он вспомнил о горце, скучающем в одном из императорских замков, и усмехнулся. Мальчишка, наверное, с ума

сходит, не понимая, что такое творится с его мечами. Почему это они вдруг стали абсолютно черными. Его картаги ведь сейчас тоже пробуждаются, Маран в этом не сомневался. Тьма не оставит своего избранника в момент, когда остальные получают силу. Еще больше мальчишку, наверное, поражает, что в него самого бьют с чистого неба черные молнии, но не убивают, не обжигают, а заставляют чувствовать себя сильнее.

Представив себе перекошенную от страха носатую физиономию Лека, пытающегося спрятаться под деревьями от молний, его величество позволил себе ироничную усмешку, все равно никто из-за маски не увидит. Похоже, вскоре мальчишку можно будет возвращать в Тарсидар. Носителям великих мечей убийцы черного клана не страшны. Да и невидимки с эльдарами горца здорово подтянули, вполне неплохо пьяным стилем овладел. Ноет только постоянно, скучно ему, видишь ли, в одиночестве, но это по молодости, по глупости. Вот остальных, если выживут сегодня, тоже придется дрессировать так, чтобы перья летели.

Времени совсем не осталось, император физически ощущал, как оно утекает сквозь пальцы. Хорошо хоть Ланиг с начальниками стражи других провинций перепугали архиепископов до полусмерти, показав, что знают об их связях с работоторговцами. Святоши даже согласились отдать на казнь всех ответственных за это, чего не случалось еще никогда. Нартагальцы после потери полусотни кораблей тоже вряд ли рискнут искать рабов в империи. Надо будет обязательно посетить короля Техе, предупредить, чтобы приглядывал за своими купцами. А то ведь можно и несколько полков гвардии отправить через телепорт прогуляться по Нартагалю. Это вряд ли понравится королю, задумается. Впрочем, нет, вскоре нападение карвенцев, не стоит разбрасываться войсками. Но припугнуть нартагальцев не помешает, обнаглели, сволочи.

Что-то изменилось вокруг, и император насторожился. Молнии перестали бить в крышу Дома Стали – наоборот, от него вверх понеслись вспышки света. Разноцветные вспышки. Белая – Света. Синяя – Мудрости. Алая – Ярости. Зеленая – Жизни. Все. Маран переглянулся с оказавшимися рядом эльдарями. Мальчишки молодцы, удержались, не выпустили силу. Свершилось предсказанное полторы тысячи лет назад. Великие мечи родились. Хотелось бы только знать, что это принесет империи. Элиан утверждал, что они спасут страну в самый тяжелый момент. Его бы

слова, да Единому в уши.

– Тери, – повернулся император к ближайшему эльдару, – будь другом, смотайся в Замок Призраков, принеси ножны.

– Те самые? – уточнил рыцарь престола. – Думаешь, твое величество, они к этим картагам подойдут?

– Думаю, – подтвердил Маран. – Не зря ведь ни один меч в них не держался. Наверняка ждали особых. А уж если эти особыми не считать, то я и не знаю, какие можно.

– Ладно, – пожал плечами эльдар и исчез в туманном облачке.

Вскоре он вернулся, неся с собой пять пар узорчатых ножен, сделанных с невероятным мастерством. Трудно было отвести взгляд и не верилось, что они созданы человеческими руками. Но пары ножен несколько различались. В одной превалировал в отделке белый цвет, во второй – черный. Остальные, соответственно, были синими, алыми и зелеными. Император сразу отметил это, кивнув своим мыслям.

– А ты сомневался, – заметил он. – Даже цвета подходят.

– Вижу, – тяжело вздохнул эльдар. – Не по себе мне от всего этого. С такими всплесками первозданных сил мы еще не сталкивались. Как бы не влететь по полной, твое величество.

– И это возможно, – уныло развел руками император.

– Твое величество! – подошел к ним с трудом прорвавшийся сквозь плотную толпу Ланиг. – Что здесь случилось?! Весь город бурлит!

– Да так, почти ничего, – иронично хмыкнул Маран. – Всего лишь начало сбываться пророчество Пятерых. Мальчишки закончили ковать великие мечи. Видел, небось, как на это первозданные силы отреагировали?

– Видел... – недовольно проворчал старый мастер. – Это что же получается, четверо молодых охломонов весь этот переполох устроили?

– От них ничего не зависело, дружище. Ровным счетом. Нужно срочно обучать их остальным стилям двумечного боя. Я завтра же пришлю к тебе Эрвета, Лоарга, Харида, Даорида, Керада и Остилата. Лучше них никого нет в их школах. Ну, и пьяный стиль, естественно.

Позаботься, прошу, чтобы у молодежи минуты свободной не оставалось. А то натворят чего-нибудь, не понимая, что за страшная сила в их шаловливые ручки попала.

– Задачу уяснил. – Старик задумчиво потер подбородок. – Не беспокойся, твое величество, кроме как изредка на сон и стоны им времени не останется. Да и сам погоняю, они меня по привычке побаиваются.

– Ну, тебя многие побаиваются, – негромко рассмеялся император. – А кое-кто так и вообще до визга боится.

– А не надо закон нарушать! – довольно осклабился Ланиг.

– Что там девочка?

– Довольно успешно вошла в образ, святоши клюнули, хотя долго пытались понять, почему она не умерла вместе с парнем. Преподнесли еще того же яду, она проглотила, не обратив внимания. Господа епископы сами едва не померли от изумления. Попотчевали им еще кого-то, тот благополучно отдал богу душу. Другим ядом угостили. Та же реакция. Решили, в конце концов, что это Божий промысел, и лучше использовать ценный дар, чем уничтожать. Долго проверяли, но все-таки поверили. Девчонка уже сообщила кое-что интересное, но ничего особо важного пока нет. Знаешь, окончательно признаю, что был неправ по ее поводу.

– Не совсем, – в голосе его величества слышалась легкая ирония. – Если бы ты не устроил ей шоковую терапию, стала бы в конце концов законченной стервой. Зато теперь человеком будет. Настоящим.

– Может быть... – с сомнением протянул старый мастер. – Может быть... Парня когда думаешь в город возвращать?

– Пока не знаю, – пожал плечами император. – Он сейчас в шоке, я думаю. Одновременно с остальными пробудились и его мечи, а его никто не предупредил. Надо будет вечером на нашего горца глянуть, а то еще умом тронется от непонимания. Представь, что это в тебя ни с того ни с сего начали лупить с неба черные молнии. Какова будет реакция?

– Бр-р-р... – передернуло Ланига. – Не дай Единый такой радости! Точно чокнуться можно.

– И я о том же, – вздохнул император. – Стоп, мальчишки

выходят!

Он повернулся к входу в Дом Стали. Оттуда действительно вышел шатающийся от слабости Санти, держа в руках белоснежные, пылающие белым же огнем мечи. Десятки кузнецов, стоявшие вокруг, разом восторженно выдохнули – такой красоты ни одному из них видеть не доводилось. Строгие, четкие линии лезвий, обтянутые непонятно чем рукояти. Ничего особенного, казалось бы, но от белых картагов было не отвести взгляда, хотелось любоваться и любоваться ими. Следом шел еще более изможденный Энет, радостно глядящий на свои синие мечи. Храт бережно нес алые мечи Ярости, глаза молодого орка пылали отблесками бесчисленных сражений прошлого. Последним вышел Тинувиэль, чьи картаги оказались, конечно же, зелеными. Четверо учеников не заметили защитного барьера вокруг кузни, миновав его, как ни в чем не бывало. Император от изумления едва не упал. Вот так сила! Жаль только, дуракам досталась.

– Поздравляю! – выступил он вперед. – Поздравляю, дорхоты бесхвостые!

– Спасибо, твое величество... – растерянно пролепетал Санти, только сейчас поняв, кто перед ним. – Я...

– Ты, ты, морда бесстыжая! – радостно рассмеялся император. – Рад за вас. Мечи-то погаси, незачем жечь их силу все время.

– А как? – растерянно спросил скоморох, все еще не понимая, что такое произошло и как он сумел отковать за полдня картаги, ковать которые нужно было еще, как минимум, дней десять.

– Просто пожелай.

Рыжий растерянно посмотрел на пылающие безумным белым огнем мечи и попытался представить, что они гаснут. Лезвия и в самом деле мгновенно погасли, приобретя обычный цвет хорошо прокованной стали, только рукояти остались белыми. Император протянул ему пару отделанных тем же цветом ножен. Картаги легко скользнули в них и удобно устроились внутри, как будто только того и ждали. Император хмыкнул про себя – надо же, а до того полторы тысячи лет отказывались принимать любые мечи, которые выпадали из них, будто смазанные жиром. Он помог мальчишке затянуть перевязь и устроить ножны крест-накрест за спиной.

Санти попрыгал, пытаясь понять, где давит. Непривычно было

ощущать за плечами тяжесть ножен, да и к белым рукоятям привыкать придется. Странно, ни у кого другого Санти не видел белых рукоятей, только обычные, темно-серые. А откуда они вообще взялись, эти рукояти? Не помнил, чтобы он их насаживал, да и не умел этого делать. Снова странность. Правда, картаги остальных троих тоже оказались цветными. Ох, Единый, и ради чего ты все это устроил? Понять бы... Очень не хотелось выделяться, с такими мечами они сразу обратят на себя внимание праздных зевак... Не успел Санти подумать об этом, как рукояти его картагов потемнели и приобрели темно-серый цвет. О! Отлично. Так-то всяко лучше будет.

Император внимательно смотрел на него и размышлял. Впервые он видел, чтобы призрачные мечи меняли цвет по желанию носителя. Да, даже обычные картаги могли многое, очень многое, но такое? Нет. Впрочем, великие мечи, о чем речь. Никто не знает и знать не может их возможностей. Надо будет попросить у мальчишек разрешения обследовать картаги. Без такого разрешения даже самому лучшему магу не стоит прикасаться к артефактам первозданных сил, можно нарваться, да так, что костей не соберешь.

Вскоре усталых до полусмерти учеников отвели в баню смыть копоть и пот. Они очень не хотели расставаться с обретенными мечами даже ненадолго, императору с двумя эльдерами пришлось долго убеждать дурачков. Не мочить же картаги? Хоть и великие мечи, а воду вряд ли любят. В конце концов, уговорили. Зато спать все четверо легли, положив рядом ножны. Вспомнив самого себя после обретения картага, император долго посмеивался, но ничего не сказал. Не стоит мешать мальчишкам, сам таким был когда-то. Они еще много дней не выпустят мечи из рук, пока не привыкнут немного. Маран долго стоял и улыбался, перед внутренним взором предстали горящие восторгом глаза ребят. Он и сам пребывал в некоторой эйфории. Великие мечи пришли в мир. Для чего? Пока он этого не знал, но надеялся, что они помогут остановить надвигающиеся на империю беды.

17. Военный совет

Небольшой круглый зал на самом верху императорской башни Тарсидара постепенно заполнялся людьми. Этим вечером здесь собрались те, от кого зависело будущее Элиана и всего мира. Седые мастера, начальники стражи провинций негромко переговаривались в углу, неспешно смакуя крепко заваренный ларт,^[8] наливая его из огромного чайника, вытащенного из ниоткуда одним из эльдаров. Человек десять высокопоставленных военных склонились над картой мира, расстеленной на огромном столе в центре. Они тыкали указками то в Карвен, то в Манхен, то в Нартагаль, ругались, спорили, что-то доказывали друг другу. Ни один при этом не повышал голоса.

Присутствовало также немало людей, чей род занятий был неясен. Но они явно имели право здесь находиться, выглядели уверенными в себе, хотя чаще всего молча сидели, дожидаясь начала совета. Только четверо застывших у правой стены юнцов, двое из которых вообще оказались эльфом и орком, вызывали недоуменные взгляды. Что делают здесь ученики? Люди видели серые шнурки на левом плече каждого из мальчишек и удивлялись про себя. Однако их привел Ланиг ар Вортон, а этот старый, хитрый лис ничего не делает без причины. Зато почему-то отсутствовал Диппат, начальник третьего приказа, что было необычно. Вообще, в последнее время происходило слишком много такого, что вызывало тревогу у любого трезвомыслящего человека.

– Санти, – прошептал скомороху на ухо Храт. – На какого дорхота Ланиг нас сюда притащил?

– Откуда я знаю? – пожал плечами рыжий. – И не шуми ты, морда, мастер-наставник обещался по шее настучать, коли чего натворим. Приказал замереть и слушать.

– Ясно... – недовольно проворчал орк, почесав в затылке. – Я бы лучше поспал.

– Не ты один, – тяжело вздохнул Энет, Тинувиэль составил ему компанию.

– Задрали, сволочи...

С момента получения мечей жизнь четырех друзей превратилась в ад. Если раньше ими занимался в основном Кертал, изредка Ланиг с эльдарами или император, то теперь... Да, теперь из других городов империи прибыли лучшие мастера-наставники шести самых известных школ боевого мастерства и взялись за учеников горца. Плюс, тренировки с невидимкой и самим императором, к которым иногда присоединялся кто-нибудь из эльдаров. Последние отличались особой изощренностью, прилагая все усилия для того, чтобы тихо постанывающей четверке жизнь медом не казалась.

Раньше побратимы считали, что понимают смысл слова «кошмар», но в последние дни решили, что ошибались. Это понятие приобрело для них десятки разнообразных оттенков. Заклятия новых уровней сверхскорости налагались на них лично его величеством почти ежедневно. Падали с ног – приходил маг-целитель, восстанавливал силы лежащих пластом учеников, и издевательство продолжалось. Если бы не необычные медитации, которым обучил их император, друзья, наверное, перемерли бы от усталости. На сон оставалось не больше четырех часов. Да и тех могли лишить – Ланиг постоянно таскал их с собой на ночные вылазки тайной стражи, чтобы опробовали новые навыки в боевых условиях.

Особенно трудно побратимам пришлось во время захвата очередного отряда карвенских паладинов полного посвящения, пытавшихся проникнуть в империю, несмотря на грустную судьбу своих предшественников, – император любезно отослал их головы первосвященникам с соответствующими соболезнованиями. Паладины, как ни странно, оказались воинами высочайшего класса. Санти едва справился с одним, совершенно случайно убив его броском сюрикена; Энэт был ранен, хоть и легко, но достал уже уверившегося в победе святошу выпадом меча; Тинувиэль получил подкованным сапогом в самое уязвимое место, на последнем издыхании зверски зарезал противника и на некоторое время перестал думать о девушках – не до них как-то стало, пришлось даже к целителям обращаться; Храт отделался легче других, лишившись кончика левого уха, что донельзя разозлило его – от возмущения орк задушил паладина голыми руками, предварительно, конечно, обезоружив, благо силушкой Единый его не обидел.

Каждый из друзей задумывался, для чего все это нужно, никого ведь, кроме них, не тренировали с такой интенсивностью. Только ни один ничего не понял. Они еще не осознавали, что с каждым днем все

увереннее превращаются в воинов экстра-класса. Ученики других горных мастеров смотрели на эти страшные тренировки с нескрываемым ужасом, благодаря про себя всех святых, что это не их так гоняют.

Кертал посмеивался себе под нос, понимая, что мальчишки хоть сейчас готовы пройти испытание на черный шнурок, но им самим о том, конечно, не говорил. Пусть еще немного поднимут уровень. А то драться научились, зато ума почти не прибавилось. В последнее время император все больше занимался с четверкой законами Пути Воина, постепенно выводя их на уровень мастера. Чему-то они научились, стали много спокойнее, увереннее, уже думают, а потом только делают. Откровенно говоря, старику сильно не нравилась эта безумная спешка, можно многое упустить, но он понимал, что иного выхода нет. Носители великих мечей, ни много ни мало. Жаль, что такие мечи достались ничего не понимающим юнцам, очень жаль. Однако факт остается фактом. Хорошо бы и пятый был здесь, он получше остальных соображает, но императору виднее.

Молодому ар Сантену дышалось ничуть не легче – погоняв четырех побратимов, мастера-наставники с эльдарами перемещались в замок, где отсиживался горец, и устраивали ему веселую жизнь. Бедняга при виде них закатывал глаза и тихо стонал, зная, что ему предстоит. Зато постепенно выходил на уровень невидимки, уровень старшего мастера преодолел, даже не заметив.

Если не останавливаться, из этих пятерых можно вырастить мастеров боя, каких в империи еще не бывало. Времени бы только хватило...

А вот времени-то как раз катастрофически не хватало. Сегодняшний совет собрали после поступления донесений об отплытии основных карвенских флотов. Судя по всему, святоши планируют одновременно ударить сразу в несколько точек: десантные эскадры, охраняемые боевыми фрегатами, разделись на три отряда. Увы, проследить за ними не удалось, карвенцев прикрывали сильные маги, что очень удивило императора: он был уверен, что магов святоши только жгут. Вторым неприятным сюрпризом стало вооружение кораблей. Каким образом и у кого Карвен научился лить пушки? Откуда узнал секрет пороха? Да, стреляющие каменными ядрами кулеврины, конечно, ни в какое сравнение не идут с башенными орудиями орочьих броненосцев или

гигантскими гаубицами портовых фортов империи, но сам факт их наличия настораживал. Война, похоже, предстоит куда более страшная, чем предполагали.

– Добрый вечер, господа! – выступил из стены император. – Как я вижу, все собрались.

– Здравствуй, твое величество! – отозвался кто-то из начальников стражи провинций, Санти его не узнал. – А где Диппат?

– Третьему приказу веры больше нет. – Маран устало махнул рукой, садясь в первое попавшееся кресло. – Похоже, продались они. И этого мало. У нас на носу не только война, но и заговор Церкви, что чревато бунтом. В общем, вляпались мы по самые уши, друзья мои.

– Дорхотова задница! – глухо выругался какой-то пожилой генерал. – Это точно?

– Погодите немного, я все объясню, – вздохнул император. – И не надо пенять мне за бездействие, многое сделано, но пришлось соблюдать тайну. Сюда собрали только тех, в ком я уверен. У остальных нашлись тайные грешки, чем святоши и воспользовались. Хочу сразу предупредить, что на вас всех будет наложено заклятие молчания, вы сможете говорить об услышанном в этой комнате только с тем, кто и сам был здесь.

Собравшиеся в башне довольно долго молчали и переглядывались. Однако затем все-таки начали согласно кивать, понимая, что дело нешуточное, раз его величество вынужден пойти на такое. Они только продолжали удивленно поглядывать на четырех учеников – вот уж кому точно нечего делать на тайном совете. Маран заметил их недоумение, но ничего не сказал, иронично хмыкнув. Спрашивать его не стали, понимая, что раз император считает присутствие юнцов необходимым, на это есть веская причина.

– Итак, начну, – заговорил его величество. – Около десяти лет назад я начал замечать кое-какие нездоровые тенденции. Церковь и раньше неодобрительно относилась к магии, но не шла на открытый конфликт, предпочитая не наживать себе лишних неприятностей. Однако с приходом к власти первосвященника Астерана IV ситуация начала постепенно меняться. Судя по всему, победила фракция сторонников активных действий. Святым отцам не дает покоя зависть к коллегам из Карвена, те имеют над жизнью и смертью людей

полную власть. Недавно я по своим каналам получил доказательства существования разветвленного заговора, имеющего своей целью уничтожение империи и разделение ее на несколько независимых государств под властью разных фракций заговорщиков. Весь север, вплоть до Шерандара и Тавенталя, они планируют отдать Карвену, именно так оценили первосвященники свою помощь. Манхен должен быть разделен между Нартагалем и Даркасадаром, которые тоже принимают в этом деле посильное участие, хотя последний и очень неохотно. Заговору больше двухсот лет, господа архиепископы прекрасно понимали, что единым наскоком нас не возьмешь, и тщательно готовились все это время.

– Ты уверен, твое величество? – недоверчиво спросил Ланиг. – Согласен, заговор существует, сам допрашивал целестинца. Но вряд ли он настолько стар. Неужто мы за двести лет ничего не поняли бы? Что-то здесь не то.

– Не спеши! – Маран поднял руку. – Сейчас поймешь. Как я уже говорил, все началось во времена правления императора Нерата II. Он начал преследовать Церковь, казнить священников налево и направо. Не без причины, но нужно было разобраться, кто виноват, а кто нет. Понятно, что это вызвало огромное возмущение в среде епископов и архиепископов. Ситуацией воспользовались карвенские святоши, начав налаживать тайные контакты с элианской Церковью. Они не спешили, действовали очень осторожно, находили сомневающихся и вели с ними долгие беседы.

– О чем? – с недоумением спросил адмирал ар Каранг, не понимающий, какое отношение все это имеет к надвигающейся войне.

– Как вы знаете, основные догматы нашей веры основаны на учении святых великомучеников Лодама и Эскена, тогда как карвенской – на учении лжепророка Карвена, пересмотревшего и изменившего Святое Писание. В сущности, создавшего новую религию. Именно он объявил магию злом, а магов – слугами Владыки Бездны. Именно он ввел понятие ереси и призывал искоренять еретиков. Иначе говоря, «пророк» ответствен за последовавшую ненависть и нетерпимость. Наша же Церковь всегда отличалась именно терпимостью.

– Терпимостью?! – Лицо Кертала вытянулось. – Церковь?! Это когда же такое было? Что-то ты не то говоришь, твое величество.

– А вот триста лет назад и было. – Император откинулся на спинку кресла. – До Нерата духовная и светская власть были заодно и всегда они находили компромисс. Так повелось еще со времен Элиана Завоевателя, впереди полков которого шли священники. И продолжалось мирное сосуществование тысячу двести лет, друзья мои! Миркат III совершил страшную ошибку, короновав обозленного на весь мир, искалеченного по вине одного из епископов мальчишку. Именно Нерат, взявшийся мстить, виноват в расколе и возникшем недоверии, а впоследствии – и в ненависти.

– Хорошо, причины раскола понятны, – задумчиво покивал Ланиг. – Но мы имеем то, что имеем, и ничего больше.

– Вечно ты спешишь... Это только начало. Постепенно к власти в Церкви начали приходить прикормленные Карвеном священники, становившиеся епископами, а затем и архиепископами. Около двухсот лет назад ими была предпринята акция замены книг Святого Писания и молитвенников во всех церквях, молитвенных домах и монастырях Элиана, на что никто не обратил особого внимания. А зря. Новые как будто ничем не отличались от прежних, но только на первый взгляд. На самом деле произошла подмена учения Лодама и Эскена на учение Карвена. Только подмена замаскированная. Заметить изменения мог только опытный теолог, дословно знающий Писание. Но таких заранее убрали. Именно поэтому начали возникать нетерпимость и ненависть. Одновременно епископы новой формации старались не допускать в свою среду честных и искренне верующих людей. Им это удалось. Не сразу, но удалось. Каждый из вас знает, какими гадюшниками являются нынешние епископаты.

– Ясно... – Кертал отчетливо скрипнул зубами. – Я, кажется, понял, почему ты нам это рассказываешь, твое величество. Считаешь, что ситуация обратима?

– Считаю! – резко кивнул Маран, устраиваясь в кресле поудобнее. – Неизбежен церковный раскол, даже гражданская война. Но иного выхода, если хотим выжить, у нас нет. Я пригласил на этот совет святого отца Теларина, будущего первосвященника обновленной Церкви. Далеко не все священники разделяют мнение епископов, давно ставших теми самыми слугами Владыки Бездны, осталось немало честных и искренне верующих. Сейчас мы со святым отцом подготавливаем обнародование фактов о подмене наших догматов веры чужими. Особенно это касается монастырей.

Кстати, Ланиг, извини, дружище, но передавай свой пост преемнику, у тебя с этого момента есть куда более неприятная работа, ты теперь возглавляешь тайную стражу империи.

– Собака ты бешеная, твое величество! – схватился за голову старый мастер. – Это за что ж ты меня так на старости лет-то?

– Работать умеешь! – расхохотался император, ничуть не обидевшись, его в спорах порой и не так называли, своим это позволялось. – И учти, первой твоей задачей на новом посту будет поиск настоящих святых отцов по небольшим приходам и толковых монахов по монастырям. С каждым придется вести переговоры индивидуально, предоставляя доказательства подмены догматов. Понимаю, что морока еще та, но придется. Поговори с Теларином после совета, вам найдется, что сказать друг другу. Обнародование информации о подмене должно стать для епископов неожиданным ударом! Ты меня понял?

– Понял, твое величество... – уныло ответил Ланиг, все еще не придя в себя от свалившейся на него «радости». – Только этого мало, есть еще многое другое, что никак нельзя оставлять без внимания. Кстати, что с Диппатом? Брать вместе со всеми его людьми?

– Пусть пока погуляет. Он уверен, что на коне, что никто его не подозревает. А мне это и нужно, чтобы вовремя скормить кое-кому дезинформацию.

– А ведь я тебя недооценивал, твое величество... – протянул старый мастер, удивленно глядя на туманную маску Марана. – Обставил ты меня по всем статьям.

– На то я здесь и сижу, – с ехидством в голосе ответил император. – Права я не имею иллюзии питать, дружище. Пришлось вертеться.

– Но это все на будущее, – задумчиво сказал Ланиг. – А пока у нас главное – война.

– Ошибаешься. Не только она. Да, война – основное. Но что, если заговорщики планируют сразу после нападения поднять бунт?

– На то есть тайная стража и эльдары. Справимся как-нибудь.

– Не будь слишком оптимистичным, дружище. – Его величество укоризненно покачал головой. – Ты порой недооцениваешь не только меня, но и противника, а это чревато проигрышем. Мы должны

предусмотреть все возможное и невозможное.

– Согласен... – Свежеиспеченный глава тайной стражи империи тяжело вздохнул.

– Об этом позже поговорим особо и в более узком кругу. А теперь – война. Судя по недавно поступившим донесениям, нам предстоит одновременно воевать не только с Карвенон, но и с Нартагалем. Также возможно очередное нападение варваров великой степи. Прошу учитывать, что ханы, похоже, обзавелись порохом. Ждите попыток взорвать стены Южных Цитаделей.

– Задачу уяснил, твое величество, – прокашлявшись, заверил седоусый генерал ар Ивон, год назад ставший командующим войсками южных провинций. – Насколько я понимаю, подмоги в случае чего нам ждать не приходится?

– Только если кочевники прорвутся. – Император развел руками. – Сам понимаешь. Обходись своими силами. Вот боевых магов пару сотен выделю. Пригодятся. Варвары не самая большая проблема. Зато если карвенцы с нартагальцами прорвутся во внутренние области империи...

– Этого допускать нельзя! – зло рявкнул Кир ар Дохор, один из трех маршалов Элиана. – Смотри сам!

Он размашистыми шагами подошел к карте, император, а за ним и остальные потянулись следом. Кир ткнул указкой в город Аранар, затем в Шерандар – в столицы провинций, находящиеся на северо-западном побережье империи.

– Самое удобное место для высадки – между этими двумя городами. Но карвенские генералы не дураки, понимают, что я буду их там поджидать и навяжу бой в выгодном мне месте и в нужное время. К столице они тоже не полезут, прекрасно знают, что такое ее форты и какие в них орудия. Точно так же они не станут приближаться к Орванскому перешейку с запада, там постоянно курсируют ороczy эскадры, а орки мира со святошами не подписывали. Да и берег жуткий, сплошные скалы, ни одной пристани. Что отсюда следует? А то, что карвенцы собрались преподнести нам сюрприз!

– И какой же? – спросил кто-то из адмиралов.

– Я бы на их месте сделал вид, что атакую Шерандар силами

нескольких корпусов, тайно отправив основные войска к Форт-Астару. И ударил бы одновременно с кочевниками!

– Неприятный сценарий... – скривился генерал ар Ивон. – Жарковато нам придется, если они так сделают. Но ты забыл, что флоты святош разделились на три эскадры, а не на две. Значит, следует ждать еще одного удара. Почему-то мне кажется, что они вместе с Нартагалем полезут на Манхен – Карвен издавна на манхенские железные рудники облизывается.

– А Даркасадар? – резонно спросил кто-то. – В стороне останется? Что-то не верится.

– Касик и рад бы не лезть в эти дела, да только ему не дадут, – заметил его величество. – Тегухак и меня, и карвенских первосвященников пуще огня боится, и еще неизвестно кого больше. Если святоши сгруппируются, то высадят там свой десант. Всего двух паладинских корпусов хватит, чтобы Даркасадар упал им в руки, как спелое яблоко. На первый взгляд.

– А кто мешает нам сделать то же самое, опередив их? – приподнял брови ар Ивон, продолжая изучать карту.

– Кто? – насмешливо прищурился второй маршал империи, герцог Варг ар Эстод, наместник яриндарской провинции. – Да никто, кроме нас самих. Договор мы, понимаешь ли, чтим, в отличие от святош.

– Это было раньше, – не согласился генерал. – Сейчас ситуация иная. Мы вполне можем предложить касику защиту от карвенцев.

– Можем, но не станем, – в голосе императора звучала усталость. – На данном этапе нам это невыгодно. Спросите, почему? Отвечу. Даркасадар – ближайший сосед Оркогара, пролив Даркан и десяти миль в самом широком месте не имеет. Как, по-вашему, что сделают урук-хай, обнаружив старого врага у себя под носом? Думаю, то, что они предпримут, не понравится первосвященникам. Потому они вряд ли пойдут на прямую оккупацию, не хуже меня все понимают. А раз так, нам тоже не стоит делать этого, не то союзник вполне может превратиться в еще одного врага.

– Ты прав, твое величество... – помрачнел ар Ивон. – Еще и орочь броненосные флоты на наши грешные головы? Не стоит нищий Даркасадар этого.

– Но вот к коалиции касика присоединиться вынудят, – продолжил Маран. – Тем или иным способом. Две недели назад Тегухак присылал ко мне тайного посла и заранее умолял о прощении, утверждая, что командованию армии отдан приказ капитулировать при первой же возможности, что у него просто нет иного выхода. Тем более что войск у него кот наплакал, поэтому ограничится отправкой нескольких корпусов своей морской стражи на помощь в захвате Манхена.

– Даже так? – довольно ухмыльнулся генерал ар Варад, командующий манхенским округом. – Неплохо, очень даже неплохо.

– Вряд ли они станут помогать и нам. – Император отрицательно покачал головой. – Скорее всего, постараются ничего не делать, пока не станет ясно, кто победил. Расчитывай только на свои силы.

– Высокие лорды Манхена выставляют ополчение, не забыли еще, что не так давно вождями были.

– Как бы это ополчение тебе в спину не ударило, – недовольно проворчал маршал ар Эстад. – Не посылали ли святоши к бывшим вождям эмиссаров? Что скажете, господа тайные стражи?

– Такой информации, насколько я знаю, не поступало. – Ланиг задумчиво посмотрел на него. – Но утверждать это с уверенностью я не возьмусь, поэтому стоит соблюдать величайшую осторожность.

– Ясно... – Манхенский генерал ничем не выдал своего огорчения, только левый глаз дернулся в нервном тике. – Ладно, справимся. Население прибрежных областей уже начало эвакуацию в горные районы, незачем нам людей под удары паладинов подставлять. Знаю, что они творят в захваченных областях...

– Будешь вести политику выжженной земли, если отступить придется? – Император задумчиво покивал. – Одобряю. Манхен еще мало обустроен и дик, большую армию без помощи местного населения не прокормить. Горные крепости завершены?

– Да. – Ар Эстад криво усмехнулся. – Пусть потыкаются носом в них, перевалы перекрыты наглухо. Плюс, тактика малых диверсионных групп. Великолепная выдумка. Каждой группе будет придан маг, способный телепортировать остальных в любое нужное место. Паладинов ждет немало сюрпризов. Но это все на случай, если не удержим прибрежную полосу.

– Постарайся удержать, но не вздумай стоять до последней капли крови, ты и твои люди мне живыми нужны. – Император вздохнул. –

Просто продержитесь до прихода помощи. Пусть в горных крепостях, пусть где угодно. Главное, не пропустите врага во внутренние области, куда население скроется. Города потом отстроим, невелика проблема. Основное будет решаться не на Манхене. Победим – вычистим святош с нашей территории. А победить мы обязаны. Никому, думаю, не хочется оказаться под их властью.

– Вот уж точно... – брезгливо проворчал третий маршал, герцог Ривен ар Форден. – Знаю, как люди в Карвене живут, никому такой жизни не пожелаю. Ад. Поэтому, чернь на хвост, давайте делом займемся. Меня, прежде всего, волнует, что мы не знаем места высадки карвенцев. Придется держать войска в готовности и разбитыми на несколько армий, чтобы сдерживать паладинов, пока остальные не подойдут. Воевать эти сволочи умеют...

Военачальники присоединялись к обсуждению один за другим, каждый высказывал какие-то свои предположения, предлагал планы. Что-то принимали, что-то отбрасывали. Мозговой штурм шел вовсю. Пока речь шла об общей стратегии, тактику император предпочитал оставлять тем, кто разбирался в ней лучше.

Санги стоял и маялся. Поначалу он слушал с интересом, но вскоре потерял нить рассуждений и запутался. Ну, не военачальник он! И не будет никогда, похоже. Неинтересно. Бесконечные споры об обеспечении армии продовольствием, палатками, упряжью для лошадей и тому подобными вещами нагоняли скуку. Он-то, наивный, думал, что война – это подвиги, атаки, оборона, а главное-то, оказывается, совсем другое. Снабжение. Тьфу ты, никогда бы не подумал! Гадость какая. Рыжий едва сдерживал зевоту, спать хотелось невероятно. А не дадут ведь. Скорее всего, после совета за них примется Кертал, грозился вчера вечером устроить «оболтусам» прохождение какого-то зеркального лабиринта. И что оно, интересно, такое? Вряд ли что-нибудь хорошее, приятных для учеников вещей у старика в запасе не было. Спасибо, если полуживым выберешься... Скоморох незаметно вздохнул. Устал, если честно. Тренировки с Леком теперь, когда их гоняли шестеро старших мастеров, казались детскими играми.

Зато Храт с Энетом слушали разговор генералов и маршалов с

императором внимательнейшим образом, и понимали. Один являлся сыном орочьего старейшины, а значит, обязан был разбираться в военном деле и проходил специальное обучение. А второй в свое время от скуки читал все подряд, в том числе и мемуары выдающихся полководцев древности. Не раз рисовал схемы известных сражений и обдумывал, как бы сам расставил войска. Часто юный граф бывал не согласен с тем, что и как сделал автор мемуаров. Только вот со стороны, и зная все, чего не мог знать реальный полководец, судить легко. А как на его месте поступил бы? С тем минимумом информации, который был? А дорхот его знает...

Тинувиэль одновременно слушал и внимательно изучал всех присутствующих в зале людей. Чем-то они отличались от других, тех, кого он во множестве встречал в городе. Была у приближенных императора какая-то общая черта. Но какая? Эльф с недоумением прислушивался к своим ощущениям и не понимал, что с ним происходит. Казалось, он видит человека, на которого падал взор, насквозь. Понимает все побуждения, разбирается, откуда они взялись и какова их причина. Это что? Наваждение? Морок?

Принц помотал головой – не помогло. Он видел, что один генерал нервничает из-за недостатка фуража для грузовых лошадей и с досадой ругает про себя старшего интенданта-ворюгу. Второй напряженно размышляет о том, как расставить бойцов при обороне крепости. Третий ничуть не обеспокоен войной, даже рад ей, зато страшно зол на жену, закатившую ему с утра скандал из-за пустяка. Только эльдары и император остались для эльфа непрозрачными, все помыслы и желания остальных лежали перед ним как на ладони.

Тинувиэль все больше изумлялся – даже в древних книгах он не читал ни о чем подобном, наставники ни дома, ни здесь даже не заикались о возможности читать мысли и чувства людей или эльфов. Но действительно ли он считывает или обманывает сам себя? Принц продолжал растерянно смотреть на собравшихся в зале, переводя взгляд с одного на другого. И понимал, что сам во всем этом не разберется. Однако рассказывать о своей новой способности императору или кому-нибудь другому не хотелось. Последствия для новоявленного медиума могут оказаться очень печальными, лучше промолчать. Он не обратил внимания, что Ланиг с Керталом уже давно поглядывают в его сторону, не понимая, отчего миндалевидные глаза эльфа горят зеленым огнем.

Однако старые мастера не заметили другого. Того, что глаза орка то и дело приобретают алый оттенок, стреляют красными искрами. Это происходило в основном тогда, когда кто-нибудь выражал сомнения в союзе с Оркограром, предполагая, что урук-хай могут напасть на ослабленную войной с Карвеном империю. Храта такой подход возмущал до предела. Да разве случалось за все полторы тысячи лет союза, чтобы орки нарушили свои обязательства? Почему люди всегда судят о других по себе? Это же неправильно! Несправедливо! Наоборот, почему бы не обратиться к союзнику за помощью? Насколько он знал, Кагал Старейшин и сам Хранитель Очага считали союз с Элианом очень выгодным. Где бы иначе они брали продовольствие? В Вадарских горах много не вырастить. Оркограр уже много столетий жил за счет торговли с империей, потому и оружейниками орки стали непревзойденными – выхода иного не было.

– Но главное – не рассердить урук-хай, – снова повторил второй маршал. – Ты знаешь, твое величество, что мне не удержать их в случае чего, укрепления северных городов оставляют желать лучшего.

– Твое величество! – не выдержал молодой орк, ступив вперед, ярость буквально захлестнула его. – Это же чушь! Полная!

Храт не знал, что его глаза пылают бешеным, вызывающим ужас алым огнем. Картаги за спиной пели песню ярости. Нет, Ярости. Стоявшие неподалеку несколько человек шарахнулись в стороны, от орка несло жуткой, пугающей силой. Эльдары тут же закрыли собой императора, обнажив мечи.

– Это инициация? – мертвым голосом спросил Ланиг, неверяще глядя на урук-хай.

– Нет еще, – ответил насторожившийся Маран. – Шаг к ней.

Он выступил из-за спин рыцарей престола и подошел к Храту. Внимательно посмотрел в его алые глаза, прислушался к рвущейся наружу силе и сказал:

– Я слушаю тебя, носитель Ярости. Почему чушь?

– Наш народ никогда не нарушал своих клятв, – смущенно пробурчал молодой орк, кляня себя за несдержанность. – Твое величество, почему бы тебе не попросить помощи у Хранителя Очага? Клянусь, она будет оказана! Если империя проиграет, то и нам

конец. Да, нас добьют не сразу, но все равно добьют! Мы просто с голоду передохнем!

– Попросить помощи? – задумчиво повторил Маран, затем бросил быстрый взгляд на одного из эльдаров, тот почти незаметно кивнул. – А ведь это мысль, парень. Вот что значит инерция мышления. Спасибо за подсказку, мне и в голову не приходило.

– Но почему?! – изумился Храт.

– Да потому, что союз все полтора тысячелетия ограничивался торговлей и свободным заходом военных кораблей в порты друг друга. Особых дружбы и доверия между нами никогда не было.

– Оно так... – вынужден был согласиться урук-хай. – Не любят у нас людей. Только понимают, что без этого союза нам не выжить. Жрать нам не нечего, а народу много расплодилось. Да, имперцев наши не любят, зато святош люто ненавидят.

– Попытаться можно. – Император задумчиво кивнул. – Только вот вопрос. К тебе, парень. Согласен отправиться нашим послом в Оркограр к Хранителю Очага?

– Я?! – едва не упал от такого известия Храт. – Но я же только ученик!

– Кертал? – Маран повернулся к старому мастеру. – Мальчишки готовы к испытанию?

– Готовы, – усмехнулся тот себе под нос. – Уровень младшего мастера давно миновали, я думал догнать до старшего, а потом только допускать к испытанию. Но раз нужно, то хоть сегодня.

– Сегодня не стоит, пусть отдохнут. А вот завтра с утра займитесь с Ланигом этим вопросом. И проследите, чтобы ни одна сволочь церковная на черный полигон не проникла.

Четверо друзей переглянулись, едва не раскрыв рты от изумления. Чего не ждали, так этого. Испытание на черный шнурок?! Завтра утром?! Ой, мама... Чтобы меньше чем через полгода с начала обучения ученики становились мастерами?! Не случалось еще такого. Теперь понятно, для чего их так дрессировали... Но было страшно. Сумеют ли пройти полигон? Поговаривали, что во время испытаний многие гибли по-настоящему, если оказывались не готовы.

– Кстати, на полигоне вас ждет сюрприз, – в голосе императора слышался смех. – Не помрите там от удивления. Получите черные шнурки и собирайтесь в Рурк-Дхалад. Твое предложение, парень, тебе его и реализовывать. Инициатива наказуема.

18. Испытание

Солнце показалось над горизонтом пока только самым краешком, но птицы уже проснулись и приветствовали светило дружной песней. Свежий ветерок едва слышно шелестел листвой деревьев, негромко журчал где-то неподалеку ручей. Дикий парк у Замка Воинов был на редкость красив, только мало кто имел возможность им любоваться, людей здесь почти не было. Разве что несколько молчаливых садовников изредка занимались своими делами. Звери и птицы чувствовали себя привольно, на них здесь не охотились. Любопытная черно-желтая птичка чувствовала себя в полной безопасности, даже сунувшись в открытое окно, на подоконнике которого ее обычно ждали вкусные хлебные крошки. Она краешком глаза покосилась внутрь большой комнаты, отметила двуногого, сидевшего на полу в какой-то неестественной позе. Птичка озадаченно чирикнула, дернув яркими крылышками.

Медитирующий человек отметил краем сознания птичку на подоконнике, но не стал отвлекаться. Пусть себе кормится, хлеба не жалко, для нее и положен. Он парил над собственным телом, пребывая в покое и неспешно осмысливая вчерашний день. Многого произошло, очень многое. Наконец-то император соизволил объяснить, что вообще происходит и для чего нужно было прятаться ото всех. Откровенно говоря, Лек уже видеть этот несчастный замок не мог... Нет, чем заняться злосчастному горцу, мастера-наставники с эльдарами всегда находили, фантазия у них на этот счет богатая, но юноша сходил с ума от беспокойства за своих учеников, не говоря уже об Элиа. Вспомнив, как она стоит, слегка иронично улыбается и накручивает непослушный локон на палец, Лек сам не удержался от улыбки. Поняв, что потерял сосредоточенность, юноша вздохнул и встал. Птичка испуганно вспорхнула с подоконника.

Император сказал, что сегодня у всех пятерых особый день. Но чем он такой особенный? Его величество, конечно, ничего не объяснил. Как всегда. Загадочный человек... И что он из всего секреты делает? Зачем? Лек покачал головой и подошел к глубокой нише возле двери. Стукнул пару раз кулаком по стене рядом, ниша на мгновение осветилась синим огнем, и в ней появился поднос с завтраком. В первые дни все эти колдовские штучки пугали горца,

ему было неуютно. Все, практически все в Замке Воинов делалось магически. А где он находится, этот самый замок? Дорхот его знает, император не пожелал сообщить. Судя по солнцу, неподалеку от экватора. Тяжело вздохнув, Лек быстро поел. Странно, на этот раз ему предложили только тарелку полужидкой каши и кружку горячего ларта, к которому он за последнее время пристрастился. Обычно завтрак был куда обильнее, кашу давали только перед усиленными тренировками. Значит, сегодня будут гонять, как голодные волки горного козла? Похоже на то. Юноша снова тяжело вздохнул. Каша исчезла в одно мгновение, он ничуть не наелся, но понимал, что перед большими нагрузками переедать не стоит.

Вспомнив свое ошеломление после того, как очнулся в замке, Лек едва не рассмеялся. Физиономия у него тогда, наверное, была живописная. Хотя любой на его месте удивился бы, проснувшись совсем не там, где засыпал. Поняв, что находится в незнакомой комнате, юноша вскочил, лихорадочно ища взглядом картаги. Остановил его знакомый смех. Смех императора. Лек резко повернулся и замер. В кресле напротив сидел его величество и не спеша хлопал в ладоши. Поняв, что выставил себя на посмеище, горец отчаянно покраснел. А затем Маран рассказал, что три дня назад в Тарсидаре случились похороны некоего Лека ар Сантена...

Юноша от такого известия едва на пол не сел и долго смотрел на иронично хмыкающего императора вытаращенными глазами. Он все никак не мог понять, для чего это понадобилось его величеству. Только узнав, что по его душу в Тарсидар прибыло больше сотни паладинов полного посвящения, осознал, что дела шли далеко не блестяще. Что его просто спасли. А после этого молодого горца посвятили в происходящее в империи за последние полсотни лет... Маран говорил спокойным, тихим голосом, и от этого было еще страшнее. Никогда раньше Лек не думал, что противостояние достигло таких размеров. Не представлял, на что готовы карвенцы, чтобы уничтожить ненавистную империю. Но хуже всего оказалось то, что элианская Церковь плясала под дудку врага. Когда юноша услышал, что его любимой Элиа на исповеди предложили стать отравительницей, то просто онемел от возмущения. Это какими же сволочами надо быть?!

– Но почему, твое величество? – не выдержал наконец Лек. – Что я им такого сделал?! За что они на меня взъелись?!

– Пророчество Пятерых, – глухо ответил император. – Оно истинно, мальчик, и касается именно тебя с учениками. Недавно я получил тому доказательства. Мне еще меньше твоего хочется разбираться с этим дерьмом, но Единый Создатель нас не спрашивает. Он просто взваливает на человека неподъемную ношу и ждет, что тот ее потянет.

– Но...

– Никаких «но». И не спрашивай, что тебя ждет. Я этого просто не знаю, пророчество очень туманно. Знаю только, что будущее империи зависит от тебя с учениками. А пока вы не прошли инициации, вы очень уязвимы. Церковь все отдаст, чтобы не дать вам инициироваться. Именно поэтому мы решили убрать тебя из-под удара. Пусть думают, что у них все вышло, что ты уже мертв. Так безопаснее.

– Я понял... – Растерянный Лек поежился, он никак не ждал подобного, да и не верил никогда ни в какие пророчества. – Но что мне делать?

– Тренироваться, учиться, размышлять, – ответил его величество. – Моя задача – научить вас всему, чему успею. Прежние тренировки покажутся отдыхом по сравнению с тем, что ждет тебя в этом замке. Готовься, сегодня отдыхай, а завтра в замок придут эльдары и примутся за твою дрессировку всерьез. Ясно?

– Ясно... – Горец снова поежился, представив себе этот кошмар.

– Вот и хорошо. Извини, оставлю тебя, дел прорва. К тому же, вечером у тебя будет гостя.

– Элиа?!

– Да, – рассмеялся император. – Кстати, хочу, чтобы ты знал. У вас с ней любовь-судьба, ваши души – одно целое, вам друг без друга не жить.

– Я и не хочу без нее жить! – просиял Лек, смотря на туманную маску Марана горящими глазами.

– Какой же ты еще наивный... – вздохнул его величество. – Но это пройдет.

Он встал и исчез в туманном облачке. А юноша принялся исследовать новое место обитания. Замок Воинов оказался

невероятным сооружением. Казалось, его возводили не человеческие руки, его безумная чуждость сразу бросалась в глаза. Иная эстетика, иное чувство прекрасного. Да, замок был прекрасен, но его красота вызывала невольную дрожь. Гигантский белоснежный шар в триста локтей высотой, окруженный шестью черными башнями, соединенными висячими мостиками. Над шаром висела в воздухе золотистая призма, окруженная туманом. На несколько верст вокруг расстился полудикий парк, который пересекали десятки дорожек. В парке было множество тренировочных площадок с самыми невероятными приспособлениями.

Лек до обеда ходил с открытым ртом, пытаясь как-то привыкнуть к увиденному, но никак не получалось, слишком все вокруг было необычным. В самом замке тоже встречалось немало странного. В нем вообще не было дверей, каждая дверь являлась телепортом, переносящим человека, куда ему заблагорассудится в пределах ближайших двадцати верст. Благо, хоть окна остались обычными. Людей здесь юноша почти не видел, только редких слуг. Да еще периодически появлялись незнакомые мастера-наставники со своими учениками, проводя короткие тренировки. С Лekom ни один из них общаться не пожелал. Он, впрочем, и не настаивал, понимая, что попал в место, где сокрыты основные тайны элианской империи. Горца поселили в одной из башен – внутрь шара, а тем более призмы, доступа ему не было.

Однако вечером он забыл обо всем. В комнату внезапно вошла она. Единственная и неповторимая, без которой и жить-то незачем. Лек рванулся навстречу, подхватил Элиа на руки и принялся покрывать любимое лицо поцелуями. Девушка со смехом сопротивлялась, колотя кулачками по мускулистой груди молодого воина, да только бесполезно. Он не обращал внимания, продолжая целовать ее. Она отвечала. А потом пришла ночь, волшебная ночь, когда сбываются мечты. И именно этой ночью они окончательно поняли, что вместе навсегда.

Утром девушка ушла, сказав, что должна помочь императору разобраться со святошами. Лек страшно жалел, что она не может остаться с ним в замке, но понимал, что иначе нельзя.

Долго пребывать в восторженном состоянии горцу не дали. Вскоре появились два эльдара, взяли его за шкурку и утащили на тренировочную площадку неподалеку, принявшись, как они сказали,

выбивать дурь из дурака. Бр-р-р. Так Лека не гоняли еще никогда, к полудню он свалился в полубессознательном состоянии, не будучи в силах пошевелить ни ногой, ни рукой. Увы, отдохнуть ему не дали, пришел маг-целитель, немного поколдовал над стонущим горцем, и тренировка продолжилась. День шел за днем, сливаясь в какую-то черную полосу. Если бы не специальные виды медитации, снимающие усталость, он бы давно умер от перенапряжения. Помимо того, были еще и уроки по магии, политике, экономике, сыскному делу и всему прочему. Юноша не раз думал, что сходит с ума, и проклинал день своего появления на свет. На чудеса Замка Воинов он давно не обращал внимания.

Понемногу Лек втянулся в режим безумных тренировок, ощущая, что прогрессирует, как никогда раньше. Так все и шло, пока не случилось нечто невероятное. Однажды днем тренирующие горца эльдары внезапно переглянулись и исчезли, не сказав ни слова. Юноша растерянно посмотрел на туманное облачко, в котором они скрылись, и пожал плечами. Странные люди. Он хотел было продолжить тренировку самостоятельно, но в этот момент с чистого неба сорвалась черная молния и ударила Лека прямо в лицо. Тело пронзило ледяным холодом, глаза, казалось, широко распахнулись и увидели весь мир. Наверное, похожие ощущения мог бы испытать внезапно прозревший слепец.

Мечи в ножнах за спиной забились и закричали, требуя, чтобы носитель обнажил их. Горец послушался и изумленно замер, увидев абсолютно черные лезвия, от которых несло мертвенной, пугающей силой. Только в этот момент он понял, почему император с кузнецом называли его картаги черными. Молнии продолжали срываться с неба и лупить то в мечи, то в Лека. Он пытался прятаться, убегать, звать на помощь. Никто не пришел. Казалось, весь мир сошел с ума, казалось, он трясется, казалось, в него нисходит древняя и могучая сила. Когда все закончилось, юноша рухнул, где стоял, и долго лежал неподвижно, пытаясь осознать, что с ним произошло. Откуда-то возникла уверенность, что только что он заглянул за край Бездны. И эта Бездна открыла свои слепые глаза и внимательно всмотрелась в смельчака, изменив тем самым его судьбу.

Лек так и просидел в парке до самого вечера, продолжая тупо смотреть на черные лезвия своих картагов, от которых, к тому же, тянуло ледяным холодом. Там его и нашел император, объяснивший, что случилось. Когда юноша услышал, что творилось в Тарсидаре, то

поначалу просто не поверил. Однако император был убедителен, и в конце концов горец все-таки осознал, что он – избранник Тьмы, живое воплощение которой с этого дня находится в его ножнах. Так же как Санти стал избранником Света, Храт – Ярости, Энэт – Мудрости, а Тинувиэль – Жизни. Что все вместе они составляют легендарную Пятерку высших магов мира. Трудно было поверить в это, да почти невозможно, но, видимо, его величество знал, о чем говорил. Лек так и не смог смириться со своим новым положением до конца, продолжал сомневаться. Однако ощущал в самом себе кого-то чужого, отстраненно и холодно взирающего из глубины его сознания на мир вокруг. Откровенно говоря, это пугало, хоть он и старался не показывать своего страха.

Со следующего дня начался ад. Под вечер прибыли шесть мастеров двумечного боя из разных школ и принялись за горца всерьез. О страхах, размышлениях и тому подобной чуши Лек забыл надолго, счастье было, если выпадало в день поспать пару часов, все остальное время его дрессировали, да так, что все прежнее показалось отдыхом...

Оборвав воспоминания, юноша лениво потянулся. Интересно все-таки, что за особый день сегодня? Пока ничего необычного не произошло. Разве что еще не погнали пинками на тренировочную площадку, как обычно. Очень хотелось хоть немного отдохнуть, поспать вдоволь, Лек давно забыл, когда спал больше трех часов подряд. Он подошел к окну и не заметил появившегося позади императора.

– Что смотришь? – едва не заставил подпрыгнуть знакомый сочный баритон.

– Твое величество! – резко обернулся Лек. – Напугал...

– Тебя напугаешь. Ладно, идем. Сюда уже не вернешься, собери вещи.

– А куда мы? – не сдержал любопытства горец.

– Да так, в одно место, – хмыкнул Маран. – На черный полигон, ты там уже бывал однажды. Твои четыре обалдуя сегодня испытание на младшего мастера проходят, наставнику надо присутствовать обязательно.

– Что?! Испытание?! Они?! Но...

– Не нервничай, – отмахнулся император. – Их все это время дрессировали не хуже тебя, давно готовы. А потом отправитесь с посольством в Оркограр. Храт послом назначен.

– Храт? – Растерянный неожиданным известием Лек потряс головой.

– Он самый. Беда у нас, парень. Война. Большая война предстоит. С Карвеном, Нартагалем и Даркасадаром. Необходимо точно знать, чего ожидать от орков. Может, помогут. Твой ученик, по крайней мере, утверждает, что да.

– Война, значит... – задумчиво повторил горец. – Вот гадство-то! Понял, твое величество. Сделаем все, что прикажешь.

Затем принялся быстро закидывать в котомку свои скудные пожитки. Пока он собирался, император кратко посвятил юношу в суть дела. Тот внимательно слушал, пытаясь понять. Почему Маран решил действовать именно таким образом? Странно, если разобраться. Сам Лек поступил бы на его месте по-другому. Впрочем, у его величества есть опыт, которого явно не хватает молодому горцу. Еще приятно было, что вскоре он увидит своих учеников, по которым страшно соскучился. Закончив собираться, Лек вздохнул и шагнул следом за императором в туманное облачко.

Санти, Энет, Храт и Тинувиэль нетерпеливо переминались с ноги на ногу у входа на знаменитый черный полигон неподалеку от Элиандара. Утром за ними зашел Кертал в компании с кем-то из эльдаров, приказал ничего не есть, только выпить ларта, и забрал с собой. До того телепортироваться никому из четверых приятелей не приходилось, поэтому они входили в туманное облачко с некоторой опаской. Однако ничего страшного не случилось, друзья оказались у входа в гигантское, похожее на пирамиду здание из отполированного до блеска черного камня. О нем хоть раз, да слышал любой ученик горных мастеров. Именно отсюда вошедший выходит младшим мастером или не выходит вовсе. Смерти ни один из побратимов не боялся, просто не верил, что с ним может случиться что-то плохое. Не зря ведь их так дрессировали?

Внезапно неподалеку сгустилось еще одно туманное облачко, из которого вышел император. За ним следовал кто-то высокий, худой, носатый и очень знакомый. До боли знакомый. Санти протер глаза,

приоткрыл рот и замер, уставившись на покойного Лека, который, поптичьи склонив голову набок, с любопытством смотрел на своих учеников. Губы горца кривились в ироничной усмешке, глаза горели озорством. Но он же умер! Это что? Привидение? Морок? Рыжий неуверенно покосился на друзей, но они точно так же замерли с вытянувшимися лицами и вытаращенными глазами.

– Лек! – первым не выдержал эльф и полез обниматься. – Ты живой!!!

– А то, – проворчал горец, похлопав всхлипывающего принца по спине. – Конечно, живой.

– И я подтверждаю, – со смешком заверил его величество. – Накормили мы вашего наставника противоядием и спрятали после похорон, а то бы и в самом деле убили. Извините уж, ребята, что вам не сказали, но нельзя было, чтобы хоть одна церковная собака правду узнала.

Ученики не слушали его, они столпились вокруг ожившего Лека и вовсю галдели. Понять что-нибудь в этом галдеже было затруднительно, старые мастера и не пытались, незаметно улыбаясь и переглядываясь. Хорошо понимали, какая это радость – встретить того, кого считал мертвым. Пусть мальчишки порадуются. Им вскоре тяжело придется. Император с какой-то стати перенастроил полигон таким образом, что и им самим было бы нелегко пройти его. Надеется, что произойдет досрочная инициация? Зря. Если время не пришло, ее не будет ни в коем случае.

Друзья взахлеб рассказывали наставнику о событиях последних месяцев, перебивая друг друга и смотря на горца влюбленными глазами. Лек даже позавидовал им немного, обалдуи-то, оказывается, уже в реальных операциях тайной стражи участие принимали, пока он безвылазно сидел в Замке Воинов. У Храта вон кончика уха нет, чем орк втайне гордится – как же, боевой шрам. Соскучился по ним, дорхотам бесхвостым, дико соскучился. А ведь после получения черных шнурков горец уже не будет им наставником. Внезапно до Лека дошло еще одно: если ученики становятся младшими мастерами, то их наставник автоматически превращается в старшего. Это значит, что ему самому предстоит проходить белый полигон, о котором никто и ничего не знал, только дикие слухи ходили в боевом братстве. Мастера-наставники молчали, загадочно улыбаясь в ответ на осторожные вопросы учеников и получивших черный шнурок.

– Хватит болтать. – Император подошел поближе. – Наговоритесь еще. Пора.

– Да, твое величество, – улыбнулся горец, оборачиваясь. – А мне в белый?

– Посмотрим. Вот выйдут твои оболтусы отсюда, тогда и посмотрим. Вы мне там только полигон на куски не разносите, морды дурные, с вас станется.

– Да что мы, твое величество... – засмутился Санти, ковыряя носком мокаина траву. – Мы тихие, смирные...

– Смирные нашлись мне тут... – в голосе Марана звенел смех. – Просто пай-мальчики! Ладно, заразы наглые, идите. Сразу скажу, что нелегко придется. Силу мечей призывайте только в крайнем случае, если иначе выжить не сможете.

Ученики отсалютовали императору картагами, попрощались с Леком, старающимся не выдавать своего волнения, и направились к треугольному входу в гигантский черный монолит. Горец провожал их взглядом, сжимая кулаки. Помнил, что такое черный полигон, какой это кошмар. Да, звание горного мастера никому не доставалось просто так, цена обычно была немалой. Он искренне надеялся, что никто из четверки не погибнет. В свое время из вошедших вместе с ним на полигон двенадцати человек двое не вышли, юноша помнил, как посерели лица наставников погибших ребят.

– Им предстоит пройти не обычный полигон, – глухо сказал император. – Далеко не обычный, этот не каждому невидимке по силам.

– Почему?! – спал с лица Лек, с ужасом посмотрев на туманную маску Марана.

– Они должны быть едины, а не проходить полигон поодиночке. Сумеют понять это – выживут. Впрочем, не думаю, что они вообще могут погибнуть, в крайнем случае мы останемся без полигона, но эти четверо дорхотов все равно выберутся. Ты забываешь, парень, что вы – носители великих мечей.

– Не привык еще... – Лек поежился, вспомнив ледящий холод, идущий от его картагов, когда они становились черными. – Значит, им ничего не грозит?

– Почему же? – иронично хмыкнул император. – Если бы не

грозило – какой смысл в испытании?

– Ясно.

Санги все ближе подходил к входу в высящийся на сотни локтей вверх монолит и тихо мандражировал – слишком не по-человечески выглядело это невероятное сооружение. Зеркальная поверхность казалась черным льдом, от нее веяло холодным безразличием. Как будто кто-то невероятно могущественный с некоторым пренебрежением и снисходительной усмешкой поглядывал сверху на дела ничтожных людишек, с их потугами добиться чего-то значительного. Остальные трое следовали за рыжим, чувствуя себя ничуть не лучше. Треугольный вход светился синеватым светом, в проеме клубился туман. Друзья остановились перед ним, переглянулись и шагнули вперед.

В глазах что-то мелькнуло, и они осознали, что находятся на тонком, подвешенном на канатах мостике над бездонной пропастью. Ничего не было видно вокруг, только туман. Что-то внизу глухо, страшно стонало.

– Давайте вместе держаться... – Энет передернул плечами, ощущая на себе чей-то внимательный, изучающий взгляд.

– Коли дадут... – проворчал Храт, ему было сильно не по себе.

Внезапно что-то заставило насторожиться, картаги сами по себе оказались в руках, и орк едва успел отбить две короткие стальные стрелы. Ближайшие несколько минут друзья лихорадочно отбивали сотни и сотни стрел, летящих со всех сторон, и осторожно продвигались вперед по мостику. Но добраться до края пропасти не успели – доски под ногами внезапно исчезли, и все четверо, едва удержавшись от криков испуга, рухнули вниз. Они молча летели сквозь туман, каждый поодиночке, сразу потеряв из виду остальных. Вот тебе и «вместе держаться»! Как, интересно?

Санги первым ухнул в ледяную воду, ударившись так, что дух перехватило. Однако не выпустил мечей из рук, судорожно вцепившись в рукояти. Это его и спасло, когда чьи-то холодные щупальца обхватили ноги. Мгновенно вспыхнул ужас, но скоморох привычным усилием справился с ним и принялся кромсать щупальца. Невидимое подводное чудовище злобно шипело, булькало и пыталось раздавить кусливую добычу, но не смогло. Освободившись, Санги всплыл, спрятал картаги в ножны и поплыл в темноту. Он был

полон холодной решимости пройти полигон во что бы то ни стало.

Храт до воды не долетел, зацепившись ремнями перевязи за что-то на стене. От рывка он едва не откусил себе язык, однако ремни из кожи тавна выдержали. Ругаясь сквозь зубы, орк спрятал картаги, ухватился за толстый, ржавый штырь, подтянулся и сел на него. Отцепиться удалось с большим трудом, ремни запутались основательно. Потом он пошарил руками по стене и понял, что в каком-то локте от штыря есть провал в стене. Задумчиво похмыкав себе под нос, урук-хай забрался туда и осторожно пошел вперед, опасаясь подвоха. Иллюзий он не питал, знал, что у императора с эльдарами богатая фантазия на всякие пакости. Скоро они начнут на голову валиться, совсем скоро. О, уже начали. Храта атаковала стая каких-то крылатых и зубастых зверьков, отдаленно напоминающих летучих мышей. Только вот мыши так больно не кусаются. Орку пришлось включиться в сверхскорость, чтобы кое-как отбиться от мелких паразитов, но уйти он смог только изрядно покусанным и очень злым. Пришлось даже остановиться ненадолго и провести короткую медитацию, чтобы успокоиться. Воин разъяренный – воин мертвый. Этому его научили еще дома, а наставники боевого братства только подтвердили старую истину. Храт еще не знал, что именно его, носителя мечей Ярости, эта истина не касалась.

Энет упал в воду около слабо светящихся, покрытых мхом дверей. Он подплыл к ним, поднялся по скользкой лестнице, и двери со скрипом открылись. Граф поежился, поняв, что там его ждет что-то не слишком приятное, и решительно двинулся вперед. Увы, опасения оправдались – в бой пришлось вступать, не сделав и шага от входа. На Энета накинута кто-то многорукий, похожий на гигантского паука с четырьмя ногами и восемью руками. В каждой руке твари был кривой меч. Справиться с ней удалось с величайшим трудом. Энет дрался, используя все наработанные навыки и уровни сверхскорости. Но отрубленные руки противника тут же отрастали снова, умерла тварь только после того, как юноша на последнем издыхании поразил ее единственный глаз посреди туловища. А затем сам рухнул рядом, тяжело дыша. Из распоротого бока стекала кровь, противно хлюпая в сапоге. Боль он отключил усилием воли, затем достал из поясной сумки пластырь, пропитанный кровоостанавливающим раствором, и залепил рану. Очень неудачно, что задел в самом начале. Пройдет ли полигон с такой раной? А кто его знает... Граф вздохнул, встал и двинулся по похожему на пещеру

коридору. Куда он, интересно, ведет? Неизвестно. Что ж, осталось только идти вперед, положившись на авось.

Хуже всех, по его исключительной «везучести», пришлось Тинувиэлю. Эльф упал не в воду, а в кучу какой-то вонючей субстанции, нырнув в нее с головой. Выбраться удалось с великим трудом, а потом пришлось довольно долго отплевываться и откашливаться, избавляясь от мерзкой на вкус слизи. Глаза резало, дыхание перехватывало, да еще и ногу ушиб в придачу к прочим радостям. Чувствовал себя принц паскудно. Слава Свету, неподалеку нашлась лужа, в которой он смог умыть лицо и кое-как отчистить комки слизи с одежды. Не успел Тинувиэль отойти от лужи и осмотреться, как на него накинулась свора каких-то животных, похожих на эльваранских бибизанов, или обезьян, как их называли в империи. Только очень уж больших и зубастых. Быстрых до невозможности. Убивать их не хотелось, поэтому эльф принялся отмахиваться врукопашную, стараясь не причинять нападающим особого вреда. Справился без особых потерь, только искусили и исцарапали, ну да дорхот с ними. Избавившись от стаи обезьян, Тинувиэль вошел в ближайший коридор, проходящий скорее на пещеру, и не спеша пошел вперед.

Час шел за часом. Четверо учеников двигались по бесчисленным залам и коридорам черной пирамиды, сражаясь с непонятными чудовищами, минуя десятки ловушек. Они проползали по ржавым цепям над озерами лавы, ползли по полу, уворачиваясь от сотен маятниковых лезвий, попадали в тупики и выбирались из них, на остатках дыхания проплывали затопленными коридорами. Если бы кого-нибудь из друзей попросили потом описать ловушки полигона, они не смогли бы. Слишком этих ловушек было много, слишком они были разными. Главным желанием во все время прохождения оставалось одно: изловить как-нибудь строителей этого «чуда» и от души накостылять по шее. Надо же обладать столь извращенной фантазией! Все вбитые мастерами-наставниками навыкигодились ученикам, все уровни сверхскорости. Бой со стальными воинами вымотал каждого до такой степени, что едва ходить могли. Четверо не знали, что постепенно приближаются с разных сторон к центральному залу пирамиды.

Очередной коридор закончился. Санти потрогал промокший от

крови пластырь на груди и сдавленно зашипел. Больно, гадство! Уже и блокировка не помогает, боль прорывается сквозь нее. Скоморох настороженно уставился на яркий свет впереди. Что ему еще предстоит? Прикусив губу, рыжий направился туда. Опасность нужно встречать с открытым забралом. Выйдя в круглый зал, он ошеломленно замер. Мама родная! Это еще что такое? Арена цирка, похожа на арену столичного, где труппе дядюшки Балдура доводилось пару раз выступать. Как Санти мечтал когда-то заставлять тысячи зрителей падать на пол и надрывать животы со смеху. Да и сейчас мечтает, если не лгать самому себе. Он оглянулся. И зрители здесь... Только странные какие-то зрители. Сидят, молчат, даже не пошевелился никто. Лица мертвые, глаза пустые. Ни один ничего не ест, не показывает пальцами на арену, не переговаривается с соседями. Нет, люди так себя не ведут...

– А сегодня у нас в гостях величайший скоморох всех времен, знаменитый рыжий Сантиар! – завопил чей-то противный голос над самым ухом, и юноша даже подпрыгнул от неожиданности. – Смотрите! Вот он!!!

По арене колесом прокатился одетый в бело-красное трико паяц с лицом, раскрашенным самым диким образом. Он кривлялся, дразнился, орал, жонглировал, прыгал, пел. Зрители продолжали молча сидеть с каменными лицами. Жуть какая-то. Санти нервно поежился, непонимающе смотря на паяца. А тот продолжал свое представление, все время дергая юношу.

– Ну, что ты стоишь? – завопил сумасшедший шут. – Давай пошутим! Смотри, какая хорошая шутка!

Внезапно воздух перед скоморохом подернулся туманом, на фоне которого появился изможденный донельзя Энет, бок юного графа был залит кровью, пластырь уже не помогал. Он упрямо шел вперед по бесконечному коридору, то и дело уворачиваясь от летящих в него со всех сторон лезвий, стрел и сюрикенов.

– Смотри, какая шикарная шутка... – прошипел над ухом рыжего паяц и дернул выросший из пола рычаг.

Под Энетом в тот же момент провалился пол, и юный граф полетел вниз, на острые стальные колья. Каким-то чудом он успел упереться руками и ногами в стены, затормозив падение над самыми остриями. Его картаги упали на пол. А затем Санти впервые увидел

свойства призрачных мечей в действии. Энет внимательно посмотрел на них, и картаги сами собой прыгнули в ножны. Граф медленно пополз вверх. Рыжий закусил губу – а вдруг сорвется? Там ведь колья... Ой, мамочка родная. Шутка? Это паяц называет шуткой?! Санти всего трясло, пока Энет полз вверх, облегченно выдохнул он, только когда тот перевалился через край колодца, обессиленно распластавшись на полу. Под раненым графом немедленно начала расползаться лужа крови.

– Посмотри... – вкрадчиво прошепел над ухом паяц.

В другом туманном облачке Санти увидел настоящую арену столичного цирка. И на этой арене стоял он сам, а публика бесновалась, выкрикивая его имя. Скоморох протер глаза, но ничего не изменилось. Он давал представление! Он, никто иной! И какое представление! Рыжий начал хохотать почти сразу, забыв обо всем. Да, именно так! Только так! Почему, почему он не там, а здесь?! Единый, за что?! Вот она мечта, только не дотянешься, не потрогаешь руками, ничего не изменишь. Он горный мастер, а не скоморох, как ни больно это осознавать. Санти, едва не плача от обиды, отвернулся.

– Не плачь... – снова прошепел паяц. – Это все будет твоим. Мечта должна исполниться! Иначе и жить незачем. Я помогу тебе, я многое могу...

– Как? – прошептал скоморох, уставившись на раскрашенное лицо с надеждой.

– Ты выйдешь отсюда прямо там, на арене. Хозяин цирка сделает все, что я скажу. Ведь я тот самый безумный паяц...

Безумный паяц?! Единый Создатель, да как же он сам сразу не понял?! Конечно, конечно это тот самый бело-алый безумный паяц, о котором шепотом рассказывали страшные сказки все скоморохи. Если угодишь ему, то успех тебе обеспечен, никогда тебя не прогонят свистом с арены, никогда не забросают гнилыми овощами идохлыми кошками. Всегда получишь высокие сборы и не останешься голодным. А вот если разозлишь, то жди неприятностей. Любых. Когда разбился отец Санти, многие поговаривали, что Вил Эрхи чем-то рассердил безумного паяца. С тех пор повелитель циркачей не раз снисл сыну погибшего акробата, безумно хохотал и гонял по темным коридорам, крича, что все еще зол, что сын должен заплатить за отца. Мальчик с воплями ужаса вскакивал посреди ночи и долго

плакал в руках матери. А потом умерла и она...

– Что я должен сделать? – глухо спросил юноша, со страхом смотря на раскрашенное лицо.

– То, что любишь... Пошутить. Смотри!

Санти бросил взгляд на первое туманное облачко. Энет все так же с трудом шел по бесконечному коридору. А впереди... Впереди скоморох увидел, сам не понимая каким образом, скрытую под каменной плитой еще одну ловушку. Но на сей раз на дне ямы были не колья, а всего лишь отхожее место, переполненное дерьмом.

– Помнишь, как ты искупал вышибалу? – спросил паяц. – Я был тогда очень тобой доволен, я давно так не смеялся. Ты молодец, достойный мой последователь. Сделай это еще раз, я снова хочу посмеяться. Сделай – и уже этим вечером ты будешь давать представление на арене столичного цирка!

Он указал на выросший из пола рычаг, смотря на Санти с жадным ожиданием. Скоморох замер, уставившись на наполненные болью глаза друга, на его залитый кровью бок, разбитое лицо. Энет продолжал упорно ковылять, раздраженно отмахиваясь мечами от стрел и иных метательных предметов. Вспомнив, как сам совсем недавно так же шел из последних сил, рыжий вздрогнул. И вот сейчас этот бедняга рухнет в отхожее место?! Ощущения после такого падения Санти вполне мог себе представить. Да еще и страшная, рваная рана в боку. Как она, наверное, болит... Но, паяц... Да, паяц все еще выжидающе смотрел на скомороха и весело скалился.

– Выбирай... – почти неслышно сказал он. – Твой выбор. Только помни, что это твой последний шанс выйти на арену. Помни... Что ему сделается-то? Смешно ведь, как он барахтаться будет.

Смешно? Санти это почему-то смешным не казалось, впервые, наверное, за много лет. Он вспоминал, как они вместе с юным графом тренировались, поддерживали друг друга во всем, вместе шалили, вместе получали втык от старших мастеров, наставника, а то и от самого императора. И вот сейчас он обрежет раненого, истекающего кровью друга на падение в отхожее место? Смешно? Да нет, подло это.

– Давай! – глаза паяца горели лихорадочным огнем. – Он сейчас наступит на плиту. Ну же!

– А не пойти бы тебе куда подальше? – Санти криво усмехнулся.

– Зря... Тогда я сам.

Он дернулся к рычагу, но не успел. Нога скомороха взметнулась вверх, ударив паяца прямо в лицо. Тот вскрикнул и отлетел в сторону. Немного полежав, он медленно поднялся на ноги. Глаза паяца горели желтым огнем, из разбитого носа стекала черная кровь.

– Ты-ы-ы... – злобно прошипел он. – Ты-ы-ы пожале-е-ешь...

– Да ну? – весело рассмеялся Санти. С его души рухнул огромный камень – он свой выбор сделал. Друзья дороже даже мечты.

Картаги сами собой прыгнули в руки скомороха, наливаясь белым светом. Паяц испуганно пискнул и что-то прокричал. В глазах Санти мигнуло, и он оказался совсем в другом месте...

Неровный красноватый свет в конце коридора манил, но Храт почему-то никак не мог заставить себя двинуться дальше. Что-то его настораживало, чем-то этот свет был знаком, что-то напоминал. И орку было страшно. Почему? Он не мог объяснить, не мог понять, убеждал себя, что все в порядке, только страх почему-то не желал никуда уходить. Взяв себя в руки, Храт все-таки пошел дальше. Он смело шагнул из коридора и оказался в огромной пещере рурк-дхаладского родового зала. Создатель миров! Это что еще за чудеса такие? Как он сюда попал?! На длинных каменных скамьях восседали мрачные старейшины, на троне посреди зала сидел сам Хранитель Очага. И все они пристально, жестко смотрели на застывшего с широко распахнутыми глазами молодого орка.

Храт едва не позеленел от ужаса. Прийти без приглашения в родовой зал?! Во время заседания Кагала Старейшин?! Это же изгнание! Навсегда! Да как же это?! Ему бы в голову никогда не пришло лезть сюда без спроса. Если в Мроке сына старейшины могли и простить, сделав вид, что ничего не произошло, то в столице... Прощения святотатцу нет и не будет.

– Храт Сломанный Клык! – торжественно провозгласил Хранитель Очага. – Мы призвали тебя сюда, чтобы сказать: ты сделал невозможное. Твой народ гордится тобой!

Призвали?! Он облегченно перевел дух. Слава Создателю

Миров, изгнание святотатцу не грозит! Только как они смогли призвать горного мастера прямо с черного полигона? Чудеса, да и только. Впрочем, шаманы на многое способны, даже лучшим имперским магам не снились доступные орочьим волшебникам заклятия.

– Я счастлив служить народу урук-хай, Отец! – Храт низко поклонился. – Приказывайте!

– Ты возглавишь оборону крепости Врарх Роторм! – негромко сказал Хранитель Очага, требовательно смотря на молодого орка. – Мы на грани поражения, без воинов уровня горных мастеров мы обречены, святоши готовы к прорыву. Ты обучишь молодых егерей всему необходимому!

– Я готов, Отец!

Глаза Храта горели. Да, именно об этом он лихорадочно мечтал ночами! Об этом, ни о чем ином. Спасение всего народа в его руках, ни в чьих иных! Ради этого юноша бежал из дому, ради этого тренировался как безумный, ради этого отрекся от всего, что дорого. Теперь старшие братья никогда больше не осмелятся сказать, что он бесполезный гмырх. Пусть только попробуют! Командующий гарнизоном легендарной крепости Врарх Роторм, полтысячи лет сдерживающей наступление карвенцев? Да это же... Это больше, чем мечта, это что-то невозможное, невероятное. Величайшая честь! А ведь Храту нет еще и двадцати. Он гордо выпрямился, в глазах молодого орка горели едва сдерживаемые радость и торжество, его тянуло смеяться и прыгать, но приходилось держать себя солидно и уверенно. Кагал ведь может и передумать...

– Но случилась еще одна беда. – Хранитель Очага нахмурил кустистые брови. – Старый враг вышел из своих лесов и готовится нас уничтожить.

– Какой старый враг?

– Остроухие... – Старик опустил голову. – Они сговорились со святошами, жаждая стереть с лица земли саму память о нас.

– Создатель Миров! – Храт побелел.

– А ты стал кровным братом их разведчика... Стыдно, юный урук-хай.

– Тинувиэль не разведчик!

– Нам лучше знать! – Хранитель Очага рассерженно стукнул посохом об пол. – Не смей прекословить!

– Простите, Отец. – Храт опустил голову, лихорадочно припоминая поведение друга.

Что за чушь? Какой из этого изнеженного певца разведчик? Бард, он бард и есть. Молодой орк снова окинул взглядом старейшин, и что-то насторожило его. Почему они сидят так неподвижно? Как мертвые, право слово. Не чешутся, не переговариваются, даже не дышат, кажется. Только внимательно, пронзительно смотрят на него. От этих взглядов душа переворачивалась.

– Он не должен пройти испытание, – сказал Хранитель Очага. – Я не прошу убивать его, убить кровного брата – величайший грех и несмываемый позор. Но испытания Тинувиэль Эллевалериэ пройти не должен! Не должен стать горным мастером! Пусть с позором вернется домой.

Так вот для чего его выдернули прямо с испытания? Храт посмотрел на Кагал Старейшин с тоской. Почему-то должность командующего гарнизоном крепости Врарх Роторм мгновенно потеряла всякую привлекательность в его глазах. Старейшины требуют от него предать друга... Да как же это? Да, эльф, да, остроухий. Но друг. Даже больше – брат. Кто-то из шаманов поднял руки и в сгустившемся неподалеку тумане возник Тинувиэль. Бедняга выглядел настолько изможденным, что Храту сразу захотелось оказаться рядом и подставить плечо. Как обычно этот бард недоделанный куда-то вляпался, вон, весь изранен...

– Останови его, – в голосе Хранителя Очага звучала угроза. – Он не должен дойти до центрального зала пирамиды.

– А откуда вы знаете, что это пирамида? – подозрительно прищурился молодой орк.

– Мы многое знаем. Последний раз прошу тебя – останови его! Добром прошу. Один-два удара, он потеряет сознание и опоздает к выходу.

Создатель Миров, да старейшины ли это? Никогда до сих пор Храт не слышал, чтобы старейшины, а тем более Хранитель Очага, предлагали кому-нибудь совершить подлость. Или предлагали, но об этом никто не знал? Тоже возможно. Как узнать правду? Откуда-то из глубин души поднималось отчаяние. Ну не мог он, не мог предать

брата! Невозможно это! Как же они не понимают? Да после такого поступка только глотку себе распороть... Нельзя после такого жить! Нельзя! Храт едва не плакал, с надеждой всматриваясь в лица старейшин. Увы, в их глазах горела непреклонность. Он опустил голову, руки тряслись.

– Ты предпочитаешь изгнание? – голос Хранителя Очага скрежетал. – Вместо того чтобы перед тобой преклонялись твои сородичи? Выбирай, Храт Сломанный Клык. Ты уже взрослый, имей смелость нести ответственность за собственный выбор.

– Я не предам кровного брата... – мертвым голосом ответил молодой орк. – Не предам.

– Ты выбрал, – презрительно скривился старик. – С этого момента ты больше не принадлежишь к народу урук-хай. Ты изгнан! Не советую появляться в Рурк-Дхаладе, даже твой ранг посла не спасет тебя от справедливого возмездия.

– Там посмотрим! – Храт не заметил, что его глаза стали алыми от ярости, в руках сами по себе появились того же цвета картаги. – Меня не так просто убить! Не верю вам, не могли старейшины моего народа предложить мне совершить подлость!

– Угрожаешь? – Хранитель Очага насмешливо оскалил клыки, однако в его глазах, устремленных на пылающие алым огнем мечи, виден был откровенный страх. – Убирайся, предатель!

У Храта на мгновение закружилась голова, и он оказался совсем не там, где был только что...

В глазах темнело, ноги подкашивались, рана на боку болела так, что Энэт едва сдерживался, чтобы не заплакать. После неожиданного падения в яму с кольями ему стало совсем плохо. Сейчас юный граф использовал последние резервы жизненных сил, не представляя, как станет драться, если придется. От стрел он еще кое-как отбивался, да и то не от всех, две или три торчали в спине, вонзившись, по счастью, неглубоко. Но оптимизма новые раны не добавили. Отнюдь.

Впереди показалось пятно света. Энэт остановился, с недоумением посмотрев туда. Что это? Очередной «приятный» сюрприз? Похоже. Единый, как же все это надоело! Уже не верилось, что он выйдет живым из этой кошмарной пирамиды. Граф поковылял

дальше и внезапно вышел в огромный зал, заставленный бесчисленными стеллажами с книгами. Он в недоумении остановился. Библиотека? Здесь?

– Добрался, касатик мой, ой, добрался! – раздался неподалеку чей-то кудахчущий голос. – Слава тебе, Создатель! Ой, как же долго я тебя поджидал, ой, как же долго. Устал ждать-то!

Из-за ближайшего стеллажа выскочил белый как лунь, сухонький старичок и бодро засеменил к Энету, опираясь о суковатую палку. Он казался каким-то запорошенным, пыльным, пролежавшим все это время (а какое время?) в забытом всеми древнем сундуке. Граф с недоумением посмотрел на него. Это что еще за явление?

– Исполнилась твоя заветная мечта, исполнилась, касатик... – волновался старичок, наворачивая круги вокруг юноши.

– О чем вы? Какая мечта?

– Как это, какая? А попасть в библиотеку, где все знания мира запрятаны?! Не мечтал, скажешь? Вот ты сюда и попал, касатик, вот и попал. Все здесь, все, чего душенька пожелает. Даже писания самого Элиана имеются! Только тебя и жду! Старый я. Устал. Ученик нужен. Хранитель библиотеки!

Энет замер. Единый Создатель! Он попал в ту самую легендарную библиотеку, где хранились погибшие и ненаписанные книги всех времен и народов? Сколько сказок, сколько легенд, сколько глупых рассказов о ней ходило. Каждый настоящий книжник или ученый в мире мечтал когда-нибудь попасть сюда и вдоволь порыться на бесчисленных полках. Понятно, что мало кто осмеливался говорить вслух о том, что верит в существование великой библиотеки, не хотелось выставить себя на посмешище, но втайне... Да, втайне мечтал каждый. Энет не составлял исключения. Он застыл, зачарованными глазами пробегаясь по корешкам книг, свиткам пергамента, деревянным табличкам, клинописным глиняным плитам. Даже раны были мгновенно забыты. Книги, Единый, сколько книг!

– Идем, касатик, идем! – продолжал волноваться старичок, таща ошеломленного юношу за руку куда-то в глубину зала. – Ларта поьем, поговорим. Тебе теперь спешить некуда, пришел уже.

– Как это некуда? – оторопел Энет. – А испытание?!

– Да на кой оно тебе, – отмахнулся библиотекарь. – Не надо оно тебе. Книги! Посмотри сколько книг!

Юноша посмотрел. Впечатлило. Настолько впечатлило, что захотелось немедленно зарыться в каталоги и перебирать, перебирать, перебирать книгу за книгой.

– А... А правда, что здесь рукописи Элиана Завоевателя есть? Вы не лжете? Разве он писал что-нибудь?

– Да чего ж мне тебе брехать-то, касатик? – удивился старичок. – Незачем оно мне. Щас покажу.

Он поковылял куда-то за стеллажи и вскоре вернулся с огромной, походящей на амбарную книгой. Положил на стол неподалеку, сдул пыль с обложки и открыл.

– Ходь сюды, касатик!

Энет нерешительно подошел. Книга вызывала уважение одним своим древним видом. А когда юноша бросил взгляд на первую страницу, у него затряслись руки. Почерк Завоевателя, угловатый, необычный нельзя было спутать ни с каким другим. Никто больше так не писал. Ни до, ни после. Он посмотрел внимательнее и едва не задохнулся. Дневник первого императора! Единый Создатель! Дневник! Можно узнать всю правду до последнего слова, а не жалкие ошметки. Энет буквально вцепился в книгу, глаза его пылали лихорадочным огнем, руки тряслись. Однако старичок оказался проворнее и выхватил свое сокровище из-под самого носа юноши, спрятав за спину.

– Э-э-э, нет, касатик... – хитро прищурился он. – Э-э-э, нет. Ты попервах выбери, чаво тебе важнее, а там уж читай скоко влезет.

– Что выбрать? – удивился граф.

– Как чаво? Али бушь моим помощником тута – тады читай. Али испытание свое дурное – тады иди себе. Неча живым тута делать, не для вас оно.

– Так вы мертвый? – побледнел Энет.

– А то как же! – мелко захихикал старичок. – А то как же, касатик! Давно мертвый, третью тыщу лет уж. Но и живой.

– Это как? – растерялся юноша.

– Так. Ты думай, думай, оно полезно.

– Мне тоже умирать придется?

– Придется, придется, – суетливо закивал библиотекарь, ехидно скалясь. – Да ты не бойсь, оно не больно. Глазки прикроешь, я Слово скажу, и усе. Сядешь и читать бушь, хоть до посинения. Спать не надо, есть не надо. Ничо не болит никода. Благодать!

– А как же ребята?

– Да плюнь ты на них, – посоветовал старичок. – Сдались они тебе! Дурачье дурачем.

Дурачье? Может, и так. Только вот вспомнилось, как Храт тащил его на себе, ворчал, но тащил, а потом осторожно массировал, помогая ожить. Заботился, как о малом ребенке. Вспомнились совместные с Санти шкоды и забавы, за которые не раз влетало от отца, наставников и императора. Вспомнились загадочные глаза Тинувиэля и его невероятный голос. А главное, Лек. Если бы не он, то Энета давно и на свете не было бы. Одно за другим перед юным графом проходили лица друзей. Внезапно показалось, что он стоит на опушке леса, постепенно врастая ногами в землю, а от него вдаль уходят израненные, измученные четверо. Энет зовет их, но они не слышат, они уходят все дальше и дальше. А ведь они правы – что слушать предателя? Ведь если он останется, то это именно предательством и будет. Ничем иным. Стоят ли такой цены все знания мира? Юноша прикусил губу и медленно, отрицательно покачал головой. Нет, не стоят. Нет ничего, за что стоило бы платить предательством. Он с тоской окинул взглядом бесконечные книжные полки, закусил губу, отвернулся и направился к выходу.

– Ой, и дурак же ты, касатик, ой, и дурак же... – с сожалением бормотал в спину уходящему юноше старичок, семена следом. – Хоть бы подумал чуток, а то сразу...

Энет не слушал его, он старался не смотреть на книги, содержащие столько всего интересного. Но, если разобраться, то к чему все эти знания, если он никогда больше отсюда не выйдет? Знание ради знания? Оно нужно, чтобы помочь другим, а не ради себя самого. Знать все, но сидеть здесь сиднем, ничего не предпринимая? Зачем тогда знать? Просто так, из интереса? Глупо. Юноша обернулся и посмотрел на старичка с искренней жалостью. Тот уловил эту жалость и остановился. Потом разочарованно

вздохнул и махнул рукой. В глазах Энета на мгновение потемнело, и он оказался совсем в другом месте...

Дыхание перехватывало, израненное тело отказывалось слушаться, за спиной оставалась цепочка кровавых следов. Тинувиэль из последних сил отмахивался от стрел, выкарабкивался из ловушек, сражался с кем-то, но убей его Свет, если помнил с кем. С какими-то многорукими чудищами, кажется, потом со стальными воинами и непонятными хищными зверями. Эльф чувствовал, что все, что, скорее всего, он из этой пирамиды не выйдет. Впереди показалось светлое пятно. Снова ловушка? Свет, как же это надоело... Принц зло передернул ушами и двинулся дальше, на всякий случай приготовившись к бою. Он осторожно шагнул вперед, закрыв глаза, не полагаясь на них, благо чувство опасности ему натренировали достаточно, вполне способен отбиваться вслепую.

– Тини! – позвал его нежный голосок. – Ты собрался меня убить?

– Алливи! – вскрикнул эльф, роняя мечи и распахивая глаза. – Ты?!

Всеблагий Свет! Это еще что такое?! Как такое возможно?! Тинувиэль находился дома, в Эльваране, а напротив стояла, недоуменно растопырив ушки в стороны, его старшая сестра, среброволосая красавица, по которой вздыхала добрая половина молодых эльфов Гиинеля, столицы и единственного города древнего народа. Девушка за прошедшие с их последней встречи восемь месяцев стала еще красивее, если такое вообще было возможно. А рядом... Рядом стоял отец, Фартаэль Эллевалериэ, Хранящий Свет, владыка Эльварана. И мама... И предводители Зеленой Стражи... И двое высших магов... Ой.

– Набегался? – хмуро спросил Фартаэль. – Эх, сынок-сынок, задал ты мне головной боли. Здравствуй, что ли.

– Здравствуй, папа. – Принц поежился, пытаясь понять, как он оказался дома. – Я добился своего. Ты меня с испытания выдернул.

– С испытания? – Уши его отца вздернулись вверх. – Это как понимать?

– На черный шнурок. Я выковал свои картаги, ставшие мечами Жизни.

– Не смейся меня, мальчишка! – отмахнулся владыка Эльварана. – Мечи Жизни – старая и глупая сказка. Снова твои идиотские фантазии! Надоело уже.

– Фантазии?! – Тинувиэль от обиды до крови закусил губу.

Значит, в глазах отца он все еще ничтожество?! Значит, все его усилия ничего не значат?! Значит, они пошли насмарку?! Что ж, сейчас он им всем докажет! Принц зло оскалился, протянул руки вверх и призвал силу Жизни. Картаги прыгнули ему в ладони, запыхав яростным зеленым огнем, глаза юного эльфа приняли тот же цвет, тучи над ним свернулись в воронку, закручиваясь в смерч. С неба рванулись тысячи зеленых молний, они били в Тинувиэля, и юный эльф горел, хохоча во все горло. В глазах Фартаэля появилось сначала изумление, а затем и страх. Он неверяще смотрел на окутанного пламенем младшего сына, которого смерч поднял в воздух и носил над поляной, как ветер носит листья осенью. Такое было не под силу ни одному из эльфийских магов. Тинувиэль, между тем, мягко опустился на поляну, погасил мечи, спрятал их в ножны и победно улыбнулся.

– Значит, старая и глупая сказка? – насмешливо спросил он.

– Теперь вижу, что нет... – задумчиво сказал Фартаэль. – Ты меня удивил. Откуда у тебя эти мечи?

– Выковал. Своими руками. Но заготовки получил в Доме Стали города Тарсидара. Меня учил сам император! Не только он, конечно, но и он тоже.

– Даже так? – Владыка Эльварана нервно передернул ушами. – И что же понадобилось от тебя этому колдуну?

– Не знаю, – пожал плечами принц. – Да и какая разница? Говорят, мы те самые пятеро, что в пророчестве Пятерых.

– Пятеро?! – побелел Фартаэль, переглянувшись с мгновенно постаревшими магами. – Но тогда среди вас должен быть орк...

– Да. Мой кровный брат Храт Сломанный Клык.

– Ты побратался с орком?! – ужаснулась Алливи. – С чудовищем?!

– Никакое он не чудовище! – обиделся за друга Тинувиэль. – Ты бы видела, как он рисует! Валлаэлю до него далеко.

– Теперь мне понятна причина увядания... – мрачно пробормотал Фартаэль. – Как же ты мог, сын мой? Неужели ты не знал, что случится, если эльф смешает свою кровь с орком? Ты ведь изучал каноны...

– Какие каноны? – растерялся принц, не понимая, что имеет в виду отец.

– Какие?! – раздраженно переспросил тот. – А такие! Иди сюда.

Тинувиэль подошел. И сразу просиял улыбкой. Отец-дерево! Его отец-дерево. Принц нежно коснулся пальцами коры, позвал и настороженно замер. Никто не ответил на призыв! Дерево молчало, как будто было мертвым! Оно отвергало своего воспитанника...

– Твое дерево умирает. – Фартаэль внимательно посмотрел на сына. – Когда Зеленая Стража сообщила мне об этом, я кинулся сюда. Увы, это оказалось правдой. Такое, как ты знаешь, случается только тогда, когда умирает связанный с деревом эльф. Мы выдернули тебя сюда усилиями лучших магов Эльварана, а ты оказался кровным братом орка... Ты хоть понимаешь, что стал своей родине чужим?

– Чужим? – растерялся принц. – Но почему?!

– Ты еще спрашиваешь?! В твоих жилах теперь течет кровь врага! Ты должен отречься от него. Или...

– Или что?

– Или уходи и никогда больше не возвращайся.

– Отец! – с ужасом воскликнула Алливи. – Как ты можешь?!

– Я – Хранящий Свет! – отрезал Фартаэль. – На мне ответственность за всех эльфов Эльварана! Если кровный брат твари Тьмы останется среди нас, то деревья-покровители отвергнут наш народ. Ты понимаешь, что это значит, девчонка?! Мне больно от того, что Тинувиэль – мой сын!

– Тини, мальчик мой... – К ошеломленному принцу протянула руки мать, Ланлиэли, самая прекрасная женщина эльваранских лесов. – Зачем тебе этот орк? Отрекись...

– Отрекись, сын... – поддержал жену Фартаэль. – Отрекись.

– Отрекись, юный эльф... – выступил вперед Дамаэль, самый сильный эльфийский маг. – Или уйди.

– Тини! – вскрикнула Алливи, с болью смотря на брата. – Ну на что он тебе сдался? Отрекись!

Тинувиэль отчаянно звал отца-дерево, всей своей сущностью звал, но оно молчало, презрительно игнорируя его призывы. Только в шуме листвы звучало то же самое страшное слово: «Отрекись!» Да как же это? Неужели они не понимают, чего требуют? Нельзя отречься от кровного брата – это предательство! Даже хуже, чем предательство... Подлость. В глазах принца застыли слезы, он неверяще смотрел на отца, мать, сестру. Но в их глазах не было ничего, кроме требования отречься. А он вспоминал, сколько раз Храт спасал его от последствий собственной безалаберности, сколько раз тащил на спине, когда Тинувиэль падал без сил. Разве можно все это забыть? Никак нельзя.

– Но я ведь носитель мечей Жизни... – неуверенно пробормотал он.

– Мечи Жизни пригодятся нашему народу. – Фартаэль резко кивнул. – Когда мы начнем войну, они могут помочь.

– Войну? – удивился Тинувиэль. – Какую войну? Зачем?

– Люди с орками загнали нас сюда, на крайний юг, – зло усмехнулся владыка Эльварана. – Мы ничего не забыли и ничего не простили. Этот мир должен принадлежать эльфам, сын. Наш долг уничтожить захватчиков. И мечи Жизни могут в этом помочь.

– Но есть ведь и другие великие мечи...

– Другие?

– Каждый из нас получил пару великих мечей. Храт носит алые мечи Ярости, Энэт – синие мечи Мудрости, Санти – белые мечи Света.

– Мечи Света пришли в мир?! – Фартаэль едва не подпрыгнул от такого известия. – Почему они не у тебя?!

– Не знаю, – пожал плечами Тинувиэль. – От меня там ничего не зависело.

– Но ты говорил о пяти парах великих мечей. – Владыка Эльварана пристально посмотрел на сына. – Какова же пятая?

– Черные мечи Тьмы. Их носит наш наставник, Лек ар Сантен.

Эльфы спали с лица, посмотрев на принца с откровенным ужасом. У магов вообще начали дрожать руки, такого Тинувиэль не видел ни разу.

– Твой наставник служит Тьме?! – Алливи отшатнулась от брата.

– Никому он не служит! – рывкнул в сердцах Тинувиэль, едва не плача от отчаяния – да что они все, с ума посходили? Не были же они раньше такими! Никогда не были!

– А...

– Нас не спросили, на нас эти мечи свалились, как птичье дерьмо на голову! И все мы – кровные братья!

– Не нужны эльфу люди и орки в кровных братьях! – отрезал Фартаэль. – Да, я предпочел бы иметь мечи Жизни в Эльваране. Но только если их носитель будет истинным эльфом. Отрекись и оставайся дома, мы будем рады тебе, сын.

Отречься? Не только от Храта, а от всех? От Санти? От Энета? От Лека? Перед глазами вереницей проплывали лица друзей. Нет, не мог он от них отречься. Не мог. Свет, до чего же больно... Душа рвалась на части, плакала, стонала. А ведь если не отречется, его изгонят... Он станет чужим для Эльварана. Навсегда чужим. Но отречься? Нет... Даже ради родного дома нельзя уродовать свою душу, ни в коем случае нельзя. Юный эльф опустил голову. Он уже принял решение, только боялся признаться в нем даже самому себе.

– Я не могу предать... – Принц поднял голову. – Отец, я не могу!

– Ты мне не сын! – выплюнул Фартаэль, брезгливо кривясь. – У меня нет больше сына по имени Тинувиэль!

Принц зашатался, ноги его не держали. Такой страшной, такой раздирающей душу боли он никогда еще не испытывал. За что? За то, что он не хочет становиться предателем? Отец ведь сам говорил, что нельзя предавать друзей! Сам! Отец, да как же ты можешь? Как?!

Тинувиэль попытался поймать взглядом глаза матери и сестры, но они отворачивались, не желая смотреть на отступника. Значит, он для них чужой только потому, что не способен предать друзей? Свет, да как же это? Ведь Фартаэль с детства учил его, что нельзя предавать, никого, никогда. И сам же теперь требует предательства...

Юный эльф долго еще стоял и молча смотрел на родителей, а

затем повернулся и пошел, куда глаза глядят. Он почти ничего не видел вокруг, все скрывала какая-то пелена, ноги дрожали и подгибались, руки тряслись. Ему сейчас хотелось только одного – умереть, не чувствовать этой пронзительной, не поддающейся описанию боли. Тинувиэль не знал, сколько он шел, но внезапно на кого-то натолкнулся.

– Тини, мать твою, зараза ушастая! – раздался знакомый рык. – Ты когда под ноги смотреть научишься?! Больно же!

Принц ошеломленно открыл глаза – и замер. Эльваранский лес куда-то подевался, он, Тинувиэль, стоял в огромном пирамидальном зале черного цвета. Перед ним скорчился, сипя от боли, Храт. Эльф натолкнулся на него, и раненая нога орка подвернулась. Рядом сидел на полу прямо в луже крови изможденный до синевы Энет. Неподалеку от него бинтовал руку Санти, тоже, видимо, потерявший немало крови.

– Ребята... – Тинувиэль развесил уши в стороны. – Ребята...

Он сел на пол и тихо заплакал. Раны, которые в лесу не болели, снова начали болеть, да так, что дыхание перехватывало. Только душевная боль была куда как сильнее.

– Ну, чего ты... – присел рядом Храт. – Не баба.

– Меня из дому изгнали... – всхлипнул принц. – За то, что вас предавать отказался...

– Меня тоже... – помрачнел орк. – И за то же самое.

– А я от мечты отрекся... – пробормотал Санти.

– И я... – тяжело вздохнул Энет.

– А зря! – прогремел под потолком чей-то насмешливый голос. – Вы отреклись от самих себя. Значит, умрете!

Из множества ведущих в зал коридоров начали выходить люди, орки и эльфы. С мечами. Не сразу друзья поняли, что смотрят на самих себя. Их шли убивать бесчисленные Храты, Энеты, Сантиары и Тинувиэли. Четверо переглянулись и с трудом, поддерживая друг друга, встали, обнажив картаги. Умирать следовало с достоинством.

– Моя кровь – ваша кровь, братья! – прохрипел оскалившийся орк, тяжело дыша, – сил не осталось ни на что.

– Моя кровь – ваша кровь! – повторил принц, сморщив уши. – Наше время, похоже, пришло. Встретимся там!

Вслед за ними ту же фразу произнесли Санти с Энетом. Четверо друзей молча стояли и ждали начала своего последнего боя. Они ни о чем не жалели. Выбор был сделан, и жалеть о нем глупо, да и недостойно. Они просто стояли и ждали, не замечая, что их мечи медленно разгораются цветами Жизни, Мудрости, Ярости и Света. Это уже не имело никакого значения, все осталось позади. За все было заплачено, все долги отданы. Мосты были сожжены. Если бы кто-нибудь посмотрел на них со стороны, то удивился бы. Обреченные на смерть улыбались. Глаза каждого были широко распахнуты навстречу иному миру, который уже открывал свои ворота, заливая все вокруг нездешним светом. И какая разница, что пирамида над головой начала раскрываться, а за спиной каждого медленно растут крылья? Да никакой!

Лек ломал пальцы уже который час, не зная, что и думать. Никто еще не задерживался в пирамиде на такой срок. Никогда! Неужели погибли? Не дай Единый Создатель! Он не видел, что император волнуется не меньше его. Да и Ланиг с Керталом тоже мерили нервными шагами площадку у подножия гигантского монолита. Все они успели полюбить четверых оболтусов.

– Твое величество! – донесся до Марана голос одного из эльдаров. – Смотри! Это же...

Император посмотрел вверх и ошеломленно замер. Верхушка пирамиды раскрывалась! Медленно расходились в стороны черные лепестки странного цветка, чего никогда еще не случалось. Ни в одной хронике не описывалось ничего подобного, ученики входили в пирамиду и выходили из нее через одну и ту же дверь. Иных отверстий в черном монолите не было! Что происходит? Но какое-то воспоминание не давало покоя, что-то он читал об этом. Но что? Маран лихорадочно припоминал. А припомнив, застыл как изваяние. То же самое пророчество Пятерых. «И взлетят они, пять птиц, над памятью Тьмы, и станут крылаты над черным цветком».

– Крылаты... – прошептал император. – Крылаты... Создатель, неужели свершилось?

Свершилось. Над раскрывшейся черной пирамидой медленно

всплывали в небо четыре фигуры, горящие неземным светом. За спиной каждой бились полупрозрачные, почти невидимые крылья. У каждого своего цвета. Белые. Алые. Синие. И зеленые. Летящие казались ангелами, пришедшими из небесных сфер. Но это были не ангелы, это были два человека, эльф и орк. Крылатые. Совсем как на рисунках Храта.

– Что это? – непонимающе спросил Лек.

– Не что, а кто, – ответил его величество, руки императора дрожали. – Твои ученики. Что же ты стоишь, парень? Лети к ним, они тебя ждут!

– Лететь?! – Изумлению горца не было предела. – Как?!

– А никак! Просто бери и лети!

Просто? Хорошо же! Лек трясущимися руками обнажил картаги и призвал их силу. Лезвия медленно загорелись черным огнем, за спиной выросли черные полупрозрачные крылья. Он одним прыжком взметнулся в небо и понесся к парящей там четверке. Друзья радостно встретили наставника.

Только немногие свидетели чуда, стоявшие у подножия пирамиды испытаний, могли видеть парящих в недоступной человеку выси Пятерых. Крылатые хохотали, купались в океане разноцветного пламени и летели. Ничто больше не имело значения, только они и небо. Все остальное осталось внизу.

Иерусалим, январь—июнь, 2005

notes

Примечания

Мерх – напоминающее небольшого ящера животное, шершавая шкура которого использовалась в Элиане для изготовления рукоятей мечей.

Сторк – запретный в империи сильный наркотик, вызывающий привыкание с первого употребления. Его курят или жуют стебли. За распространение, по элианским законам, положена смертная казнь вне зависимости от социального статуса. Наркоманов лечат очень просто – запирают в камеру-одиночку и дают только воду. Выживет – его счастье. Не выживет – туда и дорога.

Тавн – животное, напоминающее земного кита небольшого размера, только с очень прочной шкурой. Охота на тавна трудна и опасна, далеко не каждый гарпунер способен пробить его шкуру.

Гмырх – на редкость тупое, медлительное, злонравное и упрямое животное, изредка используемое орками для перевозки грузов. Напоминает помесь слона, осла и носорога.

Третий приказ – условное название службы безопасности Элианской империи. Контролируется советом мастеров-наставников боевого братства.

Габт – уродливая вонючая рептилия, живущая на южном побережье приполярного острова Рапек, где расположен город Мрок.

Летэн – эльфийский походный хлеб. При соответствующем хранении сохраняет свежесть и вкусовые качества в течение нескольких лет.

Ларт – тонизирующий напиток, напоминающий чай. Делается из настоя листьев и лепестков лартовых кустов, растущих только в экваториальных областях материка Аладан.